ПОЛИС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. В. Мерсиянова
Л. И. Якобсон

Потенциал и пути развития филантропии в России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/potencial_i_puti.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
http://www.hse.ru

URL:http://www.civisbook.ru

Потенциал и пути развития ФИЛАНТРОПИИ В РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Потенциал и пути развития ФИЛАНТРОПИИ В РОССИИ

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики

Москва, 2010

УДК 334.012.46
ББК 65.278
П64

Авторский коллектив:
В.Б. Беневоленский (гл. 1, 4, 5, заключение),
И.В. Мерсиянова (гл. 1, 6–10, заключение), *Т.Ю. Сидорина* (гл. 2),
И.И. Солодова (гл. 9, 10), *А.С. Туманова* (гл. 1, 3),
Л.И. Якобсон (введение, гл. 6).

П64 **Потенциал** и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. — Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 419, [1] с. + 8 с. цв. карт. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0801-5 (в пер.).

Основная цель монографии — предоставить объективную информацию о существующих сегодня в России практиках филантропии в контексте мировой и отечественной истории благотворительной деятельности, на фоне международных сравнений масштабов и потенциала филантропии и на базе результатов конкретных эмпирических социологических исследований. По итогам проведенных исследований в работе выделяются условия, которые, по мнению авторов, могли бы способствовать активизации филантропии как ресурса развития страны, обеспечить «встраивание» России в глобальный контекст филантропической деятельности. На обширном эмпирическом материале характеризуются социальные практики благотворительности в России — добровольческая деятельность и денежные пожертвования россиян, практики корпоративной благотворительности и проблемы формирования донорских сообществ.

Адресована специалистам — социологам, политологам, юристам, экономистам, историкам, философам, психологам, студентам всех уровней перечисленных дисциплин, российскому экспертному сообществу, представителям донорских организаций и некоммерческого сектора и всем интересующимся возможностями и путями развития филантропии в России.

УДК 334.012.46
ББК 65.278

Издание осуществлено в рамках программы
фундаментальных исследований
Государственного университета — Высшей школы экономики
и при поддержке компании «Evolution & Philanthropy»

ISBN 978-5-7598-0801-5

© Беневоленский В.Б., Мерсиянова И.В., Сидорина Т.Ю., Солодова И.И., Туманова А.С., Якобсон Л.И., 2010
© Оформление. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010

Оглавление

Введение 7

Часть I. Филантропическая деятельность: подходы к определению и исторический экскурс

Глава 1. Филантропия: многомерное понятие в развитии 15

1.1. Эволюция определения и цели филантропической деятельности 15
1.2. Исследования филантропической деятельности в России и за рубежом 23

Глава 2. Исторический контекст становления и развития филантропии в зарубежных странах 36

2.1. Благодеяние, дарение, жертвование как основа традиций филантропии в эпоху Античности 36
2.2. Деятельность благотворительных учреждений в Средние века 39
2.3. Развитие благотворительной деятельности в Европе в Новое время: рост коллективной филантропии 43
2.4. Возникновение национальных государств и особенности благотворительной деятельности в европейских странах 45
2.5. Благотворительность в европейских странах и США в XIX в. 47
2.6. Благотворительная деятельность в условиях усиления роли государственной социальной поддержки в конце XIX — начале XX в. 51

Глава 3. Благотворительность и общественное призрение в истории России X — начала XX в.: институционализация в контексте общественного развития 54

3.1. Генезис благотворительности в средневековой Руси. Соотношение частного и общественного начал в деле помощи неимущим 54
3.2. Благотворительность и общественное призрение в Российской империи в XVIII в. Создание государственных органов призрения неимущих 59

3.3. Государственная форма призрения неимущих с привлечением общественного и частного элементов. Благотворительные ведомства и учреждения XIX в., «на особых основаниях управляемые» 65
3.4. Организация общественного призрения во второй половине XIX — начале XX в. на основе сочетания государственного, муниципального и частного начал 76
3.5. Благотворительные общества Российской империи в XIX — начале XX в. 87

Часть II. Глобальный контекст развития российской филантропии

Глава 4. Основные тенденции развития филантропической деятельности в мире 115

4.1. Сравнительная оценка масштабов и потенциала филантропических ресурсов 115
4.2. Цели и общественные приоритеты филантропической деятельности 124
4.3. Институциональная инфраструктура филантропической деятельности 132
4.4. Некоторые проблемы эволюции организационной культуры филантропической деятельности 146
4.5. Государственное стимулирование филантропической деятельности 152

Глава 5. Финансовый кризис 2008–2009 гг. и ресурсы благотворительной сферы 163

5.1. Добровольчество и индивидуальные пожертвования 163
5.2. Ресурсы благотворительных фондов 170

Часть III. Практики индивидуальной филантропии в России

Глава 6. Денежные пожертвования — наиболее массовая филантропическая практика 187

6.1. Вводные замечания 187
6.2. Мотивы крупных жертвователей: реальные и предполагаемые 191
6.3. Распространенность массовых пожертвований и их основные формы 197

6.4. Социально-демографические факторы участия
в массовых денежных пожертвованиях 202
6.5. Экономические факторы участия
в массовых денежных пожертвованиях 213

Глава 7. Вовлеченность россиян
в добровольческую деятельность 222

7.1. Подходы к определению понятия «добровольчество» 222
7.2. Формальное и неформальное добровольчество 227
7.3. Детерминанты добровольческой деятельности 234
7.4. Перспективы участия россиян в добровольчестве 245

Глава 8. Самоорганизация по месту жительства
как сфера реализации благотворительной
деятельности россиян 252

8.1. Территориальное общественное самоуправление
как социальный институт и сфера реализации
интересов населения 252
8.2. Вовлеченность населения в территориальное
общественное самоуправление 258
8.3. Вовлеченность россиян в повседневные практики
самоорганизации и благотворительности
по месту жительства 269
8.4. Благотворительные ресурсы актива
жилищной самоорганизации 274

Часть IV. Институциональная филантропия в России

Глава 9. Корпоративная благотворительность в России
и проблемы формирования донорского сообщества 283

9.1. Сетевые взаимодействия доноров: к вопросу
о существовании донорского сообщества 289
9.2. Задачи и направления корпоративной
благотворительной деятельности 302
9.3. Ключевые формы реализации
благотворительности 319
9.4. Политика корпоративной благотворительной
деятельности 327
9.5. Коммуникативные практики корпоративных
доноров в информационном пространстве 337

Глава 10. Фонды местных сообществ
как институциональные посредники
благотворительности в России 350

10.1. Организационные структуры и роли ФМС 351
10.2. Взаимодействие ФМС с органами власти 368
10.3. Источники финансирования ФМС 377
10.4. Коммуникационные стратегии ФМС 387
10.5. Направления развития ФМС в России 396

Заключение 404

Сведения об авторах 415

Указатель имен 416

ВВЕДЕНИЕ

Экономические, социальные, политические и культурные преобразования последних десятилетий сформировали предпосылки для появления в нашей стране институтов филантропии, характерных для обществ, которые прошли путь модернизации. Немалое число фактов свидетельствуют о разворачивающемся процессе их становления, при том что протекает он не гладко, не вполне гармонично, а подчас и противоречиво. В подобных обстоятельствах было бы естественно проведение широкого круга исследований данного процесса как со специфических позиций различных общественных наук, так и в контексте междисциплинарного синтеза. Однако на деле филантропическая активность в России изучается пока по большей части фрагментарно.

Недостаток внимания к филантропии, по-видимому, коренится в привычном не только для советского, но и для постсоветского обществоведения парадоксальном сочетании недоверия к альтруистическим устремлениям личности с надеждой на альтруизм государства. Так, в подавляющем большинстве отечественных работ, посвященных социальной проблематике, частная благотворительность даже не упоминается. Основные же усилия авторов чаще всего затрачиваются на обоснование требований к политике государства в области распределения доходов, здравоохранения, образования и т.п. При этом за скобками остается вопрос, в чем практический смысл этих требований, коль скоро государство контролируют люди, не склонные к филантропии в частной жизни. В данном случае не важно, идет ли речь о государстве авторитарном или демократическом и соответственно — об эгоизме правителей или рядовых избирателей. На самом деле в подтексте подобных работ — а они абсолютно преобладают в отечественной литературе по социальной политике — довольно легко обнаруживается привычная тоска по справедливому властелину, который, руководствуясь «научно обоснованными» рекомендациями, стал бы железной рукой насаждать идеалы, не просматривающиеся в повседневной жизни[1].

---

[1] Подробнее см.: *Якобсон Л.И.* Социальная политика: попечительство или солидарность? // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 69–80.

Между тем свободные филантропические практики не исчезали в нашей стране даже на пике огосударствления общественной жизни. Сегодня их развитие — один из основных аспектов становления гражданского общества. Внимание же к реалиям гражданского общества, в том числе филантропии, и навык воспринимать политику государства как результат и внешнее выражение процессов, происходящих в гражданском обществе, — важный признак заживления травм, нанесенных отечественному обществоведению в советский период. К сожалению, травмы пока ощутимы; не преодолена болезненная зацикленность на государстве как якобы самодовлеющей силе, формирующей состояние общества, а не отражающей это состояние. Это придает особую значимость изучению гражданского общества, и в частности филантропии. Пристально вглядываться в их ростки, осмысливать происходящее в данной сфере, помогать быстрее и рациональнее формировать институты и инфраструктуру филантропической активности — не только исключительно интересная исследовательская задача, но и непосредственный вклад в оздоровление российской общественной мысли в целом.

Разумеется, речь не идет ни о намеренном преувеличении сложившихся на сегодня масштабов, качества и результативности частной филантропии, ни об умалении значимости социальной политики государства. Как будет видно из дальнейшего изложения, пока налицо именно становление исследуемого феномена, особенно если говорить о его институционализации. Однако сам феномен неоспоримо реален и имеет огромный потенциал развития.

Что же касается социальной политики государства, то в идеале она сама есть не что иное, как институционализация сотрудничества граждан в реализации их личных филантропических устремлений. Не останавливаясь здесь подробно на вопросах теории социальной политики, отметим лишь, что в демократическом государстве она представляет собой переплетение двух тенденций: конфликтного дележа «общественного пирога» и осуществления того, что в данном обществе более или менее единодушно признается справедливым. Понятно, что чем шире поле консенсуса, чем менее ощутима конфронтационная составляющая социальной политики, тем более, при прочих равных условиях эта политика устойчива, сильна и предсказуема. Но консенсус в данном случае суть совпадение личных филантропических устремлений граждан.

Почему же для их реализации требуются действия государства? Ответ дает экономическая теория, и в несколько упрощенном изложении

он сводится к следующему. Если гражданин не уверен, что цель, ради которой он готов затрачивать силы и средства, будет поддержана силами и средствами достаточно многих сограждан, для него зачастую не рационально предпринимать индивидуальные действия. Например, пожертвование небольшой суммы ничего не изменит в состоянии здравоохранения. Однако гражданин может охотно проголосовать за то, чтобы эту сумму изъяли у него в виде налога, если он уверен в том, что, во-первых, будут профинансированы одобряемые им действия и, во-вторых, посредством налогообложения будут привлечены средства и других лиц.

Существуют, условно говоря, три уровня филантропической активности. Первый — тот, на котором она осуществляется сугубо индивидуально, не нуждаясь в сколько-нибудь развитой институционализации. На втором уровне она представлена деятельностью формальных и неформальных структур гражданского общества, например благотворительных фондов. Институционализация в рамках подобных структур позволяет, с одной стороны, объединять усилия, а с другой — эффективно и контролируемо расходовать пожертвования крупных благотворителей. Это, естественно, помогает достигать более сложных и значимых целей, чем на первом уровне. Но и для второго уровня существуют пределы, и там, где филантропические цели выходят за них, необходимо дальнейшее усложнение институтов филантропии на основе их встраивания в институциональные рамки государства. Возможности достижения филантропических целей при этом резко возрастают. По данной причине количество привлекаемых и используемых ресурсов на третьем уровне значительно больше, чем на втором, не говоря уже о первом. Однако в содержательном плане переход от уровня к уровню есть, по сути, наращивание институциональной оснащенности действий, но не изменение их природы. Природа же эта наиболее непосредственно проявляется там, где филантропия не скрыта оболочкой государственной политики (картина особенно затемняется, если государство привыкли воспринимать как нечто самостоятельное по отношению к гражданам). Соответственно адекватное объяснение, анализ и прогноз зрелой социальной политики невозможны вне контекста филантропии.

Итак, проблематика филантропии, будучи обойдена вниманием, далеко не маргинальна по сути. Это побудило авторов данной монографии попытаться предпринять комплексное исследование российских практик филантропии на фоне межстрановых и межвременных сопоставлений.

Базируясь на проведенных с этой целью эмпирических исследованиях, авторы попытались не только оценить и интерпретировать складывающиеся тенденции, но и предложить меры, которые помогли бы филантропическим практикам стать более распространенными и эффективными.

В понимании авторов филантропия не сводится к помощи неимущим, больным, бездомным, пострадавшим от стихийных бедствий и т.п. Забота о людях, находящихся в трудной жизненной ситуации, составляет лишь одну, хотя и чрезвычайно важную, сторону исследуемого феномена. Вместе с тем он охватывает и множество иных инициативных проявлений действенного альтруизма, способствующих в том числе развитию образования, науки и культуры, сохранению традиций и укоренению социальных инноваций, гармонизации общественной жизни.

В настоящей работе в качестве филантропических практик рассматриваются частные пожертвования на благотворительные и иные общеполезные цели в форме денежных средств или в форме передачи имущества, а также добровольчество (волонтерство), понимаемое как бескорыстная индивидуальная или коллективная деятельность на благо других людей или общества в целом. Филантропическая активность включает среди прочего и бесплатное предоставление профессиональных услуг, передачу знаний и умений.

С данным пониманием филантропической активности в целом корреспондирует «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации», утвержденная Правительством Российской Федерации в конце 2009 г. Некоторые авторы настоящего издания участвовали в экспертной подготовке проекта Концепции и в его общественном обсуждении. Принятие документа можно рассматривать как официальное признание социальной и экономической значимости филантропии, а предусматриваемые Концепцией меры в принципе соответствуют тем подходам, которым следуют государства, эффективно поддерживающие филантропические начинания своих граждан. Вместе с тем далеко не завершен переход от выработки убедительных политических установок к нормативно и ресурсно обеспеченной, системной, повседневной и эффективной работе государственных органов по содействию благотворительности и волонтерству. Исследования филантропии, позволяя точнее оценить реальное состояние дел в данной области, конкретно идентифицировать имеющиеся нужды и возможности, очевидно, критически необходимы, чтобы придать этой работе целенаправленность и рациональность.

Предлагаемая читателю монография состоит из четырех частей. Первая из них посвящена концептуальным подходам к изучению филантропической деятельности и историческому контексту становления филантропии в России и за рубежом. Прослеживается, в частности, эволюция определений филантропической деятельности с целью выделения ее основополагающих признаков. Дан краткий очерк развития филантропии в ее связи с менявшимися социальными и культурными предпосылками.

Во второй части основное место занимают межстрановые сопоставления и анализ условий развития филантропии за рубежом. Рассматриваются приоритеты филантропической деятельности в странах с высоким уровнем ее развития и современные тенденции ее институционализации. Внимание уделяется в том числе инфраструктуре филантропии, соответствующей организационной культуре и подходам к государственному стимулированию благотворительности и добровольчества. Проанализированы реакции благотворительных организаций и добровольческого движения в зарубежных странах на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. В связи с этим в поле зрения оказались проблемы институциональной устойчивости благотворительных некоммерческих организаций, влияющей на их способность выполнять в условиях кризиса свою социальную миссию и поддерживать необходимые ресурсные потоки. Зарубежный материал в данном случае весьма поучителен, если иметь в виду, что российской филантропии еще только предстоит обрести ту меру институциональной устойчивости, которая в некоторых других странах недавно прошла испытание кризисом.

Третья и четвертая части монографии непосредственно построены на материалах эмпирических исследований, проведенных авторами монографии. Данные, представленные и проанализированные в соответствующих разделах, получены с помощью серии специально проведенных опросов.

В третьей части речь идет о добровольчестве и денежных пожертвованиях российских граждан. Оцениваются масштабы этих явлений, их детерминанты и перспективы роста. Применительно к денежным пожертвованиям рассматриваются тенденции, относящиеся как к поведению большинства граждан, так и к стратегиям крупных жертвователей. Добровольчество и денежные пожертвования рассматриваются, помимо прочего, в специфическом контексте самоорганизации населения по месту жительства.

Четвертая часть посвящена институционализированной филантропии в нашей стране. Характеризуется состояние корпоративной благотворительности в России, коммуникативные практики корпоративных доноров и процессы формирования донорских сообществ. Предлагается концепция сетевых взаимодействий доноров и осуществляется ее эмпирическая верификация. На примере фондов местных сообществ показана роль институциональных посредников в реализации благотворительной деятельности в России. Проанализированы функции, организационные структуры и коммуникативные стратегии этих фондов, источники финансирования их деятельности, а также особенности их взаимодействия с органами власти. В результате дана оценка перспективных направлений развития фондов местных сообществ в нашей стране.

* * *

Авторы выражают искреннюю признательность программе фундаментальных исследований Государственного университета — Высшей школы экономики, а также компании «Evolution&Philanthropy», поддержавших проведение исследований, результаты которых представлены в данной монографии. Благодарность адресована также организациям, которые на основе предложенного авторами инструментария исключительно добросовестно и качественно провели полевые стадии сбора информации для третьего и четвертого разделов книги. Это Фонд «Общественное мнение», Всероссийский центр изучения общественного мнения, компании «MarketUp» и «Открытые медиаисследования». На пути от первоначальной рукописи к окончательной версии книги в ней многое было улучшено благодаря высокой квалификации и творческому отношению к делу редактора М.С. Ковалевой, вклад которой авторы высоко ценят.

ЧАСТЬ I

ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Глава 1

Филантропия: многомерное понятие в развитии

1.1. Эволюция определения и цели филантропической деятельности

Филантропия (*греч*. philanthropía — человеколюбие, от philéo — люблю и ánthropos — человек) — помощь неимущим, благотворительность. Филантропическая деятельность эволюционировала вместе с изменениями исторических обстоятельств и мировоззренческими сдвигами. Менялись ее формы, возникали новые механизмы и практики филантропии. У разных народов, в разных странах формировались специфические подходы к благотворительности, по-разному проявлялась роль государства в сфере благотворительной деятельности, изменялось правовое обеспечение этой сферы.

В наше время к филантропическим практикам относится как осуществление частных денежных и имущественных пожертвований в общеполезных целях, так и добровольная бескорыстная индивидуальная или коллективная деятельность на благо других людей или общества в целом. В данной книге понятия филантропии и благотворительности используются как синонимы. Однако ряд авторов отчасти противопоставляет эти понятия[1].

---

[1] Например, Р. Бремнер в своей книге «Пожертвования: благотворительность и филантропия в истории» отмечает, что благотворительность и филантропия так во многом похожи, что слова часто используются как взаимозаменяемые, и полагает, что разница между ними заключается в источниках и мотивации. Благотворительность — проявление религиозного долга, а филантропия —

Филантропия, или благотворительная деятельность, обладают несколькими характерными чертами. Остановимся на некоторых из них.

Во-первых, данные явления, как и обозначающие их понятия, имеют длительную историю и сложную природу. Некоторая неоднозначность обсуждаемого феномена была характерна даже для античного мира. Например, авторы фундаментальной монографии «Фонды в Европе. Управление обществом и закон» (2001 г.) Дж.А. Смит и К. Боргман подчеркивают, что «греческое слово philanthropia означало как любовь богов к человеческому роду, изливающуюся на смертных с Олимпа, так и гораздо более земные чувства дружелюбия и симпатии, которые могут испытывать друг к другу цивилизованные представители этого рода. Иначе говоря, под "филантропией" понимались и пожертвования, осуществлявшиеся в рамках узкой системы дружеских и гражданских связей, в которую был включен индивид, и дары, свидетельствовавшие о более общей заинтересованности дарителя в благополучии страждущего или нуждающегося человечества. Причины, двигавшие дарителем, если о них вообще можно исчерпывающим образом судить со стороны (чужая душа остается потемками и в нашу, и в любую другую эпоху), — определялись общественными условиями, а в античном обществе выше всего ценились почет и уважение сограждан. Греческие и римские благотворители прежде всего хотели, чтобы потомки вспоминали и превозносили их щедрость. Именно поэтому их пожертвования часто предназначались для организации празднеств, атлетических состязаний, боев гладиаторов и бесплатной раздачи пищи, причем эта публичная демонстрация щедрости, как правило, была рассчитана на то, чтобы привлечь толпы народа к надгробию дарителя или его памятнику»[2].

явление светское по происхождению, которое акцентирует внимание на любви к человеку, а не к Богу. См.: *Bremner R.H.* Giving: Charity and Philanthropy in History. New Jersey: Transaction Publishers, 1996. P. xii.

[2] *Borgmann K., Smith J.A.* Foundations in Europe. Society Management and Law / ed. by A. Schelter, V. Then, P. Walkenhorst. Bertelsmann Foundation. L., 2001. Цит. по: *Смит Дж.А., Боргман К.* Благотворительные учреждения в европейских

В научной среде представлено немало подходов к определению данного понятия, разнятся взгляды на содержание филантропической деятельности и тех, кто сам практикует этот вид человеческой активности. Духовное наследие античных мыслителей и христианских богословов отчасти сохранилось в научных определениях филантропической деятельности, имеющих широкую распространенность в наши дни.

Современные определения филантропии сохраняют историческую преемственность, сущностные признаки явления, однако в них отражены изменения, состоявшиеся в глобальном общественном развитии к настоящему времени. Наиболее существенная, на наш взгляд, отличительная черта современных подходов к определению филантропии состоит в том, что в понятие филантропической деятельности прочно входит широко понимаемое содействие общественному развитию, не обязательно предполагающее поддержку исключительно социально слабых групп населения.

Из множества известных формулировок процитируем здесь, прежде всего, удачное, на наш взгляд, определение филантропии, взятое из электронной энциклопедии «Википедия». «Википедия» (англоязычный раздел этого интернет-ресурса) определяет филантропию как «акт пожертвования денег, товаров, времени или усилий на поддержку благотворительных предприятий, длящийся обычно на протяжении продолжительного периода времени и с учетом определенной цели. В более глубоком смысле филантропия — это любая альтруистическая деятельность, имеющая своей целью содействие благу (людей) или повышение качества человеческой жизни»[3]. Б. Стречански в статье «Благотворительность и филантропия» трактует филантропию как одну из форм дарения, сегодня обозначающую дарение, которое старается решить проблемы общества своей поддержкой в сфере образования, иннова-

---

странах: исторический контекст // Отечественные записки. 2006. № 4 (31). С. 59–60.

[3] http://encyclopedia.thefreedictionary.com/Philanthropy.

ций и развития способностей людей, чтобы они были способны сами себе помочь, не ожидая милостыни[4].

В российской научной и научно-публицистической литературе, появившейся в период оживления общественного интереса к филантропии во второй половине 1990-х годов, также предлагаются определения филантропической деятельности, в которых фиксируются оба упомянутых выше существенных аспекта — поддержка социально слабых групп населения и широко понимаемое содействие общественному развитию.

Во-вторых, участники филантропической деятельности преследуют разные цели. Даже краткий обзор определений филантропической деятельности позволяет сделать вывод, что оказание помощи для смягчения невзгод как непосредственная реакция на уже наступившие обстоятельства негативного характера, постигшие ту или иную группу людей, является исторически первичной целью филантропической деятельности. Она сохраняет актуальность и в условиях начала XXI в. Другой тип целей — это стремление филантропическими действиями предотвратить наступление негативных обстоятельств в будущем, осуществление на основе предвидения деятельности, нацеленной на решение крупных общественно значимых задач, на достижение общественного блага в предвидимом будущем. Цели данного типа также имеют исторические корни, однако они вторичны по отношению к устремлению облегчить участь людей, страдающих от тех или иных неблагоприятных жизненных обстоятельств. Сочетание этих двух типов целей филантропической деятельности так или иначе прослеживается в большинстве рассмотренных выше определений этой деятельности.

В-третьих, филантропия — это добровольные действия частных лиц и организаций, не побуждаемых и, тем более, не принуждаемых к этим действиям государством. Однако среди россиян роль субъекта благотворительной деятельности часто приписыва-

---

[4] *Стречански Б.* Благотворительность и филантропия // Ондрушек Д. и др. Хрестоматия для некоммерческих организаций. Братислава, 2003. С. 53.

ется государству. Не в последнюю очередь, по-видимому, это объясняется тем, что россияне привыкли полагаться в решении социальных проблем на государственные органы и организации, а не на субъектов негосударственного сектора. Данное восприятие коренится, возможно, в истории России, поскольку помощь нуждающимся со стороны государства как проявление его социальной обязанности по отношению к подданным стала осуществляться в России с XVIII в. Тогда наряду с термином «благотворительность» для обозначения помощи бедным стало использоваться понятие «общественное призрение». Эти термины, нередко считавшиеся синонимами для людей, их употреблявших, в действительности различались, как различались субъекты, оказывавшие помощь нуждающимся. Когда такая помощь оказывалась частными лицами и общественными организациями, налицо было проявление «благотворительности». Если же речь шла о социальной обязанности государства призревать своих подданных, то назывался этот феномен «общественным призрением».

В наши дни, по мнению каждого второго участника всероссийского репрезентативного опроса населения (ГУ ВШЭ и ФОМ, 2008. N = 1600 респондентов), в первую очередь благотворительной деятельностью должно заниматься российское государство через специальные государственные организации (см. рис. 1.1). При этом почти каждый четвертый из числа опрошенных утверждал, что именно государственные организации в реальности и занимаются больше всего благотворительностью. Тогда как в тех зарубежных странах, где благотворительность наиболее развита, укоренено совсем иное понимание ее природы. Оно исключает государственные структуры из числа ее субъектов, поскольку эти структуры функционируют не за счет добровольных пожертвований, а за счет обязательных налоговых отчислений физических и юридических лиц. Российские ученые при определении этого понятия в настоящее время чаще всего акцентируют внимание на негосударственной природе благотворительности. «Филантропия (благотворительность) — это деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в

целях содействия нуждающимся (в широком смысле слова) людям, для решения общественных проблем, а также для усовершенствования условий общественной жизни. В качестве частных ресурсов могут быть финансовые и материальные средства, способности и энергия людей»[5]. *Благотворительность* — «негосударственная добровольная безвозмездная деятельность в социальной сфере, направленная на поддержку отдельных лиц или организаций, у которых по тем или иным причинам не хватает собственных ресурсов для полноценного функционирования»[6].

Возвращаясь к вопросу о представлениях россиян о том, кто должен в нашей стране заниматься благотворительностью, следует отметить, что чуть меньше половины респондентов названного опроса высказались за то, что этим должны в первую очередь заниматься богатые люди и российские независимые благотворительные организации (44 и 42% соответственно). Четверть опрошенных (26%) приписала эту роль российским промышленным корпорациям и бизнес-структурам. Что не должны оставаться в стороне и отдельные граждане независимо от уровня их материального достатка, посчитал каждый пятый опрошенный (20%). Вместе с тем, судя по данным исследования, деятельность иностранных организаций разного уровня в сфере благотворительности россиянами не приветствуется. Их первоочередную роль в этом деле отметили не более 6% респондентов.

На вопрос о том, *кто реально занимается благотворительностью в России*, 28% респондентов затруднились ответить. Почти столько же (27%) высказали мнение, что больше всего этой деятельностью сейчас занимаются богатые люди. О том, что благотворительностью занимаются российские государственные организации и независимые благотворительные организации, сообщило примерно

---

[5] *Апресян Р.Г.* Филантропия: милостыня или социальная инженерия // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 51.

[6] *Фомин А.Э.* Благотворительность: дискуссионное поле и исследовательские задачи // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования / под общ. ред. О. Лейкинда. СПб., 2001. С. 23.

Рис. 1.1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто должен заниматься благотворительностью и кто ею реально занимается (% опрошенных, допускался выбор не более трех вариантов ответа)

равное количество респондентов (22 и 19% соответственно). Реальная помощь иностранных организаций оценивается населением так же как и ожидаемая — довольно низко.

Как видно из рис. 1.1, нормативные ожидания завышены по сравнению с реальным положением дел. И всевозможные российские организации, и богатые люди, по мнению респондентов, участвуют в благотворительности вполсилы, а то и меньше, от того, что могли бы сделать. Только категория «любые гражда-

не», по мнению опрошенного населения, занимается благотворительностью реально в тех масштабах, в каких на них рассчитывает общество. Однако подобные ожидания испытывает лишь каждый пятый респондент. По-видимому, для россиян пока не характерна потребность в том, чтобы благотворительная деятельность приобрела массовый характер, когда побудительные мотивы к благотворительности распространяются среди простых людей.

В-четвертых, целесообразно различать ряд относительно самостоятельных функций благотворительности. Довольно удачной представляется следующая их классификация[7]:

1) экономическая: обеспечение достойного существования тех граждан, которые в силу объективных особенностей и жизненных ситуаций не способны самостоятельно позаботиться о себе;

2) социальная: снятие социальной напряженности путем выравнивания уровня жизни, поддержки самых обездоленных слоев населения, которые по объективным обстоятельствам не могут адаптироваться в новых условиях;

3) рыночная: восполнение недостатков социальной политики государства и функционирования рыночных механизмов, прежде всего за счет оперативности и адресности доставляемой помощи, т.е. повышение ее эффективности;

4) общественная: восполнение перекосов общественных отношений, приводящих к отходу, не по своей воле, отдельных категорий населения от принятых стандартов жизнедеятельности, что ограничивает их возможности потребления общественных благ и самореализации; одновременно — воздействие на общественное мнение;

5) политическая: реализация механизмов обратной связи населения и властных структур, формулирование социальных приоритетов от имени тех, кто в социальном плане в силу объективных причин не способен отстаивать свои права;

---

[7] *Сайтбагин А.Р.* Благотворительность в России: история, теория, тенденции развития. СПб., 2001. С. 27.

6) маркетинговая: удовлетворение потребностей филантропов, оказание донорам услуг по осуществлению благотворительных проектов, одновременно — культивация альтруистических и человеколюбивых настроений в обществе.

Важно подчеркнуть, что современное понимание филантропической деятельности, соответствующее глобальным трендам, — расширительное. В наше время филантропия служит не только смягчению страданий людей из социально незащищенных слоев общества или инструментом помощи населению слаборазвитых стран и регионов, или регионов, пострадавших от стихийных бедствий и техногенных катастроф. В развитых государствах филантропия является помимо этого одним из ключевых факторов, способствующих генерированию социальных инноваций, достижению и удержанию лидирующих позиций в науке и технологии, образовании, культуре, поиску новых форм гармонизации взаимоотношений личности и общества.

1.2. Исследования филантропической деятельности в России и за рубежом

Возрождение в России филантропической деятельности вызывает потребность в научном описании и осмыслении этого сложного явления — его исторических традиций, современных форм, перспектив развития. Изучение благотворительности в историческом и теоретическом срезах привлекает внимание все большего числа профессиональных ученых, социальных работников, активистов третьего сектора. Институционализация и профессионализация некоммерческого сектора, формирование системных подходов в благотворительной деятельности определяют новые актуальные направления и объекты исследований. Ими являются экономические аспекты благотворительности, социальная мотивация поведения жертвователя (донора), выяснение биографических характеристик жертвователей, эффективность деятельности фондов, развитие филантропических

институтов, комплексные региональные исследования благотворительной деятельности и т.п.

Характеризуя степень научной разработанности проблемы, следует отметить, что одной из первых публикаций по истории русской благотворительности является работа начальника второго отделения Хозяйственного департамента Министерства полиции А.Д. Стога «Об общественном призрении», опубликованная в 1818 г. В ней Стог предпринял попытку составить ретроспективное историческое исследование об эволюции помощи нуждающимся и формировании системы государственной поддержки неимущих. До середины XIX в. работа Стога являлась единственным исследованием по данному вопросу.

С 1860–1870-х годов — времени создания органов местного самоуправления, осуществлявших функции социальной защиты, интерес к проблемам благотворительности и общественного призрения заметно возрос. Исторические труды второй половины XIX в. были составлены преимущественно в жанре публицистических статей, очерков и брошюр, содержавших обильный статистический материал. К их числу принадлежали работы К. Мушинского «Устройство общественного призрения в России» (СПб., 1862), а также Н.Н. Кафтанова «Общественная благотворительность в России к 1889 г. (М., 1888). Интерес представляет работа И.В. Зегимеля «Современная филантропия Европы и Америки» (СПб., 1877), содержавшая компаративный анализ благотворительного движения в России и за рубежом.

Качественно новый этап в изучении вопросов призрения бедных пришелся на период рубежа XIX–XX вв., характеризовавшийся растущим интересом к данной проблеме со стороны представителей различных отраслей научного знания, как в России, так и за рубежом. Свое слово в исследовании указанной проблемы сказали профессиональные экономисты. Так, профессор Санкт-Петербургского университета П.И. Георгиевский написал в 1894 г. крупную работу «Призрение бедных и благотворительность», а профессор-экономист, член Французской академии Г. Д'Оссонвиль — труд «Нищета и средства борьбы с нею» (СПб.,

1898). В этих исследованиях был проанализирован исторический опыт в деле помощи бедным, накопленный странами Западной Европы и Северной Америки, рассмотрена возможность применения европейского опыта в России. Работы экономистов вызвали широкий общественный резонанс.

Выдающимся исследователем проблем филантропии являлся дореволюционный автор, публицист и практик благотворительной работы Е.Д. Максимов. Максимов работал в Комиссии К.К. Грота, занимавшейся разработкой нового законодательства о помощи бедным, служил в Министерстве внутренних дел, а с 1896 г. являлся управляющим делами комитета Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. Его перу принадлежала серия очерков, повествующих о развитии помощи бедным на Руси и в России, об организации частного, общественного и государственного призрения[8]. Исследования Максимова были подготовлены на основе обширного фактографического материала, накопленного к тому времени в России.

Известным теоретиком российской благотворительности, а также практикующим специалистом в данной сфере был историк профессор В.И. Герье, который на рубеже XIX–XX вв. написал ряд очерков, содержавших внушительный статистический материал о постановке работы помощи бедным как в Российской империи, так и за рубежом, знакомивших русское общество с западным опытом организации призрения нуждающихся[9].

В рассматриваемый период вышла серия справочных публикаций о благотворительности и общественном призрении, написанных для энциклопедических словарей Ф. Брокгауза и Е. Ефрона, товарищества бр. Гранат.

---

[8] *Максимов Е.Д.* Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894; *Он же.* Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907.

[9] *Герье В.И.* Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах. СПб., 1897; *Он же.* О способах помощи безработным. СПб., 1898.

Советский период XX в. характеризовался фактическим запретом на освещение вопросов благотворительности в историческом аспекте. Они были признаны идеологически неприемлемыми в условиях монополии в гуманитарной науке марксистско-ленинского представления о данном явлении, согласно которому бедность является результатом особых социальных отношений в капиталистическом обществе, отражением и выражением его противоречий. Указанное «вето» на изучение благотворительной деятельности существовало на протяжении всего периода с середины 1930-х до середины 1980-х годов[10].

В XX в. заметный вклад в изучение истории российской благотворительности внесли американские ученые. Именно они положили начало изучению данного феномена. Среди американских ученых следует отметить профессора Д.Л. Рэнсела, автора вышедшей в 1988 г. в издательстве Принстонского университета монографии «Матери нищеты. Брошенные дети в России», и профессора Дж. Бредли — автора статей о Московском работном доме, монографии «Мужик и москвич: урбанизация в поздний период Российской империи» (Беркли, 1985), в которой рассмотрено положение безработных в дореволюционной Москве.

Пожалуй, наиболее авторитетным американским исследователем истории российской благотворительности является профессор Университета Вилланова (Филадельфия) Адель Линденмайер. Ей принадлежит серия статей по интересующей нас проблеме, а также монографии «Добровольные организации и российское самодержавие: дело частной благотворительности» (Питсбург, 1990)[11] и «Бедность не порок. Благотворительность, общество и государство в имперской России» (Принстон, 1996)[12]. В своих публика-

---

[10] *Ульянова Г.Н.* Исследования истории российской благотворительности: реконструкция национального опыта и возможности его применения в современных условиях // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 63.

[11] *Lindenmyer A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990.

[12] *Lindenmyer A.* Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.

циях Линденмайер характеризует жизнедеятельность российских благотворительных обществ практически на всем протяжении их существования (от времени правления Екатерины II и до Первой мировой войны), описывает историю формирования и итоги деятельности городских участковых попечительств о бедных, рассматривает опыт функционирования домов трудолюбия в позднеимперской России и др. Историк проводит яркие параллели с аналогичными институтами помощи бедным в зарубежных странах.

Итог научной разработки проблематики благотворительности и социального призрения в зарубежной исторической литературе 1980–1990-х годов был подведен российским историком благотворительности Г.Н. Ульяновой в 1995 г.[13] Ульянова отметила глубокую проработку представителями американской гуманитарной науки ряда аспектов истории русской благотворительности, сгруппированных по трем направлениям: история отдельных благотворительных заведений; социально-психологические особенности практики благотворительности; роль женщин в филантропической деятельности.

В России исследование дореволюционного опыта российской благотворительной деятельности возрождается в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Установочный характер носит краткий ретроспективный очерк истории благотворительности в X — начале XX в., принадлежащий перу отечественного историка Я.Н. Щапова[14]. В нем автор составляет периодизацию благотворительности на протяжении X–XX вв., говорит о благотворительной деятельности как о значимом для формирования духовной культуры россиян опыте коллективного действия, высказывает суждение о необходимости многоаспектного изучения истории благотворительности, которая может быть не только интересна, но и практически

---

[13] *Ульянова Г.Н.* Новейшая американская историография российской благотворительности // Отечественная история. 1995. № 1. С. 108–118.

[14] *Щапов Я.Н.* Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994.

полезна в «наше время, когда создаются новые формы социальной и духовной помощи нуждающимся».

Между тем наиболее существенный вклад в изучение истории российской благотворительности внесла российский историк, ведущий научный сотрудник Института истории РАН Г.Н. Ульянова. Ее основополагающая работа по данной проблеме — «Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века» (М., 2005) подводит итог состоянию научных исследований в области благотворительности и намечает перспективы дальнейшего теоретического и эмпирического исследования. Автор анализирует институциональное развитие филантропии в XIX — начале XX в., характеризует эволюцию нормативно-правовых оснований и экономических механизмов осуществления благотворительной деятельности. Существенный интерес представляют и другие исследования данного автора[15], насыщенные богатым и интересным фактическим материалом, содержащие значимые для науки обобщения.

Укажем также на монографию «Благотворительность и меценатство в России. Краткий исторический очерк» (М., 1993) Л.В. Бади, иллюстрирующую основные этапы развития благотворительности в России, а также на ее исследование «Отечественный опыт преодоления бедности методами трудовой помощи (XVIII — начала XX века)» (М., 2008).

История благотворительных организаций нашла отражение в статьях и монографии профессора Государственного университета — Высшей школы экономики А.С. Тумановой[16], которая харак-

---

[15] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 гг. М., 1999; *Она же*. Благотворительность и общественное призрение в России XIX — начала XX века в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН 1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 164–216; *Она же*. Исследования истории российской благотворительности: реконструкция национального опыта и возможности его применения в современных условиях // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 63–78 и др.

[16] *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Она же*. Благотворительные общества губернского города: опыт регионального исследования. 1862–1917 годы // Благотворительность

теризует благотворительные общества как наиболее статусные и авторитетные общественные объединения императорской России, достигшие существенных успехов в своей деятельности благодаря поддержке их начинаний со стороны государства и органов местного самоуправления. Деятельность благотворительных организаций в региональном аспекте анализируется рядом авторов, среди которых С.Л. Дьячков[17], Л.Е. Оспищева[18], О.В. Бердова[19], И.С. Писаренко, Н.С. Вощенкова и др.[20]

Становление и развитие женской общественной благотворительности рассмотрено О.А. Хасбулатовой и С.В. Пашенцевой[21].

Отдельный аспект истории благотворительной деятельности — церковная благотворительность, также получил своих исследователей. В общем и целом исследования церковной благотворительности можно хронологически разбить на несколько этапов. Первый этап (1880-е годы — 1917 г.) составляют научные разработки по истории благотворительности церковного прихода В.М. Бензина, А. Папкова и С. Рункевича[22]. На втором эта-

---

в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; *Она же*. Организации взаимопомощи в российских городах в начале XX столетия // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2007. С. 67–73.

[17] *Дьячков С.Л.* Благотворительные общественные организации российской провинции во второй половине XIX — начале XX веков: опыт изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

[18] *Оспищева Л.Е.* История благотворительных организаций на Кубани (конец XIX — начало XX века): опыт изучения. Майкоп, 2003.

[19] *Бердова О.В.* Благотворительность и детское попечение в Костромской губернии в XIX — начале XX вв. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003.

[20] *Писаренко И.С., Вощенкова Н.С., Домнина Т.Г., Жукова Л.Ф.* Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001.

[21] *Хасбулатова О.А.* Опыт и традиции женского движения в России. 1860–1917. Иваново, 1994; *Пашенцева С.В.* Деятельность женских благотворительных обществ России в конце XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

[22] *Бензин В.М.* Церковно-приходская благотворительность на Руси // Трудовая помощь. 1906. № 5–12; *Папков А.* Упадок православного прихода в XVIII–

пе, в конце 1920-х — начале 1930-х годов, вышли в свет книги Б. Кандидова и И. Эльвина, посвященные деятельности Церкви в годы Первой мировой войны[23]. Третий период (с 1990-х годов до настоящего времени) характеризуется возрастанием интереса к изучению истории социальной активности Русской православной церкви[24].

История благотворительной деятельности РПЦ второй половины XIX — начала XX в. привлекает также внимание зарубежных ученых. В работах американских историков Дж. Куртиса и Г. Фриза[25], а также немецкого историка Ю. Освальта[26] затронуты вопросы благотворительной деятельности представителей духовного сословия.

Отдельное направление истории российской благотворительности — филантропия русских предпринимателей. В американской русистике вопросы благотворительной деятельности московского купечества были впервые поставлены в монографии Т. Оуэна[27]. Изучению вклада династий русских предпринимателей в развитие отечественной филантропии посвящены работы А.Н. Боханова[28],

---

XIX вв. Историческая справка. М., 1899; *Он же.* Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб., 1902; *Рункевич С.* Приходская благотворительность в Санкт-Петербурге: исторические очерки. СПб., 1990.

[23] *Кандидов Б.* Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1929; *Эльвин И.Д.* Церковь и война (1914–1918). М., 1934.

[24] *Зубанова С.Г.* Православная Церковь России в XIX в.: социальный и духовные аспекты. М., 1995; *Пашенцев Д.А.* Благотворительная деятельность русской православной церкви во 2-й половине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Штепа А.В.* Социальное служение Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах Калужской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2005.

[25] См.: *Freeze G.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; *Curtiss J. Sh.* Church and State in Russia. The Last Years of the Empire. 1900–1917. N. Y., 1940.

[26] *Освальт Ю.* Духовенство и реформа приходской жизни // Вопросы истории. 1993. № 11–12.

[27] *Owen T.* Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1885–1905. Cambridge, 1981.

[28] *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.

А.А. Аронова[29], М.Л. Гавлина[30], Ю.А. Петрова[31]. В них авторы представляют «золотой век» меценатства в России, подчеркивая то обстоятельство, что пожертвования меценатов нередко были основным источником развития целых отраслей народного хозяйства.

Большое значение для понимания опыта дореволюционной благотворительности имеет работа П.А. Бурышкина «Москва купеческая», опубликованная в 1991 г., которая разрушала укоренившийся в общественном сознании образ купца-предпринимателя как представителя «темного царства». В ней определены ценностно-поведенческие стереотипы московской буржуазии. Автор характеризует благотворительность как «значительное общественное явление», исследует причины появления в капиталистическом обществе филантропии, указывая, что благотворительность становилась «регулятором» социального равновесия, часто неосознанным средством устранения общественно эмоционального дискомфорта, возникающего в результате несправедливого соотношения труда и присвоения.

Для понимания роли российских предпринимателей в развитии национальной культуры в конце XIX — начале XX в. важны факты частной благотворительности и меценатства, проанализированные Е.П. Хорьковой[32]. В ее монографии дается сравнение мотивов меценатства на Западе и в России. Хорькова указывает, что меценатство на Западе наряду с нравственными имело и юридические основания, например, снижение налогов или освобождение от них. В России же оно чаще было связано с религиозными, нравственными понятиями, подчинялось требованиям общества.

В 1990–2000-е годы появилось большое число диссертационных исследований[33], посвященных благотворительности. Предме-

---

[29] *Аронов А.А.* Золотой век русского меценатства. М., 1995.
[30] *Гавлин М.Л.* Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996.
[31] *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997.
[32] *Хорькова Е.П.* История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998.
[33] См., напр.: *Агафонова В.В.* Благотворительность в культурно-досуговой сфере как средство самореализации личности предпринимателя: автореф. дис. ...

том исследований являются преимущественно социологические и исторические аспекты благотворительной деятельности. Авторы обосновывают положение о необходимости возрождения изначального смысла «благотворительности», «благотворителя», «милосердия» не только в сознании, но и в практической деятельности, в реальных взаимоотношениях людей.

Так, в работе Л.А. Темниковой анализируются источники финансирования благотворительных учреждений, указывается, что важная роль в становлении и развитии частной благотворительности принадлежала купечеству, которое вносило пожертвования в благотворительные учреждения всех типов и направлений. А.Ф. Векслер и Г.Л. Тульчинский в своих трудах затрагивают вопросы благотворительности в сфере культуры[34], осуществляют классификацию видов благотворительной деятельности, выявляют причины участия представителей бизнеса в благотворительных акциях.

Мотивационная сфера благотворительной деятельности рассматривается в работах М.Н. Вандышева, Н. Дорошевой, И.А. Кусмарцевой, Л.А. Лернер, Л.Е. Петровой, П.В. Романова, Г.Л. Тульчинского и некоторых других авторов.

канд. пед. наук. СПб., 1995; *Бендрикова А.Ю.* Благотворительная деятельность в Забайкалье: специфика, тенденции развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2004; *Воронова Е.А.* Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004; *Горбунова Е.Ю.* Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Иванова Е.В.* Внедрение в российскую систему благотворительности зарубежного опыта социальной работы в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Кононова Т.Б.* История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Темникова Л.А.* Благотворительность в контексте духовного развития общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 1996.

[34] См., напр.: *Векслер А.Ф., Тульчинский Г.Л.* Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. Н. Новгород, 2002; *Тульчинский Г.Л.* Менеджмент в сфере культуры. СПб., 2001.

Положительным моментом является то, что в начале XXI в. появились работы, посвященные региональной благотворительности. К их числу относится диссертационное исследование Н.Д. Нагайцевой «Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: исторический аспект», Е.Ю. Семеновой «Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и др.

Перспективным направлением развития благотворительной деятельности нам видится исследование финансовых аспектов благотворительности, методов поиска средств для НКО. Сюда относится диссертация на соискание кандидатской степени Г.В. Жукова «Благотворительность как инструмент фандрайзинга в социокультурном пространстве современного общества» (Краснодар, 2002).

Сегодня иностранными учеными анализируются состояние и механизмы функционирования корпоративной благотворительности как социального явления. Подробно изучается специфика взаимодействия корпоративных доноров и органов власти, в которых последние оказывают влияние на реализацию политики корпоративной благотворительности, а доноры, в свою очередь, получают стратегические преимущества во взаимодействии с органами власти[35]. Аналогичный механизм присутствует и в маркетинговой деятельности, здесь корпоративная благотворительность понимается как стратегическая маркетинговая деятельность, как один из бизнес-процессов[36]. В целом, как отмечают западные исследовате-

---

[35] См., напр.: *Reinhardt F. L., Stavins R.N., Vietor R.H.* Corporate Social Responsibility through an Economic Lens // Review of Environmental Economics and Policy. 2008. Vol. 2. No. 2. P. 219–239.; *Foster M.K., Meinhard A.G., Berger I.E., Krpan P.* Corporate Philanthropy in the Canadian Context: from Damage Control to Improving Society // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2009. Vol. 38. P. 441–466.

[36] *Campbell D., Slack R.* Some Insights from Voluntary Disclosures in Annual Reports Corporate «Philanthropy Strategy» and «Strategic Philanthropy»// Business Society. 2008. Vol. 47. P. 198; *Logsdon J. M., Reiner M., Burke L.* Corporate Philanthropy: Strategic Responses to the Firm's Stakeholders // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1990. Vol. 19. No. 93; *Nickel P.M., Eikenberry A.M.* A Critique of

ли, корпоративная филантропия играет немаловажную роль в решении социальных проблем муниципальных образований, является механизмом социальной поддержки наряду с деятельностью органов власти[37].

Существенную лепту в изучение истории и теории российской благотворительности внес проект «Энергичные деньги», инициированный Санкт-Петербургским отделением Института «Открытое общество» и О.Ю. Лейкиндом. Впоследствии название проекта было изменено: «Благотворительность в России как социальный институт: история и развитие». В рамках данного проекта был сформирован коллектив исследователей благотворительности, прошла серия научных конференций и семинаров, подведены итоги изучения филантропии в XX в. и поставлены перспективные задачи на будущее время.

Экспертное сообщество историков и теоретиков филантропии оформилось и объединилось в ходе проведения всероссийской конференции «Социальные исследования благотворительности» (июнь 2001 г.), научно-практической конференции «Милосердие и благотворительность в российской провинции» (22–23 марта 2002 г.), конференции экспертов «Гражданский форум: год спустя. Что дальше?» (22–23 ноября 2002 г.), ежегодных семинаров «Методические и методологические проблемы исследования благотворительной деятельности» (с 2002 г.) и т.д. Более того, по инициативе нескольких крупных российских организаций 2006 г. был объявлен Годом благотворительности в России.

Создателями проекта было подготовлено пять томов ежегодника «Благотворительность в России», стартовавшего в 2001 г. и финишировавшего в 2005–2006 г. Сборники были тематически

---

the Discourse of Marketized Philanthropy // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52. P. 974–989.

[37] *Ermann M.D.* The Operative Goals of Corporate Philanthropy: Contributions to the Public Broadcasting Service, 1972–1976 // Social Problems. 1978. Vol. 25. No. 5. P. 504–514; *Steurer R., Langer M.E., Konrad A., Martinuzzi A.* Corporations, Stakeholders and Sustainable Development: A Theoretical Exploration of Business-Society Relations // Journal of Business Ethics. 2005. Vol. 61. No. 3. P. 263–281.

структурированы, затрагивали такие ключевые вопросы, как история благотворительности, состояние историографии и источников филантропической деятельности, предпринимательство и благотворительность, благотворительность в регионах, система благотворительных учреждений и обществ, персоналии филантропов. Блок «социальных и экономических исследований благотворительности» включал в себя работы по следующим проблемам: НКО и фонды как участники благотворительной деятельности; бизнес и благотворительность; общество и благотворительность; государственная социальная политика и благотворительность; методика и методология исследования НКО; опыт зарубежной благотворительности. При этом благотворительность трактуется участниками проекта как понятие междисциплинарное, которое может быть рассмотрено с точки зрения предмета изучения различных дисциплин — истории, психологии, социологии, политологии, экономики и управления.

Перспективными направлениями исследований филантропической деятельности являются изучение экономических вопросов развития некоммерческого сектора во взаимосвязи с вопросами социальной истории, системное рассмотрение феномена благотворительности как историко-культурного явления и одного из определяющих факторов модернизации России XIX–XXI вв.

Таким образом, отечественная историография филантропической деятельности насчитывает на сегодняшний день обширный пласт литературы, начиная с фундаментальных научных исследований и заканчивая публицистикой. Учет российского и зарубежного опыта организации благотворительной работы чрезвычайно важен и полезен сегодня при создании новых форм социальной и духовной помощи нуждающимся.

Глава 2

Исторический контекст становления и развития филантропии в зарубежных странах

Благотворительная деятельность — явление универсальное, по-своему проявляющееся в жизни самых разных народов, представителей разных культур и религиозных конфессий. Формат данной главы не позволяет подробно раскрыть своеобразие данного феномена, например, в исламском мире и обществах, духовные основы которых связаны с буддизмом или конфуцианством. Чтобы избежать чрезмерной абстрактности и упрощений, история и концептуальные основания благотворительности прослеживаются здесь на конкретном примере Европы (за исключением России, истории благотворительности в которой посвящена отдельная глава), а также США.

2.1. Благодеяние, дарение, жертвование как основа традиций филантропии в эпоху Античности

Истоки филантропической деятельности уходят вглубь веков. В Античности наряду с формированием практик филантропической деятельности закладывались основы ее концептуальной интерпретации. Один из важных вопросов, к рассмотрению которого обращается Аристотель, — это акт дарения. Аристотель трактует дарение как проявление добродетели, отмечает его практическое значение — во имя нужного дела. Стоики рассматривают в качестве одного из основных принципов дарения — взаимность. Дарение благоприятствует установлению дружеских отношений и тем самым содействует укреплению общественных отношений.

Поэтому следует быть осторожным как при выборе того, кому мы хотим сделать подарок, так и чьим должником следует быть[1].

Античные философы осознавали двусторонний характер практики дарения, который присутствует в любой культуре. Согласно Аристотелю, например, соединяют людей в процессе их жизни два процесса — «давать и возвращать назад». В «Никомаховой этике» он связывает филантропию с понятием дружбы, интересуясь не столько пышными публичными актами щедрости, сколько благожелательным и человечным отношением людей друг к другу, — это ведь доступно всякому, кто хочет помочь хотя бы ближайшему кругу друзей и знакомых. Учитывая неизбежное неравенство между дарителем и получателем дара, Аристотель призывает дарителей действовать с оглядкой, не осыпать своими щедротами первого встречного, правильно выбирая тех, кого они хотят облагодетельствовать, и наделяя их должными суммами в должное время[2].

Сенека в трактате «О благодеяниях» исследует природу доброхотного даяния и обсуждает этот обычай, который сильнее всего связует человеческое общество[3]. Он сожалеет о том, что люди не умеют ни дарить, ни принимать дары. Часто даритель неспособен выбрать среди тех, кому хочет помочь, достаточно ответственного человека, а иной раз ведет себя так, что внушает чувство неблагодарности даже самому достойному получателю дара. Он отмечает, что тогда как часто многих причисляют к неблагодарным, гораздо чаще дарители сами делают людей таковыми чрезмерной строгостью, упреками и требованиями, сожалением о совершенном благодеянии.

---

[1] См.: *Devis S.* Philanthropy as Virtue in Late Antiquity and the Middle Ages // Giving: Western Ideas of Philanthropy. Indiana University Press, 1996. Цит. по: *Ондрушек Д. и др.* Хрестоматия для некоммерческих организаций. Братислава, 2003. С. 55.

[2] См.: *Ондрушек Д. и др.* Указ. соч. С. 55; Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984.

[3] См.: *Сенека Л.А.* О благодеяниях // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.

Сенека, Цицерон и более поздние философы-стоики расширили смысл понятия «филантропия». В их сочинениях о дарении и щедрости речь уже не ограничивается личными отношениями между конкретными людьми в ситуации сбора средств в греческом полисе, — здесь фигурируют более широкие понятия естественного права и гражданства.

Исследователи отмечают, что жертвователи в древности точно так же, как современные филантропы, ожидали, что их деяния будут приносить пользу до скончания века и что потомки честно и рачительно распорядятся их щедрыми дарами. Тем не менее, как ни надеялись греки и римляне на вечное существование созданных ими учреждений, поначалу у них не было правовых институтов, способных обеспечить точное выполнение замысла жертвователя. Как правило, исполнение своей посмертной воли филантроп возлагал на надежное доверенное лицо или на нескольких близких друзей, которые, как предполагалось, будут неукоснительно следовать желаниям, выраженным в завещании. Эти друзья, когда придет время, укажут очередных наследников и преемников, препоручив им исполнение воли первого завещателя[4].

Со временем перед лицами или учреждениями, осуществлявшими благотворительную деятельность, встали два принципиальных вопроса, сохраняющих свое значение и в наши дни. Как законным образом оградить волю дарителя от искажений? Как эти учреждения могут гарантировать честное и ответственное использование их ресурсов при смене поколений? Во II в. до н.э. одно из простейших решений, которое могли принять греческие филантропы, выглядело так: капитал завещали полису или представлявшей его интересы группе лиц, входивших в состав городского правления. Иногда жертвователь мог настаивать на том, чтобы его воля была письменно зафиксирована в городских законах. Во время правления римского императора Нервы (96–98) городским

---

[4] См.: *Смит Дж.А., Боргман К.* Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст // Отечественные записки. 2006. № 4 (31). С. 59.

властям на территории всей империи было даровано право принимать пожертвования от частных лиц, а при Адриане (117–138) было установлено, что выполнение воли дарителя, выраженной в завещании, обеспечивается в принудительном порядке законами государства. Однако римские суды не всегда были последовательны в этой области, и филантропам хотелось подкрепить это установление специальным императорским эдиктом, дополнительно ограждавшим завещанное имущество от злоупотреблений. В I в. до н.э. в римском праве благотворительные объединения признались «постоянными субъектами права, не меняющимися со смертью физических лиц». Тогда же эти предшественники современных благотворительных ассоциаций (так называемые фиктивные юридические лица) получили право принимать пожертвования по завещаниям. Тем самым был сделан важный шаг в развитии законодательства, регулирующего благотворительную деятельность.

2.2. Деятельность благотворительных учреждений в Средние века

Христианство на многие столетия утвердило в народном сознании представление о том, что главный нравственный долг верующих — бескорыстное даяние (равно как и о том, что они могут быть вознаграждены за свою добродетель небесами). Основной принцип, на который опирались в Средние века европейские благотворительные учреждения, — это христианское учение любви. Евангелия от Матфея и Луки придали филантропии «вертикальный» характер, устремили к служению Богу, требуя от человека более самоотверженной любви к ближнему. Св. Матфей (Мт 25, 35–46) четко перечисляет шесть дел милосердия. Аврелий Августин и более поздние религиозные мыслители, развивавшие средневековое учение о спасении, несколько изменили и расширили этот перечень обязанностей: христианин должен был накормить алчущего, напоить жаждущего, приютить странника, одеть нагого, посетить больного, выкупить из тюрьмы узника и похоронить умершего.

Основы, на которые в дальнейшем опирались средневековые благотворительные учреждения, сформировались прежде всего на востоке Европы. В сочинениях греческих отцов — Климента Александрийского (ок. 150–215), Василия Великого (ок. 329–379), Иоанна Златоуста (ок. 347–407) можно найти формулировки соответствующих обязанностей христианина. Иоанн Златоуст был убежден, что христианская любовь заключается не столько в самом акте раздачи денег или имущества, сколько в духе благочестия и сострадания. Василий Великий видел в богачах лишь распорядителей, призванных управлять своим достоянием. Некоторые деятели церкви, развивая этот тезис, утверждали, что все земные богатства принадлежат не людям, а Богу. Здесь следует отметить жившего в VI в. Юлиана Померия, епископа из Северной Африки, учившего, что богача можно оправдать лишь тогда, когда он использует в благотворительных целях все свое имущество, за вычетом необходимого для удовлетворения простейших материальных потребностей его домашних[5].

Не менее влиятельными были учения западных отцов церкви — св. Аврелия Августина (354–430), св. Амвросия (ок. 340–397), св. Иеронима (ок. 340–420) и св. Григория Великого (ок. 540–604). Августин говорил, что нужда бедняков — оборотная сторона роскоши богачей. Амвросий настаивал в своих проповедях: «оскорбить бедняка ничуть не лучше, чем совершить убийство»[6].

Институциональные и законодательные структуры, составившие костяк позднейших западноевропейских благотворительных учреждений, также оформились на востоке Римской империи в IV в. В 321 г. император Константин (306–337) разрешил церкви принимать от частных лиц имущество по завещанию и тем самым стимулировал благотворительную деятельность. В 325 г. Никейский собор своим 70-м предписанием велел создавать во всех крупных городах дома призрения для больных и стариков, результатом стало основание множества благотворительных заведений.

---

[5] См.: *Смит Дж.А., Боргман К.* Указ. соч.

[6] *Mollat M.* The Poor in the Middle Ages: An Essay in Social History. New Haven, 1986. P. 22. Цит. по: *Смит Дж.А., Боргман К.* Указ. соч. С. 63.

Императорская власть, со своей стороны, поощряла создание таких учреждений и обеспечивала им поддержку. Император Юстиниан (527–565), основавший множество странноприимных домов на всей территории империи, даровал им первые официально зарегистрированные налоговые льготы и выделял дополнительные средства на строительство новых богоугодных заведений. Он также начал высказываться в пользу административного надзора за их деятельностью.

В Западной Европе периода раннего Средневековья монастыри были типичными благотворительными учреждениями. Они владели земельными угодьями и другим имуществом, собирали арендные платежи, а полученные средства использовали для помощи нуждающимся, раздавая милостыню и предоставляя приют путникам и больным; кроме того, в них существовали организационные структуры, подчинявшиеся церковному уставу и позволявшие воплощать в жизнь благочестивые замыслы богатого жертвователя или группы благотворителей.

К середине XII в. были созданы еще более прочные предпосылки для расцвета филантропии. Подъем городской культуры, укрепление денежного обращения повлияли и на характер представлений о человеколюбивых обязанностях христианина. Богословы XII в., изучавшие сочинения ранних отцов церкви, не уставали твердить о потенциальных угрозах, сопряженных с богатством, и об обязанности богачей заботиться о бедняках. Согласно М. Молла, «для мыслителей этого времени характерно частое употребление слов communicare, communicatio, communis, communicandus, призванных выразить идею о необходимости делиться богатством со своим ближним»[7]. Так сложилась теория естественной общности имущества, следствием которой было представление о том, что собственники являются лишь распорядителями доставшегося им богатства и что они должны приобщить к своему благополучию других.

Значительно более глубокие перемены в отношении к богатству и бедности повлекла за собой проповедническая деятельность

---

[7] *Mollat M.* Op. cit. P. 107. Цит. по: *Смит Дж.А., Боргман К.* Указ. соч. С. 67.

св. Франциска Ассизского (1182–1226), св. Доминика (1170–1221) и других монахов нищенствующих орденов, созданных этими святыми. Живя среди бедняков и проповедуя на многолюдных рыночных площадях, нищенствующие монахи говорили о социальном неравенстве и страданиях обездоленных. Бедный человек, учили эти монахи, обладает внутренним достоинством, нельзя видеть в нем лишь средство, с помощью которого богач, подающий милостыню, спасает собственную душу.

Экономический рост XII в. породил также новые и более разнообразные типы богоугодных заведений. Интеллектуальная жизнь в Западной Европе переживала период подъема, что повлекло за собой создание новых школ и университетов, также опиравшихся на пожертвования. По мере упрочения власти и влияния монархов создавались королевские благотворительные учреждения. Их возникновение было одним из шагов на пути к более жесткому государственному контролю и регулированию благотворительности. Примерно в 1190 г. французский король Филипп II Август (1165–1223) приказал построить дом для раздачи королевской милостыни. Далее Людовик IX (1214–1270) основал ряд богоугодных заведений, в том числе Hospital des Quinze-Vingts (Приют трехсот), где лечили слепых, и Maison des Filles-Dieu (Дом сестер милосердия). Более того, он пытался поставить деятельность этих заведений под государственный контроль, поручив должностным лицам, управлявшим раздачей королевской милостыни, приглядывать и за королевскими приютами.

В XII–XIII вв. появились и новые коллективные формы благотворительности. Вдохновляемые проповедью нищенствующих монахов братства мирян, ремесленные и торговые гильдии, приходские общины стали помогать слабейшим своим членам. Они собирали средства для оплаты похорон и заупокойных служб, поддерживали вдов и сирот. Одной из таких организаций было португальское «Братство добрых людей Бежи», учрежденное королевским указом в 1297 г. Другие религиозные братства опекали больницы и ведали раздачей милостыни. В приходах возник новый тип коллективных организаций, так называемых столов для

бедноты. Эти организации повсеместно ставили своей целью регулярную раздачу вещей или денег (в XIV в. денежная форма милостыни все чаще вытесняла натуральную). Такими организациями часто руководили миряне, трудившиеся на благо общества под контролем церковных иерархов. А кое-где, особенно в городах Северной Европы, эти учреждения были подотчетны городским властям, которые не только обеспечивали отчисления в их пользу из городской казны, но и устанавливали для них порядок ведения расходных книг, проверяли вносимые в них записи и расследовали случаи злоупотреблений.

Случалось, что городские власти брали дело в свои руки, создавая городские фонды помощи неимущим. Эти фонды во многих отношениях были прообразами современных местных благотворительных учреждений.

2.3. Развитие благотворительной деятельности в Европе в Новое время: рост коллективной филантропии

XVI столетие стало новым этапом в развитии европейской благотворительности, ускорив процесс ее обмирщения и подчинения государственному регулированию и контролю.

В течение XVI в. многие крупные города добились централизации помощи бедным слоям населения и взяли под свой контроль благотворительные учреждения. Бродяги были выселены из городов, а трудоспособных бедняков заставили работать. Во многих городах были созданы централизованные фонды раздачи милостыни, опиравшиеся и на частные пожертвования, и на введенные специальные налоги.

В 1601 г. в Великобритании был принят «статут о благотворительном пользовании», оказавший определяющее влияние на дальнейшее развитие благотворительности в этой стране. В преамбуле статута перечисляются следующие благотворительные цели: по-

мощь бедным, немощным, престарелым, больным и увечным солдатам и матросам; школам, колледжам и университетам; починка мостов, пристаней, гаваней, дамб, храмов, парапетов и проезжих дорог; обучение и материальная поддержка сирот; поддержка исправительных учреждений; содействие бракам неимущих девиц; помощь и поддержка молодых купцов, ремесленников, также и в случае их финансового краха; выкуп военнопленных и уплата штрафов за осужденных.

Правовая система, поощрявшая и защищавшая жертвователей, была не единственной причиной процветания благотворительности в Англии XVII–XVIII вв. Ему способствовал также стремительный рост «коллективной филантропии», т.е. объединения ресурсов ради достижения общей цели, — модель, аналогичная акционерной компании, что возникла в эпоху величайших перемен в сфере бизнеса[8]. Эти новые филантропические организации поддерживали своими пожертвованиями многие англичане, особенно те, кто располагали средним доходом или выбились в люди сравнительно недавно. Новые благотворительные организации ставили перед собой самые разные цели. В начале XVIII в. они создавали бесплатные школы, была построена сеть новых и хорошо оборудованных благотворительных больниц. Пять из них открылись в Лондоне между 1719 и 1750 гг. В этих медицинских учреждениях уход за больными сочетался с научной работой. Новые больницы и приюты были значительно масштабнее аналогичных учреждений в прошлом. Так, по словам одного историка, Приют для найденышей был «самым впечатляющим памятником, воздвигнутым в XVIII в. благотворительностью, — он мог обеспечить потребности примерно 6300 детей»[9]. Поддерживая подобные учреждения для подростков, жертвователи вдохновлялись не только гуманистическими побуждениями, но имели также в виду пользу для общества, которое получало в лице

---

[8] *Owen D.* English Philanthropy, 1660–1960. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1964. P. 3. Цит. по: *Смит Дж.А., Боргман К.* Указ. соч. С. 74.

[9] Цит. по: *Owen D.* Op. cit. P. 53.

воспитанников этих заведений хорошо обученных и физически крепких работников.

Однако ситуация со временем менялась, как менялось и восприятие благотворителями своей деятельности и ее результатов. Исследовавший этот вопрос в 1960-х годах Д. Оуэн отмечает: «Благотворители в конце века стали более расчетливыми, более заинтересованными в конечных результатах своих усилий, и по меньшей мере некоторые из них более скептически смотрели на стоявшие перед ними задачи... На рубеже веков филантропы были настроены совсем мрачно, уже не мечтая легко и без особых затрат достигнуть поставленных целей, к тому же они и впрямь сталкивались со все большими проблемами в финансировании своих проектов»[10].

2.4. Возникновение национальных государств и особенности благотворительной деятельности в европейских странах

Следует отметить, что возникновение национальных государств в Европе (отличающихся друг от друга своей политической и правовой культурой) обусловило особенности благотворительной деятельности в разных европейских странах.

Соотношение между помощью государства и деятельностью филантропических учреждений менялось. Были страны, где благотворительные учреждения интегрировались в растущий государственный сектор; были такие, где деятельность этих учреждений всемерно поощрялась правительственной поддержкой и высокой степенью автономии; однако кое-где они подверглись притеснениям или вовсе уничтожались. Новые европейские государства избирали для себя разное устройство, и как следствие, благотворительность в них, как и некоммерческий сектор в целом, также были весьма не похожи друг на друга.

---

[10] Ibid. P. 97.

Дж.А. Смит и К. Боргман — авторы исследования «Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст» — выделяют несколько моделей благотворительной деятельности, характерных для европейских стран. По их мнению, «в Великобритании сложилась модель благотворительности, существенно отличавшаяся от континентальной. Цели филантропической деятельности были подробно описаны в статуте о благотворительном пользовании и последующих документах; создание соответствующих трастов и учреждений не требовало официального одобрения правительства и регистрировалось сравнительно просто; законодательные механизмы, нашедшие свое наиболее полное отражение в Акте о благотворительном трасте 1853 г. и создании Комиссии по благотворительности, были рассчитаны на то, чтобы воплощать в жизнь намерения жертвователей и предотвращать злоупотребления; постоянно предпринимались усилия, чтобы упростить процедуры в Канцлерском суде и позволить трастам заново определять свои цели по мере того, как менялись потребности общества. В итоге сложилась настоящая культура филантропии: удобные законы, стабильный порядок управления, устойчивые традиции жертвования, гибкие организационные формы, эффективная система контроля и отчетности. Все это обеспечивало широкое поле деятельности для организаций, управлявшихся частными лицами и служившими общественному благу»[11].

В то же время во Франции и некоторых других странах с преобладающим католическим населением и сильной монархической властью сформировалось свое понимание роли государства. Согласно Смиту и Боргману, «этатистская централизация и сквозной контроль сверху во Франции проявляются очень рано. И Людовик XIV (1638–1715), и Людовик XV (1710–1774) урезают привилегии старых благотворительных учреждений и запрещают создавать новые. Считалось, что эти учреждения экономически неэффективны, а их освобождение от уплаты налогов наносит ущерб королевской казне.

---

[11] *Смит Дж.А., Боргман К.* Указ. соч. С. 76.

Французская революция ускорила процесс сокращения благотворительных фондов и передачу их функций государству. В 1790 г. Учредительное собрание сформировало Комитет по нищенству, который был настроен непримиримо по отношению к благотворительным учреждениям старого порядка, полагая, что милостыня унизительна и недостойна разумного человеческого существа. Комитет предпринял меры по централизации общественной благотворительности и более эффективному использованию средств, находящихся в распоряжении благотворительных фондов.

Лишь в конце XIX в. во Франции начинают появляться новые благотворительные учреждения. Законы же, содержащие определение благотворительного фонда, регулирующие создание таких фондов и управление ими, впервые вышли во Франции только в 1987 и 1990 гг.»[12]

Французский этатизм имел аналоги во многих других странах и везде оказывал сходное влияние на развитие гражданского общества. В Бельгии, например, революционная атмосфера, воцарившаяся в обществе в конце XVIII в., не благоприятствовала развитию благотворительных фондов, профессиональных объединений. Деятельность многих религиозных общин была приостановлена, частные лица потеряли право учреждать благотворительные фонды[13].

2.5. Благотворительность в европейских странах и США в XIX в.

Т.Б. Смит — автор исследования «Благотворительность и помощь бедным в Европе: современный период» анализирует основные черты благотворительности XIX в.

Прежде всего благотворительность формировала важный компонент самооценки местных элит. Благотворительность упро-

[12] Там же. С. 77–78.
[13] Там же. С. 80.

чивала лояльность населения к местным элитам и центральная власть не должна была соперничать с ними за симпатии бедноты. Дающий любил напомнить просителю о себе. Наличие благотворительности до некоторой степени оправдывало неравенство. В западной Франции традиционное покровительство элиты крестьянам сохранилось до середины XIX в. В некоторых районах западной Франции замки оставались главным источником помощи бедным вплоть до 1880-х годов[14].

Согласно Т.Б. Смиту, «движущей силой благотворительности в XIX в. был общественный престиж. Благотворительность добавляла престиж городу, как, например, Гамбургу в XVIII в., и те, кто занимались ею, приобретали солидный общественный и политический капитал. Это было характерно и для небольших городков, в которых приют мог оказаться самым большим и внушительным зданием после церкви и ратуши.

Участие в управлении приютом или солидным благотворительным обществом обеспечивало определенные привилегии. Так, в Лионе в начале XIX в. оно было свидетельством высокого социального статуса. Те, кто занимались такой деятельностью, по их собственным словам, "облагораживались посредством благотворительности, благороднейшей из добродетелей"»[15].

На протяжении всего XIX в. противники государственной социальной помощи утверждали, что финансируемая государством социальная помощь отрицательно сказывается на положении филантропов. Многие сторонники филантропии считали, что побуждение к этой деятельности должно оставаться личным порывом, а не законодательно закрепленной обязанностью. Т.Б. Смит ссылается на «Руководство для комиссаров и дам-благотворительниц Парижа», которым пользовались руководители организаций по оказанию помощи бедным и волонтеры: «Благотворительность —

---

[14] *Смит Т.Б.* Благотворительность и помощь бедным в Европе: современный период // Благотворительность в России. 2004/2005: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2005. С. 176–177.

[15] Там же. С. 176.

это призвание состоятельных граждан. Благотворительность милосердна и исполнена любви, но, прежде чем действовать, она изучает; наблюдает... и добавляет к материальной помощи утешение, совет и даже отцовское порицание... Она позволяет (дающему. — *Т.С.*) разбогатеть своими добрыми делами»[16].

Для этого же времени характерно появление отдельных филантропов и филантропических движений нового типа, которые собирали информацию и обследовали положение семей рабочих, здоровье членов их семей и городской бедноты, наряду с необычайным размахом появления частных библиотек, университетов, больниц, музеев и проч. для общественного пользования.

Создаются филантропические тематические комиссии, статистические общества для проведения социальных обследований с целью информирования и мобилизации общественного мнения, привлечения внимания официальных кругов к «темным» сторонам социальной действительности. В рамках так называемой социальной (моральной) статистики большинство тем обследований было связано с проблемами социальной гигиены, условиями жизни бедных слоев населения[17].

Около одной пятой исследований Лондонского статистического общества было посвящено проблемам бедности. Изучались цены на продукты и одежду, семейные бюджеты, уровень дохода. Организаторами статистических исследований были ученые (экономисты, математики, историки), официальные лица, учителя, врачи (в большинстве своем это были состоятельные люди). Так, Манчестерское статистическое общество образовалось в 1833 г., и, как писали в газетах, основано оно было «тринадцатью джентельменами во главе с врачом Дж. Кей-Шаттлуортом, которые испытывали непременное желание содействовать повышению прогресса...

---

[16] Там же.

[17] *Ярошенко С.С.* Проблематика субкультуры бедности в американской социологии: эволюция принципов исследований и подходов: дис. ... канд. социал. наук. М., 1994. С. 42.

помимо желания они имели средства»[18]. В результате проводимых исследований был накоплен солидный материал об образе жизни обездоленных, заложены основы городской этнографии.

Помимо деятельности Манчестерского и Лондонского статистических обществ в конце XIX в. в Англии следует отметить эмпирические исследования бизнесмена Ф. Идена, а также ливерпульского предпринимателя-судовладельца Ч. Бута и его последователей.

Во Франции и Германии рассматриваемого периода также известны как в истории филантропии, так и в истории эмпирических социальных исследований работы французских и немецких филантропов-реформаторов. В сфере социальной гигиены — это обследования А. Паран-Дюшатле, Л. Виллерме (врач), Р. Вирхова (патологоанатом), а в сфере моральной статистики — А. Герри (юрист), Э. Энгеля (инженер и статистик), особой вехой стали монографические исследования (case studies) семей рабочих в разных странах Ф. Ле Пле (горный инженер).

Филантропы-реформаторы ставили целью проводимых по их инициативе и поддержке исследований поиск действенных методов социального реформирования вообще, организацию национальных систем общественного здравовохранения, регулирование условий найма в частности.

Подъем интереса к социальным проблемам совпал с подъемом рабочего движения и был направлен на поиск эффективных мер для разрешения конфликтов.

Следует отметить влияние христианских традиций на работы большинства членов статистических обществ и отдельных энтузиастов, которые рассматривали свои исследования как часть политики морального совершенствования, а социальную науку — как реализацию идей христианства.

Конец XIX в. был периодом технических инноваций и явился предзнаменованием периода быстрого экономического развития в

---

[18] См.: *Ярошенко С.С.* Указ. соч. С. 42.

европейских странах и США в первой половине XX в. Экономический рост предоставил возможность аккумулировать очень большие состояния в руках отдельных лиц или их семей. Такие имена, как А.В. Меллон, Г. Форд, А. Карнеги, Дж. Рокфеллер, В.К. Келлог, Ч.С. Мотт являются символом того времени и благотворительности, часть их состояния в форме уставного фонда используется и до настоящего времени. Средства из этих фондов и по сей день используются для поддержки разных благотворительных, культурных или образовательных программ и проектов[19].

2.6. Благотворительная деятельность в условиях усиления роли государственной социальной поддержки в конце XIX — начале XX в.

Итак, XIX в. стал переломным этапом в истории благотворительной деятельности. Т.Б. Смит называет проблемы, возникшие в сфере благотворительности: «Во-первых, церковь, традиционно занимавшаяся благотворительностью, стала подвергаться постоянным нападкам со стороны гражданских реформаторов. Там, где церковь ослабевала, как это случилось во Франции, возникали серьезные проблемы с институциональной базой благотворительности, но даже здесь церковь оставалась главным источником усилий, направленных на благотворительность. Во-вторых, индустриализация и урбанизация сделали бедность более заметной. В результате роста населения увеличилось, например, число детей, брошенных родителями. В-третьих, средний класс подвергал сомнению обоснованность благотворительной деятельности»[20]. Кроме того, он считает, что «последовательные либералы в экономике настаивали на том, что благотворительность наносит вред тем, кто ею пользуется, лишая их независимости и самостоятель-

---

[19] См.: *Ондрушек Д. и др*. Указ. соч. С. 60.
[20] *Смит Т.Б*. Указ. соч. С. 173.

ности. Многие города пытались запретить нищенство, поскольку оно противоречило основным положениям трудовой этики.

Сходные идеи привели Англию к сокращению продовольственного обеспечения в рамках закона о бедных и перемещению нуждающихся в помощи в работные дома. Благотворительные организации пытались проводить различие между заслужившими помощи бедняками, не способными работать по причине болезни или старости, и лентяями, которых приходилось привлекать к активной трудовой деятельности насильственно»[21].

К концу XIX в. масштабы бедности достигли невиданных размеров. Помощь бедным требовала все больших материальных вложений. В 1899 г. в Лондоне благотворительные организации потратили свыше 6 млн фунтов на социальную помощь (что превосходит бюджет некоторых небольших европейских стран). Несмотря на это, из первого тома фундаментального труда Ч. Бута «Жизнь и трудовая деятельность населения Лондона» о бедности следовало, что около 30% населения Лондона было бедным. Все очевиднее становилась необходимость усиления государственной помощи. Т.Б. Смит отмечает: «Неспособность некогда действенных общественных сил (таких, как местная благотворительность и церковь) выдержать последствия новых экономических веяний и справиться с городскими гетто и циклическими кризисами производства потребовала более активного государственного вмешательства. Новые промышленные пригороды разрастались в Англии, Франции и Германии, и церковь не могла с ними справиться. Старая приходская система разрушалась. Германия начала процесс строительства государства всеобщего благосостояния в 1880-е годы, Франция, Великобритания и скандинавские страны последовали ее примеру в 1890-е и 1900-е годы»[22].

Между 1918 и 1938 гг. в Англии произошло пятикратное увеличение расходов на социальное обеспечение: в 1918 г. на социальное обеспечение тратилось 2,4% ВНП, в 1938 г. — 11,3%. К 1930-м го-

---

[21] *Смит Т.Б.* Указ. соч. С. 173.
[22] Там же. С. 186–187.

дам от 40 до 50% рабочих семей получали государственную помощь в той или иной форме. К середине 1930-х годов в Великобритании суммы, затрачиваемые на социальное обеспечение государством, превышали расходы благотворительных организаций не менее чем в 10 раз. В Германии социальное обеспечение государством было еще значительнее. Социальная помощь рассматривалась теперь как гражданское право и антитеза частной благотворительности.

Таким образом, если до 1920-х годов благотворительность и помощь бедным играли в Европе куда более важную роль, чем социальное страхование, то в XX в. благотворительная помощь уступает место государству всеобщего благосостояния с социальными гарантиями, которые сопровождают «человека от колыбели до могилы через систему страхования от болезней, нетрудоспособности, безработицы и, прежде всего, бедности в старости...»[23]

Обеспечиваемая государством социальная помощь сравнялась по объему с частной благотворительностью во Франции и Англии уже в 1920-х годах. В Германии это произошло немного раньше, в других европейских странах (таких как Италия) — немного позже, однако на протяжении всего XIX в. благотворительность являлась основным источником помощи бедным.

---

[23] Там же. С. 172.

Глава 3

Благотворительность и общественное призрение в истории России X — начала XX в.: институционализация в контексте общественного развития

3.1. Генезис благотворительности в средневековой Руси. Соотношение частного и общественного начал в деле помощи неимущим

Зарождение благотворительности на Руси датируется принятием христианства и учреждением церковной организации, т.е. рубежом X–XI вв. Забота о нуждающихся являлась важным атрибутом облика первых православных князей.

Крещение, как повествует древнерусская летопись «Повесть временных лет», коренным образом изменило облик князя Владимира, который стал нищелюбцем, позволял всякому убогому приходить на княжеский двор, чтобы кормиться, а больным, неспособным ходить, направлял повозки, груженые продуктами. Помогал убогим сын Владимира князь Ярослав, правивший в 1019–1054 гг. Владимир Мономах (1113–1125 гг.), бывший эталоном христианского князя, призывал своих сыновей не забывать убогих и кормить их[1]. При этом благотворители не считали нужным выяснять причины нищенства, оказывая помощь всем без разбора.

---

[1] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Вып. 1. С. 157.

Древнерусские князья осуществляли благотворительную деятельность под эгидой и покровительством духовной власти. Сама церковь являлась активным участником благотворительной работы. Письменные памятники, проанализированные в конце XIX в. профессором Санкт-Петербургского университета П.И. Георгиевским, отмечают милосердие иноков Киево-Печерского монастыря. По повелению Феодосия Печерского помощь оказывалась всем нищим, слепым, хромым в размере десятой части «от всего сущего монастырского»[2].

Благотворительность в Древней Руси нередко сосредоточивалась в церковных приходах, являвшихся одновременно церковной, земской и податной единицей общественного управления. Практически при каждой церкви существовали богадельни, именуемые «избами для нищих», «вдовьими дворами». Среди различных форм приходской благотворительности отметим особо выдачу ссуд из церковной казны в виде денег, хлеба, семян, сена и др. Ссуды выдавались как отдельным крестьянам-беднякам, так и целым сельским обществам[3].

Преимущества приходской благотворительности перед частной в форме раздачи милостыни были налицо: тесно сплоченные в своем обиходе прихожане хорошо знали друг друга, были осведомлены как о материальном положении, так и о нравственных качествах просящих помощь, ввиду чего приходская благотворительность в большей мере отвечала действительным нуждам бедняков. Помощь оказывалась нуждающимся, а не профессиональным нищим. Неимущим прихожанам давались деньги, им предоставлялись кельи в церквях для ночлега и др.[4]

В деле помощи нищим важную роль играли церковные братства. С XII в. на братских пирах в обязательном порядке происходило угощение нищих.

---

[2] *Георгиевский П.И.* Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894. С. 13.

[3] *Папков А.* Древнерусский приход. Сергиев Посад, 1897.

[4] *Бобровников В.Г.* Церковно-приходская благотворительность на Руси и в Донской Епархии. Волгоград, 1992. Рук. деп. в ИНИОН РАН. С. 7.

Роль монастырей как центров помощи нищим была особенно заметной в периоды голодных лет и эпидемий, которыми изобиловало русское Средневековье. Так, игумен Волоколамского монастыря Иосиф кормил во второй половине XV в. до семисот нуждающихся взрослых, построил странноприимный дом[5]. По нескольку сот человек кормилось тогда и в других монастырях.

Воспитание бедных сирот, уход за больными в госпиталях и богадельнях было основным предназначением монахов целого ряда монастырей, особенно Западной Руси. Церковь и монастыри принимали нищих и убогих со всей Руси под свое покровительство, именуя их церковными людьми. Около церквей и монастырей возникали нищенские слободы.

Церковная благотворительность тесно переплеталась с нищелюбием князей и богатых горожан, устраивавших в ходе пиров и семейных торжеств общие трапезы для нищих и убогих. Дореволюционный правовед И.Е. Андреевский справедливо утверждал, что благотворительность на Руси основывалась на ряде укоренившихся в обществе обычаев: появившемся с принятием христианства обычае князей давать церкви десятину со своих доходов; развившемся вместе с ним особенно в период монгольского ига обычае частных лиц оставлять церкви имущество на помин души; традиции содержания неимущих монастырями, а также свойственном русскому человеку обычае гостеприимства и подаяния бедному[6].

Сострадание к неимущим являлось, как уже было показано выше, воплощением высокого религиозного чувства — милосердия к ближнему, проявление которого было нормой жизни средневекового общества. Между тем благотворительность без учета реального положения просящих помощи имела и негативные результаты, приводила к развитию профессионального нищенства.

Историк В.О. Ключевский свидетельствовал, что во второй половине XVII в., в годы правления известного своим нищелюбием

---

[5] *Максимов Е.* Помощь бедным в Древней Руси // Трудовая помощь. 1899. № 2. С. 126.

[6] *Андреевский И.Е.* Полицейское право. СПб., 1871–1873. Т. 1. С. 363.

и благочестием царя Алексея Михайловича Романова, профессиональное нищенство было чрезвычайно развито: «...несчастие, праздность и порок сидели, ползали и лежали рядом; нищие и калеки вопили к прохожим о подаянии»[7].

Благотворительность в том виде, в котором она установилась на Руси, с отношением благотворителя к нищему как к лучшему богомольцу и душевному благодетелю, оказывала, по мнению известного русского историка, некоторое благотворное нравственно-воспитательное влияние на общество. Между тем негативные результаты подобного подхода к помощи бедным были более ощутимы: он не содействовал улучшению русского общежития, а напротив, являлся фактором дестабилизации общественного порядка и развития профессионального нищенства. Благотворительность «чиста в своем источнике, но легко поддается порче в своем течении, — резюмировал В.О. Ключевский. — Здесь она против воли благотворителей и может разойтись с требованиями общественного блага и порядка»[8].

Профессиональное нищенство приобрело в XVII в. масштабы настоящего социального бедствия, и в борьбу с ним было вынуждено включиться государство. Попытка дифференцировать положение нищих предпринималась еще в середине XVI в. Так, на Стоглавом соборе 1551 г. было признана необходимость дифференцировать нищих, подразделив их на нищих-промышленников (здоровых людей), которых следовало трудоустроить, и на действительно нищих — прокаженных и стариков; последних было предложено переписать по городам, устроить для них богадельни под надзором духовенства и выборных общественников — градских целовальников, и содержать их за счет милостыни[9].

Государственная программа борьбы с нищенством была предложена в конце XVII в. В Указе царя Федора Алексеевича 1682 г., изданном под влиянием Земского собора 1681 г., на котором речь

---

[7] *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад, 1892. С. 16.
[8] Там же. С. 10.
[9] Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 351.

шла, в числе прочего, и о нищенстве, предписывалось «произвести разборку московских нищих». Действительно беспомощных предлагалось устроить в две богадельни, которые надлежало построить в Москве за счет государства. «Здоровым лентяям» надлежало дать работу, «чтобы впредь по улицам бродящих и лежащих нищих (меж которыми многие притворные воры и всем здоровые и работать могут) не было». Ожидаемыми последствиями данного указа законодатель признавал декриминализацию и улучшение санитарного состояния городов, а также обеспечение внутреннего рынка товарами отечественного производства, которые станут производить в прошлом воры и бродяги. В целом Указ 1682 г. был пропитан оптимистическим настроем, убеждением, что с принятием его «не токмо в Москве, но и в городах всего Московского государства никакого нищего по улицам бродящего не будет»[10].

Исследователи прослеживают влияние на Указ 1682 г. опыта стран Западной Европы. В Указе содержалось упоминание об «еуропских странах», а также о государствах и градах, где «такие домы нищим были построены». Европейский опыт оказал воздействие также на проектируемое Указом создание школ для обучения детей нищих наукам и ремеслам[11].

Смерть Федора Алексеевича, последовавшая в год принятия указа, препятствовала осуществлению его замысла. Между тем в Москве на средства государства все же была построена богадельня.

Таким образом, в конце XVII в., а частично уже и в середине XVI в., Московским государством был высказан новый взгляд на содержание благотворительной работы. Акты 1551 и 1682 гг. содержали идею перехода от благотворительности как частной помощи частным лицам к идее призрения бедных как отрасли государственного управления, основывавшейся на разборчивом отношении к нищим и призрении их в закрытых заведениях.

---

[10] Цит. по: *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право. СПб., 1908. С. 474–476.
[11] Там же. С. 475–476.

3.2. Благотворительность и общественное призрение в Российской империи в XVIII в. Создание государственных органов призрения неимущих

Принципы, выраженные в Указе царя Федора Алексеевича 1682 г., получили дальнейшее развитие при его преемниках. Петровское законодательство пошло по пути разработки и ужесточения государственной репрессии как меры борьбы с профессиональным нищенством. Указы Петра I по отношению к нищим характеризовались чрезвычайной суровостью, напоминая политику, проводившуюся в Англии и Франции еще в XIV–XV вв.

Система общественного призрения великого преобразователя России, по выражению известного дореволюционного публициста, автора более 15 трудов по истории филантропии, чиновника МВД Е.Д. Максимова, была «построена на разделении всех нуждающихся в помощи на категории в зависимости от рода испытываемой ими нужды, на назначении каждой категории соответственной формы призрения». Трудоспособным предоставлялась работа, неспособным к труду — призрение, преимущественно в закрытых заведениях, больным — лечение, впадающим в бедность — меры предупреждения нищеты, а профессиональным нищим назначались суровые наказания[12].

Угрозу для нищих, «притворным лукавством просящих на Христово имя милостыню», содержал Указ от 30 ноября 1691 г., изданный от имени малолетних царей Ивана и Петра Алексеевичей. Он предписывал заботиться об искоренении нищенского промысла посредством водворения притворных нищих на места своего жительства: посадских людей — в посады, дворцовых крестьян — в дворцовые волости, помещичьих и вотчинных крестьян следовало отдавать их владельцам. В случае рецидива со стороны притвор-

---

[12] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. С. 6.

ных нищих для них устанавливалось наказание кнутом и ссылка в дальние сибирские города[13].

Наряду с оформленными законодательно мерами репрессии по отношению к нищим Петр I руководствовался стремлением дать призрение нуждающимся, а также предупредить и устранить сам феномен нищенства. В своих указах император разъяснял необходимость дифференцированного подхода к нищим, отделения действительно нуждающихся от профессионалов. Нищих, способных к труду, законодатель стремился привлечь к работе, тогда как больным и увечным предписывалось давать приют в богадельнях.

В 1712 г. Петр I повелел завести в учрежденных им губерниях богадельни для престарелых и увечных, неспособных к работе людей, а также для незаконнорожденных детей (в качестве примера было предложено взять устроенный Новгородским митрополитом Иовом монастырский детский приют). В монастырские и церковные богадельни император планировал помещать также престарелых раненых и увечных воинов, обеспечивая их хлебом и денежным жалованьем[14].

Широкий общественный резонанс вызвал указ Петра от 25 февраля 1718 г., которым впервые в русской истории была воспрещена подача милостыни на улицах и в церквях под угрозой штрафа в размере 5 руб. (в случае рецидива размер штрафа удваивался). Свой запрет император мотивировал утверждением, что неразборчивая подача милостыни развивает нищенство, обращая его в легкий и доходный промысел. Лицам, желавшим подать милостыню, рекомендовалось отсылать ее в богадельню[15]. Позднее данный запрет раздачи милостыни был подтвержден.

Указом от 20 июня 1718 г. преследование профессиональных нищих ужесточалось. Не записанные в богадельни, нестарые и не увечные нищие подлежали аресту, допросу, наказанию батогами и отсылке в места их проживания. Попавшихся повторно следова-

---

[13] ПСЗ I. Т. 3. № 1424.
[14] Там же. Т. 4. № 2467, 2470, 2477.
[15] Там же. Т. 6. № 3172.

ло наказывать кнутом и ссылать на каторжные работы; детей их бить батогами и посылать работать на мануфактуры. С владельцев нищих (помещиков, приказчиков, старост и др.) следовало брать штраф в размере 5 руб. за каждого нищего за недосмотр[16].

Системный характер создаваемой Петром I организации общественного призрения призваны были придать изданные в 1721 г. регламенты Главному магистрату и Духовной коллегии. Первый акт касался мер призрения, возложенных на светскую власть, второй — на духовную.

В Регламенте Главного магистрата, изданном 16 января 1721 г., функция призрения сирых, убогих, больных и увечных, а также престарелых обоего пола была возложена на полицию. Регламент проектировал создание учреждений общественного призрения. Магистрату (сословному органу управления) каждого города предписывалось строить смирительные дома (в них заключались на принудительную работу здоровые нищие и гуляки, чтобы заработать себе пропитание), прядильные дома (сюда принимались способные к работе женщины, занимавшиеся нищенством) и госпитали (предназначались для призрения сирых, убогих, больных, увечных и престарелых людей). Надзор за смирительными домами и госпиталями возлагался на полицию. Петр высказывал пожелание, чтобы магистраты «без отягчения народного» устроили сиротские дома и госпитали по примеру европейских государств, где подобные дома имелись как в больших, так и в малых городах[17].

В Регламенте Духовной коллегии от 25 января 1721 г. Петр I предпринял попытку концептуального пересмотра веками складывавшейся на Руси традиции подачи милостыни просящему. Со ссылками на Библию в Регламенте доказывалось, что надо трудиться, чтобы себя прокормить, что «здравые, а ленивые прошаки Богу противны суть», что подающие милостыню таким людям совершают такое же богопротивное дело, как и просящие ее. Подробно описывался экономический, социальный и политический

---

[16] Там же. Т. 6. № 3213.
[17] Там же. Т. 7. № 3708.

ущерб, который проносила России традиция раздачи милостыни: от этого скуден и дорог бывает хлеб, развивается шпионство и бунтовщичество и т.п. Император рекомендовал Синоду разработать меры к искоренению нищенства и передаче пожертвований истинно в них нуждающимся, предлагал организовать дело помощи бедным на новых началах, согласующих религиозное чувство христианского милосердия с предупреждением общественной опасности от промышленного нищенства[18].

Проектированные Петром I меры были нацелены на создание системы общественного призрения. Между тем ввиду недостатка средств у церкви и государства для устройства богоугодных заведений они во многом остались лишь пожеланиями. Пока светские заведения призрения не были созданы, указом 31 января 1724 г. предлагалось продолжать прежнюю практику расселения сирот и подкидышей, отставных солдат и иных нищих в монастырях[19].

Преемники Петра I продолжили линию, начатую им. Повторялись указы о заведении богаделен и о преследовании профессионального нищенства. Подобные богадельни были заведены в Петербурге, Москве, Казани и ряде других городов. Однако системы помощи нуждающимся в эпоху «дворцовых переворотов», как и в петровский период, создано не было.

Яркий след в истории общественного призрения в России XVIII в. оставила Екатерина II. Первоначально внимание императрицы было обращено на организацию призрения младенцев. Указанный вопрос был основательно разработан известным филантропом И.И. Бецким, результатом чего было основание в Москве в 1763 г. Воспитательного дома для приносимых детей с больницей для сирых и неимущих, а также открытие в 1772 г. Воспитательного дома в Петербурге.

Характерной чертой последней трети XVIII в. — времени «просвещенного абсолютизма», когда воззрения русских людей на благотворительность испытали воздействие идей европейского

---

[18] ПСЗ I. Т. 7. № 3718.
[19] Там же. № 4450.

Просвещения, было более гуманное отношение к нищим. В них перестали видеть только преступный элемент и начали усматривать несчастные жертвы неблагоприятных условий жизни. Екатериной II было отменено нещадное битье нищих. Ею были изданы акты о воспрещении уличного нищенства, об устройстве в 26 епархиях богаделен, о создании при монастырях домов для призрения безумных и сумасшедших и т.п.[20]

Ко времени правления Екатерины II относится учреждение приказов общественного призрения. Созданные на основании «Учреждения о губерниях» 1775 г.[21], эти приказы призваны были заложить основы системной организации общественного призрения в России. На образованные на территории каждой губернии приказы общественного призрения был возложен обширный перечень задач. Им было поручено устройство (с последующим попечением и надзором) народных школ, сиротских домов (для призрения и воспитания сирот обоего пола, оставшихся в результате потери родителей без пропитания), госпиталей (больниц), богаделен (в них содержались убогие, увечные и престарелые мужчины и женщины), домов для неизлечимо больных, работных домов (призваны были дать работу, пропитание и кров трудоспособным неимущим), смирительных домов («для усмирения людей непотребного и невоздержного житья»). На содержание приказов общественного призрения было отпущено 15 тыс. руб. из доходов каждой губернии.

Приказы общественного призрения в течение почти века были главным органом общественного призрения в Российской империи. До введения «Положения о земских учреждениях» 1864 г. они существовали во всех губерниях, а после 1864 г. и вплоть до советского времени продолжали существовать в губерниях, где не были введены органы земского самоуправления.

Приказы общественного призрения были бюрократическими учреждениями. Руководимые губернаторами, они были укомплек-

---

[20] *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся в историческом ее развитии в России // Благотворительность в России. Т. I. СПб., 1907. С. 33.
[21] ПСЗ I. Т. 20. № 14392.

тованы губернскими чиновниками (два заседателя от верхнего земского суда, два — от губернского магистрата и два — от верхней расправы), слабо понимающими существо дела призрения бедных и не способными серьезно им заняться в силу выполнения других функций. Свою деятельность в этих приказах чиновники рассматривали как занятие побочное и второстепенное.

По мнению дореволюционных российских специалистов в области общественного призрения, деятельность приказов не была особенно эффективной. И.Е. Андреевский объяснял это обстоятельство бюрократическим духом данных органов: «В самом зародыше приказ носил начала формализма и бездействия»[22]. «Устройство приказов общественного призрения не привело к желательному решению вопроса о целесообразной организации этого дела»[23], — к такому выводу пришел другой полицеист В.Ф. Дерюжинский. Проанализировав численность заведений, находившихся в ведении приказов общественного призрения к 1862 г. (их было 768), а также число призреваемых в них людей (181 553 человек), Дерюжинский резюмировал, что приказы обслуживали весьма незначительную долю лиц, которые действительно нуждались в призрении, а результаты их деятельности были весьма незначительными[24].

Не содействовала эффективной деятельности приказов общественного призрения и краткосрочность их работы: согласно ст. 393 «Учреждения о губерниях» приказ заседал ежегодно с 8 января до страстной недели, т.е. менее трех месяцев. Сказывался недостаток казенных средств для грамотной организации общественного призрения.

Опыт организации общественного призрения силами бюрократии, не предполагавшей проявления частной инициативы и серьезного участия общества, оказался неудачным. Он был увековечен Н.В. Гоголем в «Ревизоре» как опыт сугубо безличный, чиновно-бюрократический, представленный фигурой формально относив-

---

[22] *Андреевский И.Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 377.
[23] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 489.
[24] Там же. С. 482, 486–487.

шегося к делу призрения нуждающихся попечителя богоугодных заведений Земляники, имя которого стало нарицательным обозначением работников сферы государственного призрения дореволюционной России. Следует согласиться с современным историком благотворительности Я.Н. Щаповым, что «принятие на себя государством “просвещенного абсолютизма” функций милосердия и социального призрения без использования в этом деле общественной активности и частной инициативы, без опоры на гуманитарные, нравственные, а также религиозные аспекты помощи делало всю эту систему малоэффективной в борьбе с бедностью»[25].

Давая общую оценку политики Екатерины II в области организации общественного призрения, следует отметить в качестве достоинства ее введение в дело помощи бедным принципа специализации, выразившегося в создании широкого спектра богоугодных заведений, ориентированных на поддержку различных категорий населения. В России тогда были основаны «чистые типы филантропических заведений, в распорядке жизни и практической деятельности которых были заложены нормы, изменяемые и улучшаемые затем на протяжении последующего столетия»[26].

3.3. Государственная форма призрения неимущих с привлечением общественного и частного элементов. Благотворительные ведомства и учреждения XIX в., «на особых основаниях управляемые»

Недостатки государственной организации призрения, проявившиеся в деятельности созданных Екатериной II приказов

---

[25] *Щапов Я.Н.* Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 85.

[26] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России XIX — начала XX века в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН 1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 170.

общественного призрения, породили на рубеже XVIII–XIX вв. потребность к оживлению системы благотворительных учреждений за счет приобщения к нему самодеятельных общественных сил. Возникла идея организации помощи неимущим путем соединения действий государства, сословных и общественных групп, частной благотворительности под патронажем государства.

Из указанных элементов слагалась организация общественного призрения в Российской империи XIX — начала XX в. Утвердилась она не сразу. Первые серьезные шаги к ее построению были сделаны в царствование Александра I, когда было положено начало целому ряду благотворительных ведомств и учреждений, известных под названием учреждений «на особых основаниях управляемых».

Создание таких учреждений было продиктовано потребностью к усилению общественного начала в сфере помощи нуждающимся. Сказалось здесь влияние европейского опыта организации общественного призрения. В XIX в. наиболее совершенной системой организации общественного призрения в Западной Европе считалась система, впервые примененная в Эльберфельде (Германия). Особенность ее заключалась в индивидуализации помощи неимущим путем тщательного изучения каждого случая нужды.

Индивидуализация помощи предполагала максимально широкое участие в осуществлении филантропии местного населения, общественных учреждений и частных благотворителей. В странах Западной Европы помощь бедным составляла в ту пору заботу общества. В Германии общественное призрение осуществлялось общинами, в Англии — территориальными участками (группами приходов), во Франции — комиссиями под председательством мэра с помощью приглашенных добровольных общественных деятелей.

Проектируемые на новых принципах, российские благотворительные учреждения XIX в. предполагали особую, отдельную от приказов общественного призрения организацию. Специфичность их организации обусловливалась и сложностью их правового статуса: учреждения являлись полугосударственными-полу-

общественными. Не подчиненные никакому министерству, они представляли собой независимые благотворительные ведомства.

Старейшая благотворительная структура характеризуемого нами типа — особое благотворительное придворное ведомство, созданное супругой Павла I в 1797 г., когда императрица взяла под свое покровительство учрежденные Екатериной II в Москве и Петербурге Воспитательные дома. Указом Николая I от 25 октября 1828 г. о порядке управления заведениями, состоявшими под попечением покойной уже тогда Марии Федоровны, данные заведения получили название «Ведомство учреждений Императрицы Марии» (ВУИМ). Они вошли в состав основанного 26 октября 1828 г. IV Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, где было сосредоточено Главное управление ВУИМ. В октябре 1854 г. учреждениям было присвоено наименование «Ведомство учреждений Императрицы Марии, состоящих под покровительством их императорских величеств»[27].

Сеть учреждений Марии Федоровны неуклонно расширялась: за счет учреждений, основанных на личные средства императрицы (женские учебно-воспитательные заведения, училище для глухонемых детей в Павловске, воспитательный дом в Гатчине и др.), а также отдельными жертвователями (Демидовский дом призрения трудящихся, пензенская Киселевская богадельня и др.) и группами жертвователей (Московское благотворительное общество, Киевское благотворительное общество, Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, Попечительство о глухонемых и др.)[28]. Общественные учреждения управлялись и контролировались выборными лицами из числа добровольных деятелей.

ВУИМ функционировало за счет личных средств императрицы, казенных субсидий и частных пожертвований. Помощь оказывалась предоставлением нуждающимся пропитания, проживания, обучения, денежного пособия.

---

[27] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. С. 14–15.

[28] Там же. С. 16–17.

Рост данного благотворительного ведомства продолжался и после смерти Марии Федоровны в 1828 г., хотя наблюдалось ослабление кипучей прежде деятельности учреждений, вдохновляемых покойной императрицей. После Марии Федоровны ВУИМ возглавляли императрица Александра Федоровна (при Николае I), императрица Мария Александровна (при Александре II), императрица Мария Федоровна (при Александре III и Николае II).

На протяжении ста двадцати лет своего существования ВУИМ заняло выдающееся место в системе общественного призрения Российской империи. В 1854 г. в структуре ВУИМ насчитывалось 236 заведений, к 1902 г. — более 1000. Сумма капиталов ВУИМ составляла к 1 января 1905 г. более 128 млн руб., ежегодный бюджет — 24 млн руб.[29]

В ВУИМ входили различные по функциям и назначению учреждения: больницы, учебные заведения, богадельни. В начале XX в. ВУИМ включало Императорское женское патриотическое общество (обучало неимущих в своих школах и интернатах), Попечительство о глухонемых (осуществляло призрение, воспитание и обучение глухонемых всех возрастов), Попечительство о слепых (давало воспитание и образование слепым детям, готовило их к труду), детские приюты (содержали младенцев и давали им начальное профессиональное образование в своих ремесленных училищах и классах)[30].

Заметных успехов в своей сфере добилось Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых. Менее чем за 30 лет своего существования, с 1877 по 1906 г., оно открыло в России 27 отделений и 6 комитетов, 24 училища для слепых детей, 17 глазных лечебниц, 70 стационарных пунктов для оказания помощи больным глазами. Попечительство имело свыше 7 тыс. членов и более 4 млн руб. денежных средств[31].

---

[29] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России... С. 175–176.

[30] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. С. 32–39.

[31] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 521.

К началу XX в. на попечении старейших учреждений ВУИМ — Воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга, состояло более 80 тыс. детей, которые получали образование в школах и училищах, а в юном возрасте воспитывались в деревенских семьях. Воспитательные дома принимали более 20 тыс. незаконнорожденных и до 500 законных младенцев ежегодно, содержали более 100 школ для обучения питомцев. В детских приютах ВУИМ, существовавших во многих городах, содержалось до 14 тыс. детей, обучавшихся грамоте по программе начальной школы и ремеслу. В 36 богадельнях ежегодно проживало до 4 тыс. престарелых и увечных людей. Врачебной помощью в 40 больницах ВУИМ пользовались до 24 тыс. человек в год стационарно и до 400 тыс. человек амбулаторно[32].

В начале XIX в. в системе благотворительных учреждений Российской империи появился новый элемент — благотворительные общества. Это были добровольные объединения лиц, нацеленные на помощь нуждающимся в различных формах: деньгами и вещами, учреждением различных заведений и др. Благотворительные общества следует отличать от благотворительных заведений — другого элемента системы благотворительных учреждений. Благотворительные заведения удовлетворяли разнородные потребности нуждающихся (в питании, ночлеге и др.) непосредственно в своих стенах[33].

В 1802 г. в Санкт-Петербурге было образовано Императорское человеколюбивое общество (ИЧО). Первоначально оно именовалось Филантропическим, однако в 1816 г. было переименовано в Императорское человеколюбивое. Тогда Общество получило стройную организацию и статус центрального установления по призрению бедных[34].

---

[32] Там же. С. 520.

[33] *Абросимова Е.А.* Исторические аспекты законодательного регулирования деятельности российских благотворительных организаций // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 304.

[34] ПСЗ I. Т. 27. № 20266; Т. 33. № 26357.

Получившая (впрочем, как и все остальные общественные организации начала XIX в.) высочайшее разрешение на свое учреждение, данная общественная организация субсидировалась казной в размере 100 тыс. руб. ежегодно. Солидные суммы жертвовали ее почетные члены; вносили членские взносы члены-благотворители; члены-соревнователи содействовали делу личным трудом. В середине XIX в. в награду за заслуги в деле благотворительности члены организации получили права государственной службы и знаки отличия, а в начале XX в. — право на ношение особых мундиров и др[35].

Человеколюбивое общество было призвано приходить на помощь бедным во всех их нуждах, а также на всей территории Российской империи (в столицах, в городской и сельской местности). Оно представляло собой конгломерат различных попечительных комитетов, благотворительных обществ и заведений, занимавшихся воспитанием и обучением сирот и детей бедных родителей; призрением дряхлых, увечных, неизлечимых и других нетрудоспособных; оказанием временной помощи дешевым помещением, пищей и денежными пособиями; оказанием медицинской помощи больным[36].

В Петербурге под эгидой ИЧО в 1898 г. действовало более 20 воспитательных и учебных детских заведений (приюты, гимназии, профессиональные школы), богадельни и заведения дешевых и бесплатных квартир (основаны на средства Орловых, Новосильцевых, Захарьинского и др.), учреждения для оказания временной помощи бедным (Попечительный о бедных комитет, Большеохтинское благотворительное общество, ряд бесплатных швейных мастерских и др.) и т.п. В Москве к Человеколюбивому обществу принадлежали три благотворительные организации: Попечительный о бедных комитет, Общество для поощрения трудолюбия, Братолюбивое общество снабжения в Москве неимущих квартирами[37].

---

[35] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. С. 46–47.

[36] Там же. С. 48–52.

[37] *Ульянова Г.Н.* Система благотворительности в Российской империи с конца XIX в. и до начала Первой мировой войны: обзор статистических данных //

Каждое из этих обществ объединяло благотворительные заведения разных типов. Они зачастую дублировали друг друга, однако не были бесполезными для большого города. Попечительный о бедных комитет в Москве уже в дореформенный период ведал более чем 20 учреждениями: 7 учебно-воспитательными, 9 богадельнями, 5 медицинскими, 2 для оказания временной помощи. К 1898 г. попечительные о бедных комитеты действовали в целом ряде российских городов: в Казани (9), Костроме и губернии (9), Воронеже и губернии (8), Одессе (7), Уфе (6), Киеве (4) и др. Общество для поощрения трудолюбия курировало в 1898 г. 36 заведений, включая ремесленные школы, больницы, ночлежные приюты, дешевые квартиры. Братолюбивое общество снабжения неимущих квартирами имело в 1898 г. 28 заведений, специализировавшихся преимущественно на призрении вдов и сирот[38].

Совет ИЧО строго контролировал свои учреждения, призванные представлять отчеты о своей деятельности ежегодно и финансовые ведомости ежемесячно. По мнению исследователей, для Общества была характерна высокая централизация и регламентация деятельности, что ослабляло общественное начало и негативно сказывалось на организации дела в целом[39].

По данным на 1905 г., ИЧО объединяло 257 благотворительных заведений различного профиля: учебно-воспитательных (69), богаделен (73), домов бесплатных и дешевых квартир и ночных приютов (39), народных столовых (9), швейных мастерских (4), комитетов оказания временной помощи бедным (29), медицинских учреждений (27). Во всех благотворительных заведениях общества получали помощь более 200 тыс. бедняков, ежегодно на это расходовалось более 1,5 млн руб. Человеколюбивое общество за 100 лет своего существования накопило 24 млн руб. денежного капитала, в том числе 16 млн руб. составляли его недвижимые имущества. За

Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004/2005 г. СПб., 2005. С. 41.

[38] Там же. С. 41–42.

[39] Там же. С. 49, 57.

столетний период Обществом было израсходовано на помощь бедным до 60 млн руб., а благотворительной помощью организации воспользовались около 6 млн нуждающихся[40].

Во второй половине XIX в. возникли новые благотворительные объединения рассматриваемого нами типа: Российское общество Красного Креста (1867 г.) и Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (1895 г.).

Образование Российского общества Красного Креста (РОКК) было результатом развития международного права, а именно выработки на конгрессе в Женеве в августе 1864 г. международной конвенции, согласно которой больные и раненые воины, к какой бы национальности они ни принадлежали, должны были пользоваться покровительством и помощью Красного Креста. Россия была в числе государств, примкнувших к данной конвенции. В мае 1867 г. в Петербурге было учреждено Общество попечения о больных и раненых воинах, переименованное в 1879 г. в Общество Красного Креста, взятое под покровительство императрицей Марией Александровной — супругой императора Александра II[41].

В первые годы существования РОКК не выходило за рамки своих непосредственных задач по оказанию помощи на войне (оно организовывало уход за ранеными и больными воинами, занималось созданием госпиталей и санитарных поездов, сбором пожертвований в пользу раненых). В орбиту благотворительной деятельности РОКК входили также раненые неприятельских армий, в случае если они находились в пределах действия организации. РОКК имело санитарные поезда и суда, лазареты, готовило медицинские кадры и санитарный персонал[42].

Однако вскоре эта организация, заручившись обильными пожертвованиями, расширила сферу своей работы, включив помощь пострадавшим от стихийных бедствий: голода, эпидемий, пожаров, наводнений и землетрясений. В мирное время РОКК уделя-

---

[40] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 521–522.
[41] *Ладыженский А.М.* Красный крест. М., 1914. С. 1, 9.
[42] Там же. С. 10.

ло большое внимание сбору пожертвований для пострадавших в ходе стихийных бедствий, закупке хлеба в урожайных губерниях, созданию столовых, ночлежных домов и приютов для детей, организации общественных работ. РОКК неоднократно оказывала помощь переселенцам, пострадавшим от неурожая.

Особенно значительна была помощь, оказанная Обществом Красного Креста в деле ликвидации последствий голода 1891–1892 гг., 1898 г. и 1906–1907 гг., а также холерной эпидемии 1892–1893 гг. Во время голода 1891–1892 г. под эгидой Красного Креста действовало 1798 попечительств (22 губернских, 145 уездных, 1279 участковых, 352 сельских). Они организовали 3,4 тыс. учреждений помощи голодающему населению (столовые, чайные, пекарни, приюты, ночлежные дома), которые охватили 217 тыс. человек[43].

К началу XX в. РОКК представляло собой разветвленную структуру учреждений (их насчитывалось 636) с широкой сетью подразделений в губернских и уездных городах. В ведении РОКК числилось 89 общин сестер милосердия[44], а также 2 учреждения для фельдшериц, 2 инвалидных дома, несколько приютов и лечебниц, 187 местных комитетов, 6 окружных и 80 местных управлений. Капитал РОКК составлял более 9 млн руб.[45]

Приходную часть бюджета РОКК по данным на 1913 г. составляли сборы с заграничных паспортов и проезжающих по железным дорогам пассажиров (26,4% доходов), пожертвования частных лиц (20,9%), плата с амбулаторных и стационарных больных (15,8%), проценты с пожертвованных капиталов (13,5%). Значительная часть финансовых поступлений РОКК поступала на организацию и содержание их врачебно-санитарных учреждений (41,8% всех

---

[43] *Максимов Е.Д.* Очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 40.

[44] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. С. 68–69.

[45] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 523.

расходов), а также недвижимых имуществ (27%), приобретение медикаментов и медицинского оборудования (13,6%)[46].

Одним из наиболее молодых благотворительных ведомств императорской России было Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Оно было создано указом 1 сентября 1895 г. для поддержания и дальнейшего развития учреждений трудовой помощи бедным. Под эгидой Попечительства было объединено более сотни домов трудолюбия, существовавших на тот период в России. Попечительство призвано было облегчить участь неимущих «доставлением им честного труда как единственного залога счастливой и на христианских началах основанной жизни»[47].

Попечительство было учреждено под покровительством императрицы Александры Федоровны — жены Николая II. Историк В.И. Герье полагал, что новая отрасль призрения была образована специально для молодой государыни, поскольку попечительницей ВУИМ оставалась императрица Мария Федоровна[48]. В 1906 г. оно было переименовано в Попечительство о трудовой помощи.

Попечительство представляло собой конгломерат местных обществ и кружков[49], учрежденных по типу обычных благотворительных обществ. Они занимались организацией и содержанием домов трудолюбия и других учреждений трудовой помощи. Дома трудолюбия предназначались для оказания помощи бездомным, выпущенным из больниц либо из мест лишения свободы и не имеющим постоянного заработка, а также иным категориям населения, впавшим в крайнюю бедность. Попечительством содержались ночлежные дома, столовые, детские ясли, лечебницы для

---

[46] *Ульянова Г.Н.* Система благотворительности в Российской империи... С. 45.
[47] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. С. 71.
[48] Цит. по: *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России XIX — начала XX века... С. 192.
[49] Кружки трудовой помощи отличались от обществ трудовой помощи тем, что первые устраивались для сел, имели упрощенную форму организации и малое число членов, решали широкий комплекс задач как исправительного, так и воспитательного и предупредительного характера. Общества действовали в городах.

больных алкоголизмом, посреднические конторы по предоставлению труда и занятий и др. При содействии Попечительства возникли Ольгинские детские приюты, призванные дать трудовую подготовку нуждающимся детям, которых в таких приютах обучали грамоте и ремеслам. В качестве вспомогательных учреждений при домах трудолюбия и детских приютах устраивались детские ясли, ночлежные дома, столовые[50].

В 1899 г. Попечительство предприняло первый опыт оказания трудовой помощи населению, пострадавшему от неурожая. В Поволжье были командированы два отряда, организовавшие общественные работы, оказавшие помощь кустарям и устроившие в ряде мест ясли для детей. Опыт организации труда, успешно внедренный Попечительством в Центре России, был затем апробирован в южных губерниях и в Сибири. В годы Первой русской революции правительство выделило Попечительству солидную денежную субсидию на организацию общественных работ в пострадавших от неурожая губерниях. На эти цели за период с конца 1905 г. по 1 января 1907 г. было затрачено более 2 млн руб. К 1 октября 1907 г. средства Попечительства о трудовой помощи составляли более 1,4 млн руб.[51]

К 1 января 1914 г. Попечительство о трудовой помощи имело 276 организаций; 89% организаций подали сведения о том, что обладали постоянными заведениями. В общей сложности имелось 700 заведений: 181 учебная мастерская, 110 домов трудолюбия, 67 приютов для детей, 52 дешевых и бесплатных столовых-чайных, 46 Ольгинских детских приютов трудолюбия, 40 ночлежных домов, 34 дневных убежища для детей и др. Содержание домов трудолюбия было приоритетным направлением деятельности Попечительства, на которое шло в среднем две трети бюджетных средств[52].

---

[50] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. С. 76, 83.

[51] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 524.

[52] *Ульянова Г.Н.* Система благотворительности в Российской империи... С. 45–47.

Своими практическими навыками организации трудовой помощи бедным Попечительство о трудовой помощи делилось в специализированном журнале «Трудовая помощь», издаваемом им с конца 1897 г. В журнале обсуждались проблемы общественного призрения и благотворительности, а также сопряженные с ними вопросы преодоления бедности методами трудовой помощи, борьбы с алкоголизмом и др. Покровительницей Попечительства, императрицей Александрой Федоровной, было выделено 70 тыс. руб. на премирование трудов о призрении бедных и благотворительности, издаваемых на русском языке.

Свою деятельность Попечительство осуществляло в тесном контакте с органами местного самоуправления (земского, городского и крестьянского). Совместно они устраивали учреждения трудовой помощи, а также ясли-приюты для малолетних.

3.4. Организация общественного призрения во второй половине XIX — начале XX в. на основе сочетания государственного, муниципального и частного начал

Новую страницу в истории общественного призрения в России открыли реформы Александра II, связанные с созданием органов местного самоуправления. Главной тенденцией этого периода было существенное усиление муниципального фактора общественного призрения, переведение целого ряда учреждений помощи бедным из государственной в муниципальную юрисдикцию.

Функции общественного призрения осуществлялись с 1860-х годов органами земского, а с 1870-х годов — и городского самоуправления. В ведение земских и городских учреждений были переведены капиталы и заведения приказов общественного призрения. Осуществленная в те годы реформа системы учреждений общественного призрения высоко оценивается в литературе как положившая начало новой форме благотворительности — земской и

городской, реализующей принцип гражданской самодеятельности[53].

Земские учреждения внесли заметный вклад в организацию общественного призрения. Они приумножили капиталы, перешедшие к ним от приказов общественного призрения, сформировали новые источники доходов, улучшили состояние существующих и создали новые заведения общественного призрения. Если в 1860-х годах в 55 губерниях Российской империи насчитывалось 784 благотворительных заведений, то по данным на 1891 г. их число только в 44 губерниях возросло до 4,5 тыс.[54]

Вместе с тем имелись в организации призрения силами муниципальных учреждений и свои изъяны. Так, правовые акты, которыми вводились земские и городские учреждения — «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. и «Городовое положение» 1870 г., содержали только общие формулировки о постановке общественного призрения. Они не указывали на источники, из которых следовало черпать ресурсы для осуществления призрения. Общественное призрение не вошло в перечень обязательных расходов органов местного управления, что дало повод ряду городских дум России не считать попечение о нуждах общественного призрения своей обязанностью. По поводу того, что устройство заведений общественного призрения составляет лишь право городских дум, а никак не обязанность, было выработано даже соответствующее толкование Сената[55].

Данная правовая лакуна была частично восполнена активными действиями земских и городских учреждений. Так, в 1890 г. земскими собраниями 34 губерний Российской империи было затрачено на общественное призрение 2,8 млн руб., что составляло порядка 10% необязательной части бюджета земств. Эта цифра не отражала все денежные затраты земств на нужды общественного

---

[53] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России... С. 194.
[54] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 491.
[55] Там же. С. 489.

призрения. В нее не вошли земские расходы на оказание помощи переселенцам и пострадавшим от наводнений, на содержание приютов и колоний для брошенных детей и детей-преступников и др. Земские расходы на нужды общественного призрения имели положительную динамику: за период с 1871 по 1890 г. они возросли с 485 тыс. руб. до 2 млн 287 тыс. руб., т.е. почти в 5 раз[56].

Ту же позитивную тенденцию мы наблюдаем и на примере финансирования общественного призрения в городах. За период с 1899 по 1909 г. расходы на призрение выросли с 3,4 млн руб. до 6,6 млн руб., т.е. почти в 2 раза, а их доля в городском бюджете возросла соответственно с 3,3 до 3,6%[57].

С особым размахом дело помощи нуждающимся было поставлено в крупных городах — Петербурге, Москве, Риге и Одессе. Основным источником финансирования общественного призрения там явились частные пожертвования. В 1890-е годы пожертвования частных лиц достигали 1 млн руб. в год, что составляло 10% городской сметы. Среди жертвователей преобладали московские предприниматели. Так, В.А. и А.А. Бахрушины, К.Т. Солдатенков, К.В. Третьяков, П.М. Третьяков пожертвовали на муниципальную благотворительность более 1 млн руб. каждый[58].

В 1894 г. в Москве начали свою работу городские участковые попечительства о бедных. План их организации и действий был одобрен в марте 1894 г. Московской городской думой. Сначала было учреждено 24 попечительства, в 1897 г. их стало 27. Попечительства учреждались из лиц, высказавших желание содействовать делу призрения бедных ежегодными денежными пособиями или личным трудом, выражавшимся в сборе пожертвований, посещении бедных, уходе за больными и др. Руководящий состав участковых попечительств избирался городской думой. Члены попечитель-

---

[56] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 490–491.

[57] *Ульянова Г.Н.* Система благотворительности в Российской империи... С. 49.

[58] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России... С. 187–188.

ства разделялись на три категории: жертвователей, сотрудников и почетных членов. Средства попечительства составлялись из ежегодной субсидии Московской городской думы в размере 40 тыс. руб., членских взносов и сборов, доходов от благотворительных концертов и др.[59]

Положив в основу своей работы принципы децентрализации и индивидуализации помощи, попечительства разделили Москву на участки. Жителям каждого участка помощь оказывалась денежными пособиями, одеждой, топливом, устройством домов для престарелых и детских приютов. Практиковались два вида помощи нуждающимся: временная и постоянная. Первая выражалась в помещении неимущего в больницу, лечении его на дому, в обеспечении его квартирой, топливом, одеждой и др. Постоянная помощь включала заботу о малолетних, дряхлых стариках, иных нетрудоспособных. Во избежание наплыва в Москву неимущих, желавших воспользоваться даровой помощью попечительств, по распоряжению МВД им было предоставлено право выдачи пособий лишь уроженцам Москвы и лицам, прожившим в городе не менее двух лет. Попечительства вели учет нуждающихся, для чего составляли особые перечни, на основании которых городские управы готовили общий свод, рассылаемый во все благотворительные учреждения города[60].

По мнению профессора истории В.И. Герье, московские попечительства были «первым в России опытом организованной добровольной общественной деятельности в области благотворительности и борьбы с нуждой, — и опытом удавшимся». Они являлись, по словам ученого, показателем того, «до какой степени благотворно и существенно, чтобы общественные силы принимали в этой сфере непосредственное и деятельное участие», выражали проявившуюся в русском обществе «потребность серьезного и осмысленного отношения к великой проблеме нужды и способам

---

[59] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 509.

[60] *Максимов Е.* Городское общественное управление в деле помощи бедным. СПб., 1905; *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 509–512.

борьбы с нею». Очевидным достоинством попечительств Герье считал то, что «они привлекают к делу призрения лиц, для которых благотворительность не есть служба или карьера, а личное и специальное призвание»[61]. Эффективным способом организации муниципального общественного содействия признала городские попечительства о бедных современный американский историк А. Линденмайер[62].

Благодаря деятельности московских участковых попечительств дело помощи бедным во второй российской столице вышло на качественно новый уровень и стало в большой степени общественным делом, привлекавшим к себе представителей московской интеллигенции. В качестве членов попечительств и сотрудников в них принимали активное участие около 2 тыс. человек.

Учитывая опыт попечительств Москвы, МВД издало в марте 1899 г. циркуляр, рекомендовавший открывать подобные учреждения в других городах. Попечительства были открыты тогда в Харькове, Саратове, Пензе, Туле, Ставрополе и др. В столице Российской империи Санкт-Петербурге система участковых попечительств о бедных была создана по постановлению Городской думы только в 1907 г.[63]

Попытка к объединению деятельности сословных, общественных и частных благотворительных учреждений и организаций второй столицы проявилась в создании в Москве в 1897 г. Городского благотворительного совета и справочного отделения по делам благотворительности. В благотворительный совет вошли члены Московской городской думы, участковые попечители, представители от сословий и крупных благотворительных обществ столицы. В справочном отделении сосредоточивалась информация о лицах, пользующихся общественным призрением, а также нуждающихся

---

[61] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 515–516.

[62] *Lindenmeyer A.* A Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914 // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30. P. 431.

[63] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 516.

в нем. Сюда стекались сведения о ведомствах, обществах и учреждениях, оказывающих помощь нуждающимся, а также о форме, видах и размерах помощи[64].

В губерниях, где земские учреждения не были введены, функции общественного призрения по-прежнему осуществляли реформированные в 1850–1860-е годы приказы общественного призрения. В состав приказов на правах заседателей вошли выборные представители сословий. Работные и смирительные дома, бывшие ранее в ведении приказов, вышли из их подчинения. В ведении приказов оставались больницы, дома для умалишенных, сиротские дома, богадельни и др.

Приказы общественного призрения были рудиментом в пореформенной организации призрения и особой эффективности не показывали. Сравнение итогов деятельности приказов общественного призрения и земских учреждений в области организации помощи бедным было не в пользу первых. Так, по подсчетам В.Ф. Дерюжинского, на 1891 г. в 28 земских губерниях было 1090 учреждений для призрения (не считая медицинских заведений), в которых получали призрение более 1 млн человек, а в 16 неземских губерниях, где призрением ведали приказы, было 817 заведений и 60 552 призреваемых. В результате на одну земскую губернию приходился 38 291 призреваемый, а на одну неземскую — только 4034[65].

Призрение неимущих занимало заметное место в деятельности Русской православной церкви, а именно — в образованных после отмены крепостного права приходских попечительствах при православных церквях и церковных братствах. С 1868 до 1900 г. их число выросло с 5,3 до 18,6 тыс.[66]

Приходские попечительства состояли из священнослужителей и прихожан, отличавшихся благочестием. Они заботились о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта, содер-

---

[64] Там же. С. 512–513.
[65] Там же. С. 492.
[66] *Щапов Я.Н.* Благотворительность в дореволюционной России... С. 86.

жали церковно-приходские школы, богадельни и больницы. На благотворительные учреждения и церковно-приходские школы приходские попечительства суммарно расходовали в 1894 г. 13%, а в 1899 г. 15% своих средств, тогда как расходы на поддержание и украшение церквей составляли 79%. По мнению исследователей, приходские попечительства в силу подчиненности церковной власти и слабого общественного начала в их деятельности не сумели поставить приходскую благотворительность на ту высоту, на которой она находилась в древнерусских приходах[67].

Функции общественного призрения в селах были возложены на сельские общества. Общественное призрение составляло обязанность крестьянского мира. Престарелые, дряхлые и увечные члены сельских обществ, не способные к труду, содержались их родственниками; в случае отсутствия последних либо неспособности их оказать помощь указанные категории призревались самими обществами[68].

Ходатайства о призрении, проведение совещаний по вопросам помощи неимущим, назначение вспомоществований — все это входило в перечень обязанностей сельских сходов. Распространенной формой помощи неимущим было кормление по домам. Существо данного вида помощи состояло в следующем. Неимущий ежедневно или еженедельно переходил из дома в дом и тем самым в течение установленного сельским сходом срока он находился на полном обеспечении у всех домохозяев — жителей села. Значительное распространение получил такой вид помощи бедным, как выдача пособий хлебом либо деньгами из сельских запасных магазинов. Такой способ призрения, как содержание неимущего членом сельского общества за плату, либо с освобождением от уплаты мирских повинностей был менее распространен[69].

---

[67] *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. С. 109–110.

[68] *Вилков А.А.* Мирская благотворительность как фактор менталитета русского крестьянства // Благотворительность и милосердие: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.Н. Ярской. Саратов, 1997. С. 138.

[69] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 497, 500–502.

Самой распространенной формой помощи бедным на селе в XIX в. по-прежнему оставалась подача милостыни. При этом народ не считал нищенство позорным занятием, а напротив, был убежден в том, что не дать кусок хлеба просящему было тяжким грехом. Подобное христианское представление крестьян об обязательном характере помощи нуждающимся сыграло свою роль в голодные 1891–1892 гг., спасло от голодной смерти сотни и тысячи человек.

Специализированные заведения общественного призрения в селах были редкостью. Так, в Вятской губернии в 1890-е годы числилось всего 17 богаделен, в каждой из которых призревалось в среднем от трех до четырех человек; в Смоленской губернии — 9 богаделен, в Нижегородской губернии — 2, а в Костромской и Тульской соответственно по одной богадельне. Детских приютов было еще меньше: один приют на 25 детей в Казанской губернии, четыре приюта в Саратовской губернии, один приют для сирот в Тульской губернии. Заведения были организованы из рук вон плохо, причиной чему являлась крайняя бедность сельских обществ. При этом характерно, что данные заведения были чрезвычайно непопулярны у крестьян, предпочитавших либо жить у своих родственников, либо у соседей, либо же побираться Христовым именем[70].

Сопоставление результатов деятельности в области общественного призрения государственных (приказы общественного призрения), сословных (сельские сходы) и всесословных (земские собрания и городские думы) учреждений служит свидетельством предпочтительности организации помощи бедным на начале всесословности.

Помимо государственных, сословных и муниципальных органов, в области общественного призрения активно работали благотворительные общества и учреждения. Значительная их часть состояла в ведении МВД (в начале 1860-х годов дело помощи бедным перешло в МВД, в Отдел народного здравия и общественного

---

[70] Там же. С. 503.

призрения Главного управления по делам местного хозяйства). Ряд благотворительных учреждений находился под покровительством членов императорского дома и управлялся особым порядком. Об этом уже шла речь выше. Продолжали свою работу специализированные благотворительные ведомства (такие как ВУИМ). Принадлежавшие им заведения приносили ощутимую пользу, воспринимали новые, выработанные жизнью, принципы помощи обездоленным.

В 1892 г. был принят «Устав общественного призрения»[71] — единственный в истории России нормативно-правовой акт, наиболее полно регламентирующий благотворительную работу. Он устанавливал общие принципы управления общественным призрением, определял сферу деятельности местного управления, способы финансирования и возможности принятия пожертвований, регламентировал действия лиц, которые избирались в состав приказов общественного призрения. Вторая часть данного акта содержала уставы заведений общественного призрения, на особых основаниях управляемых.

Учреждение благотворительных обществ и частных благотворительных заведений должно было, согласно ст. 175 «Устава», производиться в разрешительном порядке. Их уставы утверждались МВД. Обществам и заведениям, искавшим каких-либо льгот и преимуществ, следовало представить свои уставы предварительно в Комитет министров.

Устав определял также источники финансирования общественного призрения, куда входили проценты с благотворительных капиталов и специальных сборов, пособия от городов и от казны, подаяния, пожертвования и завещания в пользу заведений общественного призрения, пенные и штрафные деньги, хозяйственные и случайные доходы. Регламентируя различные стороны общественного призрения, Устав между тем не вывел работу государства в данной сфере на качественно новый уровень. Вобрав в себя многочисленные нормы, касавшиеся государствен-

---

[71] Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 13.

ного призрения, проблем благотворительности он касался лишь косвенно.

К началу XX в. в ведении МВД состояло большинство благотворительных организаций и заведений общественного призрения дореволюционной России. Ему было подчинено 82% частных благотворительных организаций, 8% сословных, 7% городских, 2% земских и 1% приказов общественного призрения. Между тем названные 82% частных благотворительных обществ составляли почти половину (49%) от их общего количества[72]. Основываясь на данной статистике, можно прийти к заключению, что частные благотворительные организации составляли заметную часть системы социальной помощи в Российской империи, а МВД, объединяя как частную благотворительность, так и деятельность органов общественного самоуправления, выполняло функции централизующего органа в формирующейся системе государственного призрения[73].

Благотворительные учреждения (общества и заведения) находились под юрисдикцией 8 из 10 российских министерств, исключая Военное министерство и Министерство иностранных дел. Ряд благотворительных учреждений подчинялся Святейшему Синоду, Государственному контролю, Собственной его императорского величества канцелярии.

Территориально благотворительные учреждения функционировали преимущественно в городской России. Из 11 040 благотворительных учреждений, существовавших в Российской империи к началу XX в., в городах располагалось 7998 (72,4%), вне городов — 3042 (27,6%). В доходной части бюджета благотворительных учреждений преобладали пожертвования (64,4%), далее шли пособия от казны (14,5%), поступления из муниципальных и земских бюджетов (4 и 2,6% соответственно), от учреждений, бывших

---

[72] Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т. 1. С. 6.

[73] *Оспищева Л.Е.* История благотворительных организаций на Кубани (конец XIX — начало XX века): опыт изучения. Майкоп, 2003. С. 58–59.

основателями заведений (9,8%)[74]. Собственными домами располагало 1941 благотворительное заведение (31%), землями — 240 заведений (0,04%), капиталами — 2446 заведений (39%)[75].

Специализация благотворительных заведений выглядела следующим образом: 4382 (69,8%) были ориентированы на взрослых, а 1896 (30,2%) — на детей. В обеих группах преобладали заведения, осуществлявшие «постоянное призрение», т.е. обеспечивавшие постоянное проживание и полное обеспечение нуждающихся. Среди детских благотворительных заведений таких было 74,5% от их общего числа, среди взрослых — 47,5%. Из детских благотворительных заведений в постоянном режиме работали воспитательные и сиротские дома, детские приюты и колонии, профессиональные школы и мастерские, общежития для учащихся, заведения для психически и физически ненормальных детей; заведениями «частичного призрения» были детские ясли. Среди заведений для нуждающихся взрослых постоянно действующими были богадельни и приюты, заведения для психически и физически ненормальных детей. Благотворительные заведения для взрослых, где призреваемые жили по мере необходимости, включали заведения, предоставляющие дешевые и бесплатные квартиры (49% от общего числа заведений данного типа), дешевые и бесплатные столовые (21%), ночлежные дома (17%), дома трудолюбия (11%)[76].

По официальным данным на 1902 г., в 50 губерниях Европейской России, в которых проживало 74,4% населения страны, через благотворительные заведения получили помощь 510 тыс. человек, а через благотворительные общества — более 485 тыс. человек[77].

---

[74] *Ульянова Г.Н.* Система благотворительности в Российской империи... С. 29.

[75] Процентное отношение к общему числу посчитано нами на основании данных Г.Н. Ульяновой: *Ульянова Г.Н.* Система благотворительности в Российской империи... С. 36, а также на основании данных, приведенных изданием: Благотворительность в России... Т. 1. С. LVII.

[76] Там же. С. 29–34.

[77] Там же. С. 36.

3.5. Благотворительные общества Российской империи в XIX — начале XX в.

Благотворительные общества стали формироваться в Российской империи в начале XIX в., в годы правления императора Александра I. «Пионером» этого начинания явилось образованное в 1802 г. Филантропическое общество, переименованное в 1816 г. в Императорское человеколюбивое общество. О данной организации уже шла речь выше.

К царствованию Александра I относилось образование ряда благотворительных обществ и благотворительных учреждений, как в столичных, так и в отдельных провинциальных городах. В 1803 г. граф Н.П. Шереметев устроил в Москве Странноприимный дом на 100 человек и при нем больницу на 50 коек. В 1806 г. орловский помещик Лутовинов организовал в Мценском уезде Орловской губернии больницу с аптекой и лабораторией[78].

Благотворительные общества создавались в первой четверти XIX в. преимущественно на Западе Российской империи: в Вильно, Дерпте, Харькове, Ревеле, Брест-Литовске, Пернове, Гродно и других городах, опережавших города центральной России по уровню общественного развития. В 1807 г. было основано Виленское человеколюбивое общество, в 1812 г. — Харьковское общество благотворения, а в 1822 г. — Дерптское общество помощи.

В первой четверти XIX в. в Казани, Воронеже, Уфе и Слуцке были образованы попечительные о бедных комитеты, в Саратове, Петербурге и Дерпте возникли общественные кассы взаимопомощи. Саратовская касса предназначалась для содержания вдов и сирот пасторов протестантских колоний, Петербургская касса была ориентирована на вдов и сирот биржевых маклеров столицы, а Дерптское учреждение призвано было оказывать поддержку убогим домам и училищам[79].

---

[78] *Максимов Е.Д.* Очерки частной благотворительности в России // Трудовая помощь. 1897. № 1. С. 63.

[79] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века. М., 2005. С. 205–206.

Александр I относился к данным начинаниям достаточно благосклонно, однако во второй половине его царствования отмечалось ужесточение контроля над общественной и частной благотворительностью. К примеру, указ «О непринятии от порочных людей пожертвования и о не награждении их за оные» 1815 г. требовал от благотворителя предоставления справки из полиции в том, что он не состоял под судом и следствием[80].

Препятствием для активизации общественной самодеятельности в сфере филантропии была также существовавшая в первой половине XIX в. практика ее правового регулирования. Благотворительные общества состояли в ведении Министерства внутренних дел, но учреждались только с личного разрешения императора[81]. Образование благотворительного общества было возможно только с высочайшего соизволения, тогда как открытие благотворительного заведения было обусловлено обязательством учредителей полностью обеспечить его основным капиталом. Преуспеть в данной области могли, таким образом, только люди обеспеченные и с положением в обществе.

После вступления на престол консервативно настроенного Николая I положение благотворительных организаций стало ухудшаться. Американская исследовательница А. Линденмайер указывает на наложенный Николаем I в марте 1848 г. запрет на создание благотворительных обществ, официально отмененный только в 1859 г. Пособие бедным император предписывал «оказывать личными подаяниями, либо через посредничество Приказов общественного призрения»[82].

Дореволюционный исследователь Е.Д. Максимов также зафиксировал эту негативную для благотворительных организаций тенденцию, когда некоторые из возникших при Александре I об-

---

[80] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи... С. 207.

[81] Свод законов Российской империи. СПб., 1833. Т. 14. Ст. 1143.

[82] *Линденмейер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 286.

ществ были закрыты во второй четверти XIX в. и более не возобновляли своей деятельности[83].

Отношение Николая I к частной благотворительности характеризует история Общества посещения бедных в Санкт-Петербурге. Оно было учреждено в 1846 г. графом В.А. Сологубом и князем В.Ф. Одоевским — людьми, известными при дворе и весьма состоятельными, движимыми стремлением упорядочить благотворительную помощь, парализовав хаотическую раздачу милостыни. Учредители руководствовались идеей индивидуализации благотворительной помощи, полагали, что новое общество должно выступить посредником между благотворителями и неимущими: обследовать нуждающихся, диагностировать характер и степень их нужды, определить возможные виды помощи. Начинаниям Общества сопутствовал успех, свидетельством чему был приток пожертвований и членов из разных слоев населения, а также организация ряда благотворительных учреждений, в том числе благотворительной лечебницы, носившей имя попечителя организации герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

Между тем наступившая в 1848 г. в результате революции во Франции и восстания в Венгрии реакция внутри страны изменила положение Общества посещения бедных. Как вспоминал член Общества В. Боцяновский, «начались разговоры о том, что под покровом благотворительности во многих обществах прежде таились политические замыслы и заговоры; что трудно поверить, чтобы столько людей, большей частью занятых службой или имеющих иные обязанности, употребляли свое свободное время на отыскание и посещение бедных по разным трущобам, в отдаленных кварталах столицы, или просиживали до глубокой ночи в душной конторе, для распределения и раздачи им чужих денег и приискания к тому средств, единственно из какой-то человеколюбивой цели, без всякой задней мысли; что значительные средства, коими располагает общество, не имея никаких основных капиталов, представляют также что-то загадочное... Многие видели даже что-то

---

[83] *Максимов Е.Д.* Очерки частной благотворительности в России. С. 65.

угрожающее в том, что Общество имело у себя более восьми тысяч адресов бедных»[84].

В марте 1848 г. Общество посещения бедных прекратило свое существование, будучи инкорпорировано в Императорское человеколюбивое общество. Поглощение Общества более крупной и бюрократизированной организацией обернулось для него потерями членского состава, а в конечном счете и окончательной ликвидацией в 1855 г.[85]

Для благотворительных обществ николаевский период был подлинным лихолетьем. В те годы перспективу для роста имели лишь государственные учреждения помощи бедным. Так, в 1830-е годы в Петербурге и Москве была образована новая разновидность благотворительных учреждений — Комитеты для разбора и призрения просящих милостыни (в просторечье — «комитеты о нищих»). Эти учреждения были результатом совместных усилий государства и частных лиц в области профилактики нищенства. В комитетах работали дворяне, купцы, представители духовенства, известные в обществе своими занятиями благотворительностью. Капиталы учреждений формировались из частных пожертвований, кружечных сборов, ежегодных субсидий от Человеколюбивого общества, а также от адрес-конторы (органа, аккумулировавшего сведения о проживающих в городах беглых крестьянах, лиц по фальшивым паспортам) и городской думы. В ведении комитетов о нищих находились работные дома Петербурга и Москвы[86].

Действия Комитетов сводились к квалификации нищих с последующим оказанием помощи действительно нуждающимся и организацией принудительного труда, либо высылкой по этапу нищих-профессионалов. В 1840-е годы комитеты о нищих возникли в губернских и уездных центрах Российской империи. Раз-

---

[84] *Боцяновский В.* Князь В.Ф. Одоевский и Общество посещения бедных в С.-Петербурге // Трудовая помощь. 1899. Апрель-май.

[85] *Дерюжинский В.Ф.* Указ. соч. С. 518.

[86] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России... С. 176–177, 180.

витию деятельности этих учреждений мешала бюрократическая организация, заглушавшая «дух живой инициативы и горячей преданности делу», слабое материальное положение, а также отсутствие контактов с городским управлением[87].

Поддержкой правительства Николая I пользовались попечительства, принадлежавшие к крупным благотворительным ведомствам. Так, в 1844 г. в Казани было образовано губернское попечительство детских приютов ведомства императрицы Марии и открыт первый детский приют — «Николаевский». Средства приюта формировались из частных пожертвований, лотерей, лекций и др.[88]

Активизация частной благотворительности началась в 1860-х годах. 12 января 1862 г. учреждение благотворительных обществ было передано в Министерство внутренних дел. Это было существенным упрощением порядка учреждения благотворительных организаций, создававшихся ранее только лишь с высочайшего разрешения после прохождения соответствующих документов через Комитет министров. Благотворительные общества обязывались представлять в МВД подробные отчеты о своих действиях, капиталах, заведениях и призреваемых. 3 января 1869 г. министру внутренних дел было предоставлено право утверждения уставов благотворительных заведений, общественных и частных[89].

Новая процедура открытия позитивно сказалась на развитии организованной самодеятельности, значительно упростив и ускорив создание благотворительных организаций. По данным Г.Н. Ульяновой, сокращение во второй половине XIX в. «бюрократического маршрута», по которому проходили документы об образовании благотворительных обществ, привело к значительному увеличению их численности. Так, если до 1862 г. в Российской империи действовало всего около 100 обществ, занимавшихся филантро-

---

[87] *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении. М., 1897. С. 89.

[88] *Зорин А.Н., Клюшина Е.В.* Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Э.Б. Каплуновская, Е.В. Клюшина, Л. Хэфнер. Ульяновск, 2000. С. 422–423.

[89] *Андреевский И.Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 400–401.

пией, то уже в первый месяц 1862 г. открылось 9 новых обществ, в последующие десятилетия численность их динамично возрастала, составив в 1901 г. 6268 благотворительных обществ в городах и сельской местности[90].

1860-е годы стали временем интенсивного развития благотворительных обществ. По данным А. Линденмайер, за период 1861–1870 гг. образовалось 214 обществ, тогда как в начале царствования Александра II их существовало всего 40[91].

Благотворительные организации имели особый, почетный статус в системе добровольных обществ дореволюционной России. Многие из них создавались в большей мере по правительственному решению, чем по общественному почину; правительственные чиновники отмечали приносимую ими общественную пользу, превозносили их учредителей за моральную добродетель, субсидировали многие их начинания и председательствовали в собраниях и др.

Многие благотворительные организации включали в свой состав чиновников губернской администрации, руководителей общественного и сословного самоуправления. Губернаторам вменялось в обязанность осуществлять наблюдение за состоянием обществ: правильностью и систематичностью ведения ими отчетной документации, своевременностью предоставления информации об их капиталах, заведениях, составе и количестве призреваемых. Личным участием в деятельности обществ, а также содействием в организации их мероприятий (спектаклей, лотерей, аукционов и т.п.) представители местной бюрократии способствовали расширению сферы общественной помощи бедным и вовлечению в нее большого числа горожан. Серьезным подспорьем для молодых организаций служила поддержка земских учреждений, выражавшаяся как в форме денежных пособий, так и в плане обмена опытом организации общественного призрения.

---

[90] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России... С. 182–183.

[91] *Линденмейер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ. С. 284–285, 290.

1860-е годы вошли в историю общественной благотворительности как время образования благотворительных обществ общей направленности, оказывавших комплексную помощь нуждающимся «без различия пола, возраста и вероисповедания» (от единовременных пособий до полного содержания). Особо в этом ряду надлежит отметить попечительные общества о бедных. Такие организации существовали в Москве, Казани, Тамбове и других городах. В Белгороде также существовала организация с задачами, которые брали на себя попечительные общества о бедных. Однако она именовалась иначе — Белгородское благотворительное общество.

Принцип действия попечительных обществ о бедных состоял в следующем. Для создания гибкой системы общественной помощи неимущим города разбивались на участки. Каждый из них находился в ведении участковой дамы, в обязанности которой входило подробное обследование своей территории, регистрация проживавших на ней бедняков и привлечение жертвователей. После регистрации прошений неимущих они подвергались серьезному отбору. В каждом конкретном случае изучались условия жизни просителя, степень и характер его нужды, наводились справки о причинах бедственного положения. Результаты направлялись в совет Общества, который и назначал пособия. Чтобы охватить наибольшее число неимущих и исключить случаи дублирования, попечительные общества о бедных рассылали списки своих постоянных клиентов во все благотворительные заведения города[92].

Многофункциональность отличала также образованное в 1866 г. Курское благотворительное общество. Открытое под пред-

---

[92] *Туманова А.С.* Благотворительные общества губернского города: опыт регионального исследования. 1862–1917 годы // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 180; *Косихина И.Г.* Благотворительность российских общественных организаций в конце XIX — начале XX вв. (на примере общественно-культурных организаций Курской губернии) // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 326.

седательством курского губернатора А.Д. Милютина, Общество содержало богадельню для престарелых дворянок, детские приюты-ясли, отдел трудовой помощи, включавший в себя Дом трудолюбия, швейную мастерскую и посредническую контору[93].

Помимо обществ общеблаготворительного типа, в 1860-е годы создавались специализированные благотворительные организации. Они были ориентированы на определенные группы нуждающихся, либо на определенные формы помощи.

Характерной чертой эпохи «великих реформ» было вовлечение в организованную филантропию женщин, быстро занявших в ней свою нишу. Первые женские организации — Общество дешевых квартир (1861 г.), Общество для пособия бедным женщинам в Петербурге (1865 г.), Общество для пособия слушательницам врачебных и педагогических курсов (1874 г.) — носили преимущественно благотворительный характер. Переход женского движения от салонной к организованной форме, ориентированной на помощь ближнему и взаимопомощь, явился важным этапом в его развитии. По утверждению его исследователя Р. Стайтса, создание собственных ассоциаций дало представительницам слабого пола «опыт лидерства, воспитало чувство самоуважения»[94].

Активность женщин являлась характерной чертой общественного благотворительного движения. Они играли заметную роль, как в открытии организаций, так и в налаживании их повседневной практической работы, в приискании источников финансирования.

Пореформенные годы были отмечены усиленным ростом обществ помощи развитию образования. Самыми массовыми по числу членов добровольными благотворительными обществами в этой области стали к концу XIX в. общества для пособия бедным ученикам. Такие организации существовали при большей части средних и высших учебных заведений России, представляя собой

---

[93] *Косихина И.Г.* Указ. соч. С. 326.

[94] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 108.

наиболее многочисленную группу благотворительных обществ империи. Общества вспомоществования недостаточным учащимся получили распространение не только в губернских центрах и крупных городах, но и во многих уездах с крестьянским населением[95].

Характер общественного движения приобрело в империи создание обществ поддержки учителей. К 1897 г. насчитывалось 539 обществ пособия учащимся: из них в Петербурге действовало 63, в Москве — 38, Одессе — 13 организаций, в Киевской губернии их было 20, Харьковской — 17, Лифляндской и Казанской — по 15, Владимирской — 14, Смоленской — 13, Полтавской и Тамбовской — 12, Орловской — 11, в остальных губерниях — от 1 до 10[96].

1890-е годы принесли с собой очередное упрощение процедуры открытия благотворительных организаций. Согласно изданному в 1897 г. нормальному уставу для обществ пособия бедным, преследующих общеблаготворительные цели, общества, готовые следовать данному уставу, стали открываться с разрешения губернаторов.

По подсчетам Ведомства учреждений Императрицы Марии, к 1 января 1899 г. в Российской империи существовало 14 854 благотворительных учреждений, в том числе 7349 благотворительных обществ и 7505 благотворительных заведений. Благотворительные учреждения владели капиталом в размере 405 млн руб., треть из которого (35%) составляли их недвижимые имущества. Годовой доход всех благотворительных учреждений Российской империи вместе взятых исчислялся в размере 59 млн руб., а расходы составляли 48,5 млн руб.[97]

---

[95] *Дьячков С.Л.* Благотворительные общественные организации российской провинции во второй половине XIX — начале XX веков: опыт изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 21.

[96] *Селиванов А.* Общества вспомоществования учащимся в разных учебных заведениях // Вестник благотворительности. 1898. № 7. С. 50.

[97] Благотворительность в России. СПб., 1907. Т. 1. С. XXXVI; *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право. С. 525.

Территориально благотворительные учреждения распределялись следующим образом. Наибольшее их число имел на рубеже XIX–XX вв. Прибалтийский край: на каждые 100 тыс. жителей в нем приходилось 57 учреждений. В 48 губерниях Европейской России насчитывалось всего 12 благотворительных учреждений на 100 тыс. жителей, а в Средней Азии их было всего 2 на 100 тыс. жителей. 5270 благотворительных учреждений (35,5% от их числа) находились в губернских и областных городах; остальные 9584 (64,5%) распределялись между уездными городами и другими поселениями. В ведении МВД находилось наибольшее количество учреждений — 49% от общего их числа. Помощью всех российских благотворительных обществ в 1901 г. воспользовались 544 366 человек и 36 587 семей[98].

На рубеже XIX–XX вв. в целом ряде городов России по образу и подобию попечительных обществ о бедных учреждаются благотворительные общества, рассчитанные на оказание помощи детям. Общество «Помощь детям» было основано в 1899 г. в Костроме для разработки вопросов, относящихся к физическому, умственному и нравственному развитию детей. Оно призвано было защищать детей от действий, угрожавших их физическому и нравственному развитию; ограждать их от жестокого обращения с ними. Сходные задачи взяло на себя Общество попечения о детях, основанное в 1902 г. в Тамбове. Для достижения наибольшей эффективности действий эта организация разделила губернский город на 12 попечительств, которые изучали материальное положение проживавших в их районах детей и выдавали им денежные пособия. Штат участковых попечителей имела и Костромская организация[99].

---

[98] Благотворительность в России... Т. 1. С. XXXVI.

[99] *Бердова О.В.* Благотворительность и детское попечение в Костромской губернии в XIX — начале XX вв. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 199; *Туманова А.С.* Благотворительные общества губернского города: опыт регионального исследования. 1862–1917 годы // Там же. С. 182.

Заметную группу благотворительных организаций, как и в предшествующий период, в 1890-е годы составляли общества, специализировавшиеся на оказании помощи женщинам. Широкий спектр социальных задач решало, к примеру, Взаимноблаготворительное общество, образованное в Петербурге в 1895 г. по инициативе представительниц российского феминистского движения А. Философовой и А. Шабановой. Эта ассоциация была задумана в виде традиционного женского клуба с самыми разносторонними интересами, начиная от оказания благотворительной помощи в дневных яслях, приютах, общежитиях, дешевых столовых для образованных и работающих женщин, до повышения их образовательного и профессионального уровня, общей и политической культуры (организация включилась в борьбу за достижение политического равноправия женщин)[100].

Наиболее значительным из всех благотворительных объединений для женщин явилось Российское общество охранения здоровья женщин, основанное в 1900 г. в Петербурге. Общество попеременно возглавлялось княгинями Евгенией Ольденбургской и Еленой Саксен-Альтенбургской. Оно включало титулованных дворян и состоятельных филантропов, жертвовавших ему значительные денежные средства, имело отделения в других городах. После 1905 г. оно стало одним из основных инициаторов запрета проституции[101].

Одним из самых крупных женских благотворительных обществ было Российское общество защиты женщин. Его возглавляла великая княгиня Елена Саксен-Альтенбургская, в его руководящий орган (совет) входили представители ключевых министерств и ведомств, что придавало организации статус полугосударственной структуры. Общество опиралось на разветвленную сеть отделений, образованных к 1912 г. в Москве, Вильно, Киеве, Одессе, Риге, Костроме, Нижнем Новгороде и Саратове. В центре внимания организации стояла забота о моральном облике женщин: предохра-

---

[100] *Стайтс Р.* Указ. соч. С. 271–274.
[101] Там же. С. 269–270.

нение девушек и женщин от разврата, возрождение падших к честной жизни. Первоначально общественные деятели занимались выяснением положения девушек и женщин, которым могла угрожать опасность вовлечения в разврат, после чего они устраивали их судьбу: предоставляли временный приют, оказывали нравственное воздействие. При Обществе действовал так называемый отдел расследования, деливший город на участки, в каждом из которых имелась своя попечительница. Большинство женщин, прибегших к помощи этой организации, принадлежало к крестьянскому сословию[102].

Сходные функции выполняли Общество улучшения участи женщин в Москве, Общество защиты несчастных женщин в Казани, Общество защиты женщин в Томске, общества попечения о молодых девицах в Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону и в Одессе.

Так, Общество защиты несчастных женщин в Казани имело целый конгломерат учреждений, призванных поддержать женщин, попавших в беду, и вернуть их к нормальной жизни. При нем функционировали бюро, занятое трудоустройством женщин; приюты для временного пребывания женщин, ищущих работы; «ночлежные покои» для бездомных женщин; дешевые квартиры, чайные, столовые; ремесленные мастерские и сельскохозяйственные учреждения. Общество пристраивало женщин на работу в качестве прислуги, учительниц и др.[103]

Интенсивный рост частной благотворительности пришелся на начало XX в. Возрастала численность благотворительных обществ, разнообразились методы и цели филантропической работы, появлялись новые их модификации на региональном и национальном уровнях, увеличивалась независимость обществ от государства[104].

---

[102] *Пашенцева С.В.* Деятельность женских благотворительных обществ России в конце XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 131–133.

[103] *Зорин А.Н., Клюшина Е.В.* Указ. соч. С. 425–426.

[104] *Lindenmyer A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. P. 41.

Мощный импульс развитию общественный самодеятельности был придан изданными 4 марта 1906 г. в форме именного указа Сенату «Временных правил об обществах и союзах»[105]. Правила 4 марта провозглашали образование обществ без правительственного разрешения (ст. 2), т.е. явочным путем. Однако право приобретать и отчуждать недвижимое имущество, иметь денежные средства, заключать договоры, выступать истцом и ответчиком в суде предоставлялось лишь тем обществам, которые были зарегистрированы в установленном порядке. Для этого учредители обществ должны были внести проект устава организации в губернское (городское) по делам об обществах присутствие, которое обязывалось в месячный срок со дня подачи губернатору заявления об образовании общества разрешить регистрацию или отказать в ней (ст. 22–23). Учитывая, что приобретение прав юридического лица являлось важным аспектом для деятельности благотворительных обществ, они стали подавать документы для регистрации в установленном порядке в местные присутствия, руководимые губернаторами. Новый режим регистрации на основании нормальных уставов в сравнении с прежним еще более упростил образование обществ[106].

Жители городов, в особенности крупных, сталкивались в своем повседневном быту с целым рядом проблем социального характера. К их числу относились детская неустроенность, бездомность, преступность. В Москве и Петербурге их разрешением занималась отдельная группа организаций. Это образованное в феврале 1911 г. под председательством супруги московского градоначальника З.Г. Рейнбот Общество призрения сирот и брошеных детей, организованное спустя три с небольшим года по инициативе и под председательством супруги следующего московского градоначальника А.А. Адриановой Общество призрения детей, страдающих сифилисом, а также Общество «Борьба с улицей», Общество воспитания детей улицы, Общество борьбы с детской смертностью,

---

[105] ПСЗ III. Т. 26. № 27479.

[106] *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 164–171.

Общество патроната над несовершеннолетними, Общество покровительства беспризорным и освобожденным из мест заключения несовершеннолетним. Алгоритм действий этих организаций был схожим: на пожертвованные средства они приобретали усадьбу, в которой устраивали колонию-приют, призванный стать убежищем для брошеных или больных детей. Общественно-полезный характер инициатив одной из этих организаций — Петербургского Общества борьбы с нищенством детей, газета «Биржевые ведомости» характеризовала в следующих выражениях: подбирая на улице «из растлевающей обстановки заброшенных детей и окружая их отеческой заботой», Общество «борется с хулиганством и очищает столицы от лиц, потерявших здоровый трудовой путь»[107].

Способы возвращения детей к нормальной жизни обсуждались на заседаниях Московского общества содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей. Устраиваемые этой организацией чтения и концерты на духовно-нравственные темы в пользу детских приютов активно посещались представителями московской администрации.

Под руководством московского губернатора Г.И. Кристи, а впоследствии его преемника В.Ф. Джунковского действовало Московское попечительство о глухонемых, воспитывавшее в стенах своих учреждений более 100 глухонемых крестьян Московской губернии[108].

Общество призрения и образования глухонемых детей, начиная с 1887 г. действовало в Казани. Поводом к его основанию послужило открытие в городе купцом И.Я. Павловским училища для глухонемых детей[109].

В провинции рост благотворительных организаций начался во второй половине XIX в. Специфика их деятельности (разнообразие видов оказываемой помощи, ее гуманный характер) обеспечивала участие в них различных сословий и сословно-профессиональных

---

[107] Биржевые ведомости. 1913. 17 февраля.
[108] Московские ведомости. 1911. 23 марта.
[109] *Зорин А.Н., Клюшина Е.В.* Указ. соч. С. 426.

групп: дворян, купцов, интеллигенции и т.д. По представительности членского состава благотворительные общества занимали одно из первых мест среди общественных объединений провинциальных городов.

Между тем занятие благотворительностью являлось уделом в основном обеспеченного населения, способного без ущерба для своего личного бюджета стать жертвователями, потратить личное время на выяснение степени и характера нужды того или иного бедняка. Так, учредителями Ольгинского детского приюта трудолюбия попечительного общества г. Казани, открытого в 1892 г., где детей обучали Закону Божию, грамоте, правилам счета и церковному пению, были жена полковника, арская купчиха, архиепископ Казанский и Свияжский, казанский губернатор, губернский предводитель дворянства и городской голова[110].

Благотворительные организации превосходили общества других категорий по своему удельному весу в составе городской общественности. К примеру, в губернском городе Тамбове на рубеже XIX–XX вв. это была самая многочисленная группа общественных организаций, составлявшая почти треть от всего числа тамбовских обществ (20 из 70)[111]. В центре Кубанской области в Екатеринодаре в указанное время существовало 37 благотворительных организаций. Всего же на Кубани на рубеже XIX–XX вв. насчитывалось 72 благотворительных общества, более половины из которых работала в областном центре[112]. В общей сложности 82 благотворительных общества было образовано с 1835 по 1917 г. в Курской губернии; из них 50 обществ в XIX в. и 32 — в начале XX в.[113]

Основными источниками доходов провинциальных благотворительных обществ являлись членские взносы, пожертвования частных лиц и учреждений, прибыль от различных бла-

---

[110] Там же. С. 423.

[111] *Туманова А.С.* Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999. С. 103, 152–153.

[112] *Оспищева Л.Е.* Указ. соч. С. 72–73.

[113] *Косихина И.Г.* Указ. соч. С. 325.

готворительных мероприятий (концерты, лотереи, спектакли, танцевальные вечера и др.), дотации властных структур. Особое место в числе источников пополнения бюджета занимали пожертвования, наиболее полно выражавшие суть самого социального явления благотворительности. Финансовые трудности благотворительных обществ объяснялись либо низкой платежеспособностью членов организаций, нерегулярно плативших членские взносы, либо нестабильностью субсидирования организаций со стороны жертвователей и местных властей[114]. О крупных пожертвованиях в пользу обществ давалась информация в печати, а лица, их сделавшие, становились почетными членами организаций.

Деятельность целого ряда благотворительных организаций была многоплановой, включая помощь бедным, социальную реабилитацию безработных путем их трудоустройства, обучение беспризорных детей и детей-сирот и др. Общества общеблаготворительного типа, нацеленные на оказание смешанной помощи нуждающимся, как показали новейшие исследования, преобладали в количественном отношении в российской провинции. Наиболее эффективными они являлись в городах губернского и уездного масштаба, в силу наличия в них широкого слоя реальных и потенциальных жертвователей, финансовой поддержки со стороны органов местной власти и самоуправления, возможности привлечения средств за счет организации различных публичных мероприятий. Объектами благотворения для обществ общеблаготворительного типа выступали дети-сироты, нищие, беспризорные, больные дети и взрослые из бедных слоев населения, нуждающиеся представители отдельных национальностей[115].

Примером подобной многопрофильности может служить образованное в Можайске А.С. и П.С. Уваровыми Благотворитель-

---

[114] *Дьячков С.Л.* Указ. соч. С. 24; *Оспищева Л.Е.* Указ. соч. С. 178.
[115] *Дьячков С.Л.* Указ. соч. С. 23.

ное общество, имевшее целью, по словам его учредителей, «не только “кормить и благотворить” детей, но приучать их к работе, находить им места, помогать устройству школ, распространять между населением полезные книги и мастерства и проч.»[116]. К числу учреждений Общества принадлежали народная школа, позднее преобразованная в женскую прогимназию с правами министерской, педагогические курсы, дававшие право их выпускникам на преподавание в высших народных училищах. Девушки-подростки трудоустраивались в функционировавшей при организации швейной мастерской. В периоды военных действий Можайское благотворительное общество участвовало в лечении раненых, которых подвозили сюда прямо с поля брани[117].

Большинство общественных организаций, работавших в провинциальных городах, было ориентировано на незначительную территорию, ограничивавшуюся пределами отдельного квартала, церковного прихода (приходские попечительства о бедных), учебного заведения (общества для пособия нуждающимся ученикам) и т.п. Организаций общественного призрения, охватывавших территорию целого города, насчитывалось сравнительно немного. Это объяснялось нехваткой у негосударственных учреждений материальных и людских ресурсов, а также их убеждением, что в рамках небольшого района легче наладить интенсивную и многообразную работу.

Имелась у благотворительных обществ дореволюционной России и «региональная специализация». Специфика регионов, в которых они функционировали, определяла практикуемые формы благотворительной помощи. К примеру, благотворительные общества, действовавшие в городах Кавказских минеральных вод, уделяли большое внимание оказанию помощи в оздоровлении местного и прибывающего на лечение социально-недостаточного

---

[116] *Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 77–78.

[117] Там же. С. 101, 152–155.

населения. Общеблаготворительные общества Кубани и Ставропольской губернии практиковали работу во временных благотворительных заведениях (ночлежках, посреднических конторах и бюро трудоустройства, дневных яслях), что позволяло им осуществлять единовременную помощь при большом наплыве нищенствующих, переселенцев и лиц, прибывших на заработки из центральных и приволжских губерний[118].

В сфере социальной защиты работающего населения городов действовали общества взаимопомощи. Современники сплошь и рядом не разделяли благотворительных обществ и организаций взаимопомощи: общества взаимопомощи включались в списки благотворительных учреждений Российской империи, составляемых соответствующими министерствами и ведомствами. Между тем различие между теми и другими организациями существовало, и немалое.

Главным направлением деятельности обществ взаимопомощи была материальная поддержка входивших в них членов, которая оказывалась в форме денежных пособий, пенсионного и медицинского обеспечения.

К началу XX в. подобного рода объединения существовали практически у всех социально-профессиональных групп. Организованные по профессиональному признаку, они отражали растущее разделение труда в российской социальной и экономической сферах. Благотворительной помощи активисты этой группы организаций предпочитали взаимопомощь, когда каждый член общества вносил свой денежный вклад в общую кассу и имел в случае нужды заработанное собственным трудом право на социальное обеспечение. Помимо материальной поддержки, они занимались защитой прав своих членов, заботились об улучшении условий их труда, повышении культурно-образовательного и профессионального уровня, а также «доставлении им приятного и полезного вре-

---

[118] *Дьячков С.Л.* Указ. соч. С. 23; *Оспищева Л.Е.* Указ. соч. С. 179–180.

мяпровождения в часы досуга устройством спектаклей, концертов и увеселительных вечеров».

Свои «вспомоществовательные» организации имели представители творческой интеллигенции (ученые, писатели, артисты, художники), учителя и учащиеся, врачи и средний медицинский персонал (фельдшера, акушеры, дантисты), купцы и приказчики, ремесленники, портные, булочники и др.

Самыми распространенными обществами взаимопомощи были организации приказчиков, конторщиков, бухгалтеров, трактирной прислуги. Основную массу среди них составляли общества торговых служащих (к 1900 г. их насчитывалось 97). Первое приказчичье общество было основано в Риге в 1859 г.[119]

Организации взаимопомощи активно развивались и в учительской среде. К 1905 г. в стране насчитывалось 125 таких обществ с несколькими десятками тысяч участников[120]. Они оказывали своим членам самые различные виды помощи (материальную, медицинскую, юридическую и др.), ходатайствовали о различных нуждах учителей, защищали их права и занимались их трудоустройством.

Большое распространение в изучаемый период получили общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Поначалу они учреждались при отдельных учебных заведениях и были ориентированы на их воспитанников, позднее стали брать под опеку учащихся всех учебных заведений отдельного городского района, города или уезда. К 1908 г. в России насчитывалось 111 организаций этого типа[121]. Предоставляемая ими помощь выражалась во внесении платы за обучение, выдаче денежных пособий, учебной формы и литературы, снабжении неимущих пищей, а при наличии средств и жильем. Организации боролись с детским уличным

---

[119] *Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX в. // Из истории русской культуры. Т. 5. М., 1996. С. 823.

[120] *Чарнолуский В.И.* Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. С. 169.

[121] Там же. С.126.

нищенством, заботились о доставлении детям «здоровых удовольствий» (чтений, экскурсий), устраивали для них общежития и летние колонии.

В студенческой среде широкое распространение получили земляческие ассоциации. По данным авторитетного исследователя корпоративных студенческих институтов А.Е. Иванова, на рубеже XIX–XX вв. землячества действовали во всех высших учебных заведениях Российской империи, за исключением привилегированных («закрытых»). Их органическому укреплению в студенческой среде способствовали, «с одной стороны, российско-территориальная бескрайность, надолго разлучавшая студентов с родным домом, а с другой — вопиющая бедность значительной части студенчества»[122]. Землячества просуществовали до 1917 г., с переменным успехом исполняя свою главную функцию органов материальной и моральной поддержки студентов-земляков, оказавшихся в чужих краях.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну расширило границы благотворительной деятельности общественных организаций и вызвало к жизни новые объединения. В военное время была создана солидная по своей численности группа обществ, призванных сгладить негативные последствия такой крупной и системной проблемы российского социума, как беженство, представлявшей угрозу здоровью, семейным устоям и общественной нравственности.

Центральным органом помощи беженцам в России являлся Комитет Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Комитет был учрежден 14 сентября 1914 г. под руководством члена Государственного совета А.Б. Нейдгардта, дочь Николая II Татьяна была его почетной председательницей. Комитет пользовался миллионными государственными субсидиями, небольшую часть поступлений давали всероссийские сборы пожертвований и взносы

---

[122] *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 44–46.

частных лиц. Учредив сеть губернских отделений во главе с губернаторами (сначала на прифронтовой территории, а затем по всей стране), Комитет превратился в крупнейшую благотворительную организацию по оказанию помощи беженскому населению. Высоко оценивалась современниками деятельность провинциальных отделов Татьянинского комитета. По словам члена правления Комитета, товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, «там нашлись хорошие руководители, свое дело сделали и спасли не одну сотню беженцев»[123].

В октябре 1915 г. в Петрограде было учреждено Всероссийское общество попечения о беженцах, призванное оказывать «возможно широкую помощь беженцам преимущественно русской национальности в дополнение к поддержке, оказываемой им правительством». Общество занималось устройством дешевых и бесплатных столовых, временных бараков для размещения беженцев. Его активисты заготавливали обувь, одежду и белье, организовывали биржи труда для трудоустройства оставшихся без работы, учреждали приюты и ясли для малолетних детей беженцев, школы для подростков, открывали врачебные пункты, оказывали беженцам юридическую помощь. Общество имело отделы в губернских и уездных городах, к примеру, в г. Калуге[124].

С началом войны большая группа благотворительных организаций, нацеленных на оказание помощи беженцам различных национальностей и конфессий, возникла в Москве. Это были организации, ориентированные на поддержку беженцев-евреев (Московское еврейское общество помощи жертвам войны), латышей (Московское отделение Латышского общества «Родина», Московский отдел Латышского Латгальского общества, Латышский комитет), литовцев (Литовский комитет), эстонцев (Эстонский

---

[123] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 429–430.

[124] *Писаренко И.С., Вощенкова Н.С., Домнина Т.Г., Жукова Л.Ф.* Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001. С. 18–19.

комитет), поляков (Варшавское попечительство), уроженцев Гродненской губернии (Комитет Гродненского софийского братства по оказанию временной помощи русским беженцам Гродненской губернии) и др.[125]

Активно работали в годы Первой мировой войны еврейские общественные организации. Одну из первых ролей играл среди них Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО), создавший сеть местных отделений, взаимодействующих через систему уполномоченных, которые обслуживали еврейских беженцев по пути их следования. В ЕКОПО работали такие известные общественные и политические деятели, как барон А.Г. Гинцбург, М.М. Винавер, Г.Б. Слиозберг, Л.М. Брамсон, А.И. Браудо и др. В города по маршрутам перевозок беженцев Комитетом высылались отряды для организации помощи. Создавались передвижные кухни, дешевые столовые, бесплатные чайные, амбулатории, очаги для детей и взрослых, беженцам организовывали ночлег, их снабжали одеждой и работой (действовала система бюро труда, технических курсов и др.). Значительную часть денежных средств ЕКОПО составляли добровольные пожертвования еврейской общественности. За первый год своего существования ЕКОПО израсходовал более 1 млн руб., его ежемесячные расходы составляли около 250 тыс. руб.[126] Комитет стремился придать сбору пожертвований максимально широкий размах, призывал к тому, чтобы «все решительно евреи кто как может своими взносами приняли участие в этом всенародном еврейском деле»[127].

Помощь евреям-беженцам оказывало также действующее с 1880 г. Общество распространения ремесленного и земледель-

---

[125] *Кустов Н.И.* Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам в гор. Москве. М., 1917. С. 4.

[126] Обращение Петроградского еврейского комитета помощи жертвам войны к населению (июль 1915 г.). Пг., 1915. С. 1.

[127] Обращение Еврейского комитета для повсеместной помощи жертвам войны к населению (октябрь 1914 г.). Пг., 1914. С. 3.

ческого труда среди евреев в России (ОРТ). ОРТ содействовало евреям, переселявшимся во внутренние российские губернии, в занятии ремеслом и земледелием; выдавало им ссуды на переезд, обзаведение на новом месте, обучение ремесленным специальностям и приобретение инструментов.

От физической деградации евреев оберегало в годы Первой мировой войны Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ), учрежденное еще в 1912 г. С 1915 г., когда началась массовая высылка еврейских граждан из прифронтовой полосы в тыл, оно устраивало для еврейских переселенцев по пути их следования и в местах выселения питательные пункты, летучие врачебные отряды, госпитали, амбулатории, приюты, консультации для матерей и очаги для детей беженцев.

* * *

В настоящем очерке была рассмотрена история российской благотворительности. Утвердившись в духовной и культурной традиции средневековой Руси в форме практики раздачи милостыни нуждающимся частными лицами и церковью, помощь неимущим в условиях Российской империи становится важной функцией государства. Во второй половине XIX — начале XX в. наряду с государственной формой организации общественного призрения интенсивно развивается муниципальная благотворительность. Венчала «здание» российской системы помощи неимущим благотворительная деятельность частных лиц и общественных организаций, достигшая наивысшей эффективности на рубеже XIX–XX вв.

К началу XX в. этим трем главным действующим лицам российской благотворительности и общественного призрения удалось достигнуть баланса интересов. Именно благодаря этому в дореволюционной России сложилась обширная и действенная система социального призрения неимущих, содержавшая наряду с государственными органами муниципальные, общественные и частные учреждения, которые по числу призреваемых не только не

уступали государственным, но нередко занимали первенствующие позиции в своих областях.

Российским благотворителям начала прошлого XX в., представлявшим различные социальные и профессиональные группы тогдашнего общества, было понятно, что только индивидуальная забота о каждом конкретном нуждающемся и тщательное изучение обстоятельств каждого отдельно взятого случая нужды давали эффект. А достигнуть этого можно было лишь путем привлечения к делу помощи бедным самодеятельного, общественного начала. Благотворительные общества представляли собой в начале XX в. один из наиболее ярких и действенных сегментов формировавшегося гражданского общества. С началом Первой мировой войны палитра общественной благотворительности заметно расширяется за счет национальных и конфессиональных благотворительных организаций.

Между тем российский исторический опыт благотворительности и общественного призрения показался малоинтересным советскому правительству, которое свело на нет общественный и частный компоненты благотворительной работы. По мнению правительства большевиков, социальная революция сама по себе была уже шагом на пути к социальной справедливости, а советский строй не нуждался в «реквизитах» старого режима в виде благотворительных ведомств под патронажем императриц и их учреждений. Насаждалось представление, что благотворительность есть функция буржуазного общества, совершенно искусственная для государства рабочих и крестьян.

Система социального обеспечения, сменившая дореволюционную организацию общественного призрения в России, становится государственной. Ее элементами были система воспитания государством беспризорных детей, охраны материнства и детства, государственная организация бесплатного образования и др. В конце 1917 г. функция осуществления призрения была вверена государственным ведомствам: Наркомату государственного призрения и Наркомату социального обеспечения.

Благотворительные организации и заведения императорской России были переданы советскому государству. Подавляющая часть обществ была ликвидирована. Лишь некоторые организации продолжали действовать на общественных началах. Из дореволюционных обществ сохранились Всероссийское общество глухонемых, Российское общество Красного Креста (было переименовано в Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца) и ряд других.

С началом перестройки традиции благотворительности и взаимопомощи вернулись в нашу страну, а вместе с ними и интерес к опыту призрения нуждающихся, накопленному в досоветской России.

ЧАСТЬ II

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФИЛАНТРОПИИ

Глава 4

Основные тенденции развития филантропической деятельности в мире

4.1. Сравнительная оценка масштабов и потенциала филантропических ресурсов

В зарубежных странах через филантропическую деятельность мобилизуются, перераспределяются и направляются на благотворительные мероприятия крупные материальные ресурсы. Например, в 2008 г. только в США, несмотря на кризисное падение частных доходов, объем благотворительных пожертвований составил 308 млрд долл., а объем грантов, выделенных американскими благотворительными фондами, достиг рекордной величины в 45,6 млрд долл.[1] По некоторым оценкам, доля филантропических ресурсов в ВВП США составила в 2008 г. 2,2%[2]. Масштабы частной филантропии за рубежом являются осязаемыми на уровне макроэкономики не только в США. Наиболее представительный источник сопоставимых данных, позволяющих оценить экономическую роль частной филантропии в зарубежных странах, — это данные проекта «Сравнительные исследования некоммерческого сектора» Центра исследований гражданского общества университета им. Дж. Хопкинса (США).

---

[1] Highlights of Foundations Yearbook. Foundations Series, July 2009 / Foundations Center. См.: http://foundationcenter.org/gainknowledge/research/pdf/fy2009_highlights.pdf.

[2] Philanthropy Statistics. National Philanthropic Trust. См.: http://www.nptrust.org/philanthropy/philanthropy_stats.asp.

В рамках проекта в качестве филантропических ресурсов учитываются денежные средства и имущество. «Частная филантропия» определяется как частные пожертвования физических лиц, корпоративные пожертвования, гранты частных фондов, средства, направленные посредством объединенных фондов или программ в доходы некоммерческого сектора экономики[3]. Сведения о доходах организаций некоммерческого сектора, в том числе о доходах из филантропических источников, собраны по единой методологии по достаточно многочисленной группе стран.

По данным упомянутого проекта, представленным в табл. 4.1, в среднем по группе из 38 стран мира, вошедших в обследование, объем ресурсов частной филантропии равен 0,5% ВВП. При этом в странах англосаксонской традиции он в 2 раза выше средней величины и достигает 1% ВВП. В странах Западной Европы (за исключением Скандинавии), в Канаде и Израиле масштабы частных филантропических ресурсов также выше среднего уровня. Их объем достигает 0,7% ВВП в среднем по этой группе стран. В прочих странах доля частных филантропических ресурсов в ВВП находится на уровне 0,3–0,4%. Интересно отметить, что близкий уровень частных филантропических ресурсов имеют такие непохожие друг на друга группы стран[4], как страны Скандинавии, Латинской Америки, Южная Корея и Япония. Отметим здесь также, что высо-

---

[3] Наряду с частной филантропией в состав доходов некоммерческого сектора, учитываемых в рамках проекта, включаются также членские взносы, платежи за услуги и доходы от продажи товаров, инвестиционные доходы, государственное финансирование НКО. См.: The Comparative Nonprofit Sector Project. Methodology and Data Sources. P. 7. См.: http://www.ccss.jhu.edu/pdfs/CNP/CNP_Methodology.pdf.

[4] Представленные группы включают следующие страны:

- Западная Европа: Австрия, Бельгия, Германия, Ирландия, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Франция, а также Израиль и Канада.
- Англосаксонские страны: Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, США.
- Скандинавия: Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция.
- Восточная Европа: Польша, Румыния, Чехия, Словакия.
- Страны Африки: Кения, Танзания, Уганда, ЮАР.

кая доля частной филантропии в ВВП стран Африки обусловлена потоками международной помощи, направляемыми в эти страны зарубежными частными благотворительными организациями, что представляет собой отдельный специфический случай, в связи с чем мы не станем ниже рассматривать ситуацию с филантропией в африканских странах.

Таблица 4.1

Ресурсы частной филантропии как доля ВВП (выборочно по группам стран)

Группы стран	Ресурсы частной филантропии как доля ВВП, %
Англосаксонские страны	1,0
Западная Европа (за исключением Скандинавии), Канада, Израиль	0,7
Страны Африки	0,6
В среднем по группе из 38 стран	0,5
Скандинавия	0,4
Латинская Америка	0,4
Развитые страны Азии	0,4
Восточная Европа	0,3

Источник: Sanders J., O'Brian M., Tennant M., Sokolowski S.W., Salamon L.M. The New Zealand Nonprofit Sector in Comparative Perspective. Wellington, New Zealand: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. Office for the Community and Voluntary Sector. Committee for the Study of the New Zealand Nonprofit Sector. 2008. P. 21.

- Латинская Америка: Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу, Чили.
- Развитые страны Азии: Южная Корея, Япония.

См.: *Sanders J., O'Brian M., Tennant M., Sokolowski S.W., Salamon L.M.* The New Zealand Nonprofit Sector in Comparative Perspective. Wellington, New Zealand: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. Office for the Community and Voluntary Sector, Committee for the Study of the New Zealand Nonprofit Sector. 2008. P. 41–42.

Эмпирические исследования филантропии, выполненные в рамках проекта Центра исследований гражданского общества университета им. Дж. Хопкинса, позволяют провести межстрановые сопоставления по еще двум существенными параметрам, характеризующим масштабы и потенциал филантропии как ресурса гражданского общества и некоммерческого сектора: сравнить долю филантропических ресурсов в общем объеме доходов некоммерческого сектора различных стран и выявить те сферы деятельности в некоммерческом секторе, которые получают наибольшую поддержку из филантропических источников.

Данные, характеризующие долю филантропических ресурсов в общем объеме доходов некоммерческого сектора по группам стран, представлены в табл. 4.2. Из этих данных следует, что несмотря на значительные в денежном выражении масштабы филантропических ресурсов, в зарубежных странах частная филантропия (благотворительность) не является основным источником доходов некоммерческого сектора. Индивидуальные пожертвования, а также

Таблица 4.2

Доля филантропических ресурсов в общем объеме доходов некоммерческого сектора (выборочно по группам стран)

Группы стран	**Доля филантропических ресурсов в общем объеме доходов некоммерческого сектора, %**
Англосаксонские страны	14
Западная Европа (за исключением Скандинавии), Канада, Израиль	10
Страны Африки	25
В среднем по группе из 38 стран	**15**
Скандинавия	8
Латинская Америка	14
Развитые страны Азии	10
Восточная Европа	19

Источник: Sanders J., O'Brian M., Tennant M., Sokolowski S.W., Salamon L.M. Op. cit. P. 21.

пожертвования корпораций и фондов вместе взятые составляют в среднем по 38 странам, включенным в исследование, 15% общего объема доходов некоммерческого сектора. В англосаксонских странах и в Латинской Америке этот показатель близок к среднему и составляет 14%, в странах Западной Европы (за исключением Скандинавии), Канаде и Израиле — 10%. Наименьшую роль филантропия как источник финансовых ресурсов для некоммерческого сектора играет в Скандинавских странах: доля филантропических ресурсов в общем объеме доходов некоммерческого сектора Скандинавских стран — всего 8%.

На общем фоне обращает на себя внимание довольно высокая доля филантропических средств в доходах некоммерческого сектора стран Восточной Европы. По предположению Л. Саламона и Г. Анхайера, ведущих специалистов проекта Университета им. Дж. Хопкинса, это является отражением «традиции коммунистической эпохи, когда предприятия финансировали все услуги для своих работников», а также обусловлено сравнительно низким уровнем развития иных источников некоммерческого сектора, таких как государственное финансирование деятельности НКО, реализация услуг и товаров, инвестиционные доходы от управления целевыми капиталами[5].

Вместе с тем для некоторых сфер деятельности некоммерческого сектора в зарубежных странах филантропия является основным источником финансирования. К таким сферам деятельности, согласно данным проекта, относятся сфера международного сотрудничества и оказания международной помощи, деятельность благотворительных фондов, а также деятельность религиозных организаций и объединений[6].

---

[5] *Саламон Л.М., Анхайер Г.К.* (при участии национальных исполнителей международного проекта «Сравнительные исследования некоммерческого сектора»). Появляющийся сектор. Новые данные // О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. М., 1999. См.: http://www.spcenter.ru/publics/sborn.html.

[6] Там же.

При анализе филантропии как экономического феномена Л. Саламон и Г. Анхайер обращают внимание, наряду с денежными средствами и имуществом, и на такой ресурс, как бесплатный труд добровольцев. С учетом денежной оценки труда добровольцев, полученной экспертным методом в рамках проекта университета им. Дж. Хопкинса, доля частных филантропических ресурсов в доходах некоммерческого сектора увеличивается существенно, она практически удваивается. Однако, по расчетам ученых, даже в этом случае филантропия не становится основным источником ресурсов некоммерческого сектора в целом, хотя еще в четырех сферах деятельности НКО филантропия приобретает такой статус. Это — деятельность экологических организаций, правозащитная и гражданская активность, деятельность благотворительных организаций (за исключением благотворительных фондов) и деятельность по оказанию социальных услуг[7].

На наш взгляд, труд добровольцев действительно не должен игнорироваться как ресурс благотворительной деятельности. Добровольчество наряду с осуществлением благотворительных пожертвований в денежной форме или в форме имущества является одной из важнейших практик гражданского общества и позволяет достигать социально значимых целей благотворительной деятельности. Оценка масштабов и потенциала благотворительных ресурсов должна включать оценку ресурсов труда добровольцев, задействованного в благотворительной деятельности. Вместе с тем интеграция количественных оценок труда добровольцев в денежном выражении в общие количественные оценки филантропических ресурсов требует известной осторожности, особенно при проведении межстрановых сравнительных исследований, в связи с тем, что отсутствует всеохватный статистический учет труда добровольцев, а также в связи с тем, что оценка денежного эквивалента неоплачиваемого в реальности труда добровольцев всегда будет носить условный характер.

---

[7] *Саламон Л.М., Анхайер Г.К.* Указ. соч.

Масштабность филантропической деятельности как одной из наиболее значимых сегодня практик гражданского общества позволяет оценить международные сопоставления уровня участия населения в денежной благотворительности. В некоторых зарубежных странах ведется государственный статистический учет осуществляемых пожертвований, в других регулярные репрезентативные опросы населения и корпораций о производимых пожертвованиях на благотворительные цели проводят некоммерческие организации. Так, например, по данным Федеральной службы статистики Германии благотворительные пожертвования сравнительно регулярно осуществляет одна треть немецких налогоплательщиков, а это 9 млн человек[8]. В США наибольшую известность приобрели оценки объемов и структуры пожертвований на благотворительные цели, которые публикует некоммерческая организация Giving USA Foundation. По ее данным, опубликованным в 2009 г., в США регулярно жертвуют на благотворительные цели 89% домохозяйств[9]. Наиболее представительный массив сопоставимых данных об уровне участия населения в денежной благотворительности собран в рамках международного научно-практического проекта «Индекс гражданского общества CIVICUS». Исследования охватили сегодня 39 стран, различающихся как по своему уровню социально-экономического развития, так и по культурным традициям: Нидерланды, Германия, Непал, Монголия, Гондурас и др. В 7 из 39 стран доля населения, осуществляющего денежные пожертвования, превышает 80%, в 19 странах — находится в интервале от 50 до 79%. За исключе-

---

[8] *Buschle N.* Spenden — von wem und wofür? // Statistisches Bundesamt Deutschland. STATmagazin. Finanzen und Steuern. Wiesbaden. Februar 2008. См.: http://www.destatis.de/jetspeed/portal/cms/Sites/destatis/Internet/DE/Content/Publikationen/STATmagazin/FinanzenSteuern/2008__2/PDF2008__2,property=file.pdf. Данные государственного статистического учета охватывают только те денежные пожертвования, по которым налогоплательщиками были поданы заявления на предусмотренный законом налоговый вычет.

[9] Philanthropy Statistics. National Philanthropic Trust. См.: http://www.nptrust.org/philanthropy/philanthropy_stats.asp.

нием Болгарии, Италии и Греции доля населения, участвующего в денежной благотворительности, повсеместно в мире выше 30%[10].

В 2009 г. научный коллектив Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета — Высшей школы экономики присоединился к международному проекту университета им. Дж. Хопкинса для подготовки на основе методологии проекта сопоставимых данных об экономических параметрах российского некоммерческого сектора. В ходе этой фундаментальной научно-исследовательской работы специалистами Центра И.В. Мерсияновой и О.Н. Кононыхиной были выполнены расчеты, характеризующие масштаб филантропических ресурсов в России. Согласно полученным данным, доля пожертвований в российском ВВП составила в 2009 г. около 0,25%; доля пожертвований в объеме доходов российского некоммерческого сектора составляет 33%. Так же как и в других странах мира, по которым выполнен анализ в рамках проекта университета им. Дж. Хопкинса, в России филантропические ресурсы являются наиболее значительным источником дохода для таких сфер деятельности НКО, как международное сотрудничество и предоставление международной помощи, деятельность религиозных организаций и объединений. В России в этот перечень входят также (даже без учета ресурсов труда добровольцев) деятельность экологических организаций, правозащитная и гражданская активность, деятельность по оказанию социальных услуг и услуг здравоохранения. В целом организации, наиболее значительным источником доходов которых является филантропия, получают лишь 2% общего уровня доходов некоммерческого сектора. Для сравнения организации, где значимым источником доходов является государственная поддержка, получают около 6% общего уровня доходов некоммерческого сектора. Те организации, где наиболее

---

[10] *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М., 2009 (Сер. «Мониторинг гражданского общества. Вып. III). С. 49.

значимым источником доходов являются платежи, получают 41% доходов некоммерческого сектора.

Коллектив Центра выполнил и расчеты доли населения России, участвующего в денежной благотворительности, по методологии проекта «Индекс гражданского общества CIVICUS». В России этот показатель в 2009 г. составил 48%. Среди стран, участвующих в проекте, Россия занимает таким образом 27-е место[11].

Представленные выше данные эмпирических исследований масштабов филантропической деятельности в современном мире позволяют сделать вывод, что масштабное развитие филантропической деятельности не является признаком низкого уровня развития страны. Высокий уровень филантропической деятельности присущ и вполне благополучным странам. Весьма высокая филантропическая активность граждан и бизнеса наблюдается в Западной Европе, включая Скандинавские страны, где традиционно существуют развитые системы государственного социального обеспечения и государство проводит достаточно эффективную социальную политику. Это свидетельствует о том, что филантропия представляет собой сегодня нечто большее, чем непосредственную реакцию общества на неспособность государства удовлетворительно решать социальные проблемы, бороться с бедностью, общественной неустроенностью. По результатам одного исследования мотиваций филантропической деятельности, проведенного специалистами университета штата Индиана в США, более чем для 80% доноров, делающих наиболее значительные благотворительные пожертвования, примерно равное значение имеет как стремление «удовлетворить самые острые насущные нужды» общества, так и стремление «возвратить обществу» ресурсы, полученные такими людьми благодаря возможностям, которое общество открыло в свое время перед ними[12].

Экономическая оценка филантропических средств, представленная выше, позволяет рассматривать филантропию как значи-

---

[11] Там же.

[12] Цит. по: Philanthropy Statistics. National Philanthropic Trust. См.: http://www.nptrust.org/philanthropy/philanthropy_stats.asp.

тельный ресурс общественного развития. Проведенные международные сопоставления, охватившие значительное число стран, весьма отличающихся друг от друга по культурным традициям и уровню экономического благополучия, показывают, что абсолютные объемы филантропических средств и их размер в сопоставлении с величиной экономики в большинстве стран позволяют решать крупные общественные проблемы.

Россия по некоторым показателям развития филантропической деятельности, например, таким как уровень участия населения в денежной благотворительности, уровень участия в добровольчестве, уже сегодня относится к странам, имеющим средний или выше среднего уровень развития филантропии. Вместе с тем положение России в международных сопоставлениях по показателю доли филантропических ресурсов в ВВП свидетельствует о том, что филантропический потенциал нашей страны задействован пока далеко не в полной мере.

4.2. Цели и общественные приоритеты филантропической деятельности

Для анализа современных целевых ориентиров и приоритетов филантропии за рубежом нами выбраны США и Германия. Обе страны можно отнести к странам с высоким уровнем развития филантропической деятельности, с активным, генерирующим инновации гражданским обществом. Среди таких стран США отличаются сравнительно слабым уровнем развития государственного социального обеспечения, в то время как Германия является типичным представителем западноевропейских государств, проводящих активную и ресурсоемкую государственную социальную политику, — государств, выстроивших и поддерживающих мощные системы государственного социального обеспечения. Выбор этих двух стран позволит, таким образом, не только охарактеризовать актуальные мировые тренды в развитии филантропии, но и выявить возможные межстрановые различия в приоритетах фи-

лантропии в зависимости от уровня государственного социального обеспечения. Данные о структуре пожертвований характеризуют прежде всего приоритеты доноров — тех людей, которые добровольно отчуждают свои средства на благотворительные цели, в то время как данные о составе видов деятельности, признаваемых благотворительностью законодательно, опосредованно отражают более широкий общественный консенсус в вопросе о приоритетных целях, на достижение которых желательно направлять филантропические ресурсы.

Сегодняшние целевые ориентиры филантропической деятельности, общественные приоритеты в развитии благотворительности находят свое отражение прежде всего в структуре донорских пожертвований. В США регулярно публикует оценки объемов и структуры пожертвований на благотворительные цели некоммерческая организация Giving USA Foundation. По методологии этой организации к «первоисточникам» благотворительных средств относятся пожертвования индивидуальных доноров, наследство, завещанное умершими людьми на благотворительные цели, пожертвования корпораций и средства благотворительных фондов[13].

Представление о преобладающих целевых ориентирах благотворительных пожертвований и общественных приоритетах благотворительной деятельности в США дают данные о структуре донорских пожертвований по направлениям деятельности. На первом месте в США стоит религиозная обусловленность донорских пожертвований: на деятельность религиозных организаций направляется 37% пожертвований. Сфера образования на втором месте — 12% донорских пожертвований. Социальные услуги на третьем месте — в эту сферу направляется 10% пожертвований. Практически такой же объем пожертвований (9%) направляется в сферу охраны здоровья. 8% пожертвований составляют дарения

---

[13] Источник данных об общем объеме и структуре донорских пожертвований в США: Giving USA Foundation. Annual Reports on Philanthropy. Цит. по: *Блок С.Р., Якимец В.Н.* Неприбыльный сектор США: правовая основа, масштабы, конкурентоспособность, эффективность. М., 2008. С. 133–140.

различным фондам. Желанием поддержать искусство, культуру, гуманитарные проекты мотивировано 5% пожертвований, такую же долю получает сфера общественно полезных дел. Замыкают список крупных приоритетных сфер донорских пожертвований деятельность по сохранению окружающей среды и охране животные (3%) и международные проекты (2%). На прочие направления благотворительной деятельности приходится 6% от общего объема донорских пожертвований из «первоисточников».

Следует отметить, что приведенные выше данные Giving USA Foundation о распределении благотворительных ресурсов по сферам являются не вполне точным отражением конечного использования этих средств. Например, не весь объем пожертвований, направляемых на деятельность религиозных организаций, расходуется на религиозные цели в узком понимании: в США существуют религиозные организации, в том числе целые церкви, деятельность которых в качестве существенного компонента включает оказание социальных услуг, помощи наиболее бедным, нуждающимся слоям населения. Наиболее известной такой организацией, имеющей правовой статус церкви, является Армия Спасения, предоставляющая бесплатно еду, ночлег и некоторые иные виды «неотложной» социальной помощи бедным. Помощь Армии Спасения сопряжена с проповедью христианства. Пожертвования в адрес фондов также перераспределяются в соответствии с целями благотворительных программ фондов. Так, по данным Центра Фондов США, в 2006 г. в первую тройку приоритетов грантодающих фондов входили сферы образования, здравоохранения (соответственно по 23% общего объема расходов благотворительных средств, произведенных фондами) и социальные услуги (14%). На четвертом месте сфера искусства и культуры (12%), на пятом — сфера общественно полезных дел (11%)[14].

В Германии статистический учет частных пожертвований осуществляется Федеральной статистической службой. По ее данным, так же как и в США, существенная доля индивидуальных

[14] Highlights of Foundation Giving Trends. 2008. Foundations Center.

пожертвований идет на цели социальной поддержки или мотивирована религиозно: до 65% пожертвований физических лиц направляется в эти две сферы. В Германии еще в большей степени, чем в США, религиозные организации вовлечены в реализацию широкого спектра социальных программ. На втором месте сфера науки, культуры — 23% пожертвований идет в эту сферу. Социальная поддержка в связи с особенностями статистического учета в Германии включена частично и в эти данные. Еще около 3,5% пожертвований приходится на долю вновь образуемых благотворительных фондов[15].

Представления россиян о приоритетах благотворительной деятельности раскрывает исследование, проведенное Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета — Высшей школы экономики в рамках мониторинга состояния гражданского общества в России[16]. К таким приоритетам, по мнению россиян, относятся (по мере убывания):

- сфера охраны материнства, отцовства и детства (на это указали 67% опрошенных);
- помощь социально уязвимым слоям населения (36%);
- потребность образования и медицины в благотворительных ресурсах (это отметили 32% участников опроса).

В перечень приоритетов по результатам опроса вошли также:

---

[15] *Buschle N.* Spenden — von wem und wofür? // Statistisches Bundesamt Deutschland. STATmagazin. Finanzen und Steuern. Wiesbaden, Februar 2008. См.: http://www.destatis.de/jetspeed/portal/cms/Sites/destatis/Internet/DE/Content/Publikationen/STATmagazin/FinanzenSteuern/2008__2/PDF2008__2, property=file.pdf.

[16] Материалы всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного Государственным университетом — Высшей школой экономики в октябре 2008 г. Сбор информации осуществлен Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Объем выборочной совокупности — 1600 человек, отобранных на основе многоступенчатой стратифицированной территориальной случайной выборки. Инструментарий исследования разработан И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсоном.

- научные исследования, техническое творчество (15%);
- благоустройство жилья, дворов, улиц (15%);
- физкультура и спорт (13%);
- культура и искусство, художественное творчество (11%);
- правозащитная деятельность (5%);
- защита общественных интересов и поддержка инициатив граждан (4%).

Законодательно устанавливаемые определения благотворительной и общественно полезной деятельности отражают представления о целевых ориентирах и приоритетах филантропической деятельности, преобладающих в обществе в целом. Перечни видов благотворительной деятельности, закрепляемые в законе, служат в зарубежных странах основой государственной политики поощрения филантропии, ключевым элементом системы предоставления налоговых льгот благотворительным организациям, а также частным лицам и предприятиям, осуществляющим благотворительные пожертвования или ведущим общественно полезную деятельность.

В США законодательно закрепленный перечень видов благотворительной и общественно полезной деятельности включает:

- религиозную деятельность;
- благотворительную деятельность;
- научную деятельность;
- деятельность по проведению испытаний с целью повышения общественной безопасности;
- литературную деятельность;
- образовательную деятельность;
- деятельность, способствующую развитию национальных или международных соревнований спортсменов-любителей;
- деятельность по предотвращению жестокого обращения с детьми и животными.

В нормативно-правовой базе американского государства дается конкретизация по каждому виду деятельности, уточняющая намерения законодателя. Например, благотворительная деятельность включает:

- помощь бедным, терпящим бедствие и социально уязвимым;
- продвижение (содействие) религии;
- содействие образованию или науке;
- возведение или содержание общественных зданий, памятников и сооружений;
- деятельность по снижению бремени государственного управления;
- содействие социальному обеспечению, оказываемое (специализированными) организациями, созданными с целью
  а) снижения напряженности в соседских общинах,
  б) устранения предвзятости и дискриминации,
  в) защиты прав человека и гражданских прав, гарантированных законом,
  г) противодействия деградации соседских общин и преступности среди несовершеннолетних[17].

В национальных законодательствах 27 стран Евросоюза в состав видов благотворительной и общественно полезной деятельности (в той или иной конкретной формулировке) входят:

- деятельность в области искусства, культуры и сохранения исторического наследия;
- помощь инвалидам и (или) защита инвалидов;
- защита прав и содействие инвалидам;
- помощь беженцам и иммигрантам;
- защита гражданских прав и прав человека;
- защита прав потребителей;
- содействие развитию (в национальном или международном масштабе);
- защита окружающей среды;
- образование, повышение квалификации и просвещение;
- устранение дискриминации по расовому, этническому, религиозному признаку, дискриминации людей с физическими недостатками и иных форм дискриминации, запрещенных законодательно;

---

[17] IRS Instructions for Form 1023. См.: http://www.irs.gov/pub/irs-pdf/i1023.pdf.

- содействие здоровому образу жизни, здравоохранение;
- гуманитарная помощь, помощь жертвам катастроф;
- предотвращение бедности и борьба с бедностью;
- защита прав и содействие развитию детей и молодежи;
- содействие взаимопониманию между народами Евросоюза, содействие взаимопониманию между народами в мире;
- защита животных, забота о животных;
- наука;
- противодействие социальной напряженности, включая содействие уважению прав меньшинств;
- содействие социально-экономическому развитию;
- развитие социального обеспечения;
- любительский спорт, физкультура[18].

В отдельных странах этот общеевропейский список приоритетных видов благотворительной деятельности может дополняться пунктами, отражающими национальную специфику. Например, в Германии законодательно закреплен благотворительной статус деятельности по поддержанию патриотических чувств по отношению к «малой родине» — так называемой Heimatgedanke[19]. Подобная деятельность включает изучение истории «малой родины», сохранение местных фольклорных традиций, проведение местных фестивалей и т.п.

В России закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» № 135-ФЗ от 11.08.1995 г. устанавливает схожие цели благотворительной деятельности. Согласно ст. 2 этого закона благотворительная деятельность осуществляется в целях:

- социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, соци-

---

[18] *Rutzen D., Durham M., Moore D.* NPO Legislation In Central And East Europe. ICNL // The International Journal for Non-Profit-Law. 2009. Vol. 11. Iss. 2. February. См.: http://www.icnl.org/KNOWLEDGE/ijnl/vol11iss2/art_1.htm.

[19] *Ernst-Pörksen M., Pörksen T.* Third Sector Organizations in Germany: Legal Forms and Taxation International Charity Law: Comparative Seminar. Beijing. China, October 12–14. 2004. См.: http://www.icnl.org/KNOWLEDGE/ijnl/vol11iss2/art_1.htm.

альную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы;

- подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;
- оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам;
- содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов;
- содействия укреплению престижа и роли семьи в обществе;
- содействия защите материнства, детства и отцовства;
- содействия деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности;
- содействия деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан;
- содействия деятельности в сфере физической культуры и массового спорта;
- охраны окружающей природной среды и защиты животных;
- охраны и должного содержания зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронения[20].

---

[20] Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» № 135-ФЗ от 11.08.1995 г. (в ред. Федеральных законов от 21.03.2002 г. № 31-ФЗ, от 25.07.2002 г. № 112-ФЗ, от 04.07.2003 г. № 94-ФЗ, от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, от 30.12.2006 г. № 276-ФЗ). Ст. 2. См.: http://www.sovetpamfilova.ru/corruption/laws/1855.

Из приведенных перечней следует, что сегодня в мире состав приоритетов филантропии довольно однороден. Во-первых, филантропия с точки зрения ее целевых ориентиров предстает как проявление самоорганизации людей при решении важной общественной задачи — оказании помощи нуждающимся. Вне зависимости от уровня развития систем государственной социальной поддержки или уровня общего экономического развития страны сохраняется поле для благотворительной деятельности, поддерживаемой за счет добровольно предоставляемых донорами частных ресурсов. Во-вторых, филантропическая деятельность служит улучшению условий и качества общественной жизни в целом. Ресурсы филантропии обеспечивают простор созидательной инициативе и социальному творчеству широких слоев населения в развитии большинства секторов социальной сферы, включая образование, здравоохранение, науку, культуру, физическую культуру и массовый спорт, охрану окружающей среды и др. В связи с этим именно в странах с высоким уровнем развития частная филантропия широко признается общественно полезной деятельностью, поддерживается как гражданским обществом, так и государством.

4.3. Институциональная инфраструктура филантропической деятельности

В контексте преобладающих в мире начала XXI в. тенденций развития гражданского общества филантропия — это социальная практика, содержанием которой является добровольное распоряжение частными финансовыми, имущественными и трудовыми ресурсами в целях непосредственного содействия нуждающимся в поддержке людям, для решения общественно значимых проблем, для улучшения условий и качества общественной жизни. Добровольность принятия решения об отчуждении частных ресурсов на благотворительные цели является, на наш взгляд, одной из сущностных характеристик филантропии наших дней. В связи с этим

необходимым звеном в исследованиях потенциала филантропической деятельности является поиск условий, способствующих добровольной гражданской активности, раскрытию потенциала филантропической деятельности, которым обладает сообщество людей, населяющих некий конкретный регион, государство или группу государств. Мировой опыт свидетельствует о том, что к условиям, содействующих активизации благотворительной деятельности, относится ее институционализация, развитие инфраструктуры филантропии.

Филантропическая деятельность охватывает сегодня все более широкий круг субъектов, более широкий спектр ресурсов. Соответственно наблюдается усложнение институциональной инфраструктуры благотворительной деятельности, происходят процессы функциональной специализации различных институтов. К сфере благотворительной деятельности относятся как «классические» организации — доноры (благотворительные фонды различных типов, коммерческие компании), так и организации, специализирующиеся на рациональном распределении благотворительных средств; сетевые организации доноров и институциональных получателей благотворительной помощи; разнообразные типы некоммерческих образовательных и просветительских организаций, способствующих повышению эффективности филантропической деятельности как на стороне доноров, так и на стороне нуждающихся в филантропической поддержке; организации, специализирующиеся на управлении целевыми капиталами некоммерческих благотворительных организаций; организации, осуществляющие проектный аудит в благотворительной сфере и др. В состав ресурсов филантропической деятельности в дополнение к материально-финансовым ресурсам включаются такие ресурсы, как непосредственная безвозмездная деятельность людей — волонтеров. Современные формы фандрайзинга, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий, позволяют аккумулировать на крупные общественно значимые цели индивидуальные микропожертвования. Таким образом на порядки возрастает численность людей, вовлеченных в филантропическую

деятельность, их личная энергия и инициатива позволяют решать в рамках филантропических подходов широчайший круг содержательных задач общественного развития.

Институциональная инфраструктура собственно благотворительной деятельности и содействия такой деятельности имеет значительную страновую специфику, существенные национальные особенности. Вместе с тем мировой опыт позволяет выделить необходимые для успешного развития благотворительной деятельности структурные блоки. К таким блокам, присутствующим в институциональной инфраструктуре благотворительной деятельности любой страны, в которой благотворительная деятельность играет заметную роль в социальной сфере, относятся:

- организации — доноры благотворительных ресурсов, включая организации коммерческого сектора, осуществляющие пожертвования, организации (фонды), имеющие в собственности целевой капитал, доходы от управления которым предназначены на благотворительную деятельность, организации, ведущие сбор благотворительных пожертвований среди физических и юридических лиц;
- организации, распределяющие благотворительные ресурсы, специализирующиеся на реализации благотворительных проектов, включая непосредственное оказание соответствующих социальных услуг, помощи нуждающимся, осуществление проектов по развитию в социальной сфере, и на содействии реализации благотворительных проектов;
- организации, специализирующиеся в сфере информационной поддержки благотворительности, включая сбор и распространение информации о доступных благотворительных ресурсах, о потребностях в благотворительной поддержке, о лучших практиках в сфере благотворительной деятельности и др., а также анализ социальных проблем, проблем развития благотворительности, сбора и распространения иной релевантной аналитической информации;
- организации, специализирующиеся на образовании и просвещении по вопросам благотворительности;

- организации, специализирующиеся на развитии сетевых отношений, «внутрисекторного» взаимодействия, а также на «межсекторном» взаимодействии благотворительных организаций с иными общественными организациями и структурами, органами власти, бизнесом и др.;
- организации, оказывающие профессиональные услуги в сфере благотворительности, включая проектный аудит, аудит организаций — соискателей благотворительной поддержки, юридическую помощь и др.

Следует отметить, что в реальной практике благотворительной деятельности несколько инфраструктурных функций могут выполняться одной организацией, например крупные благотворительные фонды могут играть видную роль в информационном обеспечении, иметь свои программы развития сетевых отношений, а организации, специализирующиеся на информационной поддержке, могут также вести образовательные и просветительские проекты. Вместе с тем растущая специализация — это современный тренд развития институциональной структуры сферы благотворительности в мировом масштабе.

Рассмотрим ниже на примере США и Германии некоторые традиционные инфраструктурные решения в сфере филантропической деятельности, а также ряд инфраструктурных инноваций, заслуживающих, на наш взгляд, внимания в свете задач по развитию филантропии в России.

Модель США. По оценкам упоминавшейся выше организации Giving USA Foundation, общий объем благотворительных пожертвований, сделанных в США в 2005–2006 гг., превышал 250 млрд долл. в год. В структуре «первоисточников» благотворительных средств в США первое место устойчиво принадлежит индивидуальному донорству. На долю индивидуальных пожертвований приходится свыше 75% общего объема ежегодных пожертвований благотворительных средств. На средства, составляющие наследства, завещанные на благотворительные цели, приходится еще около 7% благотворительных ресурсов в США. С учетом средств, передаваемых по наследству, доля благотворительных средств физических

лиц в структуре «первоисточников» благотворительных ресурсов превышает в США 80%. На втором месте находятся средства специализированных благотворительных организаций — фондов. Их доля составляет свыше 11%. Благотворительные пожертвования корпораций составляют около 5% общего объема ежегодных пожертвований благотворительных средств.

Ключевым звеном институциональной инфраструктуры благотворительной деятельности в США являются специализирующиеся на благотворительной деятельности организации — фонды. Объем средств благотворительных фондов, израсходованных на пожертвования (т.е. на финансирование непосредственно благотворительных программ и проектов) в 2003–2007 гг., увеличился в текущих ценах с 30,3 до 42,9 млрд долл. (с 27,5 до 33,2 млрд долл. в постоянных ценах 1997 г.). Численность специализированных благотворительных фондов достигла почти 73,5 тыс. Капитал таких фондов в 2007 г. составил 669,5 млрд долл.[21] При этом следует отметить довольно высокий уровень концентрации благотворительной деятельности: на долю 25 крупнейших благотворительных фондов приходится 25% общих расходов фондов на благотворительные программы и проекты.

На долю независимых частных благотворительных фондов в 2007 г. пришлось 72% общего объема израсходованных фондами благотворительных финансовых ресурсов. Независимый частный фонд в США — это специализированная благотворительная организация, располагающая собственным целевым капиталом, сформированным из активов, полученных от частного лица или семьи в форме дарения, или завещанных по наследству. 10,3% расходов на благотворительные цели осуществили корпоративные фонды, 9,6% — фонды местных сообществ[22]. Корпоративные фонды могут иметь целевой капитал, сформированный из активов, полученных от компании, ведущей коммерческую деятельность (а не от част-

---

[21] Foundation Yearbook 2008 Highlights. См.: http://foundationcenter.org/gainknowledge/research/pdf/fy2008_highlights.pdf.

[22] Foundation Growth and Giving Estimates. Current Outlook. 2008.

ного лица или семьи). В отличие от независимого частного фонда целевой капитал корпоративного фонда, как правило, небольшой: компании предпочитают спонсировать свои фонды за счет ежегодных пожертвований. Фонды местных сообществ в США привлекают финансовую поддержку для своих благотворительных программ из многих источников. Такие фонды могут иметь некоторый собственный целевой капитал, вести фандрайзинг среди компаний и частных лиц, обращаться за финансовыми ресурсами к независимым или корпоративным фондам. Основное отличие фондов местных сообществ как донорских организаций состоит в том, что такие фонды преимущественно предоставляют благотворительные ресурсы на решение социально значимых задач конкретных территориальных сообществ (муниципального или регионального уровня).

Наиболее крупными специализированными благотворительными организациями в США являются «именные» независимые частные благотворительные фонды. В пятерку крупнейших благотворительных фондов входят:

- Фонд Билла и Мелинды Гейтс (активы около 30 млрд долл.);
- Фонд Форда (активы свыше 11 млрд долл.);
- Доверительный фонд Дж. П. Гетти (активы около 10 млрд долл.);
- Фонд Роберта В. Джонса (активы около 9 млрд долл.);
- Эндаумент Лилли (активы свыше 8 млрд долл.).

Ключевая роль фондов в институциональной инфраструктуре благотворительной деятельности связана не только с масштабами их программ и проектов. Не менее важно, что фонды являются организациями, содействующими становлению «массового» характера не мотивированной религиозно благотворительной активности. Специализация фондов на благотворительной деятельности способствует профессиональному подходу к сбору пожертвований — фандрайзингу. Фонды стремятся снизить «административные издержки» осуществления пожертвований для физических и юридических лиц, предлагают выбор конкретной программы, выбор «адресата» пожертвования и несут репутационную ответ-

ственность за целевое использование пожертвованных средств. Фонды профессионально подходят к планированию приоритетов и механизмов реализации программ и проектов, к решению задач повышения эффективности благотворительной деятельности. Все это стимулирует «массовое» донорство. В то же время фонды как специализированные благотворительные организации предлагают нуждающимся в благотворительной помощи понятные и прозрачные процедуры обращения за поддержкой, широко информируют о своих благотворительных программах и проектах. Так, фондами обеспечивается «массовость» благотворительной деятельности на стороне «спроса на благотворительные услуги».

Развитие институциональной инфраструктуры благотворительной деятельности в мире идет также по пути возникновения новых организационных форм, которые позволяют сфокусировать благотворительную деятельность на решении местных задач сравнительно небольшого масштаба, привлечь для решения таких задач к донорству значительное число физических лиц (без религиозной мотивации) и небольших предприятий. Такие организационные формы выполняют огромный объем просветительской работы и в конечном счете способствуют развитию «массовой» благотворительности, общему увеличению объемов благотворительных ресурсов. Например, одна из таких новейших форм — это «кружки дающих» (Giving Circles), появившиеся в США в начале 2000-х годов. Каждый такой кружок объединяет от 15–20 до 100 человек. Деятельность кружка строится усилиями немногих активистов и начинается, как правило, с обсуждения насущных местных проблем, обмена мнениями о возможности решить эти проблемы на основе собственных усилий местного сообщества, на основе добровольчества и (или) мобилизации благотворительных финансовых ресурсов. Из дискуссии рождается совместное согласованное действие. Только за один 2006 г. согласно данным обзора, охватившего 160 таких кружков, эти филантропические микроорганизации собрали в США уже 13 млн долл. В 2007 г. в США действовало по одной из оценок уже 400 «кружков дающих». «Кружки дающих» являются эффективным способом развития филантропии на ре-

гиональном и муниципальном уровне. Филантропические микроорганизации позволяют эффективно решать задачи местного, локального значения, которые неизбежно выпадают из поля зрения крупных донорских организаций, позволяют развивать филантропию как подлинно «национальный проект». Еще одним примером новейших форм организации филантропии является молодежная филантропия, основанная на идее партнерства старшего и молодого поколения. Молодежная филантропия также развивается в привязке к четко очерченным локальным задачам.

Информационно-коммуникационные технологии также меняют облик институциональной инфраструктуры благотворительной деятельности. Интернет-технологии становятся инструментом развития филантропической деятельности. Проект GlobalGiving (реализуется GlobalGiving Foundation) позволяет в режиме онлайн выбрать достойный поддержки проект и осуществить пожертвование (провести благотворительный платеж). GlobalGiving Foundation обеспечивает в США такому пожертвованию-платежу юридический статус благотворительного взноса — жертвователь имеет право вычесть сумму платежа из налогооблагаемой базы при уплате подоходного налога в установленном законом порядке. Аналогичный проект Freelanthropy был запущен в 2004 г. на платформе Yahoo! и Ask.com. Подобные технологические инновации расширяют объемы доступных филантропических ресурсов, снижают административные барьеры при осуществлении филантропической деятельности, однако требуют развития сопутствующих профессиональных услуг, в частности проектного аудита. Донор, поддерживающий проект через Интернет, должен располагать достаточной информацией, чтобы осуществить осознанный выбор объекта своей благотворительности, должен быть уверен, что средства будут использованы по назначению и т.д. Например, компания Development Ratings (Великобритания), разработала методологию и проводит аудит НКО в 50 беднейших (по классификации ООН) странах мира, чтобы выявить достойных соискателей благотворительной помощи. Прохождение аудита Development Ratings существенно помогает фандрайзингу.

В США широко распространены сетевые отношения филантропических организаций, в том числе в такой традиционной форме, как ассоциации. Одной из наиболее известных организаций, поддерживающих развитие сетевых отношений в сфере благотворительной деятельности, является Центр фондов (Foundation Center — ЦФ). Миссия Центра фондов состоит в поддержке сектора НКО путем распространения знаний о филантропии в США. ЦФ одной своей стороной обращен к сообществу доноров, другой — к сообществу соискателей грантов.

В основе деятельности ЦФ — сбор и обработка информации о донорском сообществе (какие благотворительные организации существуют, каковы их тематические приоритеты, как вступить в контакт и т.д.). Эта информация в виде удобных баз данных доступна, в том числе и через Интернет, соискателям грантов. Поддерживается и электронная библиотека с материалами (книгами, журналами и т.д.) по благотворительной тематике, а также большой перечень ссылок на другие электронные ресурсы (библиотеки).

Второе направление деятельности — исследования по широкому кругу вопросов о филантропии с целью продвигать филантропию (в первую очередь — донорство, во вторую — занятия благотворительной деятельностью в роли грантополучателя). Исследования носят как фундаментальный характер (философские, морально-этические аспекты благотворительной деятельности, мотивации и т.д.), так и прикладной (статистика благотворительности, направления и механизмы благотворительной деятельности в глобальном, страновом (США), региональном аспектах и др.). Исследовательский компонент подкреплен заметной программой публикаций.

Третье направление деятельности ЦФ — образовательные программы. Такие программы ориентированы как на доноров, так и на НКО. В российском контексте самые яркие тематические приоритеты (для НКО), которые можно выделить, — это искусство фандрайзинга, тренинги на тему «Каким требованиям должна соответствовать ваша НКО, чтобы пользоваться успехом у доноров» и т.п. Тема «Организационная культура филантропии, менеджмент

в филантропии» подается в прикладном ключе. Для доноров учеба идет в основном по линии пропаганды моральных обязательств.

Четвертое, что делает ЦФ, — это собственно развитие сетевых отношений: семинары, конференции, обмен опытом и т.д.

Центр фондов в США — не монополист, хотя и является наиболее авторитетной организацией в избранном им сегменте благотворительной деятельности. «Младший партнер» в США — Совет фондов (Council on Foundations). Существуют и многие другие некоммерческие организации, занимающиеся аналогичной деятельностью, хотя в меньших масштабах, например Национальный филантропический трест (National Philanthropic Trust) и др.

Модель Германии. В Германии, как в любой иной стране, имеющей высокий уровень развития благотворительной деятельности, присутствуют все основные упомянутые выше блоки институциональной инфраструктуры благотворительности. Пожертвования населения здесь, так же как и в США, являются крупным источником благотворительных ресурсов. На протяжении ряда лет доля лиц, осуществляющих пожертвования, сохраняется на уровне 30% общей численности налогоплательщиков Германии[23]. Пожертвования населения достигают 0,9–1,2% объема личных доходов ежегодно.

Заметное место в институциональной инфраструктуре благотворительной деятельности в Германии принадлежит благотворительным фондам крупных компаний. Такой фонд имеет практически каждая известная немецкая фирма.

В пятерку крупнейших по размерам целевого капитала немецких частных (корпоративных) фондов в 2008 г. входили, например, Фонд Роберта Боша, Фонд Дитмара Хоппа, Фонд «Фольксваген» (см. табл. 4.3).

В отличие от США немецкие фонды, образованные за счет благотворительных средств бизнеса, избирают сравнительно узкую сферу оказания благотворительной поддержки (например, могут поддерживать проекты в области изобразительных искусств или театральной деятельности).

---

[23] Statistisches Bundesamt Deutschland. STATmagazin. 2008. 8 Februar.

Таблица 4.3

Крупнейшие частные (корпоративные) благотворительные фонды Германии (по состоянию на 2008 г.)

Название фонда	Размер целевого капитала (млрд евро)	Расходы на благотворительную деятельность, включая административные затраты (млн евро)
Фонд Роберта Боша	5,18	75,9
Фонд Дитмара Хоппа	2,90	30,0
Фонд «Фольксваген»	2,37	121,9
Фонд Земли Баден-Вюртемберг	2,35	85,9
Немецкий федеральный фонд «Экология»	1,81	60,8

Источник: Bundesverband Deutscher Stiftungen (2009). См.: www.stiftungen.org/statistik; http://www.stiftungen.org/files/original/galerie_vom_29.06.2007_14.32.58/StiftungenInZahlen20090505.pdf.

Наиболее существенными особенностями институциональной инфраструктуры благотворительной деятельности Германии являются высокая роль некоммерческих благотворительных организаций, образованных «реципиентами» пожертвований, и существенно более тесное, чем в США, взаимодействие благотворительных организаций с государством по широкому кругу ключевых вопросов социальной политики, развития социальной сферы.

Ключевая роль в благотворительной деятельности в социальной сфере в Германии принадлежит шести некоммерческим организациям:

- Союз благотворительности рабочих (AWO Arbeiterwohlfahrt Bundesverband);
- Германский союз «Каритас» (благотворительная организация католической церкви Германии для поддержки и развития социальной сферы — Der Deutsche Caritas Verband);

- Паритетный союз (ассоциация общественных организаций, исповедующих идеи социальной справедливости, толерантности, открытости и многообразия, ставящая задачу решения проблем социально слабых слоев населения — Der Paritaetische Gesamtverband);
- Немецкий красный крест (Deutsches Rotes Kreuz);
- Благотворительная организация евангелической общины Германии (Diakonisches Werk);
- Центр благотворительности евреев в Германии (Zentralwohlfahrtsstelle der Juden in Deutschland).

Данные организации ведут сбор пожертвований, проводят анализ состояния и проблем социальной сферы, разрабатывают и реализуют программы и проекты социальной направленности, прежде всего с целью «исправления» за счет благотворительной деятельности недостатков социальной политики государства, активно ведут диалог с государством по социальным проблемам, оказывают существенное влияние на законодательство и проводимую государством политику в социальной сфере. Упомянутые крупнейшие благотворительные организации, действующие в сфере социальной поддержки, образовали специальную ассоциацию для взаимодействия с государством и выполнения аналитической работы, развития сетевых отношений: Федеральное рабочее сообщество для развития свободной (вольной) благотворительности (Bundesarbeitsgemeinschaft der freien Wohlfahrtspflege).

Филантропическое движение в Германии сильно «федерализировано», т.е. источник активности находится на местах, только затем местные организации объединяются в земельные и федеральные организации.

В Германии исторически сложилась высокая культура союзов граждан по интересам, ассоциаций всякого рода (любители народной музыки, охотники, стрелки и т.д.), в том числе начиная от самого малого местного уровня, каждый из которых берет на себя и некоторую благотворительную, филантропическую нагрузку социального характера (например, работа с молодежью или с ветеранами своего движения, проекты на благо своего города).

Инфраструктура благотворительной деятельности Германии характеризуется присутствием общеевропейских организаций. В рамках Европейского союза осуществляется развитие сетевых отношений благотворительных организаций, общеевропейские структуры выполняют важные задачи в сфере информационного обмена, а также в сфере разработки и внедрения общих для стран — членов ЕС нормативно-правовых актов и стандартов благотворительной деятельности. Например, в крупнейшей европейской ассоциации филантропических организаций — Европейском центре фондов — ведется анализ правовых и налоговых условий филантропической деятельности в различных странах, выработка рекомендаций по этим проблемам.

Инфраструктурное развитие филантропии, международные сопоставления инфраструктуры филантропической деятельности, несомненно, заслуживают дополнительных специальных исследований. Не претендуя на исчерпывающий характер проведенного нами анализа, сформулируем некоторые, на наш взгляд, ключевые особенности институциональной инфраструктуры филантропии в странах с высоким уровнем развития благотворительной деятельности.

Это прежде всего высокий уровнень институционализации. Институционализация филантропической деятельности способствует более полному раскрытию потенциала благотворительной деятельности: крупные филантропические фонды, профессионально ведущие работу по сбору частных пожертвований, способствуют развитию массовой благотворительности, хотя исторически в основе деятельности таких организаций традиционно лежат эндаументы — целевые капиталы, пожертвованные одним или несколькими крупными филантропами.

На решение задач по развитию массовой благотворительности нацелено использование в составе инструментария филантропической деятельности новейших информационно-коммуникационных технологий, развитие филантропических интернет-ресурсов.

Развитию массовой благотворительности способствуют институциональные инновации, ориентирующие потенциальных доно-

ров на нужды местных сообществ, в том числе такие, как фонды местных сообществ, «кружки дающих».

Другой институциональной особенностью инфраструктуры филантропической деятельности сегодня является нарастающая функциональная специализация благотворительных организаций, рост числа организаций, выполняющих посреднические, «сервисные» функции в пространстве между донорскими благотворительными организациями и конечными реципиентами филантропических ресурсов. Информационная работа, анализ потребностей в благотворительной поддержке, содействие поиску подходящего донора, проведение профессиональной оценки соискателей благотворительной поддержки и др. повышают эффективность использования филантропических ресурсов.

Распространение сетевых отношений, развитие множества горизонтальных связей в сфере филантропической деятельности также следует отнести к важным характеристикам современной институциональной инфраструктуры филантропии.

Последняя особенность, о которой следует упомянуть в связи с проведенным анализом мирового опыта развития институциональной инфраструктуры филантропии — это развитие коммерческих финансовых организаций, специализирующихся на оказании услуг по управлению целевыми капиталами благотворительных некоммерческих организаций. Благотворительный характер деятельности организаций — владельцев целевых капиталов обусловливает особые требования по ограничению финансовых рисков при управлении филантропическими капитальными ресурсами, вместе с тем объединение небольших целевых капиталов в крупные инвестиционные фонды и профессиональный финансовый менеджмент таких средств специализированными управляющими компаниями рассматриваются за рубежом как важный инструмент укрепления ресурсной базы филантропической деятельности.

4.4. Некоторые проблемы эволюции организационной культуры филантропической деятельности

В числе изменений культуры филантропической деятельности и сопутствующих перемен во внутриорганизационном устройстве филантропических организаций, активно обсуждаемых сегодня в странах с высоким уровнем развития благотворительной деятельности, отмечаются: нарастающая тенденция к более активному участию доноров в деятельности финансируемых ими благотворительных организаций, повышение внимания к вопросам эффективности благотворительных организаций и результативности филантропии в целом, а также сдвиги в процессе формулировки «тематических приоритетов» (программирования) благотворительности.

Среди факторов эволюции культуры филантропической деятельности прежде всего обращает на себя внимание рост филантропической активности успешных и богатых людей в возрасте 40–50 лет. Они демонстрируют желание еще при своей жизни использовать значительную часть созданного ими богатства на филантропические цели (giving while living), а также внести личный вклад в содержательную филантропическую деятельность, не ограничиваясь «филантропией чековой книжки». Для таких доноров, только что покинувших сферу бизнеса или даже продолжающих вести свой бизнес, вопросы результативности филантропической деятельности играют существенную роль. Они желают добиться зримых результатов общественно полезной деятельности «скорее раньше, чем позже». В организационном плане тенденция проявляется, например, в США, в том, что за последние 5–7 лет число семейных филантропических фондов увеличилось по предварительной оценке Центра фондов примерно на 40%, и этот рост продолжается[24]. Растет и число так называемых фондов,

[24] Philanthropy Annual. 2007 Review / C.L. Loe (ed.). Foundations Center. 2008. P. 9.

консультируемых донором, т.е. филантропических организаций, в которых донор достаточно активно вовлечен в определение содержания повседневной общественно полезной деятельности, в принятие решений о стратегии деятельности и др. Выделяется финансирование на правовую аналитическую и консалтинговую работу по юридической проработке интеграции условий в договоры о пожертвованиях.

В известной мере стремление донора к активному участию в деятельности финансируемой им благотворительной организации противоречит общемировым историческим традициям культуры филантропической деятельности. О преимуществах традиции широко сформулированных условий при осуществлении благотворительных пожертвований говорит один из самых авторитетных представителей филантропического сектора, Сьюзан Берресфорд, в интервью, которое она дала незадолго до своего ухода с поста президента Фонда Форда в 2008 г.[25] По ее мнению, для Фонда Форда условия, на которых было сделано первоначальное пожертвование, стали важным преимуществом, позволили этой филантропической организации откликаться на широкий спектр социально значимых проблем, увеличивая общее благо в самом широком понимании, проявлять институциональную гибкость в меняющихся исторических условиях.

Тенденция к более активному участию доноров в деятельности финансируемых ими благотворительных организаций проявляется и на уровне «массовой» благотворительности. В этой сфере организационную культуру меняют интерактивные благотворительные веб-сайты, позволяющие человеку, осуществляющему пожертвование, получить достаточно полную и подробную информацию о целях филантропической акции, об адресатах благотворительной помощи, осуществить осознанный выбор в рамках достаточно широкого набора таких целей и адресатов. При осуществлении пожертвования человек, по существу, включается в процесс программирования филантропической деятельности.

---

[25] Ibid. P. 28.

Руководитель одной из наиболее известных в США организаций, действующих в сфере «массовой» благотворительности, — «Юнайтед Уэй» — Брайан Гэллагер подчеркивает, что сегодня наиболее быстро растущая когорта доноров — это женщины и молодые люди. Они склонны жертвовать на проблемы, а не на организации, а также хотят участвовать в работе над проектами[26]. Б. Гэллагер полагает, что доноры должны получить больше возможностей определять работу в благотворительных организациях, которым они предоставляют свои ресурсы.

В сфере «массовой» благотворительности активное участие донора в идентификации проблем, решение которых требует благотворительных ресурсов, в программировании филантропии и в последующей реализации филантропических проектов типично также и для «кружков дающих». «Кружки дающих» — это, несомненно, одна из наиболее перспективных новых форм организации филантропической деятельности.

Повышение внимания к эффективности филантропической деятельности также в значительной мере связано как с ростом влияния в донорском сообществе людей, еще недавно работавших в сфере бизнеса, так и с развитием «массовой» благотворительности на основе внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий. Успех сбора пожертвований среди обеих «новых» категории доноров тесно увязан со способностью благотворительных организаций убедительно продемонстрировать результаты своей деятельности, в том числе и соизмеряя эти результаты с объемом затраченных ресурсов.

Изменения в культуре филантропической деятельности влияют и на организационную культуру в этой сфере. В 2007 г. целый ряд ведущих благотворительных организаций в США проводил крупномасштабные оценки эффективности своей деятельности. Следует отметить, что эта работа вскрыла значительную потребность во внутриорганизационных изменениях. Озабоченность проблемами результативности и эффективности деятельности работы

---

[26] Philanthropy Annual. 2007 Review. P. 38.

своих организаций высказали, в частности, руководители Фонда Рокфеллеров, Карнеги Корпорейшн, Гейнц Эндаументс, Хьюлетт Фаундейшн, Келлог Фаундейшн. Их объединяет стремление улучшить процесс формулировки целей деятельности, найти способы разработки ясных стратегий и способы измерения прогресса в достижении намеченных филантропических целей. Среди перспективных направлений повышения эффективности — широкое использование онлайн-инструментов общения как с потенциальными донорами и реципиентами благотворительной помощи, так и с экспертным сообществом.

Онлайн-инструменты также могут стать успешным способом собственно реализации благотворительных программ и проектов по некоторым избранным тематическим направлениям (например, в проектах, посвященных охране окружающей среды на местном уровне, публикация данных мониторинга состояния среды на веб-ресурсах стимулирует действия активистов, добровольцев).

Потребность в измерении результативности и эффективности филантропической деятельности несет потенциал крупных перемен в организационной культуре благотворительности. В идущей за рубежом дискуссии звучат также опасения, что популярное решение, состоящее в заимствовании подходов из сферы бизнеса, может оказаться плохо совместимым с сущностными характеристиками филантропии. В упомянутом выше интервью Сьюзан Берресфорд, в частности, обращает внимание на нарастающее давление устанавливать во все большем количестве областей филантропической деятельности измеримые цели. Она указывает, что «...не все можно измерить, тем более измерить простыми способами. Чрезмерный акцент на измеримые цели ведет к недооценке человеческих устремлений. Это особенно справедливо, если идет речь о поддержке борьбы за фундаментальные человеческие ценности...»[27]. По ее мнению, не всегда в филантропических проектах можно составить бизнес-план и принимать решения о финансировании проекта на основе контроля за его выполнением.

---

[27] Ibid. P. 28.

Программирование филантропической деятельности характеризуется сегодня зачастую более узкой «тематической» фокусировкой новых доноров и новых благотворительных организаций при одновременном расширении географического «охвата» программ вплоть до глобального. Примером могут служить программы в сфере здравоохранения, в частности программы борьбы со СПИДом. Параллельно растет распространение фондов местных сообществ и благотворительных организаций, имеющих, наоборот, узкую географическую фокусировку, но широко сформулированные тематические приоритеты с целью эффективного филантропического «сопровождения» развития сообщества, проживающего на определенной территории.

Важными проявлениями эволюции организационной культуры филантропии, способными в недалеком будущем существенно изменить организационный ландшафт филантропии, считаются также процессы повышения корпоративной социальной ответственности и активизации социального предпринимательства.

Традиционным, исторически сложившимся приоритетом политики корпоративной социальной ответственности является совершенствование социальной политики на производстве с целью поддержания социального климата на предприятии, способствующего успешному выполнению производственных задач. К новым, но вполне традиционным, по сути, приоритетам корпоративной социальной ответственности можно отнести и совершенствование корпоративного управления, повышение прозрачности компаний, что является не только полезным для фирмы в социальном плане, но и необходимым для успеха на биржах. Однако в связи с процессами глобализации мотивация корпоративной социальной ответственности и набор приоритетов сегодня расширяются за пределы «корпоративного» пространства: в целях глобального продвижения брендов необходимо уделять внимание вопросам охраны окружающей среды, не отставать в выдвижении и реализации проектов корпоративной филантро-

пии, привлекающих общественное внимание. Корпоративная социальная ответственность, реализуемая за пределами конкретной фирмы, сближается по своему социальному воздействию с филантропией. Программы и проекты, осуществляемые в порядке корпоративной социальной ответственности, могут быть вполне сопоставимы по целям и формам реализации с филантропической деятельностью в некоммерческом секторе. Вместе с тем такие проекты остаются корпоративными, относящимися к сфере бизнеса, и оказываются с точки зрения организационной культуры в «пограничном» пространстве между бизнесом и филантропией, стимулируя изменения как в филантропическом, так и в корпоративном секторе.

Распространение программ корпоративной социальной ответственности ведет к росту объемов доступных благотворительных ресурсов. В этой области российские компании вносят вклад наравне с международными транснациональными корпорациями. Практически у всех крупных российских компаний уже есть политика в области корпоративной социальной ответственности или устойчивого развития, или же такая политика сейчас находится на стадии разработки. Почти все российские компании работают над тем, чтобы не отставать по этому показателю от своих западных конкурентов. По результатам выполненного по инициативе ОК РУСАЛ и при поддержке Прайс Уотерхаус Куперс и ПРООН исследования группы The Economist Intelligence Unit примерно 6 из 10 компаний (61%), опрошенных в ходе этого исследования, уже имеют формализованную стратегию в этих областях, хотя этот процент ниже, чем на других развивающихся рынках, где 79% компаний имеют такую политику. Только одна из 10 компаний в России не планирует в ближайшем будущем разрабатывать собственную политику в сфере КСО, что соответствует мировой статистике[28].

---

[28] From Russia with Love. A National Chapter in the Global CSR Agenda. 2008. The Economist Intelligence Unit. 2008. P. 5.

4.5. Государственное стимулирование филантропической деятельности

Законодательное определение целей и видов благотворительной и иной общественно полезной деятельности. За рубежом существует сложившаяся система взаимодействия государства и негосударственных субъектов благотворительной деятельности. Важным «блоком» в данной системе отношений является правовое регулирование. Правовое регулирование филантропии в развитых зарубежных странах направлено на поощрение благотворительной деятельности как физических, так и юридических лиц. Исходной точкой правового регулирования филантропии является при этом определение в законе целей и видов благотворительной и иной общественно полезной деятельности. Занятие видами деятельности, соответствующими определенным в законе целям и находящимися в предусмотренных законом перечнях, поощряется государством путем предоставления налоговых льгот и иных форм поддержки. Льготный режим распространяется также и на средства, используемые для такой деятельности, — от средств благотворительных пожертвований в денежной или натуральной форме со стороны физических и юридических лиц до целевых капиталов и иного имущества, используемого для благотворительной деятельности. В частности, правовой статус некоммерческих организаций, ведущих общественно полезную и (или) благотворительную деятельность (ОПБД), правила их регистрации и предусмотренные в законе нормы отчетности таких организаций определяются с целью формирования закрепленных в нормативно-правовой базе критериев, позволяющих проводить политику налогового стимулирования ОПДБ.

В настоящее время известен целый ряд общих определений ОПБД, которые были предложены такими международными организациями, как МВФ, Всемирный банк и др. Однако преобладающий подход, используемый в национальном законодательстве зарубежных стран (обусловленный практическими соображения-

ми), состоит в закреплении в законе перечня видов деятельности, считающихся общественно полезными и (или) благотворительностью. Определение миссии, целей и основных видов деятельности в уставе НКО, претендующей на соответствующий правовой статус, должно ограничиваться выбором из «меню», представленного законодателем.

Выше мы приводили примеры такого рода перечней видов деятельности, законодательно признаваемых благотворительной или общественно полезной в США и странах Европейского союза. Данные примеры позволяют оценить степень детализации определений, принятых законодателями в отношении благотворительности, а также выявить некий «мировой общий знаменатель» в современных подходах к тому, что считать благотворительной, общественно полезной, заслуживающей поддержки со стороны государства деятельностью.

Международный опыт свидетельствует о том, что законодательно закрепленный перечень видов ОПДБ играет роль краеугольного камня в правовом регулировании этой деятельности. В связи с этим обращают на себя два обстоятельства.

Во-первых, стремление законодателей в разумных пределах дать возможно широкий список видов ОПДБ. Эксперты Европейского центра фондов рекомендуют также предусматривать в законодательстве возможность актуализации списка видов ОПДБ, чтобы в списке могли найти отражение изменяющиеся общественные предпочтения, общественное мнение[29].

Во-вторых, стремление учесть «отраслевую специфику» деятельности, чтобы не скомпрометировать само понятие ОПДБ в глазах общественности. Например, в США деятельность по оказанию медицинских услуг считается общественно полезной (с точки зрения правового статуса организации, оказывающей такие услуги) в том случае, если организация оказывает неотложную медицинскую помощь любому нуждающемуся вне зависимости от его

---

[29] Fundamental Legal and Fiscal Principles of Public Benefit Foundations. Discussion Document. Brussels, May 2003. Version 4. P. 4.

способности оплатить эту помощь, а помощь, не попадающая под определение неотложной, оказывается без дискриминации любому пациенту, способному ее оплатить. Эксперты Европейского центра фондов, работающие над принципами регулирования ОПДБ, рекомендуют предусмотреть законодательно возможность отказа в признании статуса ОПДБ в тех случаях, когда деятельность относится к одному из утвержденных национальным законодательством видов ОПДБ, однако приносит пользу только «элитарной группе» или же не нужна в конкретном географическом регионе или конкретной целевой аудитории.

Дополнительные требования к содержанию уставов и внутриорганизационным процедурам и др. некоммерческих организаций, ведущих благотворительную и иную общественно полезную деятельность. 1. Как в США, так и в Евросоюзе правовой статус, позволяющий пользоваться льготами, предполагает наличие в уставе организации, ведущей ОПДБ, закрытого списка видов деятельности из перечня видов ОПДБ, разрешенных национальным законодательством.

2. Требования (ограничения), касающиеся участия в политической жизни.

В США для всех организаций, претендующих на правовой статус организаций, ведущих ОПДБ, дополнительно установлен запрет:

- на участие в избирательных кампаниях на местном уровне, уровне штатов и федеральном уровне (допускается только деятельность по гражданскому образованию избирателей, не нацеленная на обеспечение преимуществ какому-нибудь кандидату или партии);
- участие в законодательном процессе на любом уровне (допускается только деятельность по гражданскому образованию).

3. Требования (ограничения), касающиеся экономических аспектов деятельности.

В США нормативно-правовая база предусматривает запрет:

- на использование доходов или капитала организации в целях несправедливого личного обогащения членов совета организации, руководства или ведущих сотрудников организации. В случае прекращения деятельности имущество и иные активы должны безвозмездно передаваться другой организации, имеющей статус организации, ведущей ОПДБ;
- ведение деятельности, не попадающей под определение ОПДБ и способствующей продвижению частных интересов, в масштабах, превышающих «несущественные».

В Германии аналогичным образом нормативно-правовая база предусматривает «принципы незаинтересованности», которые должны быть отражены в уставных документах организации:

- целью деятельности организации, ведущей ОПДБ, не может быть извлечение прибыли в собственных интересах;
- ресурсы организации должны расходоваться на уставные цели;
- организация не распределяет прибыль между своими учредителями, участниками, членами и т.д.;
- уровень заработной платы сотрудников организации не может быть непропорционально высок;
- организация должна расходовать располагаемые ресурсы на уставные цели в максимально короткие сроки (расходование поступивших ресурсов должно, как правило, происходить в год, следующий за годом поступления ресурсов, но допускается формирование или накопление резервов).

На практике указанные требования реализуются:

- введением в устав положений о запрете на распределение доходов и прибыли организации между ее учредителями, участниками, членами и т.д., а также о безвозмездной передаче активов другой организации, ведущей ОПДБ, в случае окончания деятельности;
- введением в устав положений, касающихся процедур заявления и разрешения конфликтов интересов руководства организации или принятием в установленном в уставе порядке внутренних правил в отношении данных ситуаций;

- принятием в предусмотренном в уставе порядке внутренних правил относительно оплаты труда сотрудников и управления человеческими ресурсами, удерживающих уровень оплаты труда и льготы сотрудников, включая руководителей организации, в пределах «разумного», «не выше среднерыночного», «с учетом характера деятельности организации»;
- введением в устав положений или принятием в установленном в уставе порядке внутренних правил возмещения затрат и вознаграждения членов органа, определяющего стратегию организации и отвечающего за назначение высшего руководства ее исполнительных органов (как правило, им возмещаются затраты, связанные с исполнением их обязанностей — командировочные расходы и т.п., но не выплачивается вознаграждение за сам факт исполнения обязанностей).

4. В странах с высоким уровнем развития ОПДБ (например, США, Германия) законодательно предусматривается открытие информации в объеме документов, предоставляемых организацией в регистрационный орган при регистрации (включая устав организации), а также отчетов о содержательной и финансовой деятельности, подаваемых в регистрационный орган. В законодательстве предусматривается право регистрационного органа помещать такую информацию в открытый доступ.

Исключение (в США) делается для «информации, составляющей коммерческую тайну, информации о патентах, методах действия и аппаратах, раскрытие которой могло бы негативно отразиться на организации», а также для «информации, раскрытие которой могло бы негативно отразиться на национальной обороне США»[30]. Правом определять случаи исключения из правил наделен регистрирующий орган.

5. Структура руководящих органов в организациях, ведущих ОПДБ.

---

[30] IRS Instructions for Form 1023.

Многообразие юридических форм организаций, ведущих ОПДБ, законодательно допускаемое в зарубежных странах, не позволяет выделить строгих требований к структуре и стилю функционирования руководящих органов таких организаций, которые можно было бы интегрировать в российское законодательство как критерий предоставления льготного правового статуса.

В Евросоюзе с 2003 г. на уровне экспертной проработки находился вопрос о юридических формулировках, которые позволили бы повысить роль коллегиальных органов управления, отвечающих за стратегию, в благотворительных организациях (советы попечителей), и укрепили бы «добросовестное управление» в таких организациях[31].

6. Упрощенные процедуры присвоения льготного правового статуса организациям, ведущим ОПДБ, применяются в мировой практике к небольшим организациям. Например, в США это организации, «обычные годовые доходы» которых не превышают 5 тыс. долл.

7. Упрощенные формы ежегодной отчетности для организаций, ведущих ОПДБ, также устанавливаются для сравнительно небольших организаций. В США от организаций, получивших льготный правовой статус и имеющих годовые поступления менее 25 тыс. долл., не требуется предоставления ежегодной отчетности по форме 990 в налоговую службу. Организации с годовым доходом не выше 100 тыс. долл. и капиталом менее 250 тыс. долл. предоставляют ежегодную отчетность по упрощенной форме (990-EZ).

Налоговое стимулирование. *1. Налоговое стимулирование некоммерческих организаций, ведущих благотворительную и иную общественно полезную деятельность.* Ключевым элементом системы налогового стимулирования ОПДБ является льготный налоговый режим для организаций, получивших в ходе регистрации признание их правового статуса как организаций, ведущих общественно

---

[31] Fundamental Legal and Fiscal Principles of Public Benefit Foundations. Discussion Document. P. 3.

полезную деятельность и (или) занимающихся благотворительностью.

В США организации, получившие в ходе регистрации признание их правового статуса как организаций 501(c)(3), т.е. ведущих общественно полезную деятельность и (или) занимающихся благотворительностью, освобождаются от уплаты федерального подоходного налога (налога на прибыль).

В Германии существует более сложная система предоставления налоговых льгот[32]. От обеих разновидностей налога на прибыль, существующих в Германии (федеральный Körperschaftssteuer, земельный Gewerbesteuer), освобождаются:

- доходы, полученные этими организациями в виде пожертвований, взносов, субсидий;
- доходы от предпринимательской деятельности, связанной с их основной уставной (общественно полезной, благотворительной) деятельностью (Zweckbetrieb), включая не только такие разновидности доходов, как доходы от мероприятий, относящихся к основной уставной деятельности (например, выручка от продажи билетов на художественную выставку, плата за участие в семинарах, выручка от продажи литературы и т.п.), но и доходы от управления капиталом и недвижимостью, принадлежащих организации, а также доходы от лицензирования — платы за использование названия, бренда организации, направляемые на финансирование основной уставной деятельности.

Доходы от предпринимательской деятельности, связанной с основной уставной (общественно полезной, благотворительной) деятельностью, упомянутые выше, облагаются НДС по льготной ставке (половина обычной ставки НДС), а в некоторых случаях такие доходы полностью освобождены от НДС, например, доходы от оказания образовательных услуг, оказание населению услуг социального характера, при условии, что цена на услуги ниже, чем

---

[32] *Ernst-Pörksen M., Pörksen T.* Op. cit.

цена на аналогичные услуги, оказываемые коммерческими организациями.

Следует отметить, что в Германии довольно часто возникают разногласия между организациями, ведущими ОПДБ, и налоговой службой по поводу признания конкретного вида предпринимательской деятельности как связанного с основной уставной (общественно полезной, благотворительной) деятельностью. Разногласия возникают по поводу таких видов предпринимательской деятельности, как проведение благотворительных лотерей, благотворительных базаров, содержание гастрономических предприятий при культурных или спортивных некоммерческих организациях (национальная специфика) и т.п. Такие виды деятельности, как образовательные, культурные или просветительские мероприятия, оказание социальных услуг и т.п. не вызывают разногласий. Из практических соображений правоприменения в законе установлено, что если годовой доход от любой предпринимательской деятельности, ведущейся организацией с правовым статусом ОПДБ, не превышает 38 678 евро, то налоги на прибыль не взимаются.

2. Налоговое стимулирование пожертвований на благотворительные и общественно полезные цели, производимых физическими лицами и бизнес-структурами. В США пожертвования в адрес организаций, ведущих ОПДБ (501(c)(3)), вычитаются физическими лицами из дохода, облагаемого федеральным подоходным налогом. Вычеты установлены в размере от 30 до 50% облагаемого налогом дохода (в зависимости от конкретных видов деятельности, зафиксированных в уставе получившей особый статус организации-получателя пожертвования).

Корпорации имеют право уменьшить облагаемый налогом на прибыль доход до 10% при осуществлении пожертвований организациям 501(c)(3).

Пожертвования в адрес организаций 501(c)(3) в сумме до 250 долл. США можно вычитать из облагаемого налогом дохода по упрощенной в плане отчетности перед налоговым ведомством процедуре, что способствует развитию массовой благотворительности.

В Германии критериями для определения статуса средств как пожертвования на благотворительные и общественно полезные цели являются: а) направление их в пользу организации, имеющий статус ведущей ОПБД; б) соответствие назначения платежа целям и видам деятельности, законодательно признанным благотворительными и (или) общественно полезными.

Пожертвования на благотворительные и общественно полезные цели вычитаются из облагаемого дохода, вычет не должен превышать 5% общей суммы такого дохода в год. В случае осуществления пожертвований на особо значимые цели может быть предоставлен дополнительный вычет до 5%, так что общее уменьшение облагаемого налогом дохода за счет пожертвований может доходить до 10%.

В целях стимулирования крупных пожертвований, превышающих сумму в 25 565 евро, разрешено распределить вычет на срок до 7 лет.

Пожертвование в уставной капитал благотворительной организации в момент ее учреждения на сумму до 307 тыс. евро также вычитается из облагаемого дохода и может распределяться на срок до 10 лет.

Институты и культура взаимодействия государства и субъектов благотворительной деятельности. Признание благотворительности как общественно полезного явления и предоставление льготного налогового режима для благотворительной деятельности является общей чертой взаимоотношений государства и субъектов этой деятельности в развитых странах. В остальном институты и культура взаимодействия государства и субъектов благотворительной деятельности в разных странах характеризуются значительной национальной спецификой. Выше уже упоминался пример Германии, в которой традиционно социальная политика формируется в тесном взаимодействии профильных государственных структур и ведущих союзов благотворительных организаций. Напротив, в США нет традиций «прямого» общения государственных органов с субъектами благотворительной

деятельности по вопросам, касающимся политики в социальной сфере.

Вместе с тем можно выделить некоторые общие свойства институциональной и культурной среды, в рамках которой строятся сегодня отношения государства и субъектов благотворительной деятельности. Под влиянием данной среды эти отношения складываются как вполне равноправные, а в ряде стран — как партнерские.

- Современная институциональная и культурная среда взаимоотношений государства и субъектов благотворительной деятельности характеризуется самоорганизацией и развивающимся саморегулированием негосударственных благотворительных организаций, способных занимать активную и равноправную позицию.
- На стороне негосударственных субъектов благотворительной деятельности ведущую роль в формировании среды играют профессиональные, устойчивые некоммерческие организации, располагающие подготовленными кадрами и солидными материальными ресурсами.
- Активно развиваются сетевые отношения благотворительных организаций, строятся системы выявления и распространения лучших практик благотворительности. Комплекс мероприятий по обмену опытом, включая проведение разного рода семинаров, конференций, является в рамках благотворительного сектора укорененным общественным институтом. В этой сфере активно внедряются новые информационно-коммуникационные технологии, создаются специализированные сетевые ресурсы.
- В рамках системы образования, в том числе в государственных учебных заведениях, предлагаются программы по профессиональной подготовке кадров благотворительных организаций, существует множество возможностей для дополнительного образования и переподготовки, которыми пользуются самые широкие группы людей, вовлеченных в благотворительную деятельность.

- Благотворительная деятельность находит достаточно широкое и регулярное освещение как в частных, так и в государственных СМИ.
- Государство со своей стороны публично формирует содержательные стратегические ориентиры в социальной сфере, которыми могут руководствоваться негосударственные субъекты благотворительной деятельности.
- Государственные органы предоставляют информацию и оказывают консультативную помощь благотворительным организациям.

Глава 5

Финансовый кризис 2008–2009 гг. и ресурсы благотворительной сферы

5.1. Добровольчество и индивидуальные пожертвования

Ресурсное обеспечение филантропической деятельности, включающее такие виды ресурсов, как пожертвования, труд добровольцев и доходы на целевые капиталы (эндаументы) благотворительных фондов, имеет своим источником результаты экономической деятельности доноров. Период экономического спада сопровождается падением доходов населения и бизнеса, ростом безработицы, общим сокращением результатов экономической деятельности на фоне увеличения числа нуждающихся в помощи людей. Процессы, протекающие за рубежом в сфере филантропической деятельности в период кризиса, демонстрируют, что доступность некоторых видов филантропических ресурсов сильнее зависит от экономических успехов доноров, в то время как динамика других определяется скорее «спросом» на благотворительную помощь.

Первым значительным изменением в сфере филантропической деятельности, связанным с финансовым кризисом, которое зафиксировали средства массовой информации и экспертное сообщество, занимающееся некоммерческим сектором, оказался неожиданный массовый приток трудовых ресурсов, ресурсов труда добровольцев. В конце 2008 — начале 2009 г. в крупных городах — финансовых центрах (например, в Нью-Йорке и Лондоне), наблюдался наплыв оставшихся без работы профессионалов (юристов, финансистов и др.) в некоммерческие организации. Желающие стать добровольцами были согласны работать в благотворитель-

ных некоммерческих организациях не только по специальности, например, консультировать в финансовых и юридических клиниках для бедных, но и выполнять вообще любую благотворительную работу: оказывать помощь бездомным, работать на кухнях в бесплатных столовых и т.п. По свидетельствам многих благотворительных организаций в упомянутый период времени число людей, обратившихся к ним с предложением добровольного труда, увеличилось по сравнению с обычными временами на 25–65%[1]. Старший вице-президент известной благотворительной организации United Way of New York City сравнила прирост числа кандидатов в добровольцы в конце 2008 — начале 2009 г. с тем подъемом добровольческого движения, который произошел в США после событий 11 сентября 2001 г.[2] Специалисты Йельского университета зафиксировали весной 2009 г. существенный рост притока выпускников наиболее престижных американских высших учебных заведений в такие известные в США добровольческие благотворительные организации, как Teach for America, AmeriCorps, Peace Corps, занимающиеся оказанием образовательных услуг и услуг здравоохранения в бедных муниципалитетах на территории США, а также в развивающихся странах. Число кандидатов, обратившихся в AmeriCorps, увеличилось в начале 2009 г. по сравнению с 2008 г. на рекордные 400%[3].

Личные мотивы людей, пожелавших в период кризиса стать добровольцами благотворительных организаций, довольно неоднородные. Многие оказавшиеся без работы высококвалифицированные специалисты руководствовались желанием употребить появившееся у них свободное время, чтобы «сделать что-то полез-

---

[1] См.: *Bosman J.* From the Ranks of Jobless, a Flood of Volunteers // The New York Times. 2009. March 15. P. A1. См.: http://www.nytimes.com/2009/03/16/nyregion/16volunteers.html?_r=1; *Walker R.* Volunteers Flock to Crisis // Third Sector Online. December 8. 2008. См.: http://www.thirdsector.co.uk/news/archive/867836/Volunteers-flock-Crisis/?DCMP=ILC-SEARCH.

[2] См.: Ibid.

[3] *Naimi Sh.* Applications to Nonprofits Skyrocket // Yale Daily News. 2009. April 17. См.: http://www.yaledailynews.com/articles/view/28802.

ное» для общества в условиях нарастающих экономических трудностей. Другим людям добровольчество представлялось способом «занять чем-то часы, которые они обычно проводили на работе», способом завязать новые знакомства в неизвестной им ранее сфере деятельности. Нередко люди высказывали надежду, что работа добровольцем поможет со временем получить оплачиваемую работу в благотворительной организации и так переждать трудные времена на рынке труда.

Не все благотворительные организации смогли в полной мере абсорбировать дополнительные ресурсы добровольческого труда. Увеличению объема предоставляемых услуг воспрепятствовали бюджетные ограничения. Средств на оплату дополнительного количества иных ресурсов, необходимых для реализации благотворительных программ, в условиях кризиса многим благотворительным организациям не хватало. Тем не менее значительному числу благотворительных организаций приток добровольцев позволил не только сохранить, но и расширить масштабы своей деятельности в условиях кризиса. Подборку случаев творческого подхода к организации работы благотворительных программ и способов заместить недостающие финансовые ресурсы трудом добровольцев опубликовала на своих страницах в апреле 2009 г., например, газета «Уолл Стрит Джорнал»[4].

Объемы частных благотворительных пожертвований в денежной форме в зарубежных странах демонстрировали в годы кризиса разнонаправленное движение.

По данным ежегодного доклада о благотворительных пожертвованиях некоммерческой организации Giving USA Foundation, за первый год кризиса общий объем частных благотворительных пожертвований в США снизился на 2% — с 314,7 млрд долл. в 2007 г. до 307,7 млрд долл. в 2008 г. Приток частных пожертвований сократился во всех основных сферах деятельности благотворительных организаций, включая образование, здравоохранение, охрану

---

[4] *Banjo Sh*. Helping Themselves // Wall Street Journal. 2009. April 23. См.: http://online.wsj.com/article/SB124025204612335931.html.

природы, искусство. Исключение составили только пожертвования на деятельности религиозных организаций и организаций, оказывающих помощь самым бедным слоям общества. В докладе прогнозируется дальнейшее снижение этого показателя по итогам 2009 г.[5]

В Великобритании в 2008 г. также происходит чувствительное сокращение благотворительных пожертвований. По оценке главы влиятельной британской некоммерческой организации Acevo (Ассоциация руководителей британских добровольческих организаций, в организации объединены 2000 благотворительных НКО) Стивена Бабба, сокращение объемов пожертвований к осени 2008 г. коснулось 30% благотворительных организаций[6].

В ряде других стран Западной Европы объем частных благотворительных пожертвований в годы кризиса оставался стабильным или даже демонстрировал небольшой рост. По данным проекта Deutscher Spendenmonitor (Немецкий монитор благотворительных пожертвований) объем частных пожертвований в Германии в 2008 г. сохранился на уровне 2007 г. — 2,8 млрд евро, а в 2009 г. подрос до 2,9 млрд евро[7]. При этом в 2008 г. быстрее всего росли пожертвования на помощь детям и подросткам, на социальную

---

[5] Цены текущие. Источник данных: Giving USA 2009.The Annual Report on Philanthropy. Цит. по: Non-Profit Quarterly. См.: http://www.nonprofitquarterly.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1462:unraveling-development-giving-usa-2009-the-annual-report-on-philanthropy&catid=145:simone-p-joyaux-acfre&Itemid=119.

[6] Guardian. См.: http://www.guardian.co.uk/society/2008/oct/10/charity-finance-bank-collapse.

[7] Источник данных: Deutscher Spendenmonitor. Проект Deutscher Spendenmonitor реализуется известной в Германии социологической фирмой TNS Infratest. Проект осуществляется в интересах немецких благотворительных организаций и с целью информировать общественность об объективных процессах развития донорства. Выборка социологических обследований, проводящихся фирмой TNS Infratest на протяжении уже 15 лет, составляет 4000 респондентов. Цит. по сайту немецкой некоммерческой организации NPO Manager. Данные за 2008 г.: http://www.npo-manager.de/archiv/print.asp?bid=1308; за 2009 г.: http://www.registeronline.de/archiv/Default.asp?bid=1419.

поддержку, при сокращении пожертвований на помощь жертвам чрезвычайных ситуаций и инвалидам. В 2009 г. уровень пожертвований на помощь инвалидам стабилизировался, заметное предпочтение отдавалось пожертвованиям на деятельность религиозных организаций, на помощь развивающимся странам и на деятельность в области охраны окружающей среды.

В Швейцарии, как и в Германии, в 2008–2009 гг. рост объемов частных пожертвований продолжался, о чем свидетельствуют данные социологического проекта Schweizer Spendenmonitor, а также заявления трех крупнейших благотворительных организаций страны — Швецарского Красного Креста, Helvetas и Caritas[8].

В Канаде в 2008 г. благотворительные организации еще рассчитывали на увеличение объемов частных пожертвований. Например, в апреле 2008 г. Ассоциация канадских фондов местных сообществ (ФМС), объединяющая 160 членов, выпустила весьма оптимистичный пресс-релиз, в котором сообщалось о росте пожертвований в ФМС Канады в 2007 г. на 28% по сравнению с 2006 г., а также об увеличении за 2007 г. совокупного капитала канадских ФМС с 2,71 до 2,90 млрд кан. долл., и высказывалась надежда на продолжение позитивной динамики, несмотря на «происходящую сумятицу на рынках капитала»[9]. Полтора года спустя от оптимизма в Канаде не осталось и следа. В конце декабря 2009 г. на правах рекламы в газете «Globe and Mail» опублико-

---

[8] Проект аналогичен проекту Deutscher Spendenmonitor, реализуется швейцарским научно-исследовательским институтом gfs-Zürich по заказу 35 благотворительных организаций, выборка социологических обследований составляет 1350 респондентов. См.: Spendenmonitor // Studie des Forschungsinstituts gfs-Zürich. gfs-Zürich, 2008. См.: http://www.gfs-zh.ch/data/archiv/Fund2009b.pdf.

Источник данных о доходах швейцарских НКО в 2009 г. от частных пожертвований: Basler Zeitung. 31.12.2009. См.: http://bazonline.ch/schweiz/standard/Schweizer-spenden-trotz-Krise-grosszuegig/story/29073243.

[9] Community Foundations of Canada. Giving in Canada Keeps Growing. News Release. 17.04.2008. См.: http://www.cfc-fcc.ca/doc/whatsnew_docs/2007%20news%20release.pdf.

ван призыв 16 видных представителей некоммерческого сектора Канады, в котором констатируется, что в результате кризиса канадские благотворительные организации испытывают огромные трудности с фандрайзингом в связи с ростом безработицы, падением финансовых рынков, повлекшим за собой снижение стоимости активов, в которые вложены эндаументы (целевые капиталы) канадских НКО, и соответственно доходов от эндаументов. Представители некоммерческого сектора обращаются к правительству страны с предложением срочно принять поправки к налоговому законодательству с целью освобождения от налогов на прирост капитальной стоимости пожертвований в форме акций частных компаний и недвижимости, чтобы облегчить ресурсное обеспечение благотворительных организаций[10].

Для всестороннего анализа межстрановых различий в динамике объемов частных пожертвований в условиях экономического кризиса, к сожалению, не существует источников достаточно полной и методологически безупречно сопоставимой информации. Тем не менее возможно сделать несколько наблюдений, существенных для оценки процессов, происходящих в сфере ресурсного обеспечения филантропической деятельности в условиях кризиса.

Прежде всего отметим, что динамика частных денежных пожертвований не во всех зарубежных странах прямо зависит от темпов экономического роста. В США сокращение объема частных денежных пожертвований наблюдалось как в 2008 г., так и в 2009 г. Между тем ВВП США в 2008 г. увеличился на 0,4%, а его снижение в 2009 г. составило 2,4%[11]. В Германии в 2008 г. темпы экономического роста сократились по сравнению с 2007 г. практически вдвое,

---

[10] Canada's Charities Urgently Need an Economic Action Plan to Facilitate Gifts of Private Company Shares and Real Estate. Full Page Add in Globe. Цит. по сайту Community Foundations of Canada: http://www.cfc-fcc.ca/doc/whatsnew_docs/Full%20page%20ad%20in%20Globe.pdf.

[11] Gross Domestic Product: Fourth Quarter 2009 (Second Estimate) // BEA News Release. 2010. February 26.

См.: http://www.bea.gov/newsreleases/national/gdp/gdpnewsrelease.htm.

рост ВВП составил 1,3%, а в 2009 г. падение ВВП достигло 5%, т.е. превысило аналогичный показатель по США в 2 раза[12]. И тем не менее за оба кризисных года объемы денежных пожертвований на благотворительные цели в Германии в отличие от США не сокращались.

В США в годы кризиса продолжилось постепенное снижение числа индивидуальных доноров, наблюдающееся, по данным упоминавшегося выше доклада Giving USA Foundation, на протяжении уже достаточно длительного периода времени. Немецкий Spendenmonitor зафиксировал увеличение в Германии числа людей, делающих денежные пожертвования, до 27 млн человек в 2008 г. В 2009 г. число индивидуальных жертвователей сократилось до 25 млн человек, однако выросла средняя величина пожертвования — с 102 евро в 2008 г. до 115 евро в 2009 г. Значительную долю лиц, осуществляющих индивидуальные денежные пожертвования на благотворительные цели, в Германии составляют граждане в возрасте 60 лет и старше. Весьма вероятно, что стабильное пенсионное обеспечение в Германии является фактором, способствующим массовой денежной благотворительности пожилых людей, однако отметим, что пенсионный возраст как у мужчин, так и у женщин в Германии начинается с 65 лет.

Позитивную роль в условиях кризиса может, по всей видимости, играть и распространение инновационных технологий мобилизации индивидуальных пожертвований. Именно в последние 2–3 года в Германии довольно широко стала использоваться технология сбора микропожертвований, основанная на отчислении компаниями от стоимости некоего продукта, приобретаемого клиентом, определенной суммы на благотворительную цель. Цель пожертвования заранее объявляется компанией, и покупатель делает выбор в пользу ее продукта, руководствуясь в

---

[12] Deutsche Wirtschaft. 4 Quartal 2009. Tabelle 5 // Statistisches Bundesamt. Wiesbaden. 2010. Februar. См.: http://www.destatis.de/jetspeed/portal/cms/Sites/destatis/Internet/DE/Content/Publikationen/Fachveroeffentlichungen/VolkswirtschaftlicheGesamtrechnungen/DeutscheWirtschaftQuartal,property=file.pdf.

том числе и желанием передать некую сумму из уплаченных им за покупку денег на благотворительные цели. Эта и подобные инновационные технологии, представляющие собой сочетание традиционного индивидуального донорства и программ корпоративной социальной ответственности, рассматриваются некоторыми специалистами как важный инструмент поддержания потоков благотворительных ресурсов в условиях общих экономических затруднений[13].

5.2. Ресурсы благотворительных фондов

Благотворительные фонды являются одним из ключевых элементов институциональной структуры некоммерческого сектора. С одной стороны, они играют роль инструмента мобилизации благотворительных средств (фандрайзинга), с другой — ведут профессиональный анализ потребностей в благотворительных ресурсах и распределяют существенные объемы финансирования, обеспечивающего деятельность других некоммерческих организаций. Благотворительные фонды — это филантропические некоммерческие организации, специализирующиеся на ресурсном обеспечении благотворительной деятельности, располагающие для этого целевыми капиталами (эндаументами). Принято считать, что наличие целевого капитала у НКО обеспечивает ей способность выполнять свою миссию в долгосрочной перспективе, добиваться достижения уставных целей и задач вне зависимости от успехов и неудач усилий по фандрайзингу в конкретный момент времени. В России после недавнего принятия федерального закона о целевом капитале и начала формирования таких капиталов некоммерческими организациями высказываются серьезные надежды на развитие благотворительной деятельности

---

[13] *Schäfer A.-K.* Trotz Krise: Spenden als Marketing-Strategie // Gründerszene (Magazin, Online Version). 2010. 3 Februar. См.: http://www.gruenderszene.de/allgemein/trotz-krise-spenden-als-marketing-strategie/.

и некоммерческого сектора в целом. Зарубежный опыт влияния финансово-экономического кризиса на ресурсы, размещенные на рынке с целью извлечения дохода, предназначенного для поддержки некоммерческого сектора, представляет в связи с этим для России несомненный интерес.

В период экономического кризиса благотворительные фонды — «флагманы» институциональной инфраструктуры филантропической деятельности — оказались за рубежом в непростой ситуации. Ресурсы благотворительных фондов состоят в основном из финансовых ресурсов, инвестируемых в рыночные активы с целью получения дохода. Средства, целевым образом предназначенные для поддержания благотворительной деятельности, обращаются на рынке вместе с «обычными» инвестициями в финансовые активы. Положение на финансовом рынке непосредственно определяет размер доходов благотворительных фондов и доходов на целевой капитал иных некоммерческих организаций. Как правило, закон и обычай требуют, чтобы стратегии инвестирования средств благотворительных фондов были мало- или умеренно рискованными, однако ни закон, ни обычай, ни мастерство специалистов, управляющих этими средствами, не могут гарантировать некий заданный уровень доходности и даже безубыточность вложения средств целевых капиталов благотворительных фондов в рыночные активы.

Рассмотрим подробнее движение ресурсов благотворительных фондов в условиях кризиса на примере США — страны, в которой действуют наиболее крупные благотворительные фонды, являющиеся во многом первопроходцами технологий управления целевыми капиталами в интересах ресурсного обеспечения благотворительной деятельности.

Оценки потерь ресурсов благотворительных фондов США. В условиях кризиса доходность инвестированных на рынке активов (эндаументов, целевых капиталов) у крупнейших 89 благотворительных фондов США по итогам 2008 г. оказалась отрицательной и составила в среднем –25,3%. Как следствие, доходность активов в расчете на год за период последних трех лет также оказалась отри-

цательной (–1,6% в год), а в расчете за последние 5 лет составила в среднем всего 3,4% в год[14]. В то же время в 2008 г. американские благотворительные фонды не сократили, а напротив, увеличили объемы распределяемых ими благотворительных ресурсов в стремлении выполнить свою миссию, а также во исполнение закона, предписывающего им ежегодно расходовать на благотворительные проекты не менее 5% своего капитала. В результате первым непосредственным последствием кризиса для благотворительных фондов США стало ощутимое сокращение общих объемов капитала, доходы от которого составляют основу благотворительной деятельности этих институтов. По данным Центра фондов США, общая рыночная стоимость активов благотворительных фондов США достигла на конец 2007 г. примерно 682 млрд долл. К концу 2008 г. общая рыночная стоимость активов американских благотворительных фондов сократилась на 149 млрд долл. до 533 млрд долл., т.е. почти на 22%[15].

Представляется, что в условиях нынешнего финансового кризиса благотворительные фонды США не могли избежать драматического падения стоимости своих активов. Доходность практически всех основных доступных на рынке финансовых инструментов была отрицательной. Индекс S&P 500, отражающий динамику рынка акций США, сократился за 2008 г. на 37%, доходность хедж-фондов была отрицательной (–18%), также отрицательную доходность по итогам 2008 г. показали даже первоклассные облигации американских корпораций (–3,1%). Падение рыночной стоимости активов наблюдалось в энергетическом секторе, в секторе недвижимости, на товарных рынках и затронуло все географические регионы. Положительную доходность по итогам 2008 г. показали лишь казначейские облигации США[16]. Существенное одновре-

---

[14] Данные Cambridge Associates. Цит. по: *Craig J.E.* New Financial Realities: The Response of Private Foundations // The Commonwealth Fund. Annual Report 2008. Pub. No. 1217.

[15] Highlights of Foundation Yearbook 2009. Foundations Center. См.: http://foundationcenter.org/gainknowledge/research/pdf/fy2009_highlights.pdf.

[16] Данные JPMorgan Chase and Cambridge Associates.

менное снижение рыночной стоимости практически всех без исключения разновидностей финансовых инструментов большинство экспертов склонно считать спецификой нынешнего кризиса. Вместе с тем никто не берется утверждать, что в будущем, по мере углубления глобализации мировой экономики и возможной синхронизации деловых циклов в разных географических регионах, наблюдаемая в условиях кризиса 2008–2009 гг. модель разворачивания кризисных явлений на финансовых рынках не станет «типовой». В связи с этим благотворительные фонды, опирающиеся в обеспечении своей деятельности на доходы от управления целевыми капиталами, должны в будущем учитывать возможность резкого падения объемов доступных им ресурсов в периоды финансовых кризисов.

Расходы благотворительных фондов США в условиях кризиса. Согласно требованиям федерального законодательства США частные благотворительные фонды обязаны расходовать ежегодно на выполнение благотворительной миссии не менее 5% объема ресурсов своего целевого капитала. За основу расчета суммы, которую фонд обязан израсходовать на гранты и пожертвования в конкретный финансовый год, принимается средняя величина рыночной стоимости активов фонда за предшествующие 12 календарных кварталов. Таким образом, расходы фондов на благотворительную деятельность зависят от итогов управления целевым капиталом за период в 3 года, предшествующие году, на который осуществляется финансовое планирование благотворительной деятельности.

Фактическое соотношение величины расходов американских благотворительных фондов на выполнение своих миссий (за вычетом большей части внутриорганизационных административных расходов) и размера их совокупного целевого капитала ощутимо выше, чем предписанный законом минимум. По данным Центра фондов, на протяжении 1990–2000-х годов этот показатель не опускался ниже 5,5% и находился преимущественно в коридоре от 6 до 7%. В 2007 г. указанное соотношение составило 6,4%. Это обусловлено прежде всего тем, что расходы малых фондов не привязаны к размерам их целевого капитала, доходы от которого не способны

обеспечить выполнение миссий таких организаций. Как отмечалось выше, для реализации своей текущей программной деятельности такие фонды ведут постоянный сбор средств из иных источников. Реализация программной деятельности «расходующих» и корпоративных фондов также напрямую не связана с величиной их целевых капиталов, но их расходы учитываются в статистических данных об общей величине расходов фондов на выполнение своих миссий.

Исторически вполне отчетливо прослеживается взаимосвязь колебаний соотношения расходов американских благотворительных фондов на выполнение своих миссий и размера их совокупного целевого капитала с изменениями деловой конъюнктуры. В периоды понижения индексов фондовых рынков это соотношение увеличивается, в периоды повышения индексов рынков, наоборот, сокращается. Американские специалисты отмечают три главных фактора, обусловливающих данную взаимосвязь. Во-первых, упомянутая выше методология расчета планируемых расходов на программную деятельность приводит к возникновению временного лага между снижением доходов на целевой капитал и сокращением программных расходов. Во-вторых, большинство фондов вполне естественным образом позволяет себе в периоды высокой конъюнктуры повысить расходы в расчете на предстоящий рост доходов, в то время как резко сократить расходы на уже утвержденные благотворительные программы в момент падения конъюнктуры затруднительно, учитывая специфику деятельности в некоммерческом секторе. В-третьих, достаточно многие благотворительные фонды проводят вполне осознанную «контрциклическую» политику, увеличивая расходы на оказание благотворительной помощи в периоды экономических кризисов.

Данные обстоятельства действительно обусловили увеличение расходов благотворительных фондов США в 2008 г. на 2,8%. Объем расходов составил в 2008 г. 46,6 млрд долл.[17]

---

[17] Highlights of Foundation Yearbook 2009. Foundations Center. См.: http://foundationcenter.org/gainknowledge/research/pdf/fy2009_highlights.pdf.

Относительно благоприятный экспертный прогноз уровня расходов благотворительных фондов США на программы и проекты некоммерческого сектора подкреплялся и публичными заявлениями о намерениях, которые делались руководством ряда известных фондов в первые месяцы 2009 г. Согласно этим заявлениям значительное число фондов было готово в ближайшей перспективе поддержать уровень расходов благотворительных ресурсов даже ценой сокращения основной суммы своих целевых капиталов[18]. Обратим внимание на то, что подобная готовность противодействовать кризису представляет собой практическое подтверждение социальной ответственности благотворительных организаций. Обратим внимание также и на тот факт, что в составе группы бессрочно действующих фондов США наиболее оперативно «откликнулись» на кризис фонды местных сообществ, чья деятельность в наибольшей степени приближена к нуждам конкретных людей.

Вместе с тем, если оживление американской экономики будет медленным, а темпы восстановления докризисной величины совокупного целевого капитала невысокими, расходы фондов продолжат сокращаться и в последующие годы, отражая снизившуюся среднюю величину целевых капиталов. Таким образом, негативное влияние кризиса 2008–2009 гг. на деятельность благотворительных фондов и некоммерческий сектор в целом может с нарастающей силой проявляться на протяжении весьма длительного периода времени.

Бессрочно действующие фонды в долгосрочной перспективе не могут игнорировать задачи по сохранению и преумножению своих целевых капиталов как основы благотворительной деятельности. Выше мы приводили данные, согласно которым у большинства мелких и средних благотворительных фондов уровень доходности целевых капиталов даже в период весьма благоприятной конъюнктуры финансовых рынков находился в пределах 6–7% в

---

[18] *McGill L.T., Lawrence S.* Grantmakers Describe the Impact of the Economic Crisis on Their Giving / The Foundation Center. March 2009. См.: http://foundationcenter.org/gainknowledge/research/econ_outlook4.html.

год. Такая доходность на фоне норматива ежегодных расходов на выполнение миссии, установленного законом на уровне не ниже 5% рыночной стоимости целевого капитала, не оставляет фондам большого поля для маневра средствами с учетом рыночной конъюнктуры. Это довольно жесткая рамка деятельности благотворительных фондов, которая не позволяет существенно или на длительный период времени наращивать расходы в условиях кризисных ситуаций в экономике с тем, чтобы затем в периоды экономического подъема расходы сокращать, восстанавливая величину целевого капитала.

На подходах руководства благотворительных фондов США к вопросу о расходах на программную деятельность в 2009–2010 гг. скажется также опыт периода с конца 1960-х до начала 1980-х годов. В тот период в условиях стагфляции многие фонды потеряли до двух третей величины своих целевых капиталов (с поправкой на инфляцию), поскольку не ожидали столь длительного экономического застоя и слишком долго поддерживали расходы на уровне, который не отвечал реалиям экономической ситуации.

В апреле 2009 г. Центр фондов опубликовал данные опроса 1200 руководителей благотворительных фондов США, посвященного конкретным планам адаптации их деятельности к условиям кризиса. Опрос подтвердил намерения противодействовать кризису, сохранять поддержку некоммерческого сектора вопреки неблагоприятной для сохранения и увеличения целевых капиталов конъюнктуры. Примерно 40% респондентов указали, что они намерены продолжить финансирование грантовых программ с использованием средств основной суммы целевого капитала их фондов. 14% намерены ввести в действие специальные «антикризисные» программы, чтобы помочь людям и НКО, оказавшимся из-за кризиса в затруднительном положении. Средства на такие программы будут изыскиваться не только за счет сокращения расходов на уже ведущиеся другие программы, но и за счет новых источников, включая резервные фонды, целевые кампании по сбору пожертвований, средства основной суммы целевого капитала и др. Среди фондов местных сообществ доля организаций, запланировавших

подобные программы, более чем в 2 раза выше, чем в среднем по выборке, и достигает 34–35%[19].

Вместе с тем почти две третьих общего числа опрошенных руководителей заявили, что будут сокращать количество и (или) размер выделяемых в 2009 г. грантов. Почти половина фондов (46%) намерена сократить число грантов, выделяемых некоммерческим организациям, которые ранее не получали от них поддержку. 44% фондов сократят выделение грантов на сроки, превышающие один год.

Кризис и стратегии управления капиталами благотворительных фондов. В условиях кризиса в США оживилась дискуссия, посвященная стратегиям управления целевыми капиталами некоммерческих организаций и в частности благотворительных фондов, позволяющим оптимально обеспечить выполнение социальной миссии НКО. При исследованиях некоммерческого сектора принято подчеркивать многообразие организационных форм, составляющих его институциональную структуру. Многообразие организационных форм присуще и такому сегменту сектора, как благотворительные фонды[20]. Вместе с тем при рассмотрении вопроса о стратегиях управления целевыми капиталами выделяются всего две основные формы, две различные бизнес-модели, присущие некоммерческим организациям в США. Это, во-первых, так называемые бессрочно действующие фонды (perpetual foundations), а во-вторых, так называемые расходующие фонды (spend-down foundations).

Бессрочно действующие фонды создаются без установления временных пределов деятельности организации. Бизнес-модель таких фондов, соответственно предусматривает необходимость остоянного воспроизводства ресурсов организации. Расходующие

---

[19] *Lawrence S.* Foundations Address the Impact of the Economic Crisis. The Foundation Center. April 2009. См.: http://foundationcenter.org/gainknowledge/research/econ_outlook5.html;jsessionid=A1X0ULL1M2XNBLAQBQ4CGXD5AAAACI2F.

[20] *Блок С.Р., Якимец В.Н.* (авт.-сост.). Неприбыльный сектор США: правовая основа, масштабы, конкурентоспособность, эффективность. М., 2008.

фонды создаются на определенное время. При создании такой организации предусматривается, что полученный ею целевой капитал (полученный от одного или нескольких крупных жертвователей или собранный в ходе проведения однократной массовой акции по сбору пожертвований на определенную цель) будет израсходован на выполнение ее миссии, например, за 10 лет, после чего организация должна прекратить свое существование. Для бессрочно действующих фондов вопросы инвестирования целевого капитала имеют более высокое значение, чем для расходующих фондов[21]. В последующем анализе мы сосредоточимся на материале и экспертных оценках, характеризующих стратегии управления целевыми капиталами группы американских бессрочно действующих фондов, каждый из которых располагает целевым капиталом размером не менее 250 млн долл. Из примерно 73 тыс. действующих в США благотворительных фондов в данную группу входит 270 организаций. На них приходится около 50% общей рыночной стоимости целевых капиталов благотворительных фондов США.

Исторически целевые капиталы благотворительных фондов США инвестировались в «безрисковые» активы или в активы с минимально возможным уровнем риска. В 1960–1970-е годы традиционной стала считаться стратегия инвестирования целевых капиталов благотворительных фондов в акционерный капитал и

---

[21] В плане подходов к управлению целевым капиталом и финансовыми ресурсами организации в широком смысле к расходующим фондам примыкают практически все фонды, спонсируемые корпорациями, а также — по необходимости — многие мелкие фонды. Фонды, спонсируемые корпорациями, оперируют финансовыми ресурсами, выделяемыми донором на ежегодной основе. Объемы распределяемых ими благотворительных ресурсов зависят прежде всего от размера ежегодного пожертвования учредителя (донора), а не от доходов на целевой капитал. Размер целевого капитала мелких фондов не позволяет рассчитывать на доходы от его инвестирования как на существенный ресурс обеспечения уставной деятельности. Мелкие фонды вынуждены вести постоянный фандрайзинг, обращаться за грантами в более крупные благотворительные организации или за пожертвованиями к корпорациями и (или) физическим лицам.

финансовые инструменты с фиксированным доходом в пропорции 60 на 40. Диверсификация инвестиционных портфелей была сравнительно невысокой, приоритет отдавался критерию «надежности» эмитента. Первыми, кто осуществил отход от данной традиционной стратегии инвестирования целевых капиталов НКО, стали управляющие целевыми капиталами трех ведущих американских университетов: Гарварда, Йеля и Принстона. Основываясь на научно-прикладных исследованиях управления инвестиционными рисками, они пришли к выводу, что широкая диверсификация инвестиционного портфеля позволяет получать повышенный доход, сохраняя риски на приемлемом уровне. Новый подход к управлению целевым капиталом упомянутых университетов был реализован на практике и принес впечатляющие результаты. Примеру ведущих университетов последовали многие другие американские благотворительные фонды. Признаваемая допустимой для инвестиций целевого капитала благотворительных фондов пропорция между вложениями в акционерный капитал и финансовые инструменты с фиксированным доходом в 1980-е годы достигла 70 на 30, а в 1990-е годы — уже 80 на 20. Затем и этот рубеж был перейден, наличию в инвестиционном портфеле благотворительных фондов существенной доли инструментов с фиксированной доходностью более не придавалось ключевого значения. Наряду с обычными акциями и облигациями инвестиционные портфели благотворительных фондов пополнялись весьма доходными, но и более рискованными активами: вложениями в венчурный капитал, инструменты рынка недвижимости, бумаги развивающихся рынков, хедж-фондов, вложениями на товарных рынках, включая рынки энергоносителей. Предполагалось, что профессиональное управление инвестиционным портфелем на основе моделирования и прогнозирования динамики отдельных финансовых рынков будет способно своевременно изменять структуру широко диверсифицированного портфеля, маневрируя между различными классами активов и вложениями в различные географические регионы, и позволит получить повышенный доход, сохраняя в приемлемых пределах инвестиционные риски.

По данным аналитиков Cambridge Associates, в середине 2008 г. усредненная структура инвестиционного портфеля группы крупных и крупнейших американских благотворительных фондов включала следующие виды финансовых активов (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

Структура инвестиционного портфеля крупных и крупнейших благотворительных фондов США, по состоянию на 30 июня 2008 г.

Наименование финансового актива	Доля актива в инвестиционном портфеле, %
Акции американских компаний	23
Бумаги хедж-фондов	19
Акции компаний других развитых стран	17
Облигации	17
Бумаги развивающихся рынков	5
Инструменты рынка недвижимости	4
Ликвидность	3
Участия	3
Венчурный капитал	2
Вложения на товарных рынках	2
Нефть и газ	1
Прочие активы	4

Источник: Cambridge Associates // The Commonwealth Fund. Annual Report 2008. Pub. No. 1217. См.: http://www.commonwealthfund.org/~/media/Files/Publications/Annual%20Report%20Essay/2009/Mar/New%20Financial%20Realities%20The%20Response%20of%20Private%20Foundations/1217_EVPCOO_Report_2008_web_FINAL_amended.pdf.

Как видно из табл. 5.1, в инвестиционный портфель благотворительных фондов США входили практически все без исключения основные классы финансовых активов.

Новая стратегия инвестирования целевых капиталов благотворительных фондов оказалась вполне успешной. Совокупный

целевой капитал американских благотворительных фондов увеличился с 1990 по 2000 г. в 3,4 раза — с 142 млрд долл. до 486 млрд долл. (в текущих ценах). Затем в связи с кризисом на рынке акций высокотехнологических компаний на протяжении двух лет подряд наблюдалось снижение совокупного целевого капитала американских благотворительных фондов. В 2002 г. его объем снизился до 435 млрд долл., однако это падение на 11% выглядит сравнительно скромным на фоне беспрецедентного непрерывного роста за предыдущее десятилетие[22]. В последующие пять лет, с 2003 по конец 2007 г., рост целевых капиталов американских благотворительных фондов возобновился. Их совокупный объем достиг упомянутой выше величины в 682 млрд долл.

Новая стратегия инвестирования оказалась способной обеспечивать увеличение целевых капиталов благотворительных фондов США на фоне разворачивающихся кризисных процессов на финансовых рынках и в экономике в целом вплоть до осени 2008 г. По мнению управляющего целевым капиталом Йельского университета Дэйвида Свенсона — специалиста с многолетним стажем деятельности в данной области — итоги кризисного 2008 г. не дают оснований для отказа от стратегии широкой диверсификации инвестиционного портфеля благотворительных фондов и поиска радикально новых решений для обеспечения сохранности капитальных ресурсов благотворительных и иных некоммерческих организаций[23].

Аналогичной точки зрения придерживаются и эксперты известной консалтинговой компании GMO Бен Инкер и Джереми Грантем. Они полагают, что в плане стратегий управления целевыми капиталами благотворительных фондов из кризиса 2008 г. можно извлечь два урока.

---

[22] Highlights of Foundation Yearbook 2009. Foundations Center. См.: http://foundationcenter.org/gainknowledge/research/pdf/fy2009_highlights.pdf.

[23] Yale's Swenson Sees 'Extraordinary Opportunity to Snap Up Debt'. 2009. January 2. См.: http://www.bloomberg.com/apps/news?sid=ab08HlxLZ5FY&pid=20601087.

Во-первых, внутрикорпоративные процедуры и правила управления целевыми капиталами (эндаументами) должны предусматривать обязанность управляющих чаще чем прежде пересматривать и адаптировать структуру диверсифицированного инвестиционного портфеля с целью поддержания разумного баланса между доходностью и рисками. По мнению Б. Инкера и Дж. Грантема, это особенно относится к периодам ускоренного роста рынков, периодам нарастающей опасности «перегрева» рынков. Согласно их наблюдениям именно в такие периоды формируется завышенная оценка рискованных активов, в то время как не слишком опытные управляющие в некоммерческом секторе в этот момент дополнительно увеличивают долю таких активов в инвестиционном портфеле в надежде воспользоваться ростом рынков для увеличения доходности целевых капиталов своих фондов.

Во-вторых, Б. Инкер и Дж. Грантем подчеркивают, что кризис 2008 г. высветил необходимость дальнейшей профессионализации управления целевыми капиталами некоммерческих организаций. Успешное использование «университетской» модели управления целевыми капиталами по примеру Гарвардского и Йельского университетов предполагает высокий уровень профессионализма. Выйти на необходимый уровень профессионализма в управлении целевыми капиталами в небольших организациях трудно, даже если привлекать внешних консультантов по инвестициям. Попытки большого числа небольших фондов реализовать «университетскую» модель управления целевыми капиталами «с опорой на собственные силы» породили дополнительное усиление конкуренции за обладание рискованными активами и существенно усугубили последствия кризиса 2008 г. для благотворительного сектора в целом. Авторы рекомендуют в интересах некоммерческого сектора развивать специализированные институты совместного управления целевыми капиталами. Ряд малых и средних благотворительные фондов в США уже сегодня доверяют управление своими целевыми капиталами таким организациям, как Инвестиционный фонд для фондов (Investment Fund for Foundations, TIFF), Общий фонд (Common Fund), располагающим квалифицированным пер-

соналом. Статистические данные подтверждают преимущества управления крупными целевыми фондами. За пять лет, предшествовавших кризису 2008 г., доходы от управления целевым капиталом крупных благотворительных фондов в США (с капиталами от 500 до 1000 млн долл.) составляли в среднем 8,4% в год, в то время как у мелких фондов (с капиталами до 20 млн долл.) этот показатель находился на уровне 6,4% в год. Сверхкрупные благотворительные фонды (с капиталом от 1 млрд долл. и выше) имели в среднем доход на уровне 9,6% в год[24].

Существуют и иные существенные уроки кризиса 2008 г. для управления целевыми капиталами благотворительных фондов, на которые обращают внимание американские эксперты[25].

Многие благотворительные фонды и иные некоммерческие организации в США столкнулись в 2008 г. с кризисом ликвидности. Нехватка ликвидности коснулась даже тех организаций, которые вели в целом разумную политику управления своими целевыми капиталами и не были обременены долгами. Одна из причин — это повсеместное «увлечение» краткосрочными производными бумагами, ошибочно воспринятыми многими управляющими в качестве более доходной замены традиционным инструментам денежного рынка, в которые обычно размещались временно свободные средства организаций. Ликвидные ресурсы, необходимые для обеспечения текущей благотворительной деятельности, не следует пытаться использовать для дополнительного увеличения доходно-

---

[24] *Inker B.* When Diversification Failed; Grantham J. Silver Lining and Lessons Learned // GMO Quarterly Letter. October 2008. См.: https://www.gmo.com/Europe/CMSAttachmentDownload.aspx?target=JUBRxi51IIA6KcUdqlSIwP1d08DCLrevOZG20x71DdNq4IwW5Lo4kQ3zd42pFv0zcak%2f9bx0Q2%2buD9Ruwgvbu0PWLCbny5biPXd%2bmeMr0fg%3d.

[25] См., напр.: *Craig J.E.* New Financial Realities: The Response of Private Foundations // The Commonwealth Fund. Annual Report 2008. Pub. No. 1217. См.: http://www.commonwealthfund.org/~/media/Files/Publications/Annual%20Report%20Essay/2009/Mar/New%20Financial%20Realities%20The%20Response%20of%20Private%20Foundations/1217_EVPCOO_Report_2008_web_FINAL_amended.pdf.

сти целевого капитала. Риски, в том числе репутационные риски для некоммерческих благотворительных организаций, не выполняющих свои обязательства перед получателями благотворительных ресурсов, явно перевешивают возможные преимущества от несколько более высокой доходности.

Необходимый уровень ликвидных ресурсов определяется не только потребностями в ресурсном обеспечении текущей уставной благотворительной деятельности. Такие сегменты инвестиционного портфеля, как вложения в венчурный капитал, в участия, в недвижимость и хедж-фонды создают потребность в дополнительной ликвидности в связи с оговоренными в условиях эмиссии многих таких инструментов длительными сроками отчуждения средств инвестора, или же в связи с возможными резкими колебаниями их рыночной стоимости, когда срочная реализация таких вложений невозможна без существенных потерь.

В числе уроков кризиса для благотворительных фондов упоминается также необходимость более тщательного отбора финансовых компаний, которым благотворительные организации доверяют управление своими целевыми капиталами. В периоды бурного роста финансовых рынков некомпетентность или нечистоплотность управляющих компаний или отдельных менеджеров может достаточное долгое время оставаться незамеченной клиентами. От действий финансиста Бернарда Мэдоффа в 2008 г. пострадало немало доверивших свои средства в управление его фирме благотворительных фондов и некоммерческих организаций. Фирма управляла, по некоторым оценкам, капиталами в размере до 50 млрд долл.

Часть III

ПРАКТИКИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ФИЛАНТРОПИИ В РОССИИ

Глава 6

Денежные пожертвования — наиболее массовая филантропическая практика

Филантропическая активность чаще всего принимает форму денежных пожертвований. В условиях современного общества это, пожалуй, наиболее простой и универсальный способ реализовать альтруистические устремления. В то же время именно в силу универсальности денежных пожертвований они легче, чем другие филантропические практики, поддаются высокоразвитой институционализации. Поэтому здесь особенно широки перспективы освоения рациональных подходов к эффективному привлечению и использованию ресурсов.

Денежные пожертвования — это, помимо прочего, тот аспект филантропической активности, который наиболее наглядно вписан в экономический контекст. Поэтому в настоящей главе применительно к ним коротко поясняется истолкование филантропии с позиций экономической теории. В целом же задача главы — представить картину вовлеченности россиян в денежные пожертвования, проанализировать масштабы пожертвований и факторы, влияющие на активность жертвователей, в том числе с учетом их стратификации, предложить структурные характеристики и интерпретации наблюдаемых явлений. В основу главы положены материалы социологических опросов, которые были проведены на базе инструментария, разработанного авторами.

6.1. Вводные замечания

Денежные пожертвования представляют собой безвозмездную передачу денежных средств ради достижения целей, не связанных

с личным благополучием жертвователя или его близких. Иными словами, пожертвование отличается не только от купли-продажи, но и, например, от подарка, мотивированного родственными или дружескими чувствами, традицией либо расчетом на взаимность. Мотивы пожертвования всегда в той или иной степени включают стремление к справедливости, личное восприятие общественных нужд или религиозного долга, желание следовать идеалу, короче говоря, филантропические устремления.

Юридически это фиксируется в нашей стране как дарение в общеполезных целях. Соответствующая небезупречная, но практически полезная формулировка содержится в ст. 582 Гражданского кодекса Российской Федерации. Формулировка уязвима, поскольку действующее законодательство не раскрывает конкретные признаки и границы того, что следует признавать общеполезным. Смысл статьи может трактоваться по-разному[1]. Это, в принципе, чревато произволом в правоприменении, особенно если пожертвования будут со временем весомо поощряться государством. Но как бы то ни было, закон признает возможность пожертвований гражданам, лечебным, воспитательным учреждениям, учреждениям социальной защиты и другим аналогичным учреждениям, благотворительным, научным и образовательным учреждениям, фондам, музеям и другим учреждениям культуры, общественным и религиозным организациям, иным некоммерческим организациям, а также государству и другим субъектам гражданского права[2].

Природа денежных пожертвований, как и в целом филантропической активности, — предмет ряда конкурирующих трактовок в рамках современной экономической теории. На базе содержательных интерпретаций разработан довольно широкий спектр моделей, с помощью которых экономисты фиксируют и анализируют

---

[1] См., напр.: Как сделать пожертвование в России / Филиал КОО «Международный центр некоммерческого права» в Российской Федерации, CAF Россия. М., 2008. С. 10–12.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.1995 г.) (ред. от 17.07.2009 г., с изм. от 08.05.2010 г.). Ст. 582.

взаимосвязи переменных, относящихся к исследуемому предмету[3]. В целом интерпретации распадаются на две группы. К первой относятся те, которые в конечном счете предполагают не вполне альтруистические мотивы. Диапазон трактовок в данном случае довольно широк: от надежды получить косвенную материальную выгоду до расчета на посмертное воздаяние.

Вторая группа объяснений базируется на признании альтруистических мотивов человеческого поведения не менее реальными, чем мотивы эгоистические. Соответствующие модели, в свою очередь, ориентированы либо на отражение роли моральных предписаний в качестве ограничителей эгоистических действий, либо на фиксацию непосредственного удовлетворения, которое человек получает от поступков, соответствующих его представлениям о должном. Иными словами, в структуре модели альтруизм, наряду с другими факторами, либо определяет конфигурацию поля возможностей (допустимых вариантов активности), на котором субъект делает выбор, либо прямо влияет на сам выбор. В последнем случае филантропические практики помещаются в рамках модели в один ряд с другими привлекательными для субъекта действиями. Имеется в виду, что моральное удовлетворение от пожертвования — явление того же порядка, что и эстетическое удовлетворение от посещения выставки. В подобных моделях жертвователь выступает не только в роли донора, приносящего пользу другим людям, но и в роли лица, которому филантропическая активность доставляет рост благосостояния в формах, не ассоциирующихся с корыстью и эгоизмом. Это так называемые модели неполного (*impure*) альтруизма[4].

---

[3] Обстоятельный обзор как самих трактовок, так и соответствующих моделей см.: Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity / S.-C. Kolm, J.M. Ythier (eds.). Elsevier, 2006. Ch. 1, 3, 18.

[4] Впервые данный подход был обозначен в: *Becker G.S.* A Theory of Social Interaction // Journal of Political Economy. 1974. Vol. 82. No. 5. Развитие подхода см., напр.: *Andreoni J.* Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-glow Giving // The Economic Journal. 1990. Vol. 100. No. 400; *Halfpenny P.* Economic and Sociological Theories of Individual Charitable Giving:

Конкурирующие концепции и построенные на их основе модели, очевидно, отражают разные аспекты филантропических практик. Едва ли не каждая из них в определенной мере полезна если не для количественного анализа, то хотя бы для качественной интерпретации эмпирических данных. Вопрос, однако, в том, какие акценты наиболее адекватны ведущим тенденциям филантропии. В этом отношении особенно убедительным представляется подход с позиций неполного альтруизма. За рубежом он развивается в последние годы наиболее интенсивно и, по-видимому, окажется плодотворным применительно к реалиям нашей страны. Пока эти реалии выглядят относительно скромно на фоне происходящего во многих других странах.

По замечанию О. Алексеевой и А. Костина, «мир переживает сейчас бум корпоративной и особенно частной филантропии. Появились невероятные по масштабам филантропической деятельности мировые лидеры, причем из развитых и развивающихся стран одновременно»[5]. Применительно к странам-лидерам внимание исследователей привлекает своего рода конкуренция между индивидуальными пожертвованиями, исходящими от владельцев крупных состояний, с одной стороны, и корпоративной благотворительностью — с другой. Преобладает точка зрения, согласно которой «благотворительностью должны заниматься прежде всего богатые индивидуумы, а объемы корпоративной благотворительности должны быть умеренными и определяться интересами акционеров и сотрудников компании. А деньги, предназначенные для развития основного бизнеса и коллектива компании, не должны растрачиваться на цели, не имеющие прямого отношения к ее профилю. Корпоративная филантропия должна быть связана с основным бизнесом компаний или с проблемами регионов их присутствия»[6].

Complementary or Contradictory?// Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1999. No. 3.

[5] *Алексеева О., Костин А.* «Филантрокапитализм»: суть дела // Деньги и благотворительность. 2007. № 3 (64). С. 10.

[6] Там же. С. 13.

Однако в России корпоративная благотворительность по своим масштабам пока значительно превосходит частную. Так, в названной статье приведена оценка российского отделения CAF: перед экономическим кризисом конца 2000-х годов объем частных пожертвований в нашей стране был примерно в 15 раз меньше суммарного объема пожертвований корпораций, тогда как, например, в США сумма частных пожертвований втрое превышает сумму корпоративных. Особенности корпоративной благотворительности в России рассматриваются в главе 9 настоящей работы. Но прежде чем обратиться к ним, целесообразно представить результаты изучения частных пожертвований. Они складываются из массовых небольших пожертвований небогатых граждан и значительно более крупных пожертвований. Различиям в размерах в данном случае, как правило, соответствуют принципиальные различия в степени и характере институционализации филантропических практик, что предполагает, в том числе, разные подходы к их изучению.

6.2. Мотивы крупных жертвователей: реальные и предполагаемые

Почему богатые люди жертвуют на благотворительность? Согласно результатам проведенного в Великобритании эмпирического исследования, значимы следующие причины[7]:

а) уверенность в важности проблемы, которая создает наиболее сильную мотивацию. Выбор проблем зачастую определяется

---

[7] В ходе исследования были конфиденциально опрошены 76 человек, обладающих достаточно крупными состояниями (от 5 до 100 млн ф. ст.), которые в настоящий момент живут в Англии и Уэльсе. Кроме того, были опрошены 10 фандрайзеров-волонтеров («просителей», многие из которых сами обладают значительным состоянием и также выступают в роли доноров) и 14 ведущих профессиональных советников состоятельных людей, тоже имеющих высокий уровень доходов. Подробнее результаты исследования см.: *Ллойд Т.* Почему богатые жертвуют? // Деньги и благотворительность. 2007. № 3 (64). С. 66–69.

желанием донора улучшить общественную жизнь в соответствии с определенными интересами или верой во что-то;

б) желание стать катализатором изменений, т.е. стремление по-настоящему изменить общество, его институты или жизнь отдельных людей и получить результат от своих пожертвований;

в) стремление к самореализации, связанное с удовлетворением от собственных достижений — применения своих знаний в новой сфере, приобретения новых навыков, управления денежными средствами, которые в противном случае получило бы государство, решения проблем, близких лично донору, и определения донором своего места в обществе;

г) чувство долга и ответственности, признание обязанности помогать тем, кто менее успешен, и желание «вернуть долги» обществу;

д) возможность получить удовлетворение от коллективных действий и общения в сфере благотворительности. Эти чувства могут возникать от контактов с руководством благотворительной организации, благополучателями и другими донорами. В некоторых сферах и сообществах сети донорских организаций достаточно развиты и влиятельны. Некоторые доноры могут действовать, желая стать членами такой сети.

Насколько можно судить по фрагментарной информации, в том числе полученной нами в ходе непосредственного общения с отдельными донорами, сотрудниками благотворительных организаций и бенефициарами благотворительности, все названные мотивы в той или иной степени присущи тем отечественным бизнесменам, которые делают относительно крупные пожертвования. Однако филантропическая деятельность частных доноров в нашей стране, как правило, не вполне прозрачна. Это существенно затрудняет построение количественных оценок даже в отношении ее объемов, не говоря уже о сравнительной значимости разных мотивов.

Повышению транспарентности способствует создание институциональных структур, финансируемых крупными жертвователями. Первые фонды, финансируемые из личных средств работаю-

щих в России предпринимателей, появились в конце 1990-х годов. Это Фонд Владимира Потанина, «Открытая Россия» Михаила Ходорковского, Фонд содействия кадетским корпусам, созданный Борисом Йорданом, и некоторые другие. В настоящее время в стране действует не менее 30 относительно крупных личных фондов. Среди известных бизнесменов, передавших фондам заметную часть состояния либо систематически делающих крупные пожертвования, можно назвать, например, Вагита Алекперова, Олега Дерипаску, Дмитрия Зимина, Михаила Прохорова, Алишера Усманова, Николая Цветкова.

«По мере старения ветеранов российского капитализма таких фондов становится все больше», констатируют Р. Кутузов и И. Телицина, предлагая свое объяснение этой тенденции[8]. В целом оно сводится к тем мотивам, которые представлены в пунктах «б» и «в» приведенного выше перечня. К сожалению, отсутствуют эмпирические данные, которые позволили бы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу и вообще с уверенностью судить о доминирующих мотивах крупной частной благотворительности в России. Исследования, сопоставимые с названным британским, на российском материале не проводились. Более того, в силу закрытости отечественного истеблишмента методологически состоятельное исследование подобного рода вряд ли удастся провести в будущем.

В то же время имеется возможность опереться на данные об отношении к донорам и их пожертвованиям со стороны рядовых граждан, и эти данные достаточно поучительны[9]. Большинство респондентов из репрезентативной для населения России выборки, не располагая сведениями о подлинных мотивах благотворителей и, разумеется, не общаясь с ними, настроены довольно подо-

---

[8] *Кутузов Р., Телицина И.* Частные фонды. Эффект старения // Forbes (русск. изд.). 2008. № 5. С. 246–248.

[9] Результаты эмпирического исследования, проведенного авторами по данной тематике ранее, опубликованы в работе: *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М., 2009. С. 60–62.

зрительно (см. рис. 6.1). Более 40% придерживаются мнения, что лишь меньше четверти жертвователей бескорыстно занимаются благотворительностью. Каждый третий респондент (34%) считает, что более половины жертвователей занимаются благотворительностью, чтобы добиться популярности, обеспечить себе пиар, а 13% — что таковы цели почти всех жертвователей. По утверждению 31% населения, более половины жертвователей используют благотворительную деятельность как способ улучшить свои связи с чиновниками во властных органах, а 16% отнесли к этой категории жертвователей почти всех. По мнению 28% респондентов, больше половины жертвователей с помощью благотворительности решают проблемы своего бизнеса, а 19% приписывают этот мотив почти всем жертвователям.

Таким образом, восприятие населения довольно резко контрастирует с оценками, содержащимися в процитированной статье из «Forbes». Доступная информация подсказывает, что в действительности сочетаются разные тенденции. Благотворители, особенно наиболее крупные, все чаще действуют бескорыстно, хотя ситуация в целом отнюдь не идеальна.

Однако, как бы ни относились респонденты к мотивам доноров, для подавляющего большинства важнее само наличие пожертвований. Соответственно 93% опрошенных одобряют благотворительную деятельность, а негативно к ней относятся только 3% (4% респондентов затруднились дать ей свою оценку). Это отчасти предопределяет оценки той позиции, которую государство занимает в отношении благотворительности. Впрочем, какие-либо суждения относительно этой позиции смогли высказать лишь 60% респондентов, причем 43% дали позитивные оценки, а 17% — негативные.

Опрошенным предлагалось не только дать обобщенную оценку позиции государства, но и выразить отношение к его конкретным действиям в этой области. Почти треть (32%) затруднилась в определении того, какие действия государство предпринимает по отношению к жертвователям, а 10% высказали мнение, что последовательной государственной политики в отношении жертвовате-

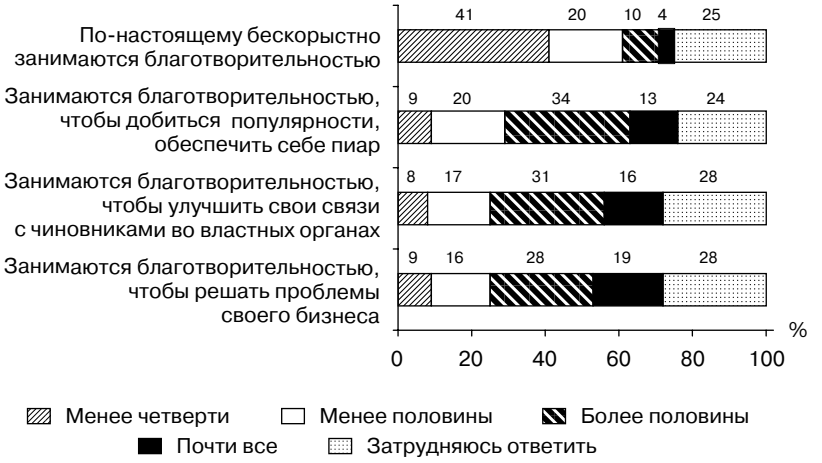


Рис. 6.1. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Какая доля среди жертвователей тех, кто...»* (% опрошенных)

лей не существует. В то же время 22% респондентов уверены, что государство уже создает благоприятные условия для благотворительной деятельности, а почти четверть отметили, что благотворителям предоставляются налоговые льготы.

Многие из тех, кто затруднились оценить фактическое положение дел, смогли и пожелали содержательно ответить на вопрос, как государство должно относиться к жертвователям. Затруднившихся в этом случае было только 13%. Ответы остальных свидетельствуют, что более половины населения (56%) хотело бы, чтобы государство предоставляло благотворителям и их бизнесу благоприятные условия. 36% выступают за налоговые льготы, 31% предлагают морально поощрять жертвователей и т.д.

Вместе с тем две трети опрошенных полагают, что в ответ на поддержку государство вправе предъявлять благотворителям определенные требования. Чаще всего упоминалось требование вести благотворительную деятельность открыто и прозрачно (41% респондентов), добросовестно вести свой бизнес (40% респонден-

тов). Существенно реже предлагалось обусловить получение льгот такими дополнительными требованиями, как предоставление гарантий продолжения благотворительной деятельности в течение определенного времени (26%), согласование целей этой деятельности с государственными органами (16%), пожертвование больших сумм денег (не ниже установленного уровня) (13%). Лишь по 7–10% участников опроса сочли уместными такие требования, как более строгое соблюдение этических норм, чем это обычно происходит в коммерческом секторе, согласование целей бизнеса (а не только благотворительной деятельности) с государственными органами, а также политическая лояльность властям.

В какой мере и каким образом государству следует влиять на выбор, который жертвователи делают в отношении конкретных целей и объектов поддержки? Почти половина населения (48% респондентов), по данным опроса, полагает, что государство должно просто информировать о своих приоритетах и создавать условия для добровольного участия благотворителей в их реализации. Каждый четвертый опрошенный считает, что государству вообще не следует влиять на выбор жертвователей. Только 18% опрошенных высказались за то, чтобы государство определяло приоритеты благотворительной деятельности и побуждало доноров к их реализации.

Таким образом, среди населения отчетливо преобладает не просто позитивная, но и довольно либеральная позиция в отношении благотворительности и ее субъектов. Однако, отвергая неоправданные обременения потенциальных получателей льгот, большинство респондентов все же считают, что государственные органы должны отслеживать истинные причины, по которым богатые люди делают крупные пожертвования. С этим согласны 65% населения, 21% не согласны и 14% затруднились ответить.

Таким образом, в массовом восприятии российского населения довольно причудливо, хотя по-своему рационально сочетаются подозрительность в отношении крупных жертвователей и стремление стимулировать их активность с помощью государства. Это сочетание сложилось, в том числе, на фоне нехватки достоверной информации и отражает в целом периферийное положение те-

матики благотворительности в общественном сознании. С одной стороны, налицо запрос на усиление мер государственной поддержки благотворительности, с другой — имеется почва и для роста негативных настроений, особенно если они будут поддержаны СМИ. Есть основания считать, что именно сейчас формируется та позиция общества в отношении благотворительности, которой предстоит обрести устойчивость. В подобной ситуации выбор государственной политики относительно свободен и сам способен сыграть роль одного из ключевых детерминантов общественных настроений на длительную перспективу.

Если в среднесрочном периоде эта политика окажется позитивной, продуманной и действенной и коль скоро она получит адекватный отклик со стороны бизнеса, вполне вероятно уверенное и одобряемое обществом движение к эффективному и масштабному сотрудничеству государства с частными благотворителями. Если же власти промедлят или предпочтут подыграть негативным настроениям, эти последние, скорее всего, закрепятся, что в будущем существенно затруднит поворот к политике поддержки филантропической активности, без которой государству будет все труднее справляться с грузом социальных проблем.

6.3. Распространенность массовых пожертвований и их основные формы

Исследования авторов показывают, что более половины российских граждан хотя бы эпизодически делают денежные пожертвования в доступных для них размерах. Так, по данным опроса, проведенного совместно с ФОМ по технологии Георейтинга (2009), 53% населения делали денежные пожертвования за последние 2–3 года (см. рис. 6.2). Однако большинство тех, кому доводилось делать пожертвования (в том числе давать милостыню), заявили, что делали это «редко, только несколько раз», треть — что делали пожертвования часто, а менее десятой части — что такое случилось лишь однажды.

Рис. 6.2. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«За последние 2–3 года Вы делали благотворительные пожертвования, давали незнакомым Вам нуждающимся людям деньги (включая просящих милостыню)? Если да, то как часто?»* (% опрошенных)

Вовлеченность россиян в денежные пожертвования не одинакова в разных регионах страны (см. рис. В.1 на вклейке). Различия в немалой степени объясняются действием социально-демографических и этнокультурных факторов, о которых речь пойдет далее. Однако прежде всего имеет смысл охарактеризовать территориальную дифференциацию как таковую.

Лидером по числу жертвователей среди регионов России выступает Чеченская Республика: в этом субъекте федерации 95% опрошенных положительно ответили на названный вопрос. Наиболее значительную вовлеченность в пожертвования продемонстрировало население еще одной северокавказской республики, Дагестана. Здесь положительные ответы дали 74% респондентов. Кроме них, в группу с самой высокой долей тех, кто делал благотворительные пожертвования, относятся следующие субъекты Российской Федерации: Ханты-Мансийский автономный округ,

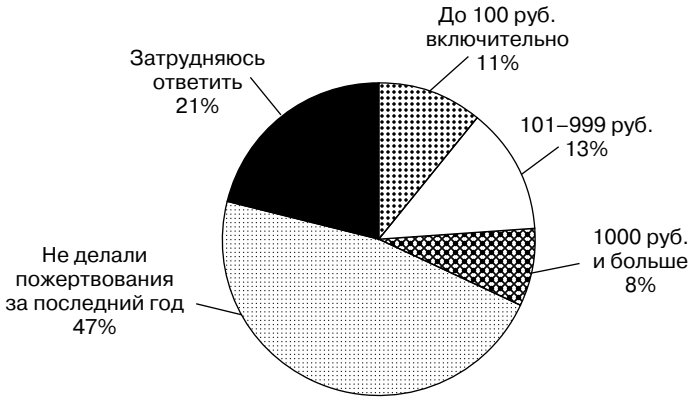


Рис. 6.3. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«За последние 2–3 года Вы делали благотворительные пожертвования, давали незнакомым Вам нуждающимся людям деньги (включая просящих милостыню)? Если да, то как часто?»* (% опрошенных)

Московская область, Липецкая область, Брянская область, Республика Башкортостан, а также Рязанская и Калужская области (в них соответствующие доли граждан находятся в интервале от 67 до 71%). Наиболее низкие значения рассматриваемого показателя зафиксированы нами в Республиках Калмыкия и Мордовия (по 29%), а также в Новосибирской области (27%).

Тем, кто делал пожертвования в течение последних 2–3 лет (напомним, это 53% по выборке), предложили оценить суммарную величину этих пожертвований за последний год (см. рис. 6.3). Этот вопрос вызвал затруднения почти у каждого второго в данной группе. Остальные дали содержательные ответы: пятая часть тех, кто делал пожертвования, потратили на это до 100 руб. включительно, четвертая часть — от 100 до 1 тыс. руб., шестая часть — более 1 тыс. руб.

Среди регионов, жители которых чаще всего делали пожертвования на сумму до 100 руб. в год включительно, фигурируют Астраханская, Ульяновская, Брянская, Ярославская, Кировская, Липецкая, Кемеровская, Оренбургская, Самарская и Ростовская

области, Республика Алтай и Пермский край. Соответствующие данные представлены на рис. В.2 на вклейке.

У 8% россиян сумма личных пожертвований за последний год составила 1 тыс. руб. и выше, однако значения данного показателя заметно дифференцированы по субъектам Российской Федерации. Лидером и в этом случае выступает Чечня: 39% ее жителей оказывали денежную помощь в размере от 1 тыс. руб. и выше. Следующая за ней Республика Тыва отстает на 20 процентных пунктов (значение показателя составляет 19%). Объяснение складывающейся картины требует, очевидно, дополнительного исследования, в котором важно уделить внимание, в том числе, этнокультурным и религиозным факторам, особенностям социальной структуры и позициям республиканских властей.

Что касается средней величины суммарных пожертвований за последний год, то по стране она составила примерно 1600 руб. (см. рис. В.3 на вклейке). Москва является лидером по данному показателю — здесь средний размер пожертвований достигает 6700 руб. Далее идут Республика Тыва (6428 руб.), Ямало-Ненецкий автономный округ (6116 руб.), Республика Саха (Якутия) (5632 руб.), Камчатский край (4651 руб.). Магаданская область (4466 руб.), Ненецкий автономный округ (4191 руб.), Сахалинская область (3489 руб.), Чеченская Республика (3002 руб.). В то же время в пяти субъектах РФ средний размер пожертвований не превысил и 500 руб. Это — Челябинская, Тверская, Белгородская области, Краснодарский край и Республика Мордовия.

Типичные суммы пожертвований, естественно, различаются по группам населения. Более 1 тыс. руб. в год на пожертвования чаще прочих тратят респонденты с высоким доходом и с доходом выше среднего, с высшим образованием. Такие расходы на пожертвования характерны также для представителей ежедневной интернет-аудитории. Вместе с тем выделяются сравнительно большими суммами пожертвований (более 1 тыс. руб. в год) люди, участвующие в деятельности хотя бы одной НКО. Среди тех, кто в ближайшие 2–3 года хотел бы помогать деньгами, пожертвованиями общественным объединениям, гражданским инициативам, некоммерче-

ским организациям, больше 1 тыс. руб. жертвовали 27% (при 8% в среднем по выборке). Среди тех, кто хотел бы в ближайшие 2–3 года работать добровольцем в общественных объединениях, гражданских инициативах, в некоммерческих организациях, больше 1 тыс. руб. жертвовали 22%. Среди тех, кто хотел бы стать членом какой-либо общественной организации, такую сумму жертвовали 16%.

Формы участия в денежных пожертвованиях многообразны: от подаяний, милостыни, пожертвований через ящик-копилку для сбора средств, до завещательных дарений (пожертвования в виде наследства) и «электронной» филантропии. Имеются в виду пожертвования через платежный терминал-стойку в Интернете с помощью банковской карты или веб-кошелька, а также пожертвования при посредстве SMS-сообщений с мобильного телефона[10]. Кроме того, имеется опыт реализации программ пожертвований при посредстве работодателя (обычно такие программы сочетаются с корпоративной благотворительностью): сотрудник компании информирует бухгалтерию о выбранных им адресатах и размерах пожертвования, после чего средства автоматически удерживаются при расчете его заработной платы[11].

---

[10] Подробнее см.: *Даушев Д.* Сделай донору удобно // Деньги и благотворительность. 2010. № 72. С. 34–39; Эффективная благотворительность для развития города / сост. Н.Ш. Бердникова, С.Б. Ванчикова. М., 2006; *Бурмистрова Т.А.* Развитие механизмов массовой благотворительности // Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия: практич. пособие / под ред. Е.А. Шадрина, зам. дир. Департамента стратегического управления (программ) и бюджетирования Минэкономразвития России. М., 2008. С. 38–52; Сбор частных пожертвований. Вопросы бухгалтерского учета и налогообложения / сост. А.М. Эрделевский, М.В. Батурина, М.А. Юндина, А.В. Зотова, М.Н. Колтунцова / АНО «Северо-Кавказский ресурсный центр». Ставрополь, 2001; Акции по сбору частных пожертвований: успешные модели и опыт / авт.-сост. М.А. Юндина и др. Ставрополь, 2001; Сбор частных пожертвований, или Как копейка рубль бережет / авт.-сост. О.А. Вейс. Самара, 2008 и др.

[11] В настоящее время программа частных пожертвований сотрудников, объединенная общим брендом «Им нужна Ваша помощь», реализуется в компаниях: «Бритиш Американ Тобакко Россия», ИД «Индепендент Медиа», Procter

Однако столь продвинутые формы в нашей стране практикуются немногими. В качестве массовой практики денежные пожертвования россиян, как правило, не связаны со сколько-нибудь сложной институционализацией. Ответы респондентов на вопрос о том, как именно они осуществляли свои благотворительные пожертвования, свидетельствуют, что население пока редко рассматривает НКО или государственные организации в качестве адресатов пожертвования либо посредников при их реализации[12]. Большая часть (37%) граждан предпочитает оказывать материальную поддержку нуждающимся в одиночку. Еще 3% респондентов осуществляли финансовую помощь по месту работы. На наличие в качестве посредников в своей благотворительной деятельности каких-либо организаций указали единицы (1% населения). Сказывается, очевидно, как дефицит информации о благотворительных организациях, так и недостаток доверия к ним. Эти причины тесно взаимосвязаны, что затрудняет установление роли каждой из них в отдельности, делая это скорее специальной задачей будущих исследований.

6.4. Социально-демографические факторы участия в массовых денежных пожертвованиях

Результаты проведенных авторами опросов послужили материалом для анализа влияния ряда факторов на участие населения в денежных пожертвованиях. Выбор факторов для оценки определялся с учетом исследований, которые ранее осуществлялись применительно к другим странам.

& Gamble, ОАО «Альфа-банк», ОАО «ТНК-ВР Менеджмент», ИГ «Ренессанс Капитал» в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове и г. Новомосковске Тульской области. В программе участвуют от 10 до 25% сотрудников компаний, за 4 года реализации программы ими сделаны пожертвования на сумму более 22 млн. руб. Цит. по: *Бурмистрова Т.А.* Указ. соч. С. 43.

[12] Подробнее см. *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Указ. соч. С. 50.

Так, в целом ряде зарубежных работ прослеживаются *гендерные* различия в рассматриваемой сфере[13]. В ряде национальных обзоров благотворительности в США[14] показано, что женщины чаще, чем мужчины, высказывались за вклады в некоммерческий сектор. Так, по результатам опроса 1991 г. различия составили 74% у женщин против 70% у мужчин, в 1993 г. — 76% против 70%, в 1995 г. — 71% против 65% и в 1998 г. — 73% против 67%. В исследовании домохозяйств в штате Индиана (США) было выявлено, что доля склонных к благотворительности одиноких женщин на 14% больше, чем среди одиноких мужчин, и одинокие женщины вкладывали в благотворительность на 330 долл. в год больше, чем мужчины той же образовательной и возрастной группы[15].

М. Кейпек выступала в своих работах против придания гендерным различиям слишком большой значимости, но, рассматривая случаи передачи прав на наследство, она тем не менее обнаружила, что число незамужних женщин, оставляющих завещательный отказ от недвижимости в пользу благотворительности, заметно превосходит число поступающих таким образом мужчин (44% против 32%)[16]. Используя экспериментальный подход к исследованию, Экель и Госсман установили, что женщины в целом более

---

[13] См., напр.: *Havens J.J., O'Herlihy M.A., Schervish P.G.* Charitable Giving: How Much, by Whom, to What, and How // The Nonprofit Sector: A Research Handbook. 2nd ed. / W. Powell, R. Steinberg (eds.). New Haven (CT), 2006. P. 542–567; *Odendah T.* Charity Begins at Home: Generosity and Self-Interest among the Philanthropic Elite. N. Y., 1990.

[14] См. обзоры Ходжкинсона и Вейцмана за 1992, 1994 и 1996 гг.: *Hodgkinson V.A., Weitzman M.S.* Dimensions of the Independent Sector: A Statistical Profile. Washington (DC), 1992, 1994, 1996; а также *Kirsh A.D., Hume K.M., Jalnadoni N.T.* Giving and Volunteering in the United States: Findings from a National Survey. Washington (DC), 1999.

[15] *Mesch D.J., Rooney P.M., Kathryn W.C., Steinberg S.* Race and Gender Differences in Philanthropy: Indiana as a Test Case // New Directions for Philanthropic Fundraising. 2002. No. 37. P. 65–77.

[16] *Capek M.E.S.* Documenting Women's Giving: Biases, Barriers and Benefits // Women, Philanthropy, and Social Change: Visions for a Just Society / ed. by E. Clift. Medford (MA), 2005. P. 29–60.

альтруистичны, нежели мужчины[17]. Напротив, также опираясь на экспериментальные исследования, Боултон и Кейток писали об отсутствии разницы в участии в благотворительности у мужчин и женщин[18]. Андреони и Вестерланд предложили объяснение этих противоречивых результатов[19]. Они показали, что мужчины склонны быть более щедрыми, чем женщины, когда вклад меньше (т.е. подразумевают менее болезненную потерю для дарителя), в то время как женщины более склонны отдавать, когда цена вклада относительно высока. Подводя итог, они утверждают, что женщины, по сравнению с мужчинами, более заинтересованы в справедливости, правосудии и равенстве, поддерживая гипотезу о том, что женщины более социально ориентированы, чем мужчины.

Несмотря на обилие фактических данных, в литературе не представлена последовательная и надежная общая теория влияния гендерного фактора на поведение людей в сфере денежной филантропии. Причина, по-видимому, не только в некоторой противоречивости имеющегося эмпирического материала, но и в том, что он относится главным образом к западному миру и прежде всего к США. Более объемное видение ситуации предполагает учет реалий других стран, в том числе тех, где объект исследования менее институционализирован.

В опросах, проведенных авторами настоящей главы, российские женщины немного чаще, чем мужчины, декларировали свое участие в денежных пожертвованиях. Так, по данным мегаопроса населения по технологии Георейтинга (N = 41 500, 2009 г.), за последние 2–3 года делали благотворительные пожертвования, давали незнакомым нуждающимся людям деньги (включая просящих милостыню) 56% женщин и 48% мужчин. Шансы мужчин делать денежные пожертвования примерно на 30% ниже, чем у жен-

---

[17] *Eckel C.C., Grossman P.J.* Are Women less Selfish than Men? Evidence from Dictator Experiments // Economic Journal. 1998. No. 108. P. 726–735.

[18] *Bolton G.E., Katok E.* An Experimental Test for Gender Differences in Beneficent Behavior // Economics Letters. 1995. No. 48. P. 287–292.

[19] *Andreoni J., Vesterlund L.* Which is the Fair Sex? Gender Differences in Altruism // Quarterly Journal of Economics. 2001. No. 116. P. 293–312.

щин (при условии, что все остальные социально-демографические характеристики фиксированы)[20].

Еще один фактор, традиционно фигурирующий в зарубежных исследованиях массовой частной благотворительности, — это *возраст* донора[21]. Его значимость объяснима, поскольку возраст характеризует этапы жизненного цикла и, следовательно, в определенной мере отражает стабильность положения и финансовые возможности человека. Согласно результатам названного опроса, максимальная вовлеченность в денежные пожертвования в нашей стране характерна для граждан в возрасте 31–45 лет и 46–60 лет (56 и 55% соответственно). В то же время в возрастной группе до 30 лет пожертвования делают 52%, а в группе старше 60 лет — 46%. Статистический анализ отношения шансов показал, что у представителей возрастной когорты 36–54 лет, по сравнению с респондентами старше 55 лет, они выше почти на 90%, а у тех, кто не достиг 35 лет, — выше на треть, чем у когорты пожилых.

Зарубежные исследователи благотворительности уделяют немало внимания также роли *образования*. На материале стран Запада показано, что более образованные индивиды проявляют большую склонность к пожертвованиям и, при прочих равных условиях,

---

[20] Здесь и далее под шансом появления некоторого события B (например, B — «делать денежные пожертвования») при выполнении события A (например, A — «респондент-женщина») подразумевается отношение условной вероятности B при условии A к условной вероятности («не делать денежные пожертвования») при условии A. В данной работе оценки отношения шансов были получены в результате построения мультиномиальной логистической регрессии. Оценка отношения шансов совпадает с оценкой экспоненты соответствующего параметра логистической регрессии. Эмпирическую основу данной работы составляют результаты всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного в 2008 г. ГУ ВШЭ в рамках мониторинга состояния гражданского общества (N = 1600, сбор информации — Всероссийский центр изучения общественного мнения).

[21] *Kitchen H., Dalton R.* Determinants of Charitable Donations by Families in Canada: A Regional Analysis // Applied Economics. 1990. No. 22. P. 285–299; *Reece W.S.* Charitable Contributions: New Evidence on Household Behavior// The American Economic Review. 1979. No. 1 (69). P. 142–151 и др.

жертвуют относительно большие суммы. Например, Дж. Банкс и С. Таннер установили, что в Великобритании люди, закончившие колледж, участвуют в благотворительности намного чаще. «Сравнивая две категории людей, которые являются одинаковыми во всех отношениях, кроме того, что одни из них закончили колледж, а другие только школу, было выявлено, что выпускники колледжа склонны к пожертвованиям на 11% больше»[22]. Согласно данным того же исследования, размер пожертвований людей с высшим образованием также значительно выше: они отчисляют на благотворительность на 80% больше, чем их недипломированные коллеги. С. Йен в своем анализе благотворительной деятельности домашних хозяйств также находит аналогичную взаимосвязь между уровнем образования и благотворительностью. Проанализировав данные из Обзора потребительских расходов 1995 г., он приходит к выводу: «результаты показывают, что намерение заниматься благотворительностью возникает у тех семей, которые имеют высокий уровень дохода и возглавляемы взрослыми и образованными личностями»[23]. Банкс, Таннер и Йен используют схожую эконометрическую методологию анализа связи уровня образования с благотворительной деятельностью и признают влияние таких переменных, как возраст и доход, на уровень образования. Именно поэтому трудно проанализировать взаимосвязь между образованием и благотворительностью, не учитывая взаимовлияния всех показателей.

Образованность россиян также влияет на их вовлеченность в денежные пожертвования: если 61% респондентов с высшим образованием декларируют, что за последние 2–3 года им проходилось делать денежные пожертвования, то среди респондентов с образованием ниже среднего таковых лишь 38%, со средним специальным образованием — 55%, и с общим средним образовани-

---

[22] *Banks J., Tanner S.* Patterns in Household Giving: Evidence from U.K. Data // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1999. No. 2 (10). P. 175.

[23] *Yen S. T.* An Econometric Analysis of Household Donations in the USA // Applied Economics Letters. 2002. No. 9. P. 839.

ем — 50%. По сравнению с высокообразованными респондентами у представителей других образовательных групп шансы делать денежные пожертвования ниже. У людей со средним специальным образованием они меньше на 20%, с общим средним образованием — почти на треть (36%), а с образованием ниже среднего — ниже вдвое (50%).

Представляет интерес задача определения вероятности участия граждан в денежных пожертвованиях в зависимости от их социально-демографических характеристик. Для ее решения была применена модель бинарной логистической регрессии[24].

---

[24] Оценивание параметров логистической регрессии проводилось с помощью пакета SPSS. Затем были вычислены оценки вероятностей возможных значений зависимой переменной «участие в денежных пожертвованиях» и построены прогнозы этой переменной для всех категорий респондентов, характеризуемых переменными «пол», «возраст», «образование», «тип населенного пункта». В качестве прогнозируемого значения переменной «участие в денежных пожертвованиях» выбиралось то значение, оценка вероятности которого была больше 0,5.

Значимость рассмотренной модели в целом подтверждается критерием отношения правдоподобия, статистика которого показывает изменение логарифмической функции правдоподобия тривиальной модели по сравнению с построенной моделью. Уровень значимости этого критерия для выбранной модели меньше 0,001, что говорит о значимости данной модели.

На значимость отдельной переменной, включенной в модель, указывает значимое различие между логарифмическими функциями правдоподобия усеченной и окончательной моделей. Под усеченной моделью понимают модель, из которой исключена соответствующая переменная. Уровни значимости соответствующих критериев для переменных «пол», «возраст», «образование» и «тип населенного пункта» оказались не выше 0,01, поэтому можно утверждать, что каждая из этих переменных значимо улучшает прогноз участия респондента в денежных пожертвованиях.

Показателем качества выбранной модели служит процент верно предсказанных ответов, который в нашем случае составляет 57,2. Относительно невысокое значение этого показателя объясняется тем, что не все переменные, значимо влияющие на участие респондента в денежных пожертвованиях, были включены в модель. Например, добавление в модель переменной, описывающей регион проживания респондента, увеличивает процент правильно предсказанных ответов до 59,3%.

Зависимой (выходной) регрессионной переменной в данном случае является номинальная переменная «участие в денежных пожертвованиях». Градациями этой переменной являются ответы на вопрос: «Как часто за последние 2–3 года Вам приходилось делать благотворительные пожертвования, лично давать незнакомым нуждающимся людям, включая просящих милостыню, деньги?» Данная переменная принимает два значения: «занимался» (объединение ответов «занимаюсь этим постоянно», «занимался этим несколько раз», «занимался этим лишь однажды») и «не занимался» (объединение ответов «не занимался» и «затрудняюсь ответить»).

Если суммировать, то представительство отдельных социально-демографических групп как субъектов денежных пожертвований можно конкретизировать следующим образом:

- женщины всех возрастных групп, проживающие в крупнейших, крупных, больших, средних и малых городах, с образованием не ниже среднего общего (за исключением возрастной когорты 55 лет и старше с общим средним образованием);
- женщины, проживающие в сельской местности, в возрасте 36–54 лет вне зависимости от уровня образования и в возрасте 18–35 лет с образованием не ниже среднего специального;
- женщины, поживающие в Москве и Санкт-Петербурге, в возрасте 18–35 лет с образованием не ниже среднего специального;

Степень согласованности экспериментальных и модельных данных можно характеризовать статистикой Пирсона и *D*-статистикой. Эти статистики указывают на расхождение между наблюдаемыми частотами и ожидаемыми частотами, рассчитанными на основе выбранной модели. Вычисленное значение статистики Пирсона соответствует уровню значимости 0,636, а *D*-статистики — уровню 0,433. Это говорит о том, что расхождение экспериментальных и модельных данных не является значимым.

Авторы выражают благодарность канд. физ.-мат. наук Е.Р. Горяиновой за полезные идеи относительно математического анализа данных и проведенные расчеты.

- мужчины, проживающие в крупнейших, больших и крупных городах, в возрасте 36–54 лет с образованием не ниже общего среднего и в возрасте 18–35 лет с высшим образованием;
- мужчины со средним специальным образованием, в возрасте 18–35 лет и проживающие в Москве или Санкт-Петербурге, а также в крупнейших городах, и в возрасте 36–54 лет из средних и малых городов;
- мужчины с высшим образованием, в возрасте 18–35 лет и проживающие в средних и малых городах, в возрасте 36–54 лет из средних и малых городов, а также из сельской местности.

В табл. 6.1 отражены группы граждан, сформированные на основе изучаемых характеристик, вероятность участия которых в денежных пожертвованиях наиболее высокая (выше 0,5).

Таблица 6.1

Группы взрослого населения РФ с наиболее высокой вероятностью участия в денежных пожертвованиях (в зависимости от пола, возраста, образования и места жительства)

Возраст, лет	Образование			
	ниже среднего	общее среднее	среднее специальное	высшее
МУЖЧИНЫ				
18–35			A/E	A/B/C
36–54		A/B/	A/B/C/	A/B/C/D
55 и старше				
ЖЕНЩИНЫ				
18–35		A/B/C	A/B/C/D/E	A/B/C/D/E
36–54		A/B/C/D	A/B/C/D	A/B/C/D
55 и старше			A/B/C	A/B/C/

Обозначения: A — жители крупнейших городов (более 500 тыс. человек, кроме Москвы и Санкт-Петербурга); B — жители больших и крупных городов (100–500 тыс. человек); C — жители средних и малых городов (менее 100 тыс. человек); D — жители сельской местности; E — жители Москвы и Санкт-Петербурга.

Результаты зарубежных исследований массовых частных пожертвований демонстрируют высокую значимость *религиозного* фактора. Он многое объясняет как в мотивации филантропического поведения, так и в выборе объектов поддержки со стороны жертвователей. Например, используя данные налоговой службы США, исследователи установили, что более трех четвертей пожертвований, которые делают американцы с доходами 50 тыс. долл. и более, поступают в религиозные организации[25]. Более того, как показали Р. Стайнберг и М. Уилхелм, пожертвования религиозным организациям делают 21% американцев, не исповедующих ни одной религии[26]. Интерпретируя эти данные, названные авторы выдвигают гипотезу, что благотворительность как таковая ассоциируется с религией, присутствие которой в общественной жизни «побуждает людей, не исповедующих ни одной религии, делать пожертвования, а те, кто исповедуют какую-либо религию, готовы пожертвовать намного больше»[27].

Применительно к современному российскому обществу эмпирические данные о связи частной благотворительности с религиозностью и о благотворительном аспекте деятельности религиозных организаций представлена в сравнительно небольшом числе публикаций, не дающих, разумеется, исчерпывающей картины[28].

---

[25] *Anft M., Lipman H.* How Americans Give // Chronicle of Philanthropy. 2003. No. 4. P. 6–9.

[26] Важно отметить, что Стайнберг и Уилхелм исключили из этого анализа респондентов, которые или не разглашают информацию о своей религии, или затруднялись ответить на этот вопрос. Поэтому ответ «не исповедую ни одной религии» означает, что глава семьи во время опроса заявил, что они не принадлежат ни к какой конфессии.

[27] *Steinberg R., Wilhelm M.* Patterns of Giving in COPPS 2001 // Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action Annual Conference. Denver (Colorado), 2003. P. 6.

[28] См., в частности: Атлас современной религиозной жизни России / под ред. М. Бурдо, С. Филатова. Т. 1–3. М.; СПб., 2005–2008; *Митрохин Н.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. Разд. 6. М., 2006.

В общероссийском репрезентативном опросе населения, на базе которого построен данный параграф, 64% респондентов отнесли себя к той или иной конфессии, в том числе 55% — к православной. Однако о посещении храмов, мечетей или молитвенных домов заявили только 40% опрошенных. Об ответах представителей различных конфессий относительно их участия в делах прихода (общины) можно судить по рис. 6.4. Приведенные на рисунке данные свидетельствуют о том, что единственной по-настоящему широко распространенной формой участия в жизни локальных конфессиональных общностей являются пожертвования на храм (мечеть, молитвенный дом). Однако и в этой форме, почти не отделимой от хотя бы эпизодического участия в богослужениях (молитвенных собраниях), свою приверженность религии проявляют лишь немногим более половины мусульман и треть православных. Число тех, кто жертвует деньги на благотворительные проекты прихода (общины), примерно вчетверо меньше числа жертвующих на храм. Это соотношение характерно как для православных, так и для представителей других конфессий, кроме мусульман, у которых такая форма активности, судя по опросу, не популярна. Зато одежду для бедных в мечети приносят чаще, чем в церкви.

Вообще мусульманские общины выглядят, по данным опроса, заметно активнее всех остальных. Однако как эти общины, так и, тем более, православные приходы пока не выступают в качестве реальных очагов взаимопощи для большинства верующих, не говоря уже о масштабной благотворительности за пределами прихода. Разумеется, есть исключения, но они сравнительно редки. Итак, в России, в отличие от многих зарубежных стран, развитие благотворительности в настоящее время слабо связано с деятельностью религиозных организаций.

Имеющиеся данные свидетельствуют о таком положении вещей, но пока не позволяют прогнозировать, насколько оно изменится в ближайшие 5–10 лет. Потребуется время, чтобы установить присущие российскому обществу взаимосвязи между тенденциями религиозной жизни и стратегиями религиозных организаций, с одной стороны, и вовлеченностью населения в филантропические практики — с другой. Трудность идентификации в данном случае

Рис. 6.4. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Участвуете ли Вы в делах прихода? И если да, то в каких?»* (доли среди опрошенных, отнесших себя к соответствующим конфессиям, в процентах)

связана, по-видимому, не просто с дефицитом эмпирического материала, но прежде всего с тем, что обе стороны взаимосвязей находятся в процессе становления и к тому же внутренне весьма не однородны.

6.5. Экономические факторы участия в массовых денежных пожертвованиях

Несомненно и значительно положительное влияние, которое оказывает на пожертвования фактор *дохода*. В США его изучали, например, Г. Отен и Г. Радни, используя данные о федеральных подоходных налогах за 1971–1975 гг.[29] Эти данные дают представления как о доходах, с которых начисляется налог, так и о подтвержденных пожертвованиях, которые служат в Америке основанием для налоговых вычетов. Исследователи пришли к выводу, что фактор дохода достаточно значим, хотя «на незначительную часть доноров, которые исключительно щедры, приходится значительная часть общих пожертвований на каждом уровне дохода»[30].

А. Джонс и Дж. Поснет под тем же углом зрения изучали расходы британских семей[31]. Этих авторов интересовали как масштабы вовлеченности в пожертвования, так и размеры отчислений. Данное исследование показало, что вовлеченность отражает влияние образования, пола и престижности профессии, однако «уровень пожертвований оказывается чувствительным только к уровню семейного дохода»[32]. Семейный доход, по мнению этих авторов, является переменной, на основе которой можно прогнозировать общую сумму пожертвований.

---

[29] *Auten G., Rudney G.* The Variability of Individual Charitable Giving in the U.S. // International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1990. No. 2. P. 80–97.

[30] Ibid. P. 92.

[31] *Jones A., Posnett J.* Charitable Donations by U.K. Households: Evidence from the Family Expenditure Survey // Applied Economics. 1991. No. 23. P. 343–351.

[32] Ibid. P. 350.

Выше приводились данные, свидетельствующие о том, что и в нашей стране участие в пожертвованиях в существенной мере зависит от денежных доходов. Чтобы полнее охарактеризовать ситуацию, мы включили в один из всероссийских репрезентативных опросов населения вопрос: «Позволяют ли Ваши доходы делать денежные пожертвования нуждающимся людям, не членам Вашей семьи и не близким родственникам?» Подавляющая часть респондентов (80%) дали отрицательные ответы. Меньше одной пятой части (17%) ответили на этот вопрос положительно. Только 3% затруднились определиться с ответом. Среди тех россиян, чьи доходы, по их словам, позволяют делать денежные пожертвования, почти каждый четвертый их не делает. Редко денежные пожертвования делают 56% представителей этой группы и часто — лишь 19%.

В какой мере представления людей об их способности участвовать в благотворительности соотносятся с объективными характеристиками их материального положения? Среди респондентов, чей доход на члена семьи превышает 7 тыс. руб. в месяц, только 26% полагают, что эта сумма позволяет им делать денежные пожертвования. Что же касается респондентов с душевым доходом в 4 тыс. руб. в месяц и менее, почти все они (92%) заявили о невозможности делать пожертвования, хотя на практике многие эпизодически подают милостыню и т.п. (см. рис. 6.5).

Наглядна также зависимость между самооценкой респондентами своих доходов как позволяющих делать денежные пожертвования и такими переменными, как уровень материального благосостояния (самооценка), удовлетворенность доходами и индекс потребления. Чем выше значения данных показателей, тем, разумеется, чаще встречаются положительные ответы на вопрос о возможности делать денежные пожертвования (см. рис. 6.6).

Анализ распределения ответов на данный вопрос по возрастным группам не выявляет особых отклонений от средних значений по России в целом. Исключение составляет возрастная группа старше 60 лет. 85% ее представителей считают, что не имеют достаточных средств для пожертвований, и только 12% заявляют о своей

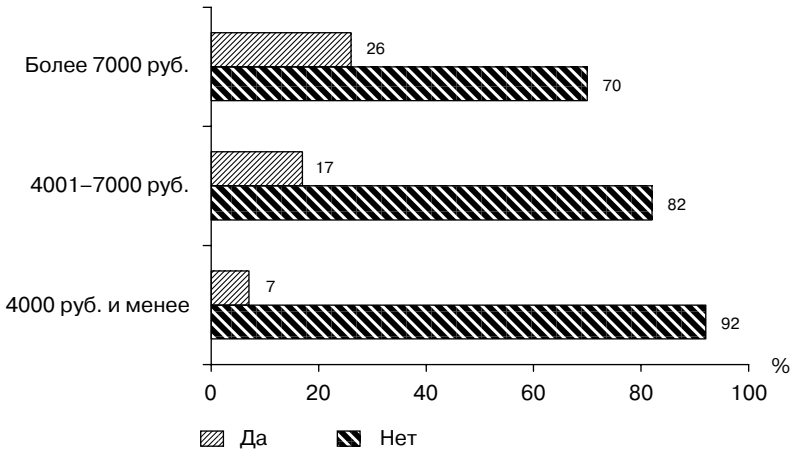


Рис. 6.5. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Позволяют ли Ваши доходы делать денежные пожертвования нуждающимся людям, не членам Вашей семьи и не близким родственникам?»* (% опрошенных, по группам по доходу на члена семьи)

способности в них участвовать. Очевидно, возраст в данном случае выступает главным образом в роли косвенного индикатора дохода, поскольку большинство в рассматриваемой группе составляют пенсионеры. Связь с доходом существенна, по-видимому, и для объяснения того влияния на оценку респондентами своей способности к пожертвованиям, которое оказывает уровень образования. Среди респондентов с высшим образованием положительный ответ на соответствующий вопрос дали 23% против 17% в среднем по выборке.

Таким образом, люди, считающие, что их доход позволяет им заниматься благотворительной деятельностью, принадлежат, как правило, к высокоресурсным категориям населения (с более высоким уровнем образования и дохода, трудоспособные, с высокой субъективной оценкой уровня своего материального положения).

Напомним, что 80% опрошенных ответили, что нынешний доход не позволяет им делать пожертвования. Этой группе был за-

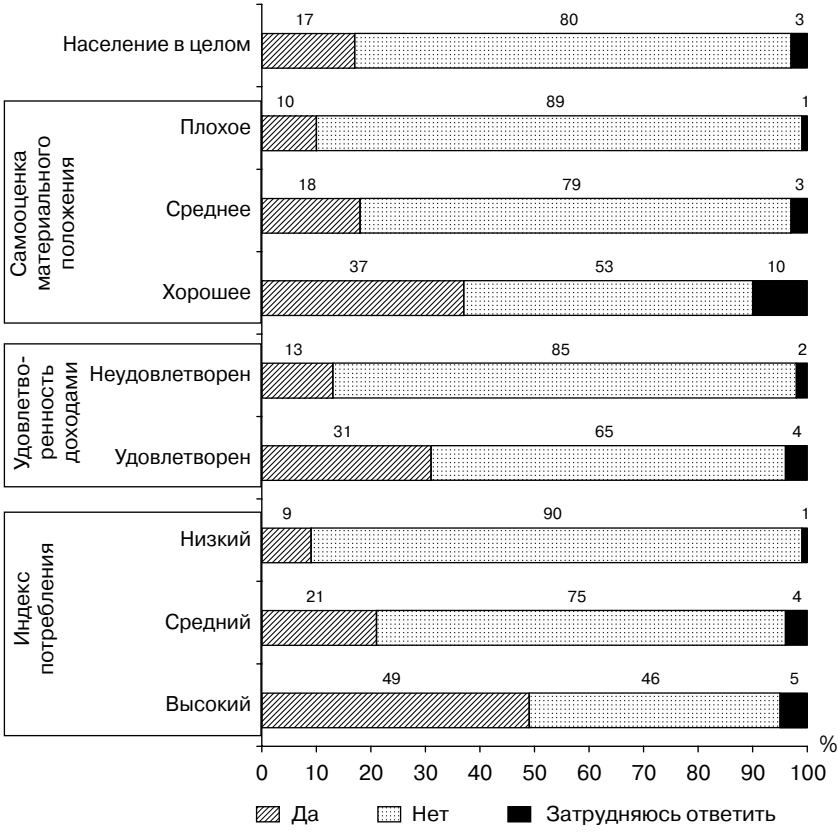


Рис. 6.6. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Позволяют ли Ваши доходы делать денежные пожертвования нуждающимся людям, не членам Вашей семьи и не близким родственникам?»* (% опрошенных, по типологическим группам)

дан вопрос: «Если Ваши сегодняшние доходы не позволяют делать денежные пожертвования нуждающимся людям, то какой доход на одного члена семьи в месяц позволил бы Вам делать пожертвования?». Суммы дохода назывались достаточно реалистичные:

16% назвали 10 тыс. руб. и меньше, 24% — цифры в диапазоне от 10 тыс. руб. до 20 тыс. руб., и только 22% — более 20 тыс. руб. Однако треть респондентов этой группы затруднилась назвать точный размер дохода (см. рис. 6.7).

Тем, кто считает, что мог бы включиться в благотворительность при условии увеличения дохода, задавался вопрос, на какие цели они направляли бы свои пожертвования. Чаще всего назывались медицинские операции детям (62%), помощь детским домам (41%), забота об инвалидах (31%) и пожилых людях (27%), помощь домам престарелых (21%) и медицинские операции взрослым (17%).

К ряду экономических факторов, влияющих на развитие филантропических практик, в определенном смысле относится также качество и эффективность тех организаций, которые предъявляют спрос на пожертвования. В самом деле, значимы не только альтруистические устремления населения, о которых речь шла выше,

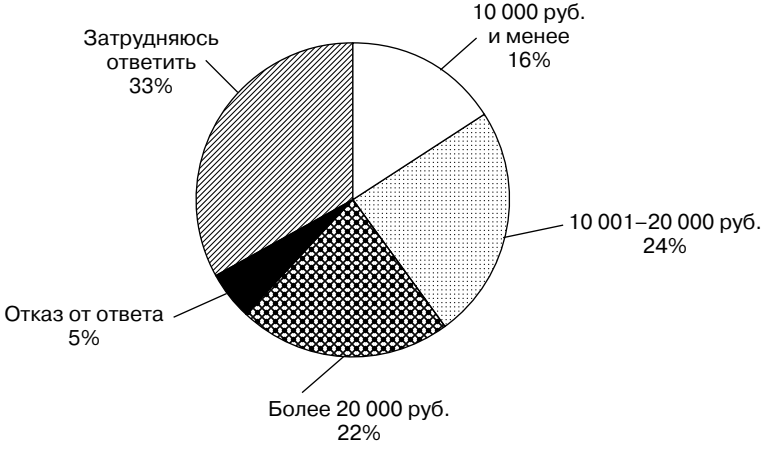


Рис. 6.7. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Если Ваши сегодняшние доходы не позволяют делать денежные пожертвования нуждающимся людям, то какой доход на одного члена семьи в месяц позволил бы Вам делать пожертвования?»* (% опрошенных, чьи доходы не позволяют делать денежные пожертвования)

но и то, насколько им соответствует «индустрия благотворительности». В странах, где прочно укоренены и высоко развиты институты филантропической активности, эта «индустрия» представлет собой заметную отрасль экономики. Однако в нашей стране она находится пока в зачаточном состоянии, что, разумеется, негативно сказывается на вовлеченности граждан в благотворительность и масштабах пожертвований. Неудовлетворенность населения качеством «индустрии благотворительности» улавливается в опросах через индикаторы доверия к тем, кто собирает пожертвования.

Результаты проведенных авторами исследований показывают, что сами респонденты при ответе на вопрос о том, при каких условиях они бы стали делать денежные пожертвования, чаще всего (81%) указывали, что будут делать это, если будут уверены, что их деньги пойдут по назначению. Решение проблемы невысокого доверия россиян к посредникам благотворительной деятельности является необходимым условием повышения активности массовой филантропии в России.

Только каждый пятый ответивший (19%) назвал значимым условие личного знакомства с адресатами оказанной им финансовой помощи. Еще 14% указали на важность морального удовлетворения от такого рода деятельности. Остальные предложенные условия набрали меньше десяти пунктов среди населения в целом и столько же (за редким исключением) в социально-демографических и типологических группах. Такие позиции, как близость по духу с нуждающимися в помощи, улучшение качества повседневной жизни, получение льготы по уплате подоходного налога, помощь животным указали от 7 до 3% отвечавших.

Такое однозначное лидерство у населения одного условия перед всеми остальными в значительной мере объясняет равномерное распределение ответов по социально-демографическим и типологическим группам.

Уверенность в том, что пожертвованные деньги пойдут по назначению, в большей степени, чем остальным ответившим, необходима жителям Москвы (90%) и респондентам с высоким — более 7 тыс. руб. — доходом (90%). Несколько меньше на это обращали

внимание безработные (74%), мусульмане (75%), люди старше 60 лет (73%), и самый низкий показатель у респондентов с образованием ниже среднего (63%).

В отличие от русских, для татар (24%) и представителей других национальностей (29%) более важным является условие личного знакомства с тем, кому оказывается финансовая помощь. Это обусловливает то, что такая же тенденция прослеживается и по принадлежности к религиозным конфессиям. Мусульмане и представители других религиозных конфессий (обе группы по 25%) чаще, чем православные и атеисты, указывали на это условие.

Обратимся теперь к такому фактору, как *предоставление льгот по уплате подоходного налога* для жертвователей. За рубежом давно имеют место исследования, нацеленные на изучение связи между денежными пожертвованиями и льготами. В одном из первых исследований на эту тему У. Рис в 1979 г. сделал вывод: «Мои результаты показывают, что налоговые вычеты в отношении благотворительности являются важным фактором, определяющим уровень первичных взносов»[33]. Несколько недавних исследований уточнили и подтвердили выводы этого ученого в соответствии с современным налоговым законодательством[34]. Напротив, Р. Брадли, С. Хоулден и Р. Масслелланд показали, что налоговые льготы в детализации не всегда влияют на количество взносов[35]. Пока нет других подтверждений этому, данный факт можно рассматривать как сдвиг в области мотивации доноров.

Российское законодательство предусматривает социальные налоговые вычеты. Так, в соответствии со ст. 219 гл. 23 Налогового кодекса РФ, налогоплательщик имеет право на получение социальных налоговых вычетов на благотворительность. Вычет на

---

[33] *Reece W.S.* Charitable Contributions: New Evidence on Household Behavior // The American Economic Review. 1979. No. 1 (69). P. 150.

[34] *Peloza J., Steel P.* The Price Elasticities of Charitable Contributions: A Meta-Analysis // Journal of Public Policy & Marketing. 2005. No. 2 (24). P. 260–272.

[35] *Bradley R., Holden S., McClelland R.* A Robust Examination of the Effects of Taxation on Charitable Contributions // Contemporary Economic Policy. 2005. No. 4 (23). P. 545–554.

благотворительные цели в виде денежной помощи организациям науки, культуры, образования, здравоохранения и социального обеспечения, частично или полностью финансируемым из средств соответствующих бюджетов, а также физкультурно-спортивным организациям, образовательным и дошкольным учреждениям на нужды физического воспитания граждан и содержание спортивных команд, а также в сумме пожертвований, перечисляемых (уплачиваемых) налогоплательщиком религиозным организациям на осуществление ими уставной деятельности, предоставляется в размере фактически произведенных налогоплательщиком расходов, но не более 25% от суммы дохода, полученного им в налоговом периоде. Однако в ряду предложенных условий для осуществления личных пожертвований возможности получения льгот по уплате подоходного налога интересуют всего 4% населения (в 2008 г. таковых был 1%). Граждане России вообще относительно мало информированы о том, что людям, которые делают благотворительные пожертвования, предоставляется такая льгота. Только четверть респондентов сказали, что знают об этом. Подавляющее большинство — 73% опрошенных — не знают о такой привилегии.

Среди россиян только 1% сказали, что делали благотворительные пожертвования и воспользовались вычетами по подоходному налогу. 14% отметили, что, хотя и помогали финансово нуждающимся, но этой льготой не пользовались.

Только 5% из тех, кто воспользовался льготой после благотворительного пожертвования, сказали, что будут тратить больше, если получат такую привилегию по уплате подоходного налога. Среди тех, кто делал пожертвования и не пользовался льготой, это условие для увеличения суммы значимо еще меньше — лишь для 3% из не воспользовавшихся, но оказавших помощь респондентов.

Таким образом, данная льгота не оказывает особого влияния на увеличение благотворительных пожертвований рядовых россиян. Основная причина этого — на нее указали 11% россиян — связана с тем, что сумма пожертвований была незначительная. На остальные причины указали 1–2% респондентов. Анализ мнений россиян, которые оказывали финансовую помощь и не пользовались этой льго-

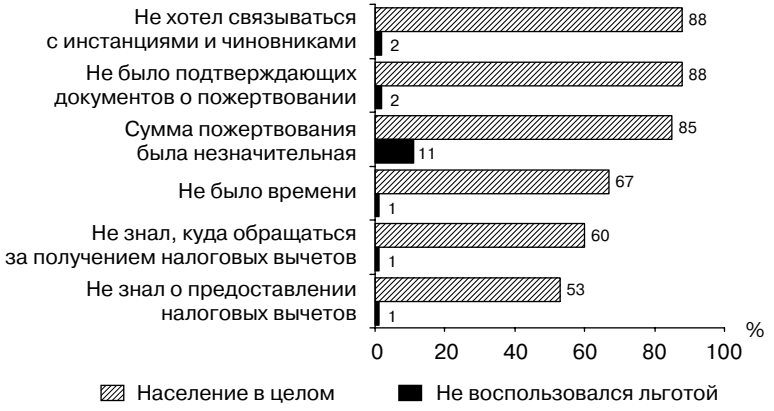


Рис. 6.8. Сравнительный анализ причин непопулярности налоговых вычетов среди населения и среди не воспользовавшихся льготой (% опрошенных и % не воспользовавшихся льготой)

той, дает более яркую картину (см. рис. 6.8). Чаще всего эти респонденты (88%) указывали на нежелание связываться с инстанциями и чиновниками, которые выплачивают компенсацию, а также отсутствие документов, подтверждающих пожертвования. 85% таких респондентов считали эту сумму незначительной. Еще 65% — не располагали временем для оформления и получения выплаты. Для получения вычета налогоплательщику необходимо составить заявление и вместе с налоговой декларацией и копиями документов, подтверждающих расходы на благотворительность в предшествующем налоговом периоде, подать его в налоговую инспекцию по месту жительства. Видимо, частные жертвователи воспринимают данную процедуру как длительную и излишне бюрократизированную.

Таким образом, массовая денежная филантропия в России развивается под влиянием множества факторов, как на уровне ее субъектов, так и на институциональном уровне. Для ее активизации необходимо создание благоприятных условий. Необходимо взращивание институтов массовой благотворительности, которые будут поддерживать устойчивость всей системы.

Глава 7

Вовлеченность россиян в добровольческую деятельность

7.1. Подходы к определению понятия «добровольчество»

В течение последнего десятилетия наблюдается устойчивый интерес к добровольчеству, представляющему собой важнейшую социальную практику гражданского общества. Причин неугасающего интереса много. В нашей стране добровольческая активность рассматривается как один из важнейших факторов социального развития общества в таких сферах, как образование, наука, культура, искусство, здравоохранение, охрана окружающей среды и ряде других. Добровольчество — это сфера, дающая простор созидательной инициативе и социальному творчеству широких слоев населения, которые составляют важный вклад в достижение целей социальной политики страны, повышение качества жизни граждан[1].

Оценка роли добровольчества в разных странах детерминирована многими факторами и логикой развития этих стран. Общая черта заключается в том, что добровольческая активность всегда связывается с позитивными изменениями в развитии общества в целом и отдельного человека. В США, например, на добровольчество возлагаются надежды в плане преодоления общественных болезней за счет мобилизации граждан для их вовлечения в общественную жизнь. Доклады о снижении гражданской активности в

---

[1] Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р.

США[2] вызывали беспокойство о социальном и гражданском здоровье американцев, поскольку эти явления приводят к разрушению гражданской культуры, которая по традиции поддерживает американскую демократию[3]. Авторы обвиняют в этом разрушении растущую гражданскую апатию и отчужденность. Добровольчество может быть важным средством для того, чтобы люди были более вовлеченными в жизнедеятельность общества и чувствовали себя кровно заинтересованными в государстве. Вдобавок добровольчество связано с другим просоциальным поведением, т.е. поведением, ориентированным на благо социальных групп, и с другими формами гражданской и политической активности[4]. Добровольчество способно помочь людям развить более сильное чувство гражданской ответственности[5], а также позволяет развить необходимые навыки для участия в политических и гражданских делах[6] и способствует укреплению обобщенного доверия[7]. Добровольчество демонстрирует другие многочисленные положительные побочные эффекты в отношениях и поведении волонтеров. Например, показано, что оно уберегает людей, в особенности детей, от асоциальных поступков[8], влияет на поддержание здоровья добровольцев

---

[2] *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000.

[3] *Barber B. R., Battistoni R.* A Season of Service: Introducing Service Learning into the Liberal Arts Curriculum // PS: Political Science and Politics. 1993. Vol. 26. No. 2. P. 235–240.

[4] *Campbell D.E.* Social Capital and Service Learning // PS: Political Science and Politics. 2000. Vol. 33. No. 3. P. 641–645.

[5] *Gorham E.B.* National Service, Citizenship, and Political Education. Albany, 1992; *Youniss J., Yates M.* Community Service and Social Responsibility in Youth. Chicago, 1997.

[6] *Verba S., Scholozman K.L., Brady H.E.* Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics. Cambridge (MA), 1995.

[7] *Stolle D.* Bowling Together, Bowling Alone: the Development of Generalized Trust in Voluntary Associations // Political Psychology. 1998. Vol. 19. No. 3. P. 497–525.

[8] *Allen J.P., Kuperminc G., Philliber S., Herre K.* Programmatic Prevention of Adolescent Behavior Problems: the Role of Autonomy, Relatedness, and Volunteer Service in Teen Outreach Programs// American Journal of Community Psychology. 1964.

в хорошем состоянии[9], помогает людям найти рабочие места или улучшает качество их рабочих мест[10]. Индивиды, реализующие добровольческую деятельность, характеризуются динамичностью в области межличностного общения и социальной экстраверсией[11].

Несмотря на повсеместно признаваемую важность добровольчества, до сих пор ведется дискуссия о трактовке этого понятия. Содержание терминов «добровольческая деятельность», «доброволец» варьируется в разных странах и тесно связано с культурными и историческими традициями. Российское значение понятия добровольчества имеет определенную специфику, так же как британское и американское понятие volunteering, французское — voluntarian, итальянское — volontariato, шведское — frivillig verksamhet или немецкое — Ehrenamt имеют различное содержание и разное историческое и культурное значение[12].

Определения добровольчества акцентируют внимание на таких категориях, как «время», «труд» и «деятельность»:

- любая деятельность, в которой свободное время дано для того, чтобы принести пользу другому человеку, группе или организации[13];

Vol. 22. No. 5. P. 617–638; *Uggen C., Janikula J.* Volunteerism and Arrest in the Transition to Adulthood // Social Forces. 1999. Vol. 78. No. 1. P. 331–362.

[9] *Stephan P.* Relationships Among Market Work, Work Aspirations and Volunteering: The Case of Retired Women // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1991. Vol. 20. No. 2. P. 225–236; *Moen P., Dempster-McClain D., Williams R.* Successful Aging: A Factures Perspective on Women's Multiple Roles and Health // American Journal of Sociology. 1992. Vol. 97. No. 6. P. 1612–1638; *Musick M., Herzog A., House J.* Volunteering and Mortality among Older Adults: Findings from a National Sample // Journal of Gerontology. 1999. Vol. 54 (3). P. S173–S180.

[10] *Hodgkinson V., Weitzman M.* Giving and Volunteering in the United States. Washington (DC), 1996.

[11] *Азарова Е.С.* Психологические эффекты добровольческой деятельности // Наука и образование: Материалы VII Международной научной конференции (14–15 марта 2008 г.): в 4 ч. / Кемеровский государственный университет. Беловский институт (филиал). Белово, 2008. Ч. 4. С. 15–18.

[12] *Anheier H.K., Salamon L.M.* Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons // Law and Contemporary Problems. 1999. Vol. 62. No. 4. P. 43–65.

[13] *Wilson J.* Volunteering // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 215.

- время, отданное добровольно и бесплатно какой-либо организации, преследующей цель нести благо людям или борющейся за конкретное дело[14];
- жертвование времени на то, чтобы помочь другим людям, без получения оплаты в денежной форме[15];
- общественная совместная работа, которая приносит пользу участникам добровольчества, людям, на которых это добровольчество направлено, и обществу в целом[16];
- деятельность, осуществляемая людьми добровольно на безвозмездной основе и направленная на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества[17];
- труд, не предусматривающий оплаты в денежной форме или юридического обязательства, в интересах лиц, проживающих за пределами домашнего хозяйства самого добровольца[18].

Выделение ведущих качественных характеристик добровольческой деятельности позволило российским исследователям Е. Азаровой и М. Яницкому сформулировать наиболее функциональное определение. Добровольческая деятельность — это тип социально одобряемой и социально признаваемой деятельности, как разновидность бескорыстного общественного поведения, которое характеризуется нравственным и созидающим уровнем социальной активности, выраженной в любых общественно полезных мероприятиях с целью изменения окружающего мира и является одним из условий интеллектуального, личностного и деятельного

---

[14] *Gaskin K., Smith J.* A New Civic Europe? A Study of the Extent and Role of Volunteering. L., 1997.

[15] *Hodgkinson V. et al.* The Nonprofit Almanac. San Francisco, 1992. P. 619.

[16] *Nesbit R.* The Institutional Context of Volunteering: The Impact of Families, Paid Labor, State Policies, and Military Service. School of Public and Environmental Affairs Indiana University, 2008. P. 1.

[17] *Кудринская Л.А.* Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15.

[18] *Badelt C.* Ehrenamtliche Arbeit im Nonprofit Sektor // C. Badelt (Hrsg.). Handbuch der Nonprofit Organisationen. Strukturen und Management. Stuttgart, 1999. S. 433–462.

развития личности, определяя ее жизненную позицию как гуманистическую[19].

Расширительное толкование добровольческой деятельности дает Организация Объединенных Наций как «вклада, который частные лица вносят в виде деятельности, осуществляемой не на коммерческой основе, не за плату или ради перспективы карьерного роста, а в интересах благополучия своих соседей или общества в целом»[20].

Нами добровольчество определяется как деятельность, осуществляемая людьми добровольно на безвозмездной основе и в интересах организаций, групп и лиц, не являющихся членами их семей или их близкими родственниками.

Добровольческая деятельность имеет несколько характерных черт. Во-первых, добровольчество представляет собой труд и в этом смысле не является досугом. Во-вторых, оно не тождественно членству в добровольном объединении граждан. Убедительные аргументы в пользу этого приводятся в ряде работ[21]. В них указывается на то, что член добровольного объединения потребляет коллективные блага, которыми его снабжает организация, в то время как доброволец помогает произвести эти блага. В-третьих, существует четкое различие между ролями добровольцев и общественных активистов. Считается, что они привлекают разные типы людей. Распространенная точка зрения заключается в том,

---

[19] *Азарова Е.С., Яницкий М.С.* Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120.

[20] Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. Методологические исследования. Серия F. № 91 / Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Статистический отдел. Нью-Йорк, 2006. С. 292.

[21] *Cutler S., Danigelis N.* Organizational Contexts of Activity // Activity and Aging / J. Kelly (ed.). Newbury Park (CA), 1993. P. 150; *Gallagher S.* Older People Giving Care: Helping People and Community. Westport (CT), 1994. P. 20; *Payne B., Bull C.* The Older Volunteer: The Case for Interdependence // Social Bonds in Later Life: Aging and Interdependence / W. Peterson, J. Quadagno (eds.). Newbury Park (CA), 1993. P. 253.

что общественные активисты ориентируются на социальные изменения, в то время как добровольцы сосредоточены в большей степени на решении отдельных проблем[22]. В-четвертых, понятие «добровольческая деятельность», как правило, не относится к рынкам труда и оплачиваемому труду. Однако существует точка зрения, что людей, которые выбирают малооплачиваемую работу, потому что хотят делать добро, можно, по крайней мере, считать «квазидобровольцами»[23].

7.2. Формальное и неформальное добровольчество

Добровольчество принято подразделять на формальное и неформальное. Основное отличие заключается в том, что первое связано с деятельностью в какой-либо организации, а второе — нет.

Как показывают наши исследования, в России более развито неформальное добровольчество, чем формальное. Так, в ходе мегаопроса населения по технологии Георейтинга (ГУ ВШЭ и ФОМ, 2009. N = 41 500) респондентам был задан вопрос: «За последние 2–3 года Вы занимались, помимо своей основной деятельности, добровольной и безвозмездной работой на благо других людей (не членов семьи и не близких родственников)? Если занимались, то как часто?» (см. рис. 7.1). Около двух третей россиян отметили, что им не приходилось заниматься безвозмездной деятельностью (63%). Случалось работать на благо других людей трети опрошенных (33%). Из тех, кому приходилось работать безвозмездно, большая часть заявила, что делала это «редко, только несколько раз», примерно треть — часто, а седьмая часть — однократно.

Тех, кто практически не работал безвозмездно на благо других людей за последние годы, больше среди респондентов старшего

---

[22] *Markham W., Bonjean C.* Community Orientations of Higher-Status Women Volunteers // Social Forces. 1995. Vol. 73. P. 1556.

[23] *Smith D.* Altruism, Volunteers, and Volunteerism // Volunteerism in the Eighties / J. Harman (ed.). Washington (DC), 1982. P. 23–44.

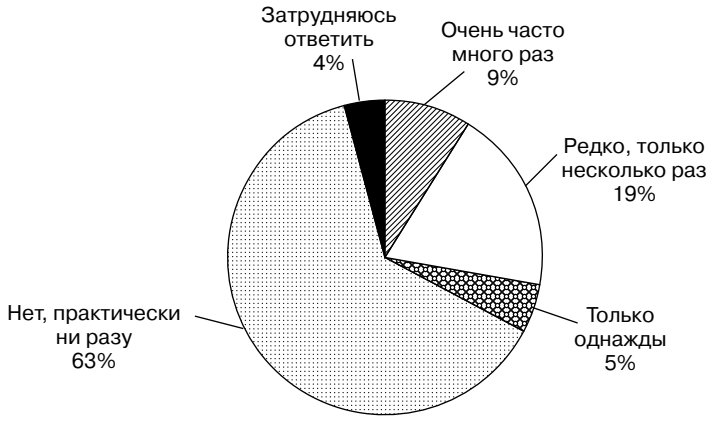


Рис. 7.1. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«За последние 2–3 года Вы занимались, помимо своей основной деятельности, добровольной и безвозмездной работой на благо других людей (не членов семьи и не близких родственников)? Если занимались, то как часто?»* (% опрошенных)

возраста (71% против 63% в среднем), с образованием ниже среднего (77%) и среди неработающих пенсионеров (71%). Кроме того, не участвующих в работе на благо других людей больше среди тех, кто не знает ни о каких НКО (71%), и среди тех, кто не доверяет никаким некоммерческим организациям (68%) и не хотел бы участвовать в деятельности какой-либо организации в ближайшие два-три года (73%).

О том, что они «очень часто, много раз» занимались безвозмездной деятельностью в пользу других людей, чаще прочих заявляют высокоресурсные респонденты: опрошенные с высшим образованием и с высоким доходом. Высокой добровольческой активностью отличаются те, кто больше вовлечены в деятельность общественных организаций. Так, о том, что они «очень часто, много раз» помогали другим, говорят 12% из тех, кто доверяют хотя бы одной НКО, и 18% тех, кто участвует хотя бы в одном общественном объединении (против 9% в среднем по выборке).

О редком участии в такой деятельности также часто говорят высокоресурсные респонденты, а также 23% ежедневной интернет-аудитории, и те, кто доверяют хотя бы одной НКО (24%), кто участвуют хотя бы в одном общественном объединении (29%).

Существует дифференциация вовлеченности россиян в добровольческую деятельность по регионам (см. рис. В.4 на вклейке). По-видимому, значимыми факторами различий являются как уровень урбанизации регионов, так и их социокультурные особенности. Доля практически не участвующих в безвозмездной работе на благо других людей больше среди жителей Уральского федерального округа (68% против 63% в среднем), чуть меньше эта доля в Северо-Западном (66%), Центральном и Сибирском округах (по 65%). Наименьших значений этот показатель достигает в Приволжском (62%), Южном и Дальневосточном округах (по 58%).

Среди регионов, население которых за последние 2–3 года занималось добровольной и безвозмездной работой на благо других людей (не членов семьи и не близких родственников) на первом месте Чеченская Республика — 64% респондентов этого субъекта федерации ответили на вопрос положительно. Также больше половины среди опрошенных подобным образом ответили жители Республики Тыва — 55%. Около половины респондентов в еще четырех субъектах Российской Федерации также были вовлечены в добровольчество в указанный период: в Курской области, Республике Северная Осетия, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Дагестан (49–51%). Чуть меньше половины участников опроса дали положительный ответ на этот вопрос в Республиках Ингушетии и Удмуртии (46–47%).

Значения выше среднего в интервале 39–44% показали десять регионов — Республики Адыгея, Башкортостан, Марий Эл, Калужская, Оренбургская, Магаданская и Брянская области, Республики Коми и Татарстан, а также Новгородская область (перечислены по мере убывания).

Средневзвешенное по России в целом по этому показателю составляет 33%. В интервал статистической погрешности (±5,5%) попадает большинство субъектов федерации. Значения существенно

ниже средневзвешенного по России у девяти субъектов федерации. Это Ставропольский край, Республика Калмыкия, Рязанская и Иркутская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, Свердловская, Воронежская и Ленинградская области и г. Санкт-Петербург (18–23%).

Отечественные и зарубежные социологи до сих пор находятся в поиске адекватной методологии, инструментария для изучения добровольческой активности людей. Еще в докладе Международной организации труда в мае 2001 г., подготовленном Г. Анхайером, Е. Холлервергер, К. Баделтом и Дж. Кендаллом, отмечалось, что «добровольческая деятельность отнюдь не является чем-то новым, однако достаточного количества эмпирических данных о ее масштабах и характере по-прежнему нет. Практически ни одна страна не собирает такие данные на регулярной и систематической основе. В большинстве случаев имеется набор различных исследований, посвященных конкретным аспектам добровольческой деятельности в различных отраслях экономики. Поскольку в обследованиях часто используются разные определения и методы изменения, возможность проведения сопоставлений представляется затруднительной. Соответственно предположения относительно тенденций в области добровольческой деятельности отличаются своим разнообразием и даже противоречивостью»[24]. Сегодня, через 9 лет, известно, что регулярные исследования волонтерского труда проводятся в США в рамках обследований рабочей силы, в Канаде, Австралии, Великобритании. Во многих странах проводятся нерегулярные исследования добровольческой активности населения. В России одно из первых исследований, посвященное составлению социального портрета российских добровольцев и выявлению отношения населения к добровольному труду, было

[24] Труд в некоммерческом секторе: формы, структуры и методологии // Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. Методологические исследования. Серия F. № 91 / Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Статистический отдел. Нью-Йорк, 2006. С. 304.

проведено только в 1999 г.[25] Оно было выполнено группой челябинских социологов при поддержке благотворительного фонда «Сопричастность» в Москве, Екатеринбурге и Челябинске. Однако до сих пор эмпирических данных о добровольческой активности россиян недостаточно. Единая методология исследования пока не выработана, что ведет к получению противоречивых оценок по показателям добровольческой активности. Данная проблема характерна не только для нашей страны. В названном выше докладе говорится о том, что оценки участия взрослого населения в добровольческой деятельности варьируются, например, в Германии от 13 до 38%[26].

В нашей стране эмпирически опробованы разные способы изучения добровольческой активности населения социологическими методами[27]. Выше было показано распределение ответов на альтернативный вопрос: «За последние 2–3 года Вы занимались, помимо своей основной деятельности, добровольной и безвозмездной работой на благо других людей (не членов семьи и не близких родственников)? Если занимались, то как часто?», который нацелен, хотя и не бесспорно, на выявление группы волонтеров среди населения. Также группу волонтеров можно идентифицировать посредством изучения вовлеченности людей в конкретные добровольческие практики. На рис. 7.2 отражены показатели, указывающие на вовлеченность россиян в отдельные виды данных практик. В целом 61% россиян принимали участие хотя бы в одном виде добровольческой активности за последний год, при этом 37% участвовали в одном или в двух видах деятельности, каждый 10-й — в трех, каждый 14-й — в четырех видах.

Что касается участия россиян в деятельности НКО в качестве добровольцев, то согласно данным всероссийского обследования

---

[25] *Синецкий С.Б.* Российские волонтеры: черты социального портрета // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 646–654.

[26] Труд в некоммерческом секторе: формы, структуры и методологии. С. 307.

[27] См.: *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М., 2009.

Рис. 7.2. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Что из перечисленного Вам приходилось безвозмездно делать за последний год для других людей (не членов семьи и не близких родственников)?»* (% опрошенных, допускался выбор любого числа вариантов ответа)

НКО[28], труд добровольцев в той или иной мере используют более 75% российских некоммерческих организаций. Общий уровень вовлеченности в добровольческую деятельность в некоммерческом секторе в 2008 г. составлял 3,02% численности экономически активного населения (3,2% числа занятых в экономике). Вовлеченность россиян в формальное добровольчество зависит от возраста, уровня образования, доходов и места жительства.

Данные мегаопроса населения по технологии Георейтинга (ГУ ВШЭ и ФОМ, 2009. N = 41 500) согласуются с названными результатами обследования НКО. Свое участие в НКО в качестве добровольцев декларировали 3% россиян. Характерно, что результаты этого исследования показывают отсутствие возможностей роста вовлеченности россиян в формальное добровольчество: также только 3% россиян выразили желание участвовать в деятельности каких-либо общественных объединений, гражданских инициатив, некоммерческих организаций в качестве добровольцев, т.е. работать в них безвозмездно, не получая денег за свой труд.

В среднем добровольцы работают в российских НКО 26 часов в месяц. В пересчете на полную занятость получается, что трудовые ресурсы добровольцев равны 0,42% численности экономически активного населения или 0,44% числа занятых в экономике. Таким образом, объем ресурсов добровольческого труда, задействованного в российских некоммерческих организациях, сопоставим с объемом трудовых ресурсов оплачиваемых сотрудников НКО. Можно дать и стоимостную оценку ресурсов труда добровольцев, участвующих в деятельности российских НКО: если бы труд добровольцев оплачивался так же, как труд наемных сотрудников НКО, то стоимость ресурсов доброволь-

---

[28] Всероссийское обследование НКО, проведенное Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета — Высшей школы экономики в 2009 г. Объем выборочной совокупности — 1000 НКО. Сбор эмпирической информации проведен компанией «МаркетАп».

ного труда в некоммерческом секторе составила бы 16,4 млрд руб. ежегодно.

7.3. Детерминанты добровольческой деятельности

Детерминанты добровольческой деятельности следует рассматривать в психологическом ракурсе, когда выделяется набор индивидуально-психологических характеристик личности, и в социологическом ракурсе, когда проводится конкретизация статусных характеристик и анализ влияния на добровольчество социальных институтов. С психологической точки зрения в качестве детерминант добровольческой деятельности выступает система таких индивидуальных характеристик личности, как: высокий уровень уверенности, интернальности, эмпатия и толерантность, самоконтроль и ответственность, альтруистическая и творческая направленность личности, высокий уровень самоактуализации и осмысленности жизни, наличие ценностей активной жизненной позиции и положительного отношения к людям[29].

Остановимся более подробно на анализе результатов предыдущих исследований, что позволит очертить круг статусных характеристик, продуктивных для решения задачи оценки вероятности участия населения в добровольчестве в разрезе отдельных групп, выдвинуть соответствующие гипотезы и конкретизировать влияние факторов институционального характера на участие людей в добровольческой деятельности.

Во-первых, это пол. Так, П. Деккер и А. Ван ден Брук установили, что женщин-волонтеров в США, Нидерландах, Италии больше, чем мужчин[30]. Однако другие исследователи этого вопроса, К. Гаскин и Дж. Смит не обнаружили существенных гендерных

---

[29] См. подробнее: *Азарова Е.С., Яницкий М.С.* Указ. соч.

[30] *Dekker P., Van Den Broek A.* Civil Society in Comparative Perspective: Involvement in Voluntary Associations in North America and Western Europe // Voluntas:

различий в добровольческой деятельности в десяти изучаемых ими европейских странах[31].

Результаты российских исследований в целом относят Россию к таким странам, в которых отсутствует заметная дифференциация между мужчинами и женщинами как участниками добровольческой деятельности. Согласно данным мегаопросов населения по технологии Георейтинга, проведенных в 2009 г. Государственным университетом — Высшей школой экономики и Фондом «Общественное мнение», 34,0% мужчин и 33,6% женщин сообщили, что за последние 2–3 года занимались, помимо своей основной деятельности, добровольной и безвозмездной работой на благо других людей.

Что касается формального добровольчества в России, т.е. добровольной деятельности в интересах какой-либо организации, то среди добровольцев НКО женщины в среднем по сектору составляют 53%[32], что соответствует статистическим данным по структуре населения России (44% мужчин и 56% женщин). Однако результаты исследований в отдельных городах и регионах показывают заметный перекос гендерной структуры добровольцев НКО в сторону женщин. Так, в результате исследования, проведенного в 1999 г. в трех российских городах, было показано, что «в российском третьем секторе (по крайней мере, в его неполитической и некультовой составляющей) преобладают женщины. В московских НКО их доля достигает трех четвертей, в уральских — двух третей общего количества участников»[33]. Аналогичные результаты были получены в исследованиях добровольцев в Омской области[34],

---

International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. Vol. 9. No. 1. P. 11–38.

[31] *Gaskin K., Smith J.D.* A New Civil Europe? A Study of the Extent and Role of Volunteering. L.: The National Center for Volunteering, 1997.

[32] *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М., 2007. С. 30.

[33] *Синецкий С.Б.* Указ. соч. С. 647.

[34] *Кудринская Л.А.* Указ. соч. С. 19.

в Республике Татарстан[35]. Обращаясь к исследованиям роли и места женщины в различных сферах и структурных подсистемах российского общества, авторы предполагают, что третий сектор является своего рода пространством моногендерной (и в этом смысле моноконкурентной) самореализации и одновременно клубом, обеспечивающим разноплановую (эмоциональную, политическую, материально-финансовую и др.) социальную поддержку его участников[36].

В литературе можно встретить много объяснений, почему женщины более склонны к добровольческому труду, чем мужчины. Женщины набирают более высокие очки на критериях альтруизма и сочувствия, больше ценят помощь другим[37], в большей степени чувствуют себя более виноватыми, когда они не проявляют сострадание в ожидаемой мере[38], и верят, что они, как и ожидается, будут заботиться о личных и эмоциональных потребностях других[39]. Многие женщины видят свою работу добровольца как расширение их ролей в качестве жены и матери, они привычны к неоплачиваемой работе по ведению домашнего хозяйства[40].

Дж. Уилсон выдвигал свои аргументы и утверждал, что несмотря на то что женщины более альтруистичны, такая предрасположенность не трансформируется в более высокие показатели участия в добровольчестве, потому что у мужчин, как правило,

---

[35] *Ларионова Т.П.* Социальные характеристики благотворительной деятельности в Татарстане // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 44.

[36] *Синецкий С.Б.* Указ. соч. С. 648.

[37] *Wilson J., Musick M.* Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. P. 694–713.

[38] *Flanagan C., Bowes J., Jonsson B., Csapo B., Sheblanova E.* Ties that Bind: Correlates of Adolescents' Civic Commitments in Seven Countries // Journal of Social Issues. 1998. Vol. 54. P. 457–475.

[39] *Daniels A.* Invisible Careers: Women Civic Leaders from the Volunteer World. Chicago, 1988.

[40] *Negrey C.* Gender, Time and Reduced Work. Albany, 1993. P. 93; *Taniguchi H.* Men's and Women's Volunteering: Gender Differences in the Effects of Employment and Family Characteristics // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2006. Vol. 35. No. 1. P. 83–101.

уровень образования выше, что является важным побудителем к добровольчеству[41]. Следовательно, возможно, что если бы у женщин был более высокий уровень образования, что очень тесно связано с женской занятостью, они бы принимали большее участие в добровольчестве. Однако в России женщины опережают мужчин по уровню образования, и разрыв в этой области, по прогнозам экспертов, будет расти. По-видимому, еще больше проявляются факторы занятости и семейного статуса в отношении женского добровольчества.

Во-вторых, это фактор возраста. По мере взросления, старения, т.е. с возрастом у человека могут формироваться его социальные роли, создавая новые возможности и налагая новые ограничения на участие в добровольческой деятельности. Исследователями замечено, что тяга к добровольчеству снижается во время перехода от юности к молодой взрослой жизни, когда связанная со школой деятельность уступает социальным свободам одинокой и бездетной жизни[42]. Добровольчество достигает своего пика, когда человек находится в среднем возрасте[43]. Исключение в этом случае — добровольчество, связанное с повышенным риском, которое привлекает главным образом молодых людей[44].

Теория рационального выбора предполагает усиление добровольческой активности в пенсионном возрасте, когда становится больше свободного времени. Теория обмена предполагает, что

---

[41] *Wilson J.* Op. cit. P. 227.

[42] Ibid. P. 226.

[43] *Herzog A., Kahn R., Morgan J.* Age Differences in Productive Activity // Journal of Gerontology. 1989. No. 4. P. S134; *Menchik P., Weisbrod B.* Volunteer Labor Supply // Journal of Public Economics. 1987. Vol. 32. P. 159–183; National Association of Secretaries of State. 1999. New Millenium Project — Phase 1: a. P. 23; *Schoenberg S.* Some Trends in the Community Participation of Women in their Neighborhoods. Signs. Vol. 5. No. 3. Supplement. Women and the American City (Spring, 1980). P. S261–S268.

[44] *Thompson A.* Volunteers and their Communities: A Comparative Analysis of Firefighters // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1993. Vol. 22. P. 155–166; *Wiltfang G., McAdam D.* The Costs and Risks of Social Activism: A Study of Sanctuary Movement Activists // Social Forces.1991. Vol. 69. P. 1005.

пенсионеров привлекает добровольчество, потому что оно позволяет заменить душевные и социальные выгоды (общение, связи), получаемые прежде на оплачиваемой работе, на другие[45].

Среди российских добровольцев, тех, кто за последние 2–3 года занимались, помимо своей основной деятельности, добровольной и безвозмездной работой на благо других людей, представители разных возрастных групп распределены следующим образом: в группе 18–30-летних таковых 33%, 31–45-летних — 37%, 46–60-летних — 35% и в группе от 61 года и старше — 24%[46]. Таким образом, наши данные подтверждают наблюдения зарубежных коллег о том, что добровольчество достигает своего пика в среднем возрасте. Что касается формального добровольчества, то согласно данным проведенного нами всероссийского обследования НКО 2007 г., доля добровольцев в возрасте до 25 лет и в возрасте старше 60 лет составляла 22 и 23% соответственно[47]. Результаты Георейтинга 2009 г. также свидетельствуют об отсутствии возрастной дифференциации среди тех, кто участвует в деятельности НКО в качестве добровольцев. Однако С. Синецкий в ходе своего исследования, проведенного в 1999 г., заметил, что доля активистов НКО, относящихся к старшим возрастным группам (старше 50 лет), заметно выше, а численность наиболее дееспособных возрастных групп, наоборот, несколько ниже, чем в среднем по населению[48]. Это он объяснил невысоким статусом общественной деятельности в нашей стране.

---

[45] *Fischer K., Rapkin B., Rappaport J.* Gender and Work History in the Placement and Perception of Elder Community Volunteers // Psychology of Women Quarterly. 1991. Vol. 15. P. 262; *Midlarsky E., Kahana E.* Altruism in Later Life. Thousand Oaks (CA), 1994. P. 53.

[46] Согласно данным мегаопросов населения по технологии Георейтинга, проведенных в 2009 г. Государственным университетом — Высшей школой экономики и Фондом «Общественное мнение». Общий объем выборки — 41 500 респондентов, в том числе по каждому субъекту Российской Федерации — 500 человек.

[47] *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Негосударственные некоммерческие организации... С. 30.

[48] *Синецкий С.Б.* Указ. соч. С. 648.

Дж. Уилсон предлагает следующее объяснение связи возраста и вовлеченности в добровольчество[49]. Поскольку люди переходят от молодой взрослой жизни к среднему возрасту, они переходят от деятельности, ориентированной на себя и карьеру, к общественно-ориентированной работе. Когда же они переходят в когорту старшего возраста, их интересы связаны уже не с молодежью, политическими и этническими группами. Они обращаются к обслуживающим организациям, оздоровительным клубам и агентствам, чтобы помочь пожилым людям. В некоторой степени эти перемещения можно объяснить в духе теории обмена, имея в виду то, что люди занимаются работой, от которой они могли бы однажды получить пользу. Однако изменение ценностей в течение жизненного пути предлагает лучшее объяснение того, почему добровольчество в религиозном контексте с возрастом становится более популярным в ходе взросления людей и почему религиозность становится более сильным фактором влияния на добровольчество.

В-третьих, это фактор образования. Образование способствует развитию добровольчества, потому что оно усиливает осведомленность о проблемах, увеличивает эмпатию и создает основу для уверенности в себе[50]. К тому же образованных людей с большей вероятностью будут привлекать к занятию добровольчеством[51].

Результаты исследований в России подтверждают, что вовлеченность людей в добровольчество усиливается по мере роста образовательного уровня. Среди тех, кто имеет образование ниже среднего, лишь каждый пятый вовлечен в неформальное добровольчество (19%), а среди людей с высшим образованием таковых уже 40%. Среди наших сограждан с общим средним образованием

---

[49] *Wilson J.* Op. cit. P. 227.

[50] *Brady H., Verba S., Schlozman K.L.* Beyond SES: A Resource Model of Political Participation // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. P. 285; *Rosenthal S., Feiring C., Lewis M.* Political Volunteering from Late Adolescence to Young Adulthood: Patterns and Predictions // Journal of Social Issues. 1998. Vol. 54. P. 480.

[51] *Brady H., Schlozman K.L., Verba S.* Prospecting for Participants: Rational Expectations and the Recruitment of Political Activists // American Political Science Review. 1999. Vol. 93. P. 153–169.

и со средним специальным образованием участники неформального добровольчества составляют 31 и 34% соответственно. Среди тех, кто декларирует свое участие в НКО в качестве добровольцев, также повышается образовательный уровень от 1% (респонденты с образованием ниже среднего) до 5% (люди с высшим образованием).

Однако важность образования варьируется в зависимости от вида добровольческой работы. Например, важность образования напрямую связана с политическим добровольчеством и с добровольчеством в борьбе со СПИДом, но вообще не связана с неформальной работой в местном сообществе[52]. Важность образования также возрастает, если выполнение поставленной задачи требует грамматических навыков, а не навыков общения[53]. В некоторых случаях между образованием и добровольчеством существует нелинейная зависимость: более вероятно, что добровольцы-пожарники окончили среднюю школу, по сравнению с другими членами их местного сообщества, и менее вероятно, что имеют диплом об окончании вуза[54].

В-четвертых — тип населенного пункта. В литературе встречаются противоречивые мнения относительно влияния места жительства человека на добровольческую активность. Американский исследователь Д. Смит полагает, что города менее благоприятны для добровольчества[55]. Однако это не подтверждают результаты национальных исследований в США[56]. Результаты наших всероссийских опросов населения показывают наличие связи между до-

---

[52] *Omoto A., Snyder M.* Sustained Helping without Obligation: Motivation, Longevity of Service and Perceived Attitude Change among AIDS Volunteers // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 68. P. 671–686.

[53] *Okun M., Eisenberg N.* A Comparison of Office and Adult Day-Care Center Older Volunteers // International Journal of Aging and Human Development. 1992. Vol. 35. P. 219–233.

[54] *Thompson A.* Volunteers and their Communities...

[55] *Smith D.* Determinants of Voluntary Association Participation and Volunteering // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1994. Vol. 23. P. 243–263.

[56] *Hodgkinson V., Weitzman M.* Giving and Volunteering in the United States. Washington (DC), 1996. P. D153.

бровольческой активностью и типом места жительства россиян: в крупных городах люди больше участвуют в добровольчестве, чем жители малых городов и сельской местности[57].

В качестве дополнительных переменных, продуктивных для формирования модели прогнозирования участия россиян в добровольческой деятельности, целесообразно выбрать семейное положение, характер занятости (работает человек или безработный), должностную позицию и материальное положение[58].

В большинстве исследований, в которых анализируется воздействие фактора семьи на добровольчество, обычно упор делается на влияние семейного положения, количества детей или на процесс социализации детей под влиянием родителей. Имеющие семью люди чаще становятся волонтерами, чем одинокие[59]. Однако когда добровольцами являются одинокие люди без детей, они посвящают этому труду больше времени, чем имеющие семью[60]. Исследователи также задавались вопросом, влияет ли добровольчество супруга(и) на собственное добровольчество. Существует две основные теории, объясняющие добровольческую активность супругов. В соответствии с теорией замещения считается, что супру-

---

[57] *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России... С. 107.

[58] В массиве данных наших мегаопросов населения по технологии Георейтинга (2009) с помощью критерия хи-квадрат Пирсона была выявлена связь между номинальной переменной, отражающей участие россиян в добровольческой деятельности («За последние 2–3 года Вы занимались, помимо своей основной деятельности, добровольной и безвозмездной работой на благо других людей (не членов семьи и не близких родственников)? Если занимались, то как часто?»), имеющей градации «очень часто, много раз», «редко, только несколько раз», «только однажды», «нет, практически ни разу» и «затрудняюсь ответить», и переменными «возраст», «уровень образования», «тип населенного пункта», «семейное положение», «материальное положение (самооценка)», «статус занятости», «должностная позиция». Аналогичная связь с переменной «пол» отсутствовала.

[59] *Boraas S.* Volunteerism in the United States // Monthly Labor Review. 2003. No. 126 (8). P. 3–11; *Hayghe H.V.* Volunteers in the U.S.: Who Donates the Time? // Monthly Labor Review. 1991. No. 114 (2). P. 17–23.

[60] *Sundeen R.A.* Family Life Course Status and Volunteer Behavior // Sociological Perspectives. 1990. Vol. 33. P. 483–500.

ги будут попеременно меняться в добровольчестве. Добровольчество жены дополняет добровольчество ее супруга; если его время, посвященное добровольчеству, возрастает, то и ее тоже увеличивается. Добровольчество мужа замещает добровольчество жены: если ее количество часов занятий добровольчеством увеличивается, то его — уменьшается[61]. Комплементарная теория гласит о том, что добровольчество одного из супругов будет непосредственного связано с общественной деятельностью другого. Последняя теория подтверждена эмпирическими исследованиями. Человек, скорее всего, станет волонтером, если супруг уже занимается добровольчеством[62]. Используя математические модели, Т. Ротоло и Дж. Уилсон также установили наличие комплементарности в супружеском добровольчестве и обнаружили, что влияние жены на добровольчество мужа сильнее, чем в обратном случае[63].

Женатые люди с детьми чаще становятся добровольцами, чем не имеющие детей[64]. Одной из причин этого является то, что дети открывают для своих родителей достаточно много добровольческих возможностей в учреждениях, в которых они занимаются. Однако влияние детей на добровольчество зависит и от других факторов, таких как возраст детей, их количество и статус занятости родителей. Например, родители с маленькими детьми тратят меньше времени на добровольчество, чем родители с детьми постарше[65]. Это происходит из-за того, что на заботу о маленьких детях родители тратят времени больше, чем на более взрослых, и когда дети идут детский

---

[61] *Segal L.* Four Essays on the Supply of Volunteer Labor and Econometrics. Unpublished doc. diss. Northwestern Univ. Evanston (Ill.), 1993. P. 100.

[62] *Freeman R.B.* Working for Nothing: The Supply of Volunteer Labor // Journal of Labor Economics. 1997. Vol. 15. No. 1. P. S140–S166.

[63] *Rotolo T., Wilson J.* Substitute or Complement? Spousal Influence on Volunteering // Journal of Marriage and the Family. 2006. Vol. 68. P. 305–319.

[64] *Boraas S.* Op. cit.; *Hayghe H.V.* Op. cit.

[65] *Menchik P.L., Weisbrod B.A.* Volunteer Labor Supply // Journal of Public Economics. 1987. Vol. 32. P. 159–183; *Schlozman K.L., Burns N., Verba S.* Gender and the Pathways to Participation: The Role of Resources // Journal of Politics. 1994. Vol. 56. P. 963–990.

сад, в школу, у родителей появляется больше свободного времени. Они больше вовлекаются в деятельность самих детских образовательных учреждений на добровольных началах. С ростом числа детей в семье вероятность занятия добровольчеством возрастает, но при этом уменьшается количество часов, затраченных на это[66].

Долгое время предполагалось, что добровольцы — это главным образом женщины, имеющие свободное время, и как следствие, оплаченная занятость и добровольчество — понятия несовместимые. Конкурирующая гипотеза заключается в том, что работа — это форма социальной интеграции и средство приобретения гражданских навыков, которые увеличивают возможности для занятия добровольчеством.

Теория ролевой перегрузки предполагает отрицательную взаимосвязь между оплаченными рабочими часами и часами для занятия добровольчеством[67]. Временные ограничения имеют значение для людей, имеющих работу, потому что добровольцев больше среди работников, занятых неполный трудовой день, чем среди работников с полной занятостью[68]. Однако взаимосвязь между оплаченной работой и работой волонтера осложняется и другими фактами. Самый низкий уровень добровольчества среди тех, кто не работает вообще, — среди безработных и домохозяек[69]. Это подтверждается нашими результатами, полученными в ходе мегаопросов населения по технологии Георейтинга (2009). Так, если среди работающих и студентов свою вовлеченность в добровольчество декларировали 36 и 35% респондентов соответственно, то среди пенсионеров таковых 26% и среди безработных — 31%.

---

[66] *Carlin P.S.* Evidence on the Volunteer Labor Supply of Married Women // Southern Economic Journal. 2001. Vol. 67. No. 4. P. 801–824.

[67] *Markham W., Bonjean C.* Employment Status and the Attitudes and Behavior of Higher Status Women Volunteers, 1975 and 1992 // Sex Roles. 1996. Vol. 34. P. 695–717.

[68] *Wilson J.* Op. cit. P. 220.

[69] *Stubbings P., Humble S.* Voluntary Work, Unemployment and the Labor Market in Britain // Voluntary Work and Unemployment Study in the Countries of the European Communities. L., 1984. P. 27.

Получение оплачиваемой работы может повысить уверенность в себе и научить организационным навыкам[70]. Среди женщин отмечается более сильное (положительное) влияние занятости на их участие в добровольчестве, чем среди мужчин[71]. Работающие на собственном предприятии и люди с гибким графиком работы более вероятно станут добровольцами[72].

Что касается влияния дохода и должностной позиции человека на его занятие добровольчеством, то здесь отмечаются исследователями следующие эмпирические факты. Сторонники теории рационального выбора предполагают, что количество времени, посвященное добровольной работе, обратно пропорционально зависит от заработной платы человека, потому что альтернативные издержки повышаются с ростом заработной платы. Однако в литературе встречаются противоречивые суждения на этот счет. Они были подытожены Дж. Уилсоном следующим образом: хотя в итоге результаты исследований отрицают точку зрения, что увеличение дохода снижает часы занятия добровольчеством, результирующее влияние дохода на добровольчество изменяется в зависимости от того, как измерены доход и добровольчество, и какие другие параметры включаются в эту модель[73].

По мере повышения профессионального статуса растут возможности заниматься добровольчеством[74]. Люди, занимающие самоуправляемые должности, высоко ценящие независимость, возможность принятия решений, сложность и разнообразие работы,

---

[70] *Brady H., Verba S., Schlozman K.L.* Op. cit. P. 269–295; *Schoenberg S.* Op. cit. P. S264.

[71] *Gerstel N., Gallagher S.* Caring for Kith and Kin: Gender, Employment, and the Privatization of Care // Social Problems. 1994. Vol. 41. P. 526.

[72] *Freeman R.B.* Op. cit. P. S156; *Thompson A.* Volunteers and their Communities...; *Thompson A.* Rural Emergency Volunteers and their Communities, a Demographic Comparison // Journal of Community Health. 1993. Vol. 18. P. 379–393.

[73] *Wilson J.* Op. cit. P. 222.

[74] *Smith D.* Op. cit. P. 243–263; *Stubbings P., Humble S.* Op. cit. P. 12; *Wilson J., Musick M.* Work and Volunteering: The Long Arm of the Job// Social Forces. 1997. Vol. 76. P. 251–272.

являются добровольцами для более широкого диапазона действий, чем простые работники[75].

Гипотеза о росте добровольчества по мере повышения статуса занятости подтверждается и данными проведенных нами исследований[76]. Так, в ходе опроса наемным работникам и респондентам, которые занимаются предпринимательской или индивидуальной трудовой деятельностью, был задан вопрос: «Если бы Вы потеряли работу, стали бы Вы принимать участие в деятельности общественных организаций в качестве добровольца, выполняя свою работу на безвозмездной основе в интересах других людей, оказывая бесплатно свои профессиональные услуги?» Большинство респондентов группы дали отрицательный ответ. Только 12% выразили готовность принимать участие в деятельности общественных организаций в качестве добровольцев[77]. Примерно пятая часть наемных работников затруднилась ответить на этот вопрос. Готовность оказывать свои профессиональные услуги бесплатно в общественных организациях чаще всего изъявляли респонденты, занимающие руководящие позиции, а реже — служащие и рабочие. Таким образом, чем ниже статус группы работающих, тем реже среди них встречаются люди с такой установкой. Также приведенные данные свидетельствуют о том, что добровольчество пока не является в нашей стране формой адаптивного поведения в кризисной ситуации, связанной с потерей работы.

7.4. Перспективы участия россиян в добровольчестве

Для математической оценки вероятности участия россиян в добровольчестве были выбраны социально-демографические характеристики. С помощью методов нелинейного регрессионного

---

[75] *Wilson J., Musick M.* Op. cit.

[76] Всероссийский репрезентативный опрос населения, проведенный совместно с Фондом «Общественное мнение» в 2009 г. (N = 2000).

[77] По выборке в целом эта доля составляет 7%.

анализа были оценены вероятности участия в добровольческой деятельности различных групп респондентов и построены прогнозы (в математическом смысле) участия (или неучастия) в добровольческой деятельности для всех категорий респондентов, описываемых переменными «возраст», «образование» и «тип населенного пункта»[78]. Согласно построенным прогнозам, участие в добровольчестве характерно для людей с образованием не ниже среднего специального, для представителей средней возрастной группы (36–54 лет) и для жителей крупнейших городов. Примеча-

---

[78] Значимость рассмотренной модели в целом подтверждается критерием отношения правдоподобия, статистика которого показывает изменение логарифмической функции правдоподобия тривиальной модели по сравнению с построенной моделью. Уровень значимости этого критерия для выбранной модели меньше 0,001, что говорит о значимости данной модели.

На значимость отдельной переменной, включенной в модель, указывает значимое различие между логарифмическими функциями правдоподобия усеченной и окончательной моделей. Под усеченной понимают модель, из которой исключена соответствующая переменная. Уровни значимости соответствующих критериев для переменных «возраст», «образование» и «тип населенного пункта» оказались не выше 0,002, поэтому можно утверждать, что каждая из этих переменных значимо улучшает прогноз участия респондента в добровольчестве.

Показателем качества выбранной модели служит процент верно предсказанных ответов, который в нашем случае составляет 58,7. Относительно невысокое значение этого показателя объясняется тем, что не все переменные, значимо влияющие на участие респондента в добровольчестве, были включены в модель. Например, добавление в модель переменной, описывающей регион проживания респондента, увеличивает процент правильно предсказанных ответов до 59,6%.

Степень согласованности экспериментальных и модельных данных можно характеризовать статистикой Пирсона и *D*-статистикой. Эти статистики указывают на расхождение между наблюдаемыми частотами и ожидаемыми частотами, рассчитанными на основе выбранной модели. Вычисленное значение статистики Пирсона соответствует уровню значимости 0,514, а *D*-статистики — уровню 0,415. Это говорит о том, что расхождение экспериментальных и модельных данных не является значимым.

Авторы выражают благодарность канд. физ.-мат. наук Е.Р. Горяиновой за полезные идеи относительно математического анализа данных и выполненные расчеты.

телен тот факт, что малообразованные категории граждан – люди с образованием ниже среднего — вообще не попали в категорию тех, кто, согласно прогнозу, будет участвовать в добровольческой деятельности. В табл. 7.1 отражены группы граждан, сформированные на основе изучаемых статусных характеристик, вероятность участия в добровольчестве которых наиболее высокая (выше 0,5).

Если суммировать, то представительство отдельных социально-демографических групп как участников добровольчества можно конкретизировать следующим образом. Наиболее вероятно участие в добровольчестве:

- жителей крупнейших городов в возрасте от 36 до 54 лет независимо от уровня образования, в возрасте 18–35 лет с образованием не ниже среднего общего и в возрасте 55 лет и старше со средним специальным или высшим образованием;
- жителей больших и крупных городов со средним специальным образованием в возрасте 36 лет и выше;
- жителей средних и малых городов с общим средним образованием в возрасте 36–54 лет, со средним специальным образованием в возрасте 18–54 лет, а также для людей с высшим образованием всех возрастных категорий;

Таблица 7.1

Группы взрослого населения РФ с наиболее высокой вероятностью участия в добровольческой деятельности (в зависимости от возраста, образования и места жительства)

Возраст, лет	Образование			
	ниже среднего	общее среднее	среднее специальное	высшее
18–35	A	A	A/C/D	A/C/D
36–54		A/C	A/B/C/D	A/C/D
55 и старше			A/B	A/C

Обозначения: A — жители крупнейших городов (более 500 тыс. человек, кроме Москвы и Санкт-Петербурга); B — жители больших и крупных городов (100–500 тыс. человек); C — жители средних и малых городов (менее 100 тыс. человек); D — жители сельской местности.

- жителей села в возрасте от 18 до 54 лет с образованием не ниже среднего специального.

Статусные характеристики являются важными, но не единственными детерминантами участия россиян в добровольческой деятельности. Следует учитывать влияние институциональной среды человека на добровольчество. В данном случае речь идет о влиянии таких институтов, как образование, семья, церковь, армия, рынок труда, политика государства в сфере добровольческой активности граждан. Например, помимо родителей, молодые люди узнают о добровольческой деятельности в школах, вузах и других учебных заведениях. Дети, которые участвуют в добровольческой деятельности в период их обучения в школе, развивают больше просоциальных установок, вероятнее всего, будут продолжать заниматься добровольчеством в студенческие годы и позднее в их взрослой жизни[79]. Волонтеры из числа школьников и студентов становятся «позитивным большинством», положительным примером для остальной молодежи. Добровольчество можно рассматривать как инструмент самовоспитания личности старшеклассника. В процессе занятия добровольческой деятельностью старшеклассники обретают такие качества, как высокий уровень социальной и трудовой мобильности, способность к инновациям, творчеству, креативности и многое другое[80].

Образование является институтом, который может помочь компенсировать статусные погрешности через предоставление учащимся знаний о возможностях добровольчества, большего количества ресурсов, необходимых для того, чтобы стать добровольцем, и возникновение более сильного желания быть вовлеченным в общественную деятельность. Школы и просветительская поли-

---

[79] *Astin A.* What Matters in College? San Francisco, 1993; *Damico A., Damico S., Conway M.* The Democratic Education of Women: High School and Beyond // Women&Politics. 1993. Vol. 93. P. 1–31.

[80] *Кириллова Л.С.* Добровольчество как инструмент самовоспитания личности старшеклассника // Сб. научных трудов СевКавГТУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. № 5. С. 1. См.: http://science.ncstu.ru/articles/hs/2007_05/social.

тика могут так же как и семья влиять на добровольчество молодежи двумя основными путями — через передачу статуса и через обобществление[81]. В случае учебных заведений студенты, которые хорошо учатся, получают ресурсы, навыки и уровень образования, которые в дальнейшем дадут им возможность получить работу. При этом данная работа принесет высокий статус, доход и общественное положение, которые приведут к более сильному увлечению добровольчеством. В теории обобществления говорится о том, что учебные заведения могут переносить на студентов нормы и ценности демократического общества, которые акцентируют внимание на гражданской ответственности и участии в общественной деятельности. Зарубежные исследования показывают, что участие в общественных работах может оказывать положительное влияние на студентов, в основном с точки зрения их ощущения гражданственности, социальной ответственности и политической значимости[82].

Есть много причин того, почему знание о наличии у людей определенных ценностей не дает возможности прогнозировать занятие ими добровольчеством с большой вероятностью[83]. Во-первых, добровольчество принимает много форм, каждая из которых наполнена различным набором ценностей. Слишком обобщенные ценностные ориентации не в состоянии учесть этот разброс. Во-вторых, разным группам населения присущи различные ценности относительно одной и той же работы волонтером.

---

[81] *Kerckhoff A.C.* The Status Attainment Process: Socialization or Allocation? // Social Forces. 1976. Vol. 55. No. 2. P. 368–381.

[82] *Alt M.N., Medrich E.A.* Student Outcomes from Participation in Community Service. Berkeley (CA), 1994; *Ambrose S.E.* Citizen Soldiers: The U.S. Army from the Normandy Beaches to the Bulge to the Surrender of Germany. N.Y., 1997; *Markus G., Howard J., King D.* Integrating Community Service and Classroom Instruction Enhances Learning: Results from an Experiment // Educational Evaluation and Policy Analysis. 1993. Vol. 15. No. 4. P. 410–419; *Morgan W., Streb M.* Building Citizenship: How Student Voice in Service-Learning Develops Civic Values // Social Science Quarterly. 2001. Vol. 82. No. 1. P. 154–169.

[83] *Wilson J.* Op. cit. P. 219.

Например, некоторые религиозные верования поощряют помощь пострадавшим от СПИДа, несовершеннолетним матерям, в то время как другие — препятствуют этому. В-третьих, ценности не являются эффективной внешней поддержкой в сообществах, где существуют принудительные нормы. Как правило, знания о ценностях в меньшей степени помогают при выяснении вопроса, кто является волонтером, чем при выяснении вопроса, что означает добровольчество для людей, которые его осуществляют: члены консервативных религиозных вероисповеданий в Соединенных Штатах думают о работе добровольца с точки зрения жертвы, либералы думают об этом с точки зрения самосовершенствования.

Наши исследования дают самые общие представления о ценностных ориентациях людей, склонных к добровольческой деятельности. С большей вероятностью добровольцами станут те, для кого одновременно важно делать что-то полезное для других, жить в достатке, чувствовать, что их знания, навыки и способности востребованы. При этом связь добровольческой деятельности с другими ценностными ориентациями, такими как регулярное общение с людьми, влияние на принятие решений — вообще не была обнаружена.

Также занятие добровольческой деятельностью находится в зависимости от таких показателей качества жизни россиян, как удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью в целом. При этом показатели удовлетворенности своей жизнью в целом находятся у россиян в зоне высоких значений: 70% демонстрируют позитивное эмоционально-психологическое восприятие своей жизни, негативное же — четверть опрошенных (26%). На удовлетворенность жизнью заметно влияет удовлетворенность уровнем доходов: те респонденты, которых устраивают доходы, чаще говорят о том, что довольны жизнью в целом. Но больший интерес представляет тот факт, что невысокое материальное положение не оказывает решающего влияния на социальное самочувствие людей: практически две трети не удовлетворенных своими доходами (63%) все-таки довольны жизнью. Исследование показало, что на неудовлетворенность в целом в большей мере влияет недовольство

семьей и друзьями. Иными словами, проблемы человека, связанные с отношениями в ближайшем окружении, чаще заставляют людей считать себя неудачниками, испытывать неудовлетворенность жизнью в целом, нежели материальные неурядицы. Следовательно, на занятие людей добровольчеством непосредственно влияют отношения с ближайшим окружением, удовлетворенность человека этой стороной своей жизни.

Таким образом, для определения перспектив участия россиян в добровольческой деятельности принципиально важное значение имеет понимание этой практики в контексте качества жизни населения, структурных характеристик общества и влияние институциональной среды человека на его занятие добровольчеством.

Глава 8

Самоорганизация по месту жительства как сфера реализации благотворительной деятельности россиян

Благотворительная деятельность реализуется в различных сферах социальной жизни — в образовании, охране здоровья и медицине, охране природы и экологии, помощи социально уязвимым слоям населения, в сфере физкультуры и спорта, культуры и искусства, научных исследований и многих других. Существуют сферы, наиболее близкие к повседневной жизни людей, непосредственно связанные с реализацией интересов территорий их проживания и формирующие фундамент их качества жизни. В них благотворительная деятельность реализуется на уровне системы самоорганизации граждан по месту жительства. Базовым институтом этой системы является территориальное общественное самоуправление (ТОС).

8.1. Территориальное общественное самоуправление как социальный институт и сфера реализации интересов населения

Территориальное общественное самоуправление представляет собой комплекс формальных и неформальных принципов, норм, правил, обусловливающих и регулирующих деятельность населения по самостоятельному и под свою ответственность осуществлению собственных инициатив по вопросам местного значения. ТОС прошло длительный путь институционализации

и в нынешнем виде существует с середины 1990-х годов. Весь последующий период ТОС пребывал в состоянии постоянного изменения, объясняющегося как логикой внутреннего развития самого территориального общественного самоуправления, так и влиянием внешних факторов, среди которых можно выделить шесть ключевых. *Политический фактор* представляет собой политику государства относительно участия населения в местном самоуправлении, политику муниципалитетов относительно содействия развитию общественных инициатив, создания благоприятных условий для участия населения в решении вопросов местного значения. *Экономический фактор* заключается в степени развития форм материального взаимодействия ТОС и органов власти (государственные или муниципальные заказы, субсидии), практик ведения ТОС собственной хозяйственной деятельности. *Правовой фактор* подразумевает создание юридических условий для деятельности ТОС на всех уровнях нормативного правого регулирования рассматриваемого института. *Коммуникативный фактор* характеризует среду взаимодействий территориального общественного самоуправления с другими социальными институтами (органами местного самоуправления и органами государственной власти, бизнес-организациями, негосударственными некоммерческими организациями, институциональными благотворителями). *Образовательный фактор* включает в себя подготовку и переподготовку кадров ТОС, систему гражданского образования в этой сфере. И наконец, *идеологический фактор* подразумевает формирование положительных установок населения на участие в решении вопросов местного значения посредством различных инструментов.

В СССР на местном уровне функционировали особые общественные формирования, не являющиеся, по существу, общественными организациями. Однако, будучи максимально приближенными к повседневной жизни, они определялись в качестве элементов системы социалистического самоуправления народа. В середине 1970-х годов эти институции получили название ор-

ганов общественной самодеятельности. Их спектр был широк и включал сельские, уличные, квартальные и домовые комитеты, родительские комитеты, женские советы, советы при медицинских и культурно-просветительских учреждениях, добровольные народные дружины по охране общественного порядка.

Можно выделить несколько различий между органами общественной самодеятельности и другими общественными структурами[1]. Во-первых, рассматриваемые органы непосредственно представляли отдельные коллективы граждан по месту жительства или работы. Представительный и выборный характер отличал их от общественных организаций, состав которых формализован членством. Во-вторых, органы общественной самодеятельности являлись формой выражения самоуправления определенных групп населения, поэтому их можно характеризовать как органы общественного самоуправления. В отличие от внештатных отделов и управлений исполкомов, составляющих структурные подразделения органов государственного управления, органы общественной самодеятельности существовали самостоятельно вне системы государственного управления. В-третьих, рассматриваемые органы не представляли собой единой централизованной системы, их деятельность носила локальный характер. В-четвертых, в отличие от общественных организаций, статус которых определяется как правовыми, так и внутриорганизационными (уставами, положениями) нормативными актами, статус органов общественной самодеятельности определялся только нормативными правовыми актами.

К 1985 г. в стране функционировало 652,7 тыс. уличных, квартальных, домовых, сельских и поселковых комитетов с числом участников 3382 тыс. человек; 390,1 тыс. родительских комитетов школ и детских учреждений, советов при культурно-просветительских и медицинских учреждениях, в которых

[1] Органы общественной самодеятельности как форма социалистической демократии. Опыт СССР и ГДР / отв. ред. А.И. Щиглик. М., 1988. С. 9–12.

участвовало 3049,1 тыс. человек; 850,6 тыс. добровольных народных дружин, товарищеских судов, добровольных пожарных дружин, охватывающих 18786,1 тыс. человек[2].

Несмотря на социальный эффект и широту выполняемых функций, органы общественный самодеятельности находились под партийным контролем и жестким руководством местных Советов народных депутатов и их исполкомов. Им были присущи недостатки, которые характеризовали и другие общественные формирования советского времени, — пассивность рядовых участников, формализм, заорганизованность.

Моментом «рождения» комитетов ТОС нового образца считается лето 1988 г., местом — микрорайон Братеево г. Москвы. В нем произошли массовые экологические выступления, когда жители протестовали против строительства промышленной зоны в пойме р. Городня. Братеевцами были выставлены пикеты, перекрывшие путь строителям промышленной зоны, зашумели митинги. В завершение, как говорилось в СМИ, уже осенью был создан новый общественный орган — Комитет общественного самоуправления микрорайона, который разработал проект создания зоны отдыха на месте предполагаемых промышленных объектов. Комитет вывел тысячи людей на субботники по благоустройству микрорайона и воплощению в жизнь «зеленой» идеи[3].

Продолжительная история существования территориального общественного самоуправления в нашей стране до сих пор остается малоизученной, нет единых теоретических подходов к объяснению природы ТОС. В настоящее время имеются только отдельные примеры определения теоретико-методологической основы социологического анализа территориального самоуправления —

---

[2] Некоторые вопросы организационной работы местных Советов народных депутатов в 1985 году: стат. сб. / Отдел по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1986. С. 51.

[3] *Левчик Д.А.* Комитеты общественного самоуправления в России (1988–1993). М., 2000. С. 16.

с помощью теории институциональных матриц[4], миросистемного подхода и марксистской концепции[5].

ТОС как предмет исследований представляет интерес для многих дисциплин. Оно анализируется с позиций социологии[6], политологии[7], истории[8], философии[9]. Юристы первыми стали уделять

---

[4] *Татаркина Ю.Н.* Проблема становления социального института территориального общественного самоуправления // Управление качеством образования, продукции и окружающей среды: материалы Третьей межрегиональной научно-практической конференции (Бийск, 29–30 июня 2005 г.). Бийск, 2005. С. 185–187.

[5] *Левчик Д.А.* Указ. соч.

[6] См., напр.: *Мерсиянова И.В.* ТОС в городах Сибири: опыт социологического анализа // Роль территориального общественного самоуправления в жизнедеятельности местных сообществ: сб. материалов / сост. З.В. Тикунова, Т.В. Михеева. Омск, 2004. С. 24–41; *Мерсиянова И.В.* Территориальное общественное самоуправление в социологической перспективе // Городское управление. 2003. № 12. С. 82–89; 2004. № 1. С. 85–94; *Мерсиянова И.В.* Добровольные объединения граждан в местном самоуправлении: проблемы институционализации. М., 2004; *Мерсиянова И.В.* Самоорганизация населения по месту жительства в Москве как фактор развития местного самоуправления и повышения качества жизни горожан / Департамент территориальных органов государственной власти города Москвы. М., 2006; *Малютина О.В.* Местное сообщество как территориальный субъект гражданского общества // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. С. 228–234; *Киселева А.М.* Местные сообщества как субъекты формирования гражданского общества // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 3. М., 2010. С. 437–446.

[7] См., напр.: *Шомина Е.С.* Самоорганизация жителей на локальном уровне // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под. ред. Л.И. Якобсона. М., 2008. С. 263–289; *Неделько С.И., Шомина Е.С.* Самоорганизация населения как практика местного самоуправления // Полития. 2004. № 4. С. 198–211.

[8] См., напр.: *Левчик Д.А.* Указ. соч.; *Левчик Д.А.* Комитеты общественного самоуправления: тенденции развития // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 31–38.

[9] См., напр.: *Гордиенко А.А.* Территориальное общественное самоуправление в местном сообществе. Новосибирск, 2005; *Макогон Т.И.* Социально-философский анализ роли и места муниципального общества в системе мест-

ему повышенное внимание[10]. Правоведы акцентируют внимание на отсутствии единого подхода при рассмотрении сущности территориального общественного самоуправления, как в законодательстве, так и в теории права. В его правовом регулировании имеется множество нерешенных вопросов. В частности, не определено понятие права граждан на участие в ТОС. Кроме того, не установлен порядок создания территориального общественного самоуправления, не определены ни его организационно-правовая форма, ни статус решений его органов, не урегулирован режим его имущества, а также имеются пробелы в регулировании территориальной организации ТОС и компетенции его органов. Данные обстоятельства являются серьезными барьерами институционализации территориального общественного самоуправления как нового общественного движения и как элемента системы местного самоуправления в российских муниципальных образованиях разных типов.

Однако устойчивость функционирования территориального общественного самоуправления обеспечивается не только качеством его нормального правового оформления, но и лежащими в его основе социальными практиками. Последние базируются на общественных отношениях, связанных с добровольческой деятельностью и филантропическим поведением населения.

ного самоуправления // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 15–18.

[10] См., напр.: *Савранская О.Л.* Территориальное общественное самоуправление // Местное самоуправление: проблемы и пути их решения: сб. ст. / под ред. С.Н. Юрковой. СПб., 2000. С. 253–262; *Желтухова Н.А.* Право граждан на территориальное общественное самоуправление — естественное право человека // Материалы международной научно-практической конференции «Социально-правовые гарантии прав и законных интересов граждан в Российской Федерации». Оренбург, 2006. С. 78–84; *Авакьян С.А.* Местное самоуправление в РФ: концепции и решения нового закона // Вестник МГУ. 1996. Сер. 11. Право. № 2; *Холодная Е.В.* Территориальное общественное самоуправление в системе муниципального управления // Вестник СГАП. Саратов, 2002. № 1.

8.2. Вовлеченность населения в территориальное общественное самоуправление

В настоящее время территориальное общественное самоуправление имеется почти в каждом третьем российском муниципальном образовании. Однако этот показатель дифференцирован по их типам: ТОС развивается в 49% городских округов, в 32% городских поселений, в 29% муниципальных районов и в 20% сельских поселений[11].

Можно полагать, что здесь территориальное общественное самоуправление оформлено на институциональном уровне (закреплено в специальных нормативных правовых актах, имеет организационные структуры в виде советов микрорайонов, уличных комитетов, домкомов). Однако социальные практики общественной активности по месту жительства, выраженные в проведении субботников, собраний по месту жительства, участии населения в благоустройстве, организации досуга по месту жительства, имеются в подавляющем большинстве российских муниципальных образований. Воплощенные в них сложившиеся формы поведения, т.е. определенная система коллективных действий на основе самоорганизации граждан по месту жительства, придают устойчивость институту территориального общественного самоуправления.

Более четверти россиян (27%) участвовали в 2009 г. в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города

---

[11] Результаты социологического всероссийского опроса должностных лиц органов местного самоуправления, проведенного ГУ ВШЭ в 2007–2008 гг. в рамках мониторинга состояния гражданского общества по теме «Анализ муниципальных политик в области поддержки и развития общественных инициатив». Опрошено 1003 респондента из 1003 муниципальных образований разных типов по всероссийской репрезентативной выборке. Инструментарий разработан И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсоном. Сбор информации осуществлен Ассоциацией сибирских и дальневосточных городов при содействии Общероссийского конгресса муниципальных образований и региональных советов муниципальных образований.

(села, поселка)[12]. Это наиболее характерно для респондентов от 30 до 45 лет (30% против 27% в среднем) и от 46 до 60 лет (31%). Также эту позицию чаще, чем в среднем, отмечают респонденты со средним специальным (29%) и высшим (31%) образованием, наемные работники (31%), а также респонденты с высоким доходом (30%). Участие в субботниках наиболее характерно для жителей сел и малых городов. Жители больших городов и мегаполисов уже реже, чем в среднем по стране, говорят о своем участии в субботниках и прочих мероприятиях по благоустройству. Показатели участия местного населения в обсуждаемом виде деятельности существенно дифференцированы по субъектам Российской Федерации (см. рис. В.5 на вклейке) и находятся в интервале от 4–8% в республике Ингушетия, Краснодарском крае, Томской и Белгородской областях до 56–59% участников субботников и других мероприятий по благоустройству в Ивановской и Костромской областях.

Почти каждый пятый россиян (18%) участвовал за последний год в собраниях жильцов дома или подъезда. Это наиболее характерно для респондентов от 46 до 60 лет (23% против 18% в среднем) и старше (22%). Также эту позицию чаще, чем в среднем, отмечают респонденты с высшим образованием (23%), наемные работники (20%), неработающие пенсионеры (21%), респонденты с доходами от 4 до 7 тыс. руб. и более (по 21%). Участие в собраниях жильцов наиболее характерно для жителей малых городов и сел. Субъекты РФ существенно различаются по показателям участия населения в собраниях жильцов дома или подъезда: от значений, близких к нулевым (в республике Ингушетия, в Чеченской республике, в Чукотском автономном округе и др.), до 48% в Ивановской области (см. рис. В.6 на вклейке). Возможно, высокие показатели участия населения в собраниях по месту жительства связаны в некоторых

---

[12] Результаты мегаопросов населения по технологии Георейтинга, проведенных ГУ ВШЭ и Фондом «Общественное мнение» в 2009 г. Объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек, общий объем выборки — 41 500 человек. Инструментарий разработан И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсоном.

субъектах РФ с деятельностью по созданию и функционированию товариществ собственников жилья (они являются элементами системы жилищной самоорганизации граждан, но к территориальному общественному самоуправлению непосредственно не относятся).

На практике ТОС чаще всего образуется на территориях микрорайонов, кварталов, улиц, дворов, а в домах и отдельных подъездах избираются уполномоченные выборные лица ТОС — старшие по домам и старшие по подъездам. Например, по данным управления общественных связей и взаимодействия с административными органами мэрии города Новосибирска, в этом городе к середине 2008 г. насчитывалось 115 советов микрорайонов, а на территории действия ТОС проживало 82% горожан. Это не является свидетельством вовлеченности 82% городского населения в повседневные практики коллективного решения вопросов местного значения, однако говорит о том, что такое число горожан могут являться потребителями производимых территориальным общественным самоуправлением общественных благ, могут быть объектами оказания социальной помощи негосударственными субъектами. Среди этого населения пожилые люди, мигранты, дети, инвалиды, безработные, отдельные категории семей могут являться целевыми аудиториями различного рода практических действий ТОС в области реализации социальной политики. Кроме того, в Новосибирске насчитывается 562 уличных комитета, 189 домовых комитетов, 5527 старших по домам и 10 499 старших по подъездам.

По данным мэрии Ярославля[13], к апрелю 2010 г. в системе территориального общественного самоуправления города действовали 2549 старост, 104 домовых комитета, 198 уличных комитетов и 52 комитета общественного самоуправления. Количество жителей, проживающих на территории осуществления ТОС, — около 320 тыс. Основными направлениями работы комитетов

[13] Город. Территориальное общественное самоуправление. Официальный сайт г. Ярославля. См.: http://www.city-yar.ru/home/city/tos.html.

самоуправления являются: содействие жилищно-коммунальным службам по благоустройству территорий, общественный контроль над качеством выполнения необходимых работ и услуг; содействие органам социальной защиты в выявлении и оказании адресной помощи ветеранам, инвалидам, малообеспеченным и многодетным семьям; содействие в организации досуга детей и молодежи; взаимодействие с правоохранительными органами по профилактике правонарушений в жилых массивах.

Подобные системы органов и выборных лиц территориального общественного самоуправления сложились в Краснодаре, Твери, Туле, Барнауле, Омске, Кемерово, Сургуте и других городах, а их основы были заложены еще в конце 1980-х годов. Существенным признаком дифференциации является статус ТОС — с образованием юридического лица или без него.

Территориальное общественное самоуправление представляет собой форму участия населения в местном самоуправлении. Оно предполагает самостоятельное и под свою ответственность осуществление населением собственных инициатив, если ТОС не находится в иерархических связях с какими-либо структурами, обеспечивает соответствие своей деятельности только нормам права и должно быть гарантировано от вмешательства извне. На практике эта характеристика часто искажается, когда органы ТОС ставятся в иерархическую зависимость от органов местного самоуправления. Еще более распространенным случаем является использование финансовых инструментов влияния на территориальное общественное самоуправление. Поэтому органы ТОС часто опасаются администрирования, возникновения отношений подчинения органам местного самоуправления. Развитие ТОС в российских муниципальных образованиях и поддержка со стороны органов местного самоуправления теоретически должны способствовать повышению информированности местных жителей о ТОС и его основных акторах, повышению вовлеченности россиян в мероприятия по благоустройству и их участия в собраниях по месту жительства. На практике это происходит не во всех случаях (см. рис. 8.1 и 8.2).

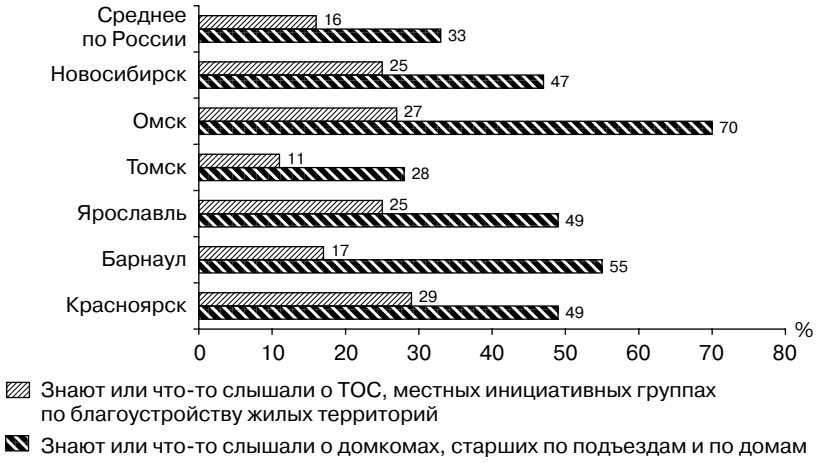


Рис. 8.1. Доля респондентов, которые знают или что-то слышали: 1) о ТОС, местных инициативных группах по благоустройству жилых территорий; 2) о домкомах, старших по подъездам и по домам (по городам выборочно, % опрошенных)

В целом по стране 33% россиян знают или что-то слышали о домкомах, старших по домам и по подъездам. Относительно высокий уровень информированности демонстрируют люди с высшим образованием и относительно высокими доходами (до 45%), а также те респонденты, которые практически каждый день пользуются Интернетом (46%). Респонденты, которые участвуют хотя бы в одной общественной организации или инициативе, чаще остальных опрошенных заявляют о своей осведомленности как о деятельности домкомов, старших по домам и по подъездам (49%), так и о территориальном общественном самоуправлении в целом (26% против 16% в среднем по стране). Те, кто хотели бы: стать членами организации, участниками инициатив; работать добровольцами (безвозмездно), не получая денег за свой труд; активно участвовать в каких-либо делах организации или инициативы; помогать деньгами, пожертвованиями, — чаще прочих заявляют о своей осведомленности относи-

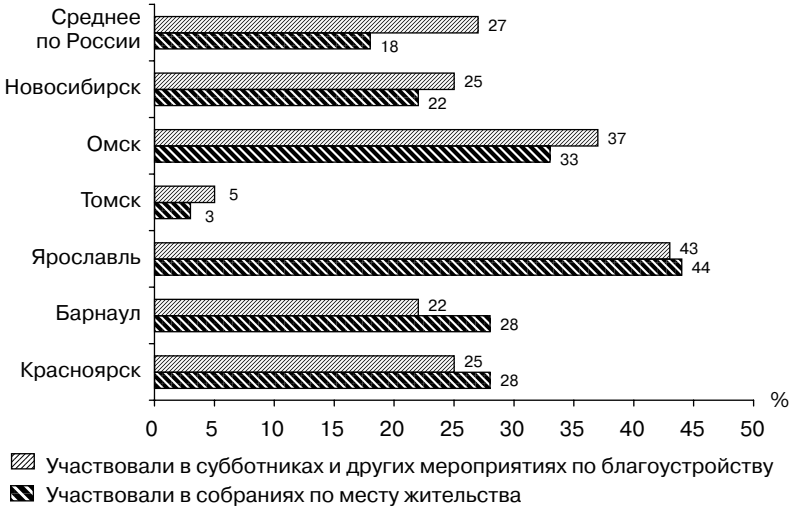


Рис. 8.2. Доля респондентов, которым приходилось за последний год участвовать: 1) в субботниках, мероприятиях по благоустройству; 2) в собраниях жителей дома или подъезда (по городам выборочно, % опрошенных)

тельно ТОС и его субъектов в лице старших по домам и по подъездам и домкомов. В то же время оказалось, что, те кто в принципе хотели бы получать деньги за работу в каких-либо НКО, знают или что-то слышали о них реже остальных. Также меньше прочих о подобных инициативах осведомлены и те, кто вообще не желают участвовать в их деятельности. Показатели информированности о ТОС значительно дифференцированы по российским регионам (см. рис. В.7 и В.8 на вклейке). Наиболее высокие показатели информированности зафиксированы в Москве: здесь о домкомах знают или что-то слышали 72% взрослого населения, а о ТОС — 40%[14].

[14] О самоорганизации москвичей по месту жительства см. подробнее: *Мерсиянова И.В.* Самоорганизация населения по месту жительства в Москве как фактор развития местного самоуправления...

Органы ТОС часто говорят о себе как о посреднике между властью и населением, обеспечивающим удовлетворение потребностей населения в системе местного самоуправления. Выполнение этой роли органами ТОС во многих случаях возрастает по мере увеличения численности населения в муниципальном образовании. В крупном городе смысл понятия «самоуправление» искажается, потому что власть в нем отдалена от населения примерно в той же степени, что и в субъекте Федерации. Местные сообщества являются базисом территориального общественного самоуправления, они являются социальной основой общественной активности граждан в решении вопросов местного значения, в совместном преодолении проблем местной жизни. Понятие местного сообщества не имеет в настоящее время законодательного определения. Стоит отметить, что на региональном уровне встречались случаи введения этого понятия в тексты законов субъектов РФ о территориальном общественном самоуправлении. Однако правовая основа ТОС более не включает регионального регулирования, что отвечает нормам соответствующего федерального законодательства[15].

Среди отечественных исследователей при определении понятия местного сообщества многие делают акцент на его территориальной целостности. Так, А.А. Гордиенко определяет местное сообщество как открытое самоорганизующееся и саморазвивающееся объединение граждан, проживающих в пределах микротерритории, обеспечивающее каждому полную свободу личностной инициативы совместного действия, доступ к знаниям, широкие взаимосвязи с другими членами сообщества[16]. Другие авторы сосредоточиваются на функциональных аспектах, определяя местные сообщества как неформальные самодеятельные, обретшие социальную структуру автономные объединения граждан, созда-

---

[15] См. п. 11 ст. 27 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

[16] *Гордиенко А.А.* Территориальное общественное самоуправление в местном сообществе. Новосибирск, 2005. С. 15.

ваемые с целью совместного самостоятельного решения насущных жизненных вопросов[17]. С этих позиций местное сообщество выступает как субъект управления, способный на основе совместных ценностей и ответственности перед обществом вести местное хозяйство, повышать качество услуг, осуществлять благоустройство территории в соответствии со своими интересами, постоянно улучшая качество жизни населения.

Каковы оценки полезности и эффективности ТОС в нынешних условиях? Характерно, что среди различных форм участия населения в решении вопросов местной жизни в ряду наиболее полезных в современных условиях россияне чаще всего называли совместное решение проблем, возникающих по месту жительства — во дворе, подъезде (35%). Чаще всего так думали респонденты, находящиеся на высших позициях субъективной оценки уровня жизни — 49% тех, кому «денег хватает на все, кроме как на квартиру или дом», и 43% тех, кому «денег не хватает на новую машину». Такое же мнение разделили 45% респондентов — жителей мегаполисов.

Другие формы участия люди называли значительно реже (см. рис. 8.3). Например, 13% участников опроса отметили, что полезно, во-первых, участвовать в обсуждении вопросов социального развития муниципального образования, вносить конкретные предложения; во-вторых, участвовать в сходах, общих собраниях, конференциях жителей. Кстати, чаще всего второе подчеркивали жители села — 22% респондентов, поскольку для них формы непосредственного волеизъявления в виде сходов и собраний по месту жительства являются обыденной практикой. Респонденты с одинаковой частотой (11%) указывали на полезность обращений граждан в органы местного самоуправления и участия населения в работе депутатских органов.

---

[17] *Макогон Т.И.* Социально-философский анализ роли и места муниципального общества в системе местного самоуправления // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 15–18.

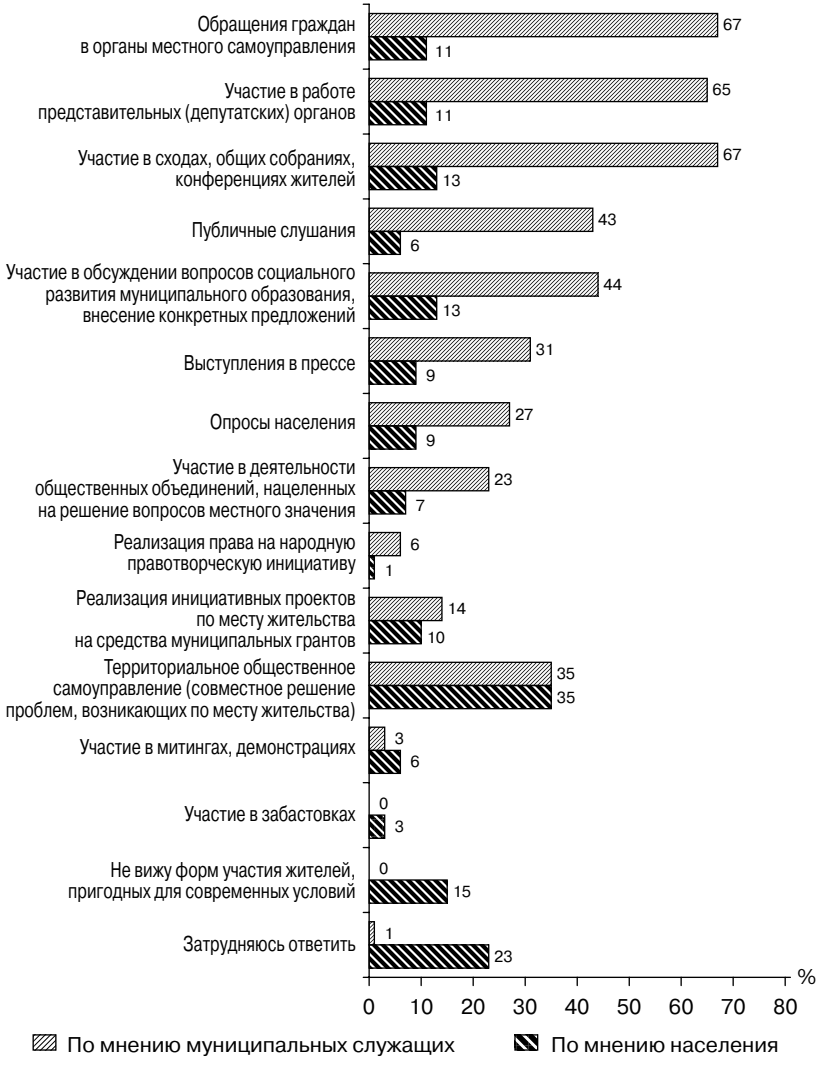


Рис. 8.3. Какие формы участия населения в решении вопросов местной жизни являются наиболее полезными (по мнению населения) и наиболее эффективными (по мнению муниципальных служащих) в современных условиях (% опрошенных)

Практически каждый седьмой россиянин не увидел форм участия жителей в решении вопросов местной жизни, пригодных в современных условиях. Нужно сказать, что это мнение не разделил ни один муниципальный служащий при обследовании, проведенном зимой 2007–2008 г. По большинству позиций разрыв по частоте упоминания населением наиболее полезных форм и по частоте их упоминания муниципальными служащими как наиболее эффективных форм значителен (см. рис. 8.3). Особенно сильно этот разрыв наблюдается по таким формам, как участие в работе представительных (депутатских) органов (54%), участие в сходах, общих собраниях, конференциях жителей (54%), обращения граждан в органы местного самоуправления (56%), публичные слушания (37%), участие в обсуждении вопросов социального развития муниципального образования, внесение конкретных предложений (31%). В данном случае названные формы значительно чаще оцениваются муниципальными служащими как эффективные, чем населением как полезные. С одной стороны, сказывается экспертный характер знания чиновников и слабая информированность рядовых граждан о реальном положении дел. С другой стороны, рядовые граждане в повседневной жизни не так часто ощущают реальную пользу для себя лично от большинства институтов из данного перечня.

Одинаково часто территориальное общественное самоуправление называется как наиболее эффективная форма участия населения в решении вопросов местной жизни муниципальными служащими и как наиболее полезная форма совместного решения возникающих по месту жительства проблем населением (по 35% в каждой группе респондентов). ТОС не одинаково оценивается как наиболее эффективная форма муниципальными служащими из разных типов муниципальных образований. Чаще всего ТОС рассматривался таковым 50% представителей городских округов и 41% представителей городских поселений, далее идут муниципальные районы (32%) и сельские поселения (21%).

Эти обстоятельства актуализируют роль ТОС в реализации социальной политики, в повышении качества жизни населения. В России органами ТОС уже накоплен опыт в этой сфере и имеются позитивные результаты[18]. Речь идет об их субъектности как партнеров органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения, влияющих в первую очередь на такие показатели качества жизни россиян, как жилье, здоровье, экология. Основные ресурсные возможности ТОС заключаются не столько в наличии денежных средств, сколько в возможностях привлечения и мобилизации труда добровольцев и денежных пожертвований местных жителей и коммерческих структур.

Однако этот вклад пока не учитывается государственными органами статистики, и результаты деятельности в самоорганизующихся институтах местного сообщества, где возникает «демократия малых пространств»[19], не получают экономической оценки, не принимаются во внимание на уровне оценки социально-экономического развития целых муниципальных образований. В связи с этим вклад ТОС в повышение качества жизни населения часто недооценивается. Эти обстоятельства обращают исследовательский интерес к вопросу о потенциале вовлечения населения в практики территориального общественного самоуправления, о роли ТОС как канализатора добровольческой, филантропической активности россиян, направленной на повышение качества жизни населения.

---

[18] *Мерсиянова И.В.* ТОС в городах Сибири: опыт социологического анализа... 2004. С. 24–41; Территориальное общественное самоуправление в российских городах / под ред. И.В. Мерсияновой. Новосибирск, 2004; Территориальное общественное самоуправление: Опыт деятельности / ред.-сост. О.Л. Савранская. М., 1999.

[19] *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990. С. 47.

8.3. Вовлеченность россиян в повседневные практики самоорганизации и благотворительности по месту жительства

Как было показано во втором параграфе, через каналы ТОС привлекаются серьезные ресурсы добровольческого труда для участия в мероприятиях по благоустройству территорий, субботниках. Также добровольцы организуют праздники двора, конкурсы и другие культурные массовые мероприятия по месту жительства.

Часто бывает, что нерешенные проблемы по месту жительства создают базу для объединения людей, для коллективных действий на благо других людей. О том, что у них не было проблем по месту жительства за последние 2–3 года, заявила практически треть респондентов[20]. Остальные отмечали те или иные проблемы благоустройства: чаще сетовали на грязь в подъезде, во дворе (24%); отсутствие или плохое освещение придомовой территории, в подъезде (22%); плохое отопление (21%); плохое благоустройство придомовой территории (20%); перебои с водоснабжением и отсутствие горячей воды (по 17%); ветхое состояние дома (16%). Каждый шестой (15%) ответил, что ему досаждали подростковые компании и другие сборища.

Зафиксированы определенные различия в восприятии проблем по месту жительства в зависимости от некоторых социально-демографических и типологических характеристик. Так, например, самыми неблагоустроенными с точки зрения жителей выглядят города менее 50 тыс. жителей и поселки городского типа. Это не удивительно, если иметь в виду, что экономика населенных пунктов этого типа испытывает в последние годы наибольшие трудности. Антиподом малых городов выглядит Москва, где жители чаще, чем в среднем, говорят об отсутствии проблем. Распределение ответов

---

[20] Результаты всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ГУ ВШЭ и Фондом «Общественное мнение» в рамках мониторинга состояния гражданского общества (N = 2000, 2009).

на этот вопрос показывает также, что те или иные характеристики респондентов делают актуальными разные проблемы. Например, бедные люди чаще живут в ветхих домах и жалуются именно на это обстоятельство. Людей из возрастной когорты 31–45 лет чаще остальных беспокоило плохое благоустройство придомовой территории, поскольку люди именно этого возраста чаще имеют несовершеннолетних детей, которым нужны благоустроенные места для прогулок.

Иерархия проблем, которые, по мнению опрошенных, волнуют их соседей, в целом совпадает с иерархией собственных проблем, а это значит, что существует (по крайней мере, на уровне субъективного восприятия) объективная основа если не для совместных действий, то хотя бы для коммуникации, обсуждения этих проблем самими жителями. Здесь можно, пожалуй, зафиксировать лишь одно, но весьма существенное несовпадение. Представители высокоресурсных групп (богатые, образованные, молодые, живущие в больших городах), в большей степени, чем их бедные, малообразованные и пожилые сограждане готовы к различным формам кооперации. Но они же реже испытывают проблемы по месту жительства. Кроме того, в последние годы все более явным становится процесс сегментации городского пространства на бедные и богатые кварталы; ощутима сегментация и на бедные и богатые города.

Люди с активной жизненной позицией всегда в меньшинстве. Эта закономерность проявилась и в наших данных. Так, две трети респондентов (67%) признались, что им не приходилось за последние 2–3 года объединяться со своими соседями для решения подобных проблем. Ответили, что приходилось, но проблему решить не удалось, 16%. Практически столько же оказалось и тех, у кого это получилось (15%). Самые молодые респонденты чаще заявляли, что за последние 2–3 года не объединялись с другими для решения местных проблем (75%). О том, что им не приходилось действовать сообща для решения местных проблем, чаще говорили жители Москвы, городов с населением 1 млн человек и более, а также жители сел (80, 73 и 72% соответственно). Самыми

способными к коллективным действиям, хотя и не всегда эффективными, оказались жители малых городов и поселков городского типа (вероятно, из-за более плотных коммуникаций с соседями и более широкой основы для коллективных действий по месту жительства). Сказали, что они объединялись с соседями для решения общих проблем, 42% жителей этих типов населенных пунктов. И половина из них (21%) сообщила, что их действия были успешными. Люди, допускающие для себя возможность принять участие в каких-либо акциях протеста, чаще прочих отвечали, что объединяться с соседями им приходилось, но проблему решить не удалось (21%). Подобный ответ чаще дают и те, кому приходилось обращаться в государственные или муниципальные социальные учреждения, службы для решения проблем (26%), а также те, кому довелось лично помогать другим людям в решении трудностей, возникших у них в связи с экономическим кризисом (22%).

Таким образом, теоретически решить те или иные проблемы по месту жительства легче сообща. Но, как показывают данные опроса, опыт совместных действий для решения проблем по месту жительства есть у немногих. Был такой опыт менее чем у трети опрошенных. Примерно у половины из этой трети данный опыт был неудачным, что, как показывают многочисленные исследования коллективных действий, и будет затруднять кооперацию и стимулировать недовольство и протестные настроения в будущем.

Следует отметить, что потенциал соседских отношений, соседских социальных сетей в нашей стране изучен очень слабо. Вернее сказать, соседские отношения на селе, крестьянские социальные взаимодействия, взаимопомощь, обмен, кооперация, формирующие сеть защиты сельчан от кризисных явлений и обеспечивающие минимальное благосостояние сельского сообщества, изучены достаточно подробно в нашей стране[21]. По

---

[21] См., напр.: *Штейнберг И.Е.* Реальная практика стратегий выживания сельской семьи: сетевые ресурсы // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. М, 2001. С. 183–189; *Пилиховский А., Столбов В.* Неформальная кооперация в сельских общинах (на примере Польши, России,

словам Теодора Шанина, «интересы богатых и бедных в каждой из деревень значительно отличались, но общность судьбы или конфликта, при столкновении лицом к лицу с силами природы, государством, помещиками и даже рынком обеспечивали затем сильные, и в целом все пересиливающие причины для кооперации и взаимной поддержки. Опыт веков научил селян тому, что такое единство необходимо для выживания большинства из них»[22]. Указываются следующие причины высокой развитости самоорганизации на селе: общая территория, близость соседей, экономически неблагоприятные условия, дефициты социальных и экономических благ и ресурсов, историко-культурные особенности. В литературе анализируются различные практики самоорганизации сельчан — для оказания материальной помощи, организации торговли, проведения сельскохозяйственных и строительных работ и т.п., но практически не встречается анализ самоорганизации сельчан по вопросам, напрямую не связанным с экономическим благосостоянием домохозяйства — для защиты гражданских прав, выстраивания взаимоотношений с местной администрацией, и другим «нехозяйственным» вопросам.

Потенциал соседских сетей в условиях городской среды пока слабо изучен. Предстоит осмыслить эмпирически установленные факты и уточнить теоретическое обоснование роли соседских взаимоотношений в развитии территориального общественного самоуправления. Результаты исследования показали[23], что более

Болгарии) / Социологические исследования. 2000. № 1. С. 34–36; *Скотт Дж.* Моральная экономика деревни // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 541–544; *Виноградский В.Г.* Российский крестьянский двор: социологический преданализ // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 54–60; *Фадеева О.П.* Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика... С. 183–218; *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». The Roots of Otherness: Russia's Turn of the Century. Yale, 1985.

[22] *Шанин Т.* Революция как момент истины. М., 1997. С. 275.

[23] *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М., 2009. С. 32–33.

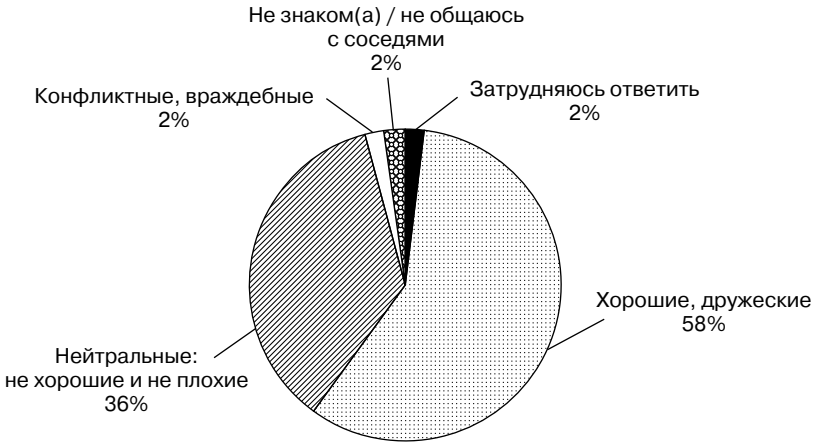


Рис. 8.4. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Как бы Вы в целом оценили отношения со своими соседями?»* (% опрошенных)

половины (58%) опрошенных имеют хорошие, дружеские отношения с ближайшими соседями, при этом чаще всего такие взаимоотношения складываются у малодоходных (69%) респондентов, жителей села (67%) и у людей в возрасте 55 лет и старше (66 %). Несколько меньше, но тоже ощутимая доля опрошенных (36%) характеризует свои отношения с соседями как нейтральные: не хорошие и не плохие. Заметим, что такое наблюдается чаще среди жителей многонаселенных городов — Москвы (55%) и других мегаполисов (46%). Высокообразованные граждане (45%) также характеризуют свои отношения с соседями как нейтральные (см. рис. 8.4).

Судя по результатам всероссийского опроса населения (ГУ ВШЭ и ФОМ. N = 2000, 2009 г.), бытовые отношения с соседями крайне редко можно считать конфликтными. Подавляющее большинство опрошенных признались, что у них практически не бывает конфликтов с соседями (81%). В целом имели подобные ситуации 18%: 16% из них — редко и лишь 2% — часто. Москвичи

чаще жителей других населенных пунктов говорили об отсутствии конфликтов с соседями (90%). Таким образом, подавляющее большинство опрошенных стараются поддерживать хорошие отношения с соседями. Чаще не имеют конфликтов москвичи, видимо, из-за большей анонимности проживания и сравнительно больших возможностей для решения проблем, если они возникают.

8.4. Благотворительные ресурсы актива жилищной самоорганизации

Актив жилищной самоорганизации в лице старших по подъездам и по домам обладает существенными благотворительными ресурсами[24]. Во-первых, они являются носителями добровольческих ресурсов. Как показывают результаты опроса старших по подъездам (домам), в среднем им приходится тратить 10 часов в месяц на работу в этом качестве, на работу с жителями. При этом четверть из них тратит 3 часа и меньше, но также четверть тратит 30 часов и более. В течение последнего десятилетия в российских муниципальных образованиях стала внедряться практика материального стимулирования их деятельности, когда хорошо работающие члены актива ТОС получают небольшую денежную премию за счет средств местного бюджета, или когда им предоставляются льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг. Однако это не лишает их, на наш взгляд, статуса добровольцев, поскольку такое материальное стимулирование в минимальной степени отвечает их реальным трудозатратам на своем общественном посту. Данное стимулирование сто́ит рассматривать как признание со стороны органов власти их заслуг по решению тех вопросов ЖКХ, которые ежедневно призваны решать муниципальные службы.

---

[24] Результаты социологического опроса старших по подъезду (дому), проведенного в 26 городах России с населением от 100 тыс. человек. Было опрошено 400 человек. Исследование проведено ГУ ВШЭ в рамках мониторинга состояния гражданского общества. Сбор эмпирической информации осуществлен Фондом «Общественное мнение».

Во-вторых, старшие по подъездам и по домам привлекают дополнительные денежные средства на решение местных проблем. Трети старших приходилось за последний год тратить свои денежные средства на общественную работу по месту жительства. В среднем эти траты составляют 500 руб., но при этом четверть из тех, кто тратит, вложили суммы от 1,5 тыс. руб. и более. Кроме того, примерно половина опрошенных привлекала денежные средства в виде пожертвований от коммерческих структур, а также в виде субсидий органов власти, от местных жителей. Судя по результатам опроса, в среднем это 10 тыс. руб., при этом четверть привлекла менее 4,5 тыс. руб., но также есть 10% тех, кто привлек более 40 тыс. руб.

Чем занимаются старшие по подъездам и домам? Перечень их функций довольно обширный (см. рис. 8.5). Более двух третей респондентов организуют и проводят собрания по месту жительства, примерно половина — осуществляют общественный контроль за содержанием, эксплуатацией и ремонтом дома и (или) за содержанием и благоустройством придомовой территории. В результате специально проведенных математических расчетов можно заметить, что 29% опрошенных занимаются организацией собраний жильцов, и участвуют в разработке планов по благоустройству, каждый третий (33%) занимается организацией собраний жильцов, и участвует в подготовке предложений о проведении текущего и капитального ремонта. Примерно столько же (32%) занимаются организацией собраний жильцов и осуществляют общественный контроль за содержанием и благоустройством дома и (или) придомовой территории.

Кластерный анализ методом *k*-средних позволил выделить два кластера[25]. Респонденты из первого кластера преимущественно

---

[25] Для целей кластерного анализа перечень функций из 26 позиций был сведен к 15 позициям на основе объединения отдельных функций в однородные по содержанию группы:

1) планирование деятельности, связанной с жильем и прилегающей территорией (участвую в разработке планов по управлению, содержанию и ремонту

осуществляют общественный контроль, организуют и проводят собрания жителей. В него попали 65% опрошенных. Представительство старших по домам и по подъездам в нем составляет 44 и 75% соответственно (% опрошенных в соответствующей группе).

жилья, участвую в разработке мероприятий по улучшению эксплуатации и сохранности жилья, участвую в разработке планов по благоустройству);

2) осуществление общественного контроля (осуществляю общественный контроль за содержанием, эксплуатацией и ремонтом дома, осуществляю общественный контроль за содержанием и благоустройством придомовой территории, осуществляю общественный контроль качества и объемов предоставляемых жилищно-коммунальных услуг, осуществляю общественный контроль за своевременным и качественным выполнением работ по текущему и капитальному ремонту жилищного фонда, осуществляю общественный контроль за проведением работ по благоустройству);

3) контроль за деятельностью коммунальных служб (участвую в работе комиссий по осмотру дома, проверке его технического состояния и инженерного оборудования, участвую в работе комиссий по профилактическому осмотру крыш и подвалов, участвую в приемке всех видов работ по содержанию, эксплуатации и ремонту дома, участвую в работе комиссий по приемке работ по подготовке дома к сезонной эксплуатации);

4) содействую организации мероприятий по ресурсо- и энергосбережению;

5) содействую организации мероприятий по ремонту квартир и объектов общего пользования;

6) участвую в подготовке предложений о проведении текущего и капитального ремонта;

7) запрашиваю от управляющей организации информацию о расходах по эксплуатации и ремонту дома и придомовой территории;

8) организую досуг детей и подростков;

9) провожу культурно-спортивные мероприятия;

10) реализую меры социальной защиты по отношению к пенсионерам, малоимущим;

11) организую и провожу собрания жителей;

12) осуществляю контроль за оплатой жильцами жилищно-коммунальных услуг;

13) участвую в разрешении конфликтов в роли посредника между соседями;

14) участвую в разрешении конфликтов в роли посредника между жителями подъезда и управляющей компанией;

15) другое.

Рис. 8.5. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Что входит в Ваши обязанности как старшего по подъезду (дому)?»* (% опрошенных)

Респонденты из второго кластера (35% опрошенных) выполняют более широкий спектр функций: занимаются содействием организации мероприятий по ремонту квартир и объектов общего пользования, участвуют в подготовке предложений о проведении текущего и капитального ремонта, организуют и проводят собрания жителей, участвуют в разрешении конфликтов в роли посредника между соседями, планируют деятельность, связанную с жильем и прилегающей территорией, осуществляют общественный контроль, контролируют деятельность коммунальных служб. В данном кластере чуть более половины старших по домам и лишь четверть старших по подъездам, если считать от численности соответствующих групп.

Таким образом, большинство старших по домам и по подъездам занимаются общественным контролем, а также организацией и проведением собраний по месту жительства. Для старших по подъезду характерен более узкий спектр функций, чем для старших по домам.

Половина старших по подъезду (дому) довольна результатами своей работы (51%). Треть (30%) не довольна результатами своей работы, а пятая часть респондентов (19%) затруднилась дать ответ на этот вопрос. Большинство (83%) старших по подъезду (дому) сказали, что жильцы подъезда (дома) оказывают им поддержку в работе. Три четверти тех, кому поддержка оказывается, довольны поддержкой, которую им оказывают жильцы.

Старшим по подъезду (дому) был задан вопрос о том, есть ли среди жильцов их подъезда (дома) актив жителей, и если есть, то помогает ли этот актив своим старшим. Сказали, что актива местных жителей в подъезде (доме) нет, 29% старших по подъезду (дому). Остальные две трети (67%) сообщили, что актив жителей существует. Большинство (77%) тех, кто сказал, что актив местных жителей есть, сообщили, что активисты помогают им.

Мы зафиксировали прямую связь оценок отношений с жильцами и наличием актива. Те респонденты, которые говорили, что актив есть, заметно чаще оценивали отношения с жильцами как хорошие (71%). В случае отсутствия актива местных жителей хо-

рошие и дружеские отношения с жильцами дома складываются у 53% респондентов. «Нейтральными» назвали отношения с жильцами 44% респондентов, не имеющих актива жильцов.

Респондентам был задан вопрос: «Как Вы думаете, что из перечисленного на карточке может побудить жителей Вашего подъезда (дома) активнее участвовать в общественной жизни, мероприятиях, организованных по месту жительства?»

По мнению большинства старших по подъезду (дому), такими стимулами могут быть, прежде всего:

- давление со стороны руководства (домкомов, городских служб, властей города, села, поселка, руководителей предприятий и т.п.) — 98%;
- угроза осуждения со стороны соседей по дому, коллег по работе и близких — 97%;
- возможность публично выразить свое недовольство социальной обстановкой в городе (селе, поселке) — 96%;
- возможность публично выразить протест местным властям — 93%;
- возможность повлиять на политику городских властей — 91%.

Наименее популярным ответом является «возможность благоустройства территории и улучшение качества жизни местного населения» (53%).

Таким образом, по мнению старших по подъезду (дому), стимулировать активность жителей может либо угроза давления в той или иной форме, либо возможность оказывать давление самим. Альтруистические мотивы активности кажутся им эффективными заметно реже. Сами же люди, судя по данным всероссийского опроса населения (ГУ ВШЭ и ФОМ. N = 2000, 2009), при ответах на вопрос: «Как Вы думаете, что из перечисленного может побудить Ваших соседей участвовать в общественной жизни, мероприятиях, организованных по месту жительства?», чаще говорят о возможности благоустроить территорию, улучшить качество жизни местного населения (36%). Отмечают значимость гарантий того, что эта деятельность даст результаты, 25%. Еще 25% считают, что мотивацией

может служить возможность заработать. В «меркантильном интересе» своих соседей (возможности для них заработать) чаще уверены молодые респонденты, а также сельские жители (35 и 32%). Люди, не удовлетворенные своими друзьями, чаще остальных полагают, что побудить их соседей к общественной деятельности в принципе ничего не может (15% против 9% среди населения).

Территориальное общественное самоуправление как институциональная форма развертывания добровольческой активности россиян должно укрепиться, поднять свой авторитет среди населения, чтобы стать центром добровольчества по месту жительства, элементом инфраструктуры гражданского образования, катализатором благотворительной деятельности граждан по месту жительства. Этот статус позволит ТОС укрепить субъектную роль в реализации социальной политики. Однако общественная активность граждан не является основным условием для успешного развития территориального общественного самоуправления. Оно нуждается в создании и поддержании благоприятных условий. Основная роль в этом деле приписывается органам местного самоуправления.

В июле 2009 г. Правительством РФ была одобрена Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации и план действий по ее реализации в 2009–2010 гг. Проект данной концепции разрабатывался Министерством экономического развития РФ совместно с другими министерствами при участии общественных и экспертных структур. В концепции среди мер поддержки благотворительности на региональном и местном уровнях отмечена необходимость обеспечения развития инфраструктуры содействия благотворительной и добровольческой деятельности граждан по месту жительства, в том числе на базе организаций территориального общественного самоуправления. Эти обстоятельства активируют новые ожидания заинтересованных сторон в отношении развития ТОС и могут способствовать формированию новых требований со стороны общества к качеству данного института, новых ожиданий относительно его роли в повышении качества жизни россиян.

Часть IV

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛАНТРОПИЯ В РОССИИ

Глава 9

Корпоративная благотворительность в России и проблемы формирования донорского сообщества

Западные исследователи гражданского общества обеспокоены ограниченной эффективностью организационной схемы, по которой работает большинство корпоративных филантропов и некоммерческих организаций: «Сектор должен разработать и внедрить новую парадигму жизнедеятельности»[1]. Исследователи видят решение и потенциал повышения эффективности работы во внедрении принципов социальных сетей как организационных основ. Сетевые теории являются сегодня одним из приоритетных направлений социальных исследований, воспринимаются научным сообществом как релевантный инструмент описания и прогнозирования развития информационного общества[2]. Социальные сети понимаются как система социальных связей, которые соединяют людей друг с другом и позволяют участникам более эффективно и быстро достигать индивидуальных целей. Использование отдельным актором потенциала социальных сетей значительно повышает эффективность его деятельности за счет аккумуляции социальных возможностей и капиталов остальных участников[3].

---

[1] *Peizer J.* The Quiet Revolution in Non-Profit Capacity Support. 2003. См.: http://www.soros.org/initiatives/information/articles.

[2] См., напр.: *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. P. 201–233; *Scott J.* Social Network Analysis: A Handbook. L., 2000; *Barabasi A.-L.* The New Science of Networks. Cambridge (MA), 2002.

[3] *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16; *Coleman J.* Social Capital

Для изучения гражданского общества, с позиции ряда исследователей, более подходящим является понимание социальных сетей как создаваемых для достижения целей, разделяемых всеми участниками. Социальные сети являются основаниями для формирования социальных сообществ, члены которых имеют объединяющую характеристику. Обращает на себя внимание объем публикаций об эффективности социальных сетей как организационного принципа, на основе которого выстраивается деятельность организаций в некоммерческой сфере[4]. Например, по словам Дж. Пратта «сетевые стратегии деятельности предлагают набор эффективных инструментов управления и решения задач, с которыми сталкиваются организации некоммерческого сектора. Сетевое мышление является стратегическим инструментом для повышения стабильности и социального авторитета, а также независимости организаций сектора»[5].

Мы полагаем, что вовлеченность акторов российского некоммерческого сектора в сетевые взаимодействия и сообщества может внести конструктивный вклад в повышение результативности функционирования сектора в целом. Однако сегодня еще нельзя с уверенностью говорить о разработанности данной темы отечественными исследователями. Сетевые взаимодействия корпоративных благотворителей практически не изучались — исследовательский

---

in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

[4] *Plastrik P., Taylor M.* Network Power for Philanthropy and Nonprofits / Barr Foundation. 2008. См.: http://www.barrfoundation.org/usr_doc/Plastrik-Taylor-NetworkPowerforPhilanthropyandNonprofits.pdf; *Letts C.W., Ryan W., Grossman A.* High Performance Nonprofit Organizations: Managing Upstream for Greater Impact. San Francisco, 1999; *Porter M.E., Kramer M.R.* Philantriphy's New Agends: Creating Value // Harvard Business Review. 1999. November-December; *Rosenblatt G.* Movement as Networks: Connecting People and Organizations in the Environmental Movements. См.: http://groundwire.org/blog/movementasnetwork-final-1-0.pdf/view.

[5] *Pratt J.* Nonprofits as Network Organizations // Nonprofit Quarterly. 2001. Vol. 7. См.: : http://www.nonprofitquarterly.org/index.php?option=com_content&view=article&id=795:welcome-to-summer-2003&catid=73:welcome&Itemid=131.

интерес был сосредоточен на самом явлении корпоративной благотворительности, отдельных донорах и экономических показателях деятельности. Несколько крупных обследований проходили по инициативе CAF-Россия, Комиссии общественной палаты РФ по вопросам развития благотворительности, милосердия и волонтерства при поддержке Благотворительного фонда В. Потанина, Ассоциации менеджеров России, Института экономики города, Форума доноров[6]. Помимо названных организаций, исследования корпоративной ответственности российского бизнеса, стратегий реализации социальных программ проводились Независимым институтом социальной политики, Центром независимых социологических исследований, Институтом научной информации по общественным наукам РАН, аналитическим центром «Эксперт», Агентством социальных инвестиций и рядом других организаций[7].

---

[6] См., напр.: Корпоративная филантропия: мифы и реальность. Результаты социологического исследования / Крестникова И., Левшина Е. М., 2002; Оценка влияния программ корпоративной социальной ответственности на имидж компании / под ред. С.Е. Литовченко. М., 2006; *Черныш М.Ф., Иванова Е.А.* Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания / под. ред. С.Е. Литовченко. М., 2004; *Ивченко С.В., Либоракина М.И.*, *Сиваева Т.С.* Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний / под ред. М.И. Либоракиной. М., 2003; Корпоративная благотворительность в России: оценка эффективности работы существующей институциональной среды // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования / под ред. О.Л. Лейкинд. СПб., 2007. С. 348–373; *Коновалова Л.Н., Корсаков М.И., Якимец В.Н.* Управление социальными программами компании / под ред. С.Е. Литовченко. М.: Ассоциация менеджеров России, 2003 и др.

[7] См., напр.: Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / А.Е. Чирикова, Н.Ю. Лапина, Л.С. Шилова, С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М., 2005; *Зубаревич Н.В.* Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. М.: Независимый институт социальной политики, 2005; *Фомин Э.А., Чикадзе Е.З.* Благотворительность как социокультурный феномен в России. СПб., 1999; *Лапина Н., Чирикова А., Перегудов С.* Социальная политика бизнеса в российских регионах. М.: ИНИОН РАН, 2005; *Бочков П., Лукаш С., Шмаров А.* Социальные технологии российских корпораций. М.: Эксперт, 2005; *Туркин С.* Социальные инвестиции в бизнесе. М., 2003 и др.

В дискуссии о корпоративной социальной ответственности российского бизнеса плодотворно участвуют такие исследователи, как Л.И. Полищук, Е.Ю. Благой, А.Е. Костин, С.П. Перегудов, Д.Г. Бычков, А.Л. Александрова, И.Ю. Беляева, Б.С. Батаева, А.И. Яровой, Г.Л. Тульчинский, И.М. Корзина и др.[8]

Изучение литературы показывает, что относительно большое количество работ посвящено анализу механизмов реализации программ социальной ответственности бизнеса, рассмотрению взаимодействия корпоративных благотворителей с органами власти и другими заинтересованными субъектами. Однако, что следует из

---

[8] См., напр.: *Полищук Л.И.* Бизнесмены и филантропы // Pro et Contra. 2006. № 1; *Костин А.Е.* Корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие: мировой опыт и концепция для РФ // Менеджмент в России и за рубежом. 2005. № 3; *Перегудов С.П.* Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003; *Бычков Д.Г., Александрова А.Л.* О некоторых проблемах участия российского бизнеса в развитии местных сообществ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 2–3. С. 177–184; Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект: монография / И.Ю. Беляева, М.А. Эскиндаров. М., 2008; *Батаева Б.С.* Взаимоотношения власти и бизнеса в рамках нового подхода к социальному партнерству // Финансы и кредит. 2005. № 9; *Яровой А.И.* Влияние институтов власти на развитие корпоративной социальной ответственности в России и Европейском Союзе // Бизнес. Общество. Власть. 2010. № 3. С. 92–112; *Тульчинский Г.Л.* Модели и технологии корпоративной благотворительности российского бизнеса // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2007. С. 337–347; *Козина И.М.* Особенности «социально ответственного бизнеса» российских предприятий // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 3. Т. 3. С. 367–379; *Благов Ю.Е.* Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2. № 3. С. 17–34; *Петрова Л.Е., Вандышев М.Н.* Экономическая мотивация благотворительной деятельности (на примере предприятий Екатеринбурга) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 503–520; *Кусмарцева И.А., Романов П.В.* Участие российских предпринимателей в решении проблем местного сообщества: мотивы и перспективы // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 521–528 и др.

приведенного обзора, несмотря на большой объем тематических исследований, аспект сетевых взаимодействий корпоративных доноров остается слабо изученным.

Исходя из предположения о роли социальных сетей нами было предпринято исследование корпоративной благотворительности с целью анализа ее существующих практик и организационных форм, а также практик сетевого взаимодействия корпоративных доноров. Последние представляют собой особый тип филантропов — это коммерческие организации, которые реализуют благотворительную деятельность по собственной инициативе с привлечением собственных ресурсов, а также ресурсов сотрудников.

Эмпирическую основу данной главы составляют результаты исследования, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета — Высшей школы экономики в конце 2009 г.

Первый этап исследования посвящен анализу освещения тематики благотворительной деятельности в российских СМИ. Сбор информации осуществлен при участии компаний MarketUp и «Открытые медиаисследования». Применялись методы количественного и качественного контент-анализа публикаций печатных и электронных СМИ о состоянии и развитии благотворительности в России в 2007–2009 гг. Базу исследования составили специально отобранные публикации из 89 печатных и электронных СМИ, включая 25 федеральных и 64 региональных изданий. В рамках исследования были отобраны публикации, явно затрагивающие вопросы или проблемы благотворительности и посвященные им не менее, чем на 50% общего объема материала. Также был проведен анализ основных характеристик деятельности 10 крупнейших российских благотворительных фондов на основании открытой информации с официальных сайтов фондов.

Второй этап исследования посвящен непосредственному анализу практик корпоративной благотворительности действующих корпоративных филантропов. Сбор первичной информации осуществлен среди представителей двух групп целевой аудитории (см. приложение к данной главе).

- Представители коммерческих организаций — крупных, средних и малых, — осуществляющих корпоративную благотворительную деятельность. В интервью участвовали руководители организаций или лица, ответственные за принятие решений об осуществлении корпоративной благотворительности (в цитатах код «Р» с указанием порядкового номера респондента).
- Руководители институциональных посредников благотворительной деятельности — благотворительных фондов, некоммерческих и общественных организаций (в цитатах код «Э» с указанием порядкового номера респондента).

В рамках исследования было проведено 19 глубинных интервью, в том числе 16 интервью с представителями корпоративных доноров и 3 — с руководителями организаций институциональных посредников. В исследовании была принята классификация корпоративных доноров на основе численности сотрудников в организации, что аналогично общепринятому делению на группы малого, среднего и крупного бизнеса. Существование положительной зависимости между принадлежностью компании к одной из данных групп и объемом выделяемых на благотворительность средств убедительно доказано в зарубежных работах по корпоративной благотворительности[9]. Мы, в свою очередь, допускаем, что в практиках российских корпоративных благотворителей данная зависимость может быть менее жесткой. Принадлежность организации к конкретной отрасли промышленности немаловажна, но обладает меньшей значимостью в определении характера корпоративной благотворительности. В исследовании отбор представителей корпоративных доноров проводился с соблюдением требования разнообразия отраслей промышленности.

---

[9] *Seifert B., Morris S.A., Bartkus B.R.* Comparing Big Givers and Small Givers: Financial Correlates of Corporate Philanthropy // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 45. No. 3. P. 195–211; *Foster M.K., Meinhard A.G., Berger I.E., Krpan P.* Corporate Philanthropy in the Canadian Context: From Damage Control to Improving Society // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2009. Vol. 38. P. 441–466.

Таким образом, в исследовании принимали участие представители крупных, средних и малых корпоративных доноров — предприятий крупного, среднего и малого бизнеса соответственно. Организации представляют различные отрасли: нефтедобывающую, химическую, коммуникационную, легкую промышленность, здравоохранение, финансовые услуги, строительство, а также ряд других (см. приложение).

Сбор информации проведен в трех городах: Астрахани, Великом Новгороде и Новосибирске.

9.1. Сетевые взаимодействия доноров: к вопросу о существовании донорского сообщества

Прежде всего необходимо привести однозначно понимаемое определение благотворителя, которое состоит из признаков субъекта, перечисленных опрошенными представителями корпоративных доноров. Благотворитель — это человек, который на добровольной основе, бескорыстно и безвозмездно передает свои денежные или неденежные ресурсы нуждающимся — отдельным гражданам, учреждениям или некоммерческим организациям, которые в настоящий момент не в состоянии самостоятельно себе помочь удовлетворить жизненно важные потребности.

> *Есть два вида благотворительности — коммерческая (корыстная) и истинная. Коммерческая делается для того, чтобы потом об этом рассказывать, извлечь какие-то дивиденды. Истинная благотворительность — это то, что люди делают по велению сердца, души* (Р.8).

> *Это чтобы в городе, где мы живем, нам не было стыдно самим и не было стыдно показать другим. Как в любом доме. Благотворитель не теряет сочувствия к людям, позволяет не чувствовать, что обездоленные сами по себе, что они одинокие* (Р.10).

Определение во многом созвучно исторически сформировавшемуся в России пониманию филантропии. Заметно влияние православной традиции благотворительности и понимания сущности бо-

гатства и бедности как социальных явлений. Приведем несколько цитат из работ христианских теоретиков: «Бог сотворил одного для другого — одного, чтобы быть щедроподатливым, другого, чтобы ему быть признательным. Богатый должен служить бедному средством к пропитанию; бедный для богатого должен служить средством к спасению»[10]. При этом заповедуется «не только давать всякому просящему, но еще и отыскивать нуждающихся»[11]. В любом своем виде благотворительность приветствовалась в христианской традиции, поощрялась как практика повседневной жизни: «Милостыня всячески рекомендуется святыми отцами... Раздача имущества — удел праведников, а даяние милостыни — долг всякого христианина»[12].

При рассмотрении приведенного выше определения благотворителя привлекает внимание характер интерпретаций некоторых понятий. Так, под «ресурсами» представители корпоративных доноров чаще понимают деньги, а в ряде случаев — ресурсы в натуральной форме, несмотря на то что благотворительная деятельность может осуществляться в форме жертвования времени (добровольчество), в форме оказания услуг pro bono (оказание профессиональной помощи лицам, которые не могут ее оплатить).

В исследовании был обнаружен широкий спектр форм реализации благотворительной деятельности, только при учете которых и возможно адекватное понимание характера корпоративной благотворительности (см. рис. 9.1). Вместе с тем опыт использования этих форм органичен, опрошенные представители корпоративных доноров воспринимают денежные пожертвования как наиболее удобную форму осуществления благотворительной деятельности.

Восприятие благотворительной деятельности имеет две особенности. С одной стороны, понимание благотворительности

---

[10] О Милостыне // Христианское чтение. 1843. Ч. II. С. 509. Цит. по: *Солодова Г.С.* Собственность, богатство, социальное неравенство в России: социокультурная детерминированность представлений. Новосибирск, 2006. С. 56.

[11] *Экземплярский В.* Учение древней церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910, С. 31. Цит. по: *Солодова Г.С.* Указ. соч. С. 34.

[12] *Булгаков С.Н.* Труды по социологии и теологии. Т. 2. М.: Наука, 1999. С. 555. Цит. по: *Солодова Г.С.* Указ. соч. С. 35.

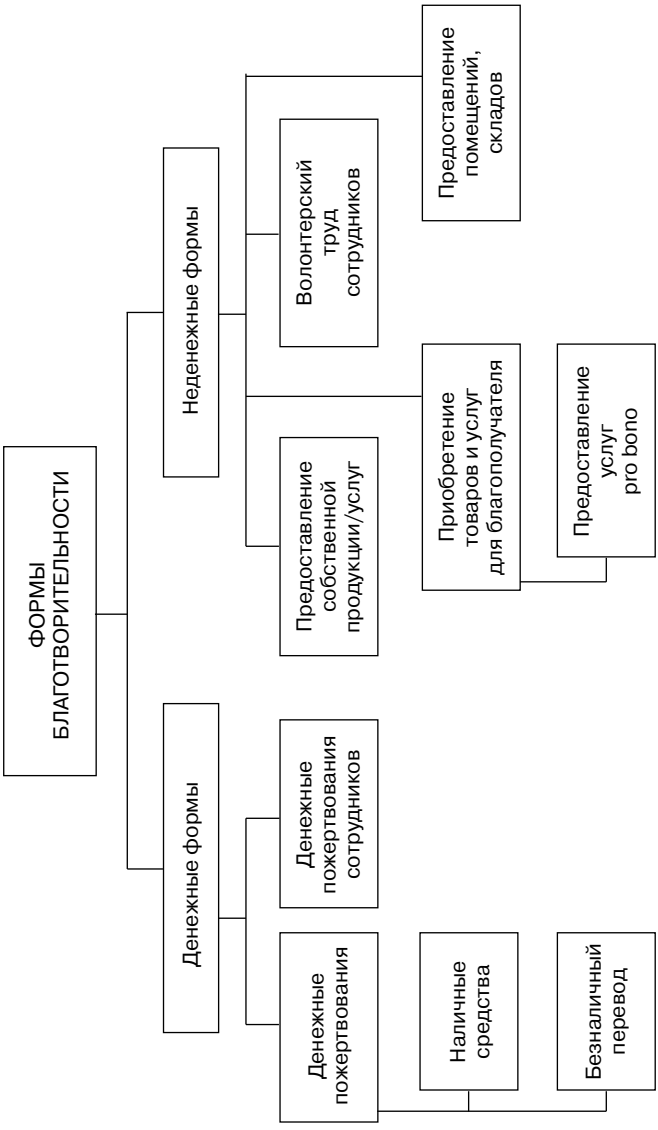


Рис. 9.1. Формы реализации корпоративной благотворительной деятельности

подразумевает ее скрытый, непубличный, даже скорее приватный характер — большинство опрошенных не считают необходимым информировать общественность о благотворительной деятельности. Однако это скорее относится к частной благотворительной деятельности, которую осуществляют отдельные граждане. В то же время, когда речь идет о корпоративной благотворительности, опрошенные склоняются к мысли, что ее освещение необходимо, в том числе для развития культуры благотворительности в сообществе. Результаты исследования показывают, что первой позиции (о приватном характере) придерживаются представители малых и части средних корпоративных доноров, в то время как вторую точку зрения разделяют представители крупных корпоративных доноров и часть средних.

Одним из барьеров для развития корпоративной благотворительности в нашей стране является ориентация людей на индивидуальное участие в благотворительной деятельности. Согласно данным всероссийского опроса населения в большинстве своем люди осуществляют благотворительную деятельность в одиночку, а не через организации (54%). Среди предпринимателей эта доля достигает 79%, в остальных группах — существенно не отличается от средней по выборке (51–56%)[13].

Для дальнейшего изложения результатов анализа состояния корпоративной благотворительности обратимся к основным признакам сетевых сообществ. Изучением и классификацией сетевых сообществ занимается большое количество исследователей[14]. Мы остановимся только на ключевых признаках сообщества. Во-

---

[13] Результаты всероссийского опроса населения, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ и Фондом «Общественное мнение» в 2009 г. Объем выборки — 2000 респондентов.

[14] См., напр.: *Creech H., Willard T.* Strategic Intentions: Managing Knowledge Networks for Sustainable Development // International institute of Sustainable Development. 2001. См.: http://www.iisd.org/pdf/2001/networks_strategic_intentions.pdf; *Church M.* Participation, Relationships and Dynamic Change: New Thinking on Evaluating the Work of International Networks / University College of London.

первых, это наличие определенной группы участников, члены которой знают о существовании друг друга и определяют себя как членов этого сообщества. Во-вторых, деятельность сообщества подчинена разделяемой участниками цели. В-третьих, взаимодействия участников происходят в соответствии с исходными или сложившимися принципами, при этом может существовать координирующий орган. Рассмотрим подробно каждый из выделенных признаков сообщества применительно к отечественным корпоративным донорам.

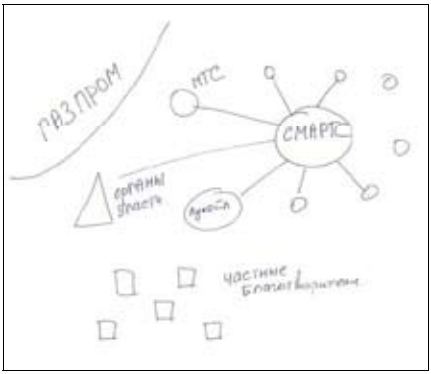
Самоидентификация. Идентификация себя в качестве благотворителя характерна для большей части опрошенных представителей корпоративных доноров, но не для абсолютного большинства. Не все опрошенные, даже имеющие опыт индивидуальных пожертвований помимо корпоративных, сообщают о себе как о благотворителях. Часть опрошенных считает, что объем совершаемых пожертвований недостаточен, чтобы говорить о себе как о благотворителях. При этом безвозмездная помощь в натуральной форме — вещи, продукты — не всегда оценивается как благотворительность самими дающими. Это указывает на то, что понятие благотворителя не является окончательно сформированным и универсальным.

Я действую по велению сердца, если вижу, что нужна помощь — я стараюсь помочь. Разве это тоже благотворительность? (Р.3).

На рис. 9.2–9.3 изображены схемы сетевых взаимодействий в донорском сообществе с точки зрения опрошенных. В процессе интервьюирования респонденты получали задание нарисовать карту взаимодействий известных им корпоративных благотворителей в регионе, свей организации и субъектов, оказывающих влияние на осуществление благотворительной деятельности. Схематичные изображения должны отражать пропорциональность вкладов и значимость субъекта в сфере благотворительности. Так-

---

DFID Working Paper. 2002. No. 121; *Goldsmith S., Eggers W.D.* Governing by Network: The New Shape of the Public Sector. Washington (DC), 2004.



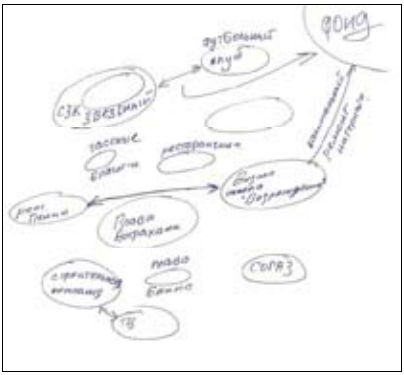


Рис. 9.2–9.3. Примеры понимания сетевых взаимодействий в поле корпоративной благотворительности («Астрахань GSM» и благотворительный фонд «Шаг навстречу», Астрахань)

же требовалось обозначить направления взаимодействий между организацией респондента и другими акторами.

На рис. 9.2 обозначено несколько крупных корпоративных доноров, хотя респондент затруднился назвать большую часть из них. Газпром воспринимается как наиболее крупный донор в регионе. Присутствуют органы власти и большое количество неизвестных частных и мелких благотворителей. Стоит отметить, с одной стороны, воспринимаемое отсутствие связей между отдельными донорами. С другой — количество обозначенных направлений коммуникаций ограничено, а их интенсивность оценивается на низком уровне.

На рис. 9.3 показана сетевая карта поля корпоративной благотворительности, с точки зрения представителя благотворительного фонда. Первое, на что можно обратить внимание, это неразвитость горизонтальных коммуникаций между корпоративными и частными донорами, участвующими в программах фонда. В ряде случаев фонд инициирует кооперацию доноров для реализации общей программы, тогда горизонтальное сотрудничество является результативным. По словам респондента,

подобная кооперация является скорее исключением, чем принципом работы.

У нас было несколько программ, где договаривались и кооперировались наши доноры. Последнее — сбор денег на покупку дыхательного аппарата для ребенка. Но обычно между собой на тему благотворительности доноры, или как мы их называем, наши друзья, не общаются (Э.17).

Приведенные выше схемы позволяют сформировать довольно четкое представление о характере сетевой активности отечественных корпоративных доноров. Точнее было бы сказать — об ее неразвитости.

Обращает на себя внимание невысокий уровень знания участниками друг друга, институциональных посредников и других субъектов благотворительности. Большая часть опрошенных затруднилась в обозначении основных филантропов региона. Вклад в общий объем пожертвований опрошенные определяли пропорционально размеру организации — на основе логических рассуждений типа: *Это крупная компания, она должна много жертвовать.* На фоне общей невысокой осведомленности представителей корпоративных доноров о других благотворителях представители средних и малых доноров осведомлены о субъектах благотворительности в еще меньшей степени, чем представители крупных организаций.

Большинство программ корпоративной благотворительности носит очень непубличный характер (Э.16).

Никого вспомнить не могу. Мы сами по себе, каждый делает, что хочет, ни на кого не смотрим (Р.4).

Мы, скорее, делим сферы с другими компаниями. К нам обратился детский дом, я позвонил в Газпром, они сказали, что это их детский дом и они ему серьезно помогают. Совместных проектов у нас с другими компаниями нет. В принципе, я не знаю, какие крупные компании реализуют проекты (Р.1).

Представители корпоративных доноров часто бывают лично знакомы с несколькими представителями других корпоративных филантропов в регионе. Знакомство в большинстве случаев об-

условлено не столько интересами в сфере филантропии, сколько общей профессиональной деятельностью. Представители компаний состоят в одних и тех же профессиональных ассоциациях и клубах.

Опрошенные заявляют, что осведомленность населения в их муниципальных образованиях о сообществе благотворителей и об его отдельных членах находится на среднем уровне. При этом знание является общим и неконкретизированным, имеется понимание, что *что-то происходит, кто-то занимается благотворительностью*.

> *Нас знают в первую очередь как сотового оператора. Кто-то, конечно, знает, что мы еще благотворительностью занимаемся, но очень небольшой процент. По ощущениям* (Р.4).

В каждом из обследованных муниципальных образований не удалось обнаружить сформировавшегося и действующего координационного центра донорского сообщества. Эта функция находится в неразвитом состоянии, как мы полагаем, в связи с отсутствием потребности и интереса со стороны доноров, о чем будет сказано ниже. Вместе с тем роль центра сетевых взаимодействий частично выполняют органы власти и институциональные посредники благотворительности — фонды местных сообществ и благотворительные фонды.

В настоящее время действует большое количество некоммерческих организаций и ассоциаций, среди целей которых — координация и объединение благотворителей в региональном или федеральном масштабе. Наиболее крупными являются CAF-Россия, Форум доноров, Российский фонд помощи, информационный центр «Благотворительность в России» и т.д. В регионах это фонды местного сообщества, благотворительные фонды, ассоциации бизнесменов, клубы и т.д. Деятельность подобных организаций вносит весомый вклад в формирование социальных сетей доноров, а также в повышение профессионального уровня менеджмента благотворительной деятельности. Прежде всего это затрагивает и особенно заметно в деятельности крупных корпоративных доноров[15].

---

[15] См., например, результаты ежегодного конкурса «Корпоративный донор России». См.: http://donorsforum.ru/projects/corporate_award/results_2009/.

Однако опрошенные представители корпоративных доноров сообщали об ограниченном сотрудничестве с некоммерческими организациями и фондами. Чаще всего взаимодействие является нерегулярным, происходит 1–2 раза в год и касается предоставления информационно-справочных услуг корпоративным донорам, помощи в выборе получателя благотворительной помощи.

Мы обращались в этом году к фонду местного сообщества один раз. Они советовали, на какие проекты лучше направить благотворительную помощь. Хотя мы и так обладаем достаточной информацией, но приняли во внимание их экспертное мнение (Р.5).

Роль институциональных посредников довольно часто выполняют органы власти. Они являются информационным и координирующим центром благотворительной деятельности в регионе. Органы власти, — руководители муниципального образования и органы социальной защиты — обозначают приоритетные направления помощи, требующие дополнительных средств, помимо выделенных в бюджете. Тем не менее опрошенные выражали потребность в более организованной работе органов власти как координирующего центра.

Во время праздника все организации должны были что-то пожертвовать в детские дома. А мы просто решили работать с дальними, это около 200 км от Астрахани. До них же просто никто не доехал. Было бы лучше, если бы органы соцзащиты или другой координатор распределяли, куда поехать, а не мы сами выбирали (Р.4).

Коммуникация органов власти и корпоративных доноров проходит либо в формате личных обращений к последним, либо в формате коллективных встреч и совещаний по инициативе органов власти. В первом случае горизонтальные взаимодействия между представителями коммерческих организаций, реализующих благотворительную деятельность, практически отсутствуют. Во втором случае встречи являются регулярными, на них присутствует большая часть крупных благотворителей муниципального образования. В этом формате озвучиваются и обсуждаются предложения и рекомендации для безвозмездной поддержки со стороны доноров. По заявлениям опрошенных, горизонтальные взаимодействия в этом

случае не отличаются интенсивностью. Представители корпоративных доноров не воспринимают тему благотворительности приоритетной и подходящей для подробного обсуждения: аспекты текущей деятельности компании значительно более актуальны для участников. Отсутствие выраженного интереса к темам благотворительности и потребности в осведомленности об опыте пожертвований других корпоративных филантропов можно обозначить как основные причины неразвитости сетевых донорских взаимодействий.

Как-то неудобно обсуждать. И что именно — кто и сколько пожертвовал? Нет. А больше не знаю, о чем говорить (Р.2).

Мы просто обмениваемся информацией, типа «вот, что у вас, какие проекты ведете?», но ничего более (Р.4).

Судя по всему, роль координирующих центров донорских сообществ не является актуальной для их развития в настоящей ситуации. Институциональные посредники больше востребованы как инициаторы и координаторы бизнес-клубов и ассоциаций для включения в социальные сети политиков, бизнесменов, общественных деятелей, но не как организаторы благотворительных сообществ.

У нас в городе штук шесть независимых Ротари-клубов. Очень низкая способность к объединению. А то, что есть — это краткосрочные объединения под акцию, а так чтобы было системообразующее какое-то объединение... такое ощущение, что это никому не надо (Э.16).

Взаимодействие участников. Первое, о чем можно судить исходя из приведенных выше схем взаимодействия в сообществах, это практически полное отсутствие горизонтальной системы взаимодействий представителей корпоративных доноров. Коммуникации в значительной степени опосредованы органами власти. Структурно большинство коммуникаций могут быть описаны с помощью так называемой центрально-узловой модели (см. рис. 9.4).

Каждый из участников имеет одну связь с координирующим субъектом, в то время как последний соединен практически со всеми членами сети. Судя по всему, большинство представителей корпоративных доноров находятся в относительной изоляции

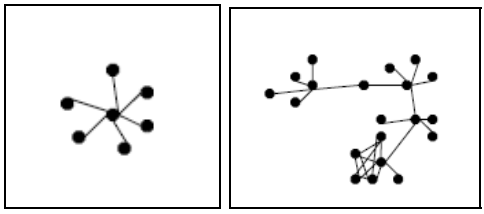


Рис. 9.4. Примеры центрально-узловых моделей сетевого взаимодействия

друг от друга, осуществляют благотворительную деятельность по отдельности. Данный формат сетевых взаимодействий не выделяет пространства для горизонтальных коммуникаций отдельных членов сообщества. На практике характер взаимодействий с координирующим органом достаточно органичен, в нем преобладают директивы или рекомендации по выбору благополучателя и конкретной благотворительной программы. В то время как другая информация, примеры и механизмы эффективного ведения благотворительной деятельности, новых подходов в ее реализации в данной системе взаимодействий циркулирует значительно реже.

Мы как компания всегда рады поделиться тем, что мы делаем, рассказать, потому что то, что мы делаем, приносит пользу. Проблема в том, что такие возможности возникают не часто, раз в несколько лет, например, на конференциях или конкурсах. Два года назад организовывали совместно с администрацией Новгородской области круглый стол (Р.8).

Необходимо наличие и четкое понимание цели деятельности между членами сообщества. Чаще всего, по словам опрошенных, их целью является оказание помощи нуждающимся и решение социальных проблем региона в целом. Однако цели подразумевают самостоятельную деятельность каждого из участников. Горизонт планирования большинства представителей коммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность, достаточно узок и не включает более широких задач развития благотворительного движения в целом или развития сетевых принципов взаимодействия.

Мы пока склонны к тому, чтобы не взаимодействовать, по крайней мере, по тем проектам, по которым только мы работаем. Тут нет жесткой позиции, мы в принципе открыты и активны, но пока не работали в этом направлении, нет причин, почему бы этого не делать, но и нет причин, зачем это делать. Пока сами справляемся (Р.13).

Вместе с тем у небольшой доли опрошенных благотворителей присутствуют выраженные ориентации на развитие сетевого взаимодействия. Они уверены, что благодаря деятельности донорского сообщества будет решен ряд трудностей, с которыми сталкивается реализация благотворительности в настоящий момент. Прежде всего это ресурсные, информационные и организационные ограничения. Другими словами, создание действующего сетевого сообщества, с точки зрения участников, должно удовлетворять следующие потребности благотворителей.

- Ресурсно-организационные. Сообщество должно иметь механизмы для объединения и распределения ресурсов участников с целью удовлетворения того или иного запроса. Необходимо выполнение функций координации и мониторинга сбора и передачи ресурсов нуждающимся.

Для консолидации с другими компаниями нужно какое-то связующее звено. Совместные проекты без большого бюджета не реализовать. А организация координирующая должна не счета разослать, а пригласить людей, чтобы они увидели друг друга, показали смету, чтобы все было прозрачно. В этом случае задача будет решена (Р.6).

- Информационные. В сообществе формально или неформально должен присутствовать информационный центр, в котором аккумулируется и который распространяет информацию об актуальных запросах на помощь и где проводится анализ, проверка актуальности и обоснованности запросов.

Администрация области предоставляет нам информацию о том, что они считают важным для развития области. И в принципе очень важно, чтобы администрация выполняла лидирующую, координирующую роль, организовывала, в том числе совместно с нами или другими компаниями города социально значимые мероприятия (Р.8).

- Образовательные. Должна удовлетворяться потребность в обучении и обмене передовым опытом реализации благотворительной деятельности как участниками сообщества, так и внешними акторами. При этом обучение является более востребованным, чем простой обмен опытом. В настоящее время образовательные ресурсы благотворительной деятельности, в том числе обучающие программы и курсы, практически неизвестны представителям коммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность.

Нам не хватает знаний, не хватает опыта, если бы кто-нибудь рассказал, как это правильнее и эффективнее сделать, мы были бы благодарны, готовы лететь куда угодно. А сейчас, где эту информацию взять — я не знаю (Р.15).

Несмотря на понимание потребностей в функционировании донорского сообщества, у опрошенных отсутствует однозначное видение организационной формы сетевого взаимодействия. Часть опрошенных предполагает, что органы власти могут и в дальнейшем выступать координирующим центром, больше внимания уделяя информированию и координации усилий корпоративных доноров.

Было бы интересно делиться опытом, а у нас даже нет сайта Новгородской области, где была бы видна активность компаний как благотворителей. Посмотреть, какие проекты реализуются, кому нужна помощь — вот этим, наверное, и должна заниматься администрация, комитет социальной защиты (Р.9).

Также высказываются предположения о создании внешней организации — некоммерческой организации, фонде местного сообщества или благотворительном фонде. При этом готовность самих благотворителей принимать участие в подобной организации находится на среднем уровне, в том числе в силу недоверия к некоммерческим организациям и фондам в целом. Поиск и разработка новой или видоизмененной организационной формы необходимы для создания функционирующего донорского сообщества.

Для развития благотворительной деятельности — это создание какой-то ассоциации, организации, которая объединит различные

предприятия и те организации, которым требуется помощь, и администрацию. Но это должна быть сторонняя общественная организация, которая будет независимой. Ведь сейчас деятельность разрознена, нет сообщества, которое работает с администрацией, каждый строит свои контакты (Р.8).

Я не знаю, кто мог бы взять на себя эту функцию, это должен быть какой-то социологический центр, а мы благотворители в чистом виде. Нужна уже профессиональная деятельность для кооперации. За столько лет мы никого не нашли (Р.15).

9.2. Задачи и направления корпоративной благотворительной деятельности

Несмотря на отсутствие сформированного донорского сообщества, активность благотворителей достаточно велика, что подтверждают данные исследований. Так, в 2009 г. 73% предпринимателей по собственной инициативе помогали другим людям, не являющимся их родственниками, и занимались благотворительностью (против 53% в среднем по выборке). Чаще всего это были какие-либо виды безвозмездной помощи — 92%, в среднем по выборке эта доля ниже и составляет 71%. Заслуживает внимания достаточно высокий потенциал включения предпринимателей в благотворительную деятельность, о своей готовности помогать деньгами и делать пожертвования заявили 49% опрошенных против 33% в среднем по выборке[16].

Для понимания механизмов принятия решения о благотворительной деятельности и процедур ее непосредственной реализации необходимо рассмотрение ключевых составных элементов. Это поможет сформировать понимание социального явления отечественной корпоративной благотворительности и выделить причины

[16] Результаты всероссийского опроса населения, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ и Фондом «Общественное мнение» в 2009 г. Объем выборки — 2000 респондентов.

неразвитости сетевого взаимодействия. Логично начать с анализа существующих задач, которые стоят перед коммерческими организациями, осуществляющими благотворительную деятельность.

Исследователи корпоративной благотворительности условно выделяют две перспективы постановки задач корпоративной благотворительности[17]. Так, существуют стратегическая и альтруистическая благотворительности. В первом случае менеджмент организации понимает благотворительную деятельность как внутреннюю часть стратегии компании. Стратегические перспективы корпоративной филантропии, предполагается, вносят положительный вклад в экономические или политические позиции компании: «Корпоративная благотворительность функциональна как для организации, так и для сообщества, в котором действует организация»[18]. Данное понимание корпоративной филантропии широко развито в европейских и особенно в американских компаниях: «Сама природа корпоративной филантропии подразумевает вклад в занятие организацией более выгодных позиций в конкурентной рыночной среде»[19].

Причины альтруистической корпоративной филантропии находятся в области моральных норм и ценностей — менеджмент организации ощущает моральную ответственность и ориентирован на повышение качества жизни в сообществе за счет благотворительной деятельности. При этом эффектам благотворительности — росту прибыли или положительному имиджу компании — не придается значения.

---

[17] *Dennis B.S., Buchholtz A., Butts M.M.* The Nature of Giving: A Theory of Planned Behavior Examination of Corporate Philanthropy // Business Society. 2009. Vol. 48. P. 362. См. также работы таких исследователей, как Дж. Пост, С. Уоддок, Д. Сайя, Д. Торн, О. и Л. Феррел и др.

[18] *Saiia D.H., Carroll A.B., Buchholtz A.K.* Philanthropy as Strategy: When Corporate Charity Begins at Home // Business and Society. 2003. Vol. 42. P. 185. Цит. по: *Campbell D., Slack R.* Some Insights from Voluntary Disclosures in Annual Reports Corporate «Philanthropy Strategy» and «Strategic Philanthropy» // Business and Society. 2008. Vol. 47. P. 198.

[19] Ibid.

В российской практике преобладающим является альтруистический тип корпоративной благотворительности, что показало проведенное исследование. Большинство представителей средних и малых доноров сообщили, что в их компаниях благотворительность не рассматривается как инвестиционная деятельность, результаты которой могут быть как-то полезны для организации. Благотворительность не сопрягается с маркетинговыми или стратегическими задачами развития.

В то же время понимание возможностей благотворительности для развития компании среди корпоративных филантропов не является однородным — присутствует и стратегический тип благотворительности, более выраженный в деятельности крупных корпоративных доноров. Наряду с удовлетворением моральных потребностей благотворительность оценивается с функциональной точки зрения как инвестиции в построение имиджа и повышения уровня информированности потребителей. За счет благотворительной деятельности образ компании приобретает дополнительную эмоциональную ценность для целевой аудитории, что может стать конкурентным преимуществом. Так, эмоционально-этические преимущества получают экономическую форму.

Чаще всего доноры просчитывают и планируют положительные внешние эффекты от благотворительной деятельности для следующих групп целевой аудитории: органов местного самоуправления и региональных органов государственной власти (особенно важно для крупных корпоративных доноров), потребителей; и для внутренней аудитории — сотрудников и потенциальных сотрудников. Выстраивание положительных взаимоотношений с названными группами, формирование образа компании немаловажно для успешной коммерческой деятельности, и доноры стараются реализовывать возможный позитивный эффект.

Для перечисленных групп аудитории задачи благотворительности в целом одинаковы и направлены:

- на повышение уровня осведомленности о компании;
- демонстрацию включенности организации в решение социальных проблем муниципального образования;

- демонстрацию социальной ориентации компании для привлечения новых сотрудников и потребителей;
- создание положительного имиджа благотворительной деятельности, рутинизацию благотворительных практик в повседневной жизни.

В качестве примера можно рассмотреть задачу по привлечению новых сотрудников в организацию. Так, перед крупными промышленными предприятиями часто стоит проблема привлечения новых и удержания старых сотрудников. Приток молодежи в сферу промышленности относительно невелик, что особенно справедливо в отношении крупных заводов в многопрофильных городах. Предприятия не могут обеспечить конкурентоспособную заработную плату квалифицированным сотрудникам, следовательно, стараются использовать компенсаторные механизмы социальной политики и благотворительные программы для сотрудников.

У нас, конечно, свои интересы. Нам сейчас нужны молодые кадры, технологические службы. Мы проводим курсы повышения квалификации, учебные программы, поддерживаем студентов в программе «Уникальный ресурс Сибири», поддерживаем программы студенческого развития (Р.12).

В последнее время компании часто тратятся на внутренние программы — для сотрудников, молодых специалистов (Э.16).

Наиболее распространенными практиками «внутренней» корпоративной благотворительности являются следующие:

- социальная политика внутри компании (льготы, соцпакет, нематериальное поощрение);
- благоустройство подшефных районов, территорий, где проживают работники предприятия;
- образовательные программы, кураторство студентов в профильных учебных учреждениях, льготы при приеме на работу и ряд других.

Доноры описывают свои внутренние благотворительные программы в терминах именно таких практик, указывая на их традиционность еще в советский период и актуальность в настоящий момент. Интересно, что фактически реализация социальной поли-

тики интерпретируется как благотворительность представителями корпоративных доноров. Вложения в работников предприятия эмоционально расцениваются скорее как убытки, безвозмездная помощь.

Приведенные выше задачи благотворительной деятельности кроме последней положительным образом сказываются на компании-благотворителе. Задачи стратегически направлены на достижение и поддержание устойчивости компании в местном сообществе, имеют экономические выгоды. Тем не менее большинство опрошенных представителей крупных корпоративных доноров далеко не полностью понимают свою силу и роль в формировании культуры благотворительности, недооценивают степень своего влияния на социальную среду. Другими словами, профессионализм доноров еще не достиг уровня, когда стратегическое планирование благотворительности направлено не на прямую раздачу денег и получение маркетинговых эффектов, но на распространение культуры благотворительности, создание новых мотивов участия аудитории, на внедрение новых механизмов реализации благотворительности.

Основные направления благотворительной деятельности. Большинство корпоративных доноров действуют в «исторически» сложившихся направлениях благотворительности. Чаще всего это наиболее очевидные и актуальные виды помощи. Общий список выявленных в ходе исследования направлений включает следующие (перечислено от наиболее к наименее распространенным):

- помощь детям;
- поддержку образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, культуры и спорта;
- адресную помощь нуждающимся;
- поддержку ветеранов войны, труда;
- поддержку государственных и негосударственных некоммерческих организаций.

В исследовании практически не встречалось других направлений благотворительной деятельности, большая часть усилий доноров сосредоточена на первых трех направлениях, особенно на

помощи детям и учреждениям образования и здравоохранения. Это указывает на степень восприятия актуальности данных социальных проблем представителями корпоративных доноров. И это коррелирует с данными всероссийского опроса населения, согласно которым большинство россиян полагают, что благотворительность сегодня особенно необходима в сфере охраны материнства, отцовства, детства и преодоления детской беспризорности (67% опрошенных). На втором по значимости месте стоит необходимость помощи социально уязвимым слоям населения (36% респондентов). Потребность образования и медицины в благотворительной помощи отметили 32% участников опроса[20].

Приоритеты в выборе направлений для оказания помощи свидетельствуют об особенностях распределения усилий доноров на местном уровне — заметная часть потенциальных направлений остается незадействованной. Среди них такие как искусство, наука, образование, защита социальных и экономических прав граждан, охрана и восстановление архитектурных, религиозных объектов и т.д. В качестве объяснения подобной ситуации можно привести обобщенное высказывание респондентов: *Дети и пожилые являются самыми незащищенными. Дети — это наше будущее. Все остальное уже не так критично и актуально.* Вместе с тем необходимо понимать, что корпоративные доноры на местном уровне обращаются к самым актуальным проблемам муниципального образования и «дополнительные» направления благотворительности могут быть значительно менее важными.

Приоритет «детских» направлений благотворительной деятельности заметен и на федеральном уровне — большая часть материалов СМИ о благотворительности посвящена именно этому направлению. Результаты получены в ходе контент-анализа публикаций о благотворительности в российских региональных и федеральных СМИ, проведенного Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ в конце 2009 г.

---

[20] *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М., 2009. С. 14.

Подавляющее большинство публикаций, посвященных различным объектам благотворительной деятельности, касаются социальной сферы и здравоохранения (см. рис. 9.5). Наиболее популярной освещаемой темой является «дети» — посвященные им материалы составляют 54% общего числа публикаций о благотворительности. На втором месте по частоте упоминания, но с большим отставанием находится освещение благотворительной помощи жертвам и пострадавшим от стихийных бедствий или социальных катаклизмов (9% общего числа проанализированных материалов), на третьем — сообщения о помощи приютам (7%).

При этом федеральные СМИ больше чем региональные уделяют внимания «детской тематике» — 61 и 50% соответственно. Если обратиться к распределению публикаций, посвященных отдельным субъектам благотворительности, по направлениям пожертвований, то заслуживают внимания следующие позиции. Они дополняют картину распределения усилий доноров по отдельным направлениям благотворительности.

- Большинство материалов практически в каждой подгруппе публикаций, посвященной тому или иному донору, касается «детской тематики» (от 45% для материалов о российских коммерческих структурах до 71% для материалов о частных донорах и иностранных гражданах).
- В подгруппе материалов, посвященных российским коммерческим структурам, довольно значимое место занимают публикации о приютах (10%), а также о нескольких направлениях благотворительной деятельности (16%).
- В подгруппе материалов, посвященных зарубежным НКО и зарубежным коммерческим структурам, заметную долю составляют публикации, освещающие несколько направлений благотворительности (соответственно 11 и 19%).
- В подгруппе материалов, посвященных физическим лицам — иностранным гражданам, 18% составляют материалы о приютах.
- В подгруппе материалов, посвященных физическим лицам — гражданам РФ, 13% составляют материалы о жертвах или пострадавших.

На рис. 9.5 представлена информация о распределении публикаций по различным направлениям благотворительности, за рассматриваемые периоды. В период 08.2008–07.2009 по сравнению с предыдущим периодом 08.2007–07.2008, во-первых, незначительно сократилась доля публикаций, посвященных благотворительности для детей; во-вторых, увеличились доли публикаций, посвященных направлениям благотворительности «жертва или пострадавший» и «приюты».

На федеральном уровне для корпоративной благотворительности приоритетными являются больше направлений по сравнению с практиками корпоративных доноров на уровне муниципальных образований. Крупнейшие корпоративные доноры и благотворительные фонды сознательно стараются более полно охватить решение актуальных социальных проблем в масштабе страны или крупных регионов. Частично это является дополнением к исполнению органами власти обязательств в сфере социальной политики. Например, фонд Потанина ведет два основных направления — помощь талантливым студентам и финансовая поддержка проектов российских музеев. Направления и объекты деятельности Фонда Владимира Спивакова — помощь одаренным детям, развитие их музыкальных талантов и талантов в изобразительном искусстве, организация их творчества как в России, так и за рубежом. Фонд «Наше будущее» Вагита Алекперова ориентирован на поддержку проектов, основанных на принципах «социального предпринимательства». Крупные компании, например, добывающие подразделения ЛУКОЙЛа, вкладывают значительные средства в охрану окружающей среды. Объединенная компания «Русский Алюминий» (РУСАЛ) в качестве одного из направлений выбрала развитие территории через механизм своего Центра социальных программ.

Вернемся к практикам обследованных корпоративных доноров. Перечень тематических направлений обычно формируется при первом опыте благотворительности, после чего ориентации меняются незначительно. Благотворительная активность большинства доноров носит продолжительный характер — доноры стараются систематически оказывать помощь по выбранным на-

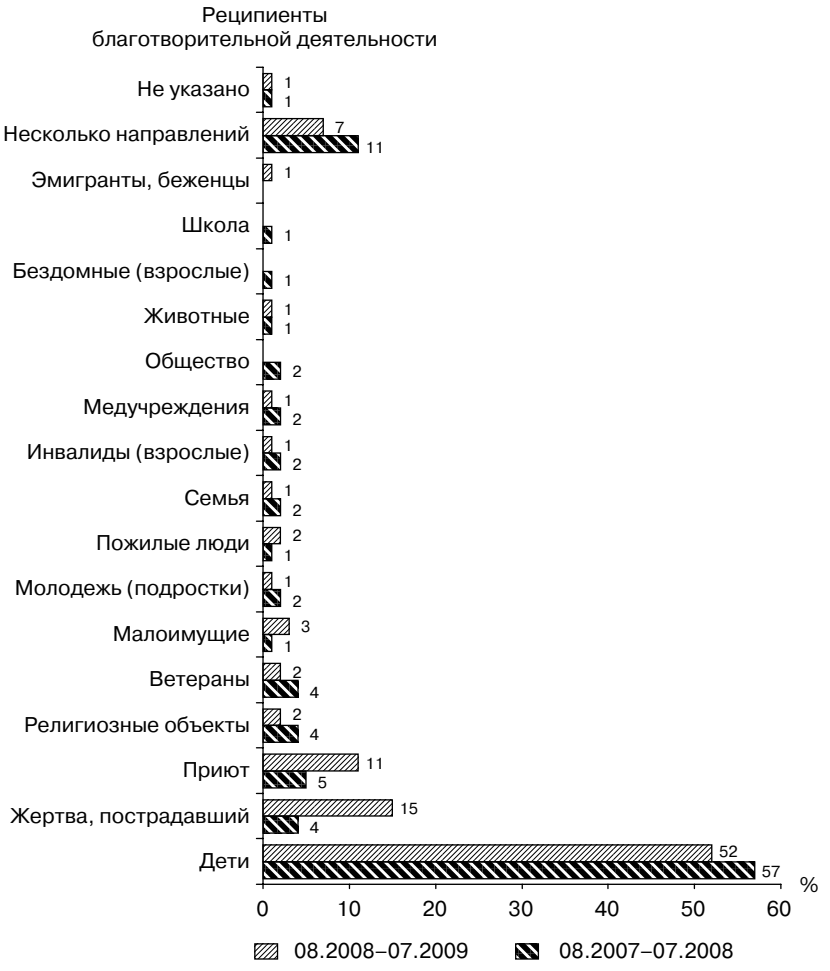


Рис. 9.5. Распределение публикаций о различных направлениях благотворительной деятельности по периодам (% проанализированных публикаций)

правлениям. При этом регулярность помощи во времени удается поддерживать не во всех случаях.

Мы стараемся брать один-два крупных проекта в год, это лучше, чем заниматься текущими делами. Это более существенно для компании и для общества, это системнее, проще спрогнозировать, заложить под это определенные средства (Р.13).

Достаточно распространенной является практика курирования донором того или иного объекта — «подшефной» организации. Чаще всего эти организации соответствуют основным направлениям благотворительности, а именно это детские дома, детские сады, образовательные учреждения, учреждения здравоохранения, также могут быть отдельные граждане или некоммерческие организации. Кураторство осуществляется двумя способами — формально и неформально. В первом случае доноры состоят в Попечительском совете организации или в аналогичных структурах.

Вот учреждения, которые «Дирол» ведет уже несколько лет, мы оказываем им помощь: МОУ «Специальный (коррекционный) детский дом для детей с отклонениями в развитии», Технологический профессиональный лицей и Новгородский государственный университет, Детская школа искусств им. В.С. Серовой, Чудовская центральная городская больница (Р.8).

Во втором случае кураторство (термин используется самими филантропами) осуществляется неформально и закрепляет существующую практику систематической помощи нуждающимся. Как сообщают представители корпоративных благотворителей, кураторство и постоянство основной группы благополучателей является эффективной практикой и позволяет минимизировать организационные издержки на выбор и разовое осуществление благотворительности. Длительное сотрудничество подразумевает сформировавшуюся высокую степень доверия со стороны благотворителя, а также возможности мониторинга результативности использования средств получателем.

В некоторых случаях оказание помощи является более гибким, происходит в ответ на запросы внешней среды. Чаще всего это помощь по адресным обращениям как частных лиц, так и органи-

заций. Небольшие корпоративные доноры не всегда в состоянии отвечать на подобные запросы в силу ресурсной ограниченности. Крупные в ряде случаев удовлетворяют подобные запросы, но также стараются придерживаться ранее выбранных направлений и получателей. Вместе с тем список конкретных благополучателей не фиксирован и может меняться постепенно в границах ранее выбранных направлений.

Мы многим помогаем. Вот сломались насосы в монастыре неподалеку — мы отремонтировали — послали электроремонтный цех. Если кому-то нужно привезти корм, автотранспортный отдел помогает. На частные обращения граждан, ездили сами, меняли им окна и т.д. (Р.10).

Просители сами особо не активно у нас спрашивают, не хотят надоесть, но несколько раз в год мы точно им что-то делаем (Р.6).

Стоит отметить, что часть доноров старается выстраивать благотворительные программы по принципу взаимной поддержки и синергии. Программы дополняют друг друга и направлены на комплексное решение социальных проблем территории. Новые программы или направления появляются в рамках уже сложившейся структуры организации и, как правило, служат усилению прежних. Например, это могут быть программы социальной адаптации детей из детских домов, дополняющие программы материальной помощи детским домам. Подобная программа реализуется, например, в Новосибирском отделении банка «Уралсиб».

Факторы выбора направлений благотворительной деятельности. В рамках выбранных тематических направлений доноры принимают решения о поддержке того или иного запроса. По данным проведенного исследования вне зависимости от размера коммерческой организации, реализующей благотворительную деятельность, решения принимаются по одному из следующих вариантов.

- Единолично руководителем компании (особенно характерно для средних или организаций малого бизнеса).

Я самостоятельно принимаю решение об одобрении или нет конкретного обращения. Сам выбираю того, кому нужно оказать помощь (Р.3).

- Коллегиально внутри компании, участвует руководство и профильные менеджеры (решающий голос остается за руководителем).

Если мне или коммерческому директору приходит письмо, над ним надо подумать, я отправляю его своим сотрудникам, это маркетологи, пиарщики, мы стараемся собрать информацию. А потом мы с генеральным принимаем решение из уже отобранных писем (Р.4).

- Коллегиально внутри компании, голос руководителя не является определяющим.

У нас создан комитет по организации и финансированию социальной деятельности, в него входят руководители фабрик в Новгороде и области, директор по производству, по логистике, по персоналу. Они встречаются и принимают вместе решения (Р.8).

- По рекомендации головного офиса (для филиальных компаний).

У нас бюджеты благотворительной деятельности определяются по полугодиям и определяются в центральном офисе. А любой проект мы согласовываем по смете с центральным офисом (Р.11).

- По рекомендациям органов власти.

Я пять лет работал в администрации, знаю ситуацию изнутри. Наступает праздник, на совещание приходит мэр города или губернатор и спрашивает, кто и как может поучаствовать. У администрации свои планы, им нужно знать, что сегодня какой завод в состоянии сделать. Решает администрация помочь больнице, а это больница предприятия, оно ей и помогает. Мы что, скажем, что мы такие умные и сами обойдемся и все сделаем? (Р.10).

Привлечение внешних экспертов, членов местного сообщества или некоммерческих организаций при выборе получателя помощи в исследовании не было зафиксировано. Доноры предпочитают самостоятельно выбирать конкретные обращения для поддержки и, где это возможно, оказывать помощь нуждающимся напрямую и не пользоваться услугами институциональных посредников благотворительности. В ряде случаев денежные пожертвования передаются не денежными средствами, а опосредованно — через самостоятельное приобретение благотворителем необходимых то-

варов или оплату услуг нуждающимся. В этом случае деньги перечисляются на счет поставщика товаров или услуг. Как об одной из причин подобной практики опрошенные сообщили о негативном опыте нецелевого использования денежных пожертвований посредниками благотворительной помощи.

Столкнулись с тем, что деньги перевели на счет Совета ветеранов, а они не положили все лекарства пенсионерам, которые должны были. Там оказались очень простые и дешевые лекарства (Р.13).

Мы придерживаемся принципа прозрачности нашей помощи, работаем напрямую, без посредников. Стараемся не перечислять деньги, можем, например, заключить договор на выполнение необходимых работ или помогаем в поиске исполнителей, заключаем договор (Р.8).

Корпоративные доноры стараются реализовывать благотворительную деятельность путем прямой адресной помощи благополучателям, частным лицам или организациям, путем постоянной поддержки «подшефных» организаций. Так коммерческие компании, реализующие благотворительную деятельность, стремятся наиболее полно контролировать использование благотворительных средств, получить уверенность в целевом использовании пожертвований.

Мы стараемся живых денег не давать, мы сами лучше купим и отдадим тем, кто просит. Это делается для того, чтобы не терять контроль за тем, куда эти деньги деваются. Просто когда деньги отдаешь, не факт еще, что дети получают или получат то, что хотели (Р.4).

Мы, как правило, не перечисляем деньги напрямую в учреждение, которое нас просит о помощи, мы оплачиваем только то, что они просят. Так мы немного снижаем риск, что отправив деньги, не дождешься отчета об их использовании. Отчет мы требуем всегда, он должен быть обязательно (Р.9).

Конкурсные процедуры практически не используют и в первую очередь из-за уверенности донора в собственной компетенции, достаточной для выбора проекта. Более того, у большинства доноров объем проектов и выделяемых средств относительно невелик и отсутствует необходимость в организации дополнительных

процедур отбора. Для крупных корпоративных доноров, напротив, этот механизм может быть интересен, но конкурсы все равно проводятся силами самого донора (так заявили опрошенные). Имеет место негативный опыт в некоторых организациях.

Мы не используем силы ФМС или благотворительных фондов, сами, мое подразделение организуем грантовые конкурсы. За несколько лет уже отработанная процедура (Р.1).

Мы делали проект «Астраханский Кулибин», хотели найти и поддержать людей-изобретателей. Было три заявки, а самая интересная — об устройстве определения спелости арбуза. Это немного не то, что мы ожидали. В Волгограде, на аналогичном конкурсе ЛУКОЙЛа выигрывает один и тот же человек (Р.4).

Таким образом, степень привлекательности посредников при реализации денежных пожертвований невелика, в том числе в силу следующих причин (расположены по уменьшению значимости).

- ***Отсутствие необходимости.*** Для большинства опрошенных корпоративных доноров потребность в институциональных посредниках и управлении благотворительными средствами не является актуальной. Во-первых, у большинства доноров уже сформирована сеть благополучателей, налажена система коммуникаций, отсутствует необходимость в ее дополнительной координации. Во-вторых, доноры не испытывают трудностей с поиском новых направлений или конкретных получателей: объем поступающих обращений достаточно велик и разнообразен. Наконец, организационных ресурсов корпоративных благотворителей обычно достаточно для текущего управления благотворительной деятельностью.
- ***Рациональная.*** Большинство доноров заявляют о неприятии дополнительных расходов на распределение переданных благотворительных средств, в том числе на оплату институциональных посредников. Благотворительные организации, по убеждению опрошенных, должны предоставлять свои услуги безвозмездно.

Если благотворительные организации или фонды хотят помочь развитию благотворительности, они по определению должны дей-

ствовать безвозмездно. Я не должен платить за их бескорыстный труд (Р.1).

- ***Психологическая.*** Недоверие к посредникам благотворительной деятельности. У опрошенных представителей корпоративных доноров имеются негативные стереотипы о фондах и НКО, отсутствует уверенность в их финансовой прозрачности и надежности работы. Более того, при ведении деятельности с помощью посредников возможности контроля и мониторинга использования благотворительных средств становятся ограниченными. Доноры не имеют ясного понимания, кто в действительности управляет пожертвованиями. Степень доверия к отчетности посредников невелика.

Я на самом деле фондам не доверяю, потому что очень много сейчас стало фондов, общественных организаций, их очень просто зарегистрировать, цели у них у всех похожи и все шлют письма с просьбой поддержать проект. Прежде чем работать с фондом, нужно его проверить, понять, насколько программы действительно реализуются. Документы ведь сейчас можно просто взять и подделать (Р.13).

Названые причины усугубляются тем, что более половины предпринимателей (59% против 47% среди населения в целом) определяют роль НКО, общественных организаций и других гражданских инициатив в жизни нашей страны как незначительную. Только 15% предпринимателей уверены, что благотворительные фонды, выделяющие деньги для решения различных проблем, приносят пользу людям[21].

Участие органов власти при выборе конкретного обращения или направления благотворительности в целом существенно, но для корпоративных благотворителей не является необходимым. По словам респондентов, корпоративные доноры получают рекомендации от органов власти по оказанию поддержки — участие в

[21] Результаты всероссийского опроса населения, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ и Фондом «Общественное мнение» в 2009 г. Объем выборки — 2000 респондентов.

ежегодных городских праздниках, в реализации социальных городских программ, рекомендации служб социальной защиты по оказанию помощи конкретным гражданам. Представители властных структур воспринимают коммерческие компании как дополнительный ресурс социальной поддержки территории, поскольку соответствующие муниципальные бюджеты не всегда являются достаточными для решения текущих социальных проблем. Свидетельства роли органов власти как инициаторов корпоративной благотворительности мы находим и в практике западных компаний. Так, исследователь корпоративной филантропии С. Нейхесл заявляет, что «организации вовлекаются в корпоративную филантропию по причинам политического и институционального давления со стороны органов власти и других внешних акторов»[22]. За счет участия в рекомендованных благотворительных акциях коммерческие организации, реализующие благотворительную деятельность, стремятся к сохранению или выстраиванию конструктивных взаимоотношений с органами власти.

> *Когда был юбилей Астрахани, конечно, компании старались откликаться на рекомендации администрации по оказанию благотворительной помощи. Насколько это было справедливо — другой вопрос. Но всем нам и дальше работать при этой администрации...* (Р.2).

Характер и интенсивность взаимодействия коммерческих организаций и органов власти во многом зависят от политического климата в регионе. Например, как оценивают респонденты из Великого Новгорода, органы власти здесь имеют существенное влияние на коммерческие организации. Ниже приведено несколько примеров сотрудничества доноров и органов власти.

- Соглашение о социально-экономическом сотрудничестве администрации Великого Новгорода и ОАО «Акрон»[23]. Еже-

---

[22] *Neiheisel S.R.* Corporate Strategy and the Politics of Goodwill: A Political Analysis of Corporate Philanthropy in America. N. Y., 2004.

[23] ОАО «Акрон» — один из крупнейших мировых производителей минеральных удобрений. Является градообразующим предприятием Великого Новгорода.

годно ОАО «Акрон» перечисляет администрации благотворительные средства, которые идут на поддержку социальной сферы области. В том числе средства перечисляются в резервный фонд «Великий Новгород». В 2008–2009 гг. было перечислено 25 млн руб.

- Участие в благотворительном Рождественском марафоне в Великом Новгороде. Практически всем предприятиям и организациям города рекомендуется участвовать в ежегодном благотворительном марафоне — перечислять денежные средства на счет специально созданного благотворительного фонда.
- Участие в мероприятиях по празднованию 1150-летия Великого Новгорода (аналогичный пример организации 450-летия Астрахани). Приветствовались обязательные благотворительные вклады в соответствующие фонды или проведение работ по благоустройству территории на собственные средства.

Выбор конкретных случаев для оказания благотворительной помощи определяется двумя группами причин. С одной стороны, это моральные и этические ценности и представления, предпочтения руководителя компании, актуальность проблемы для жителей территории. Эти причины характерны для большинства коммерческих организаций, реализующих благотворительную деятельность, вне зависимости от их профессионально-организационных характеристик.

С другой стороны, это особенности профессиональной деятельности компаний и характеристики целевой аудитории, что особенно актуально для крупных корпоративных доноров, деятельность которых имеет широкий резонанс в сообществе. Органы власти, структуры социальной защиты, некоммерческие организации, нуждающиеся, а также местные жители «ожидают» благотворительных пожертвований от крупных организаций — градообразующих предприятий, крупных коммерческих и промышленных компаний и т.д.

До сих пор моя компания для жителей — раздражитель, им не нравится, что я в кризис не закрылся, они недовольны высокими, как им

кажется, ценами на мои лекарства в аптеках. Естественно, они ждут от меня, чтобы я «компенсировал» свою успешность, поделился с городом (Р.2).

9.3. Ключевые формы реализации благотворительности

В международной практике накоплен большой опыт реализации благотворительной деятельности коммерческими компаниями, при этом постоянно разрабатываются и внедряются новые формы, с помощью которых компании осуществляют филантропическую деятельность. Российские корпоративные доноры, напротив, придерживаются скорее традиционных и широко распространенных форм, основной из которых являются денежные пожертвования. На недостаточный уровень развитости других форм благотворительности, в частности предоставление услуг, обращают внимание эксперты. Например, Н.Г. Каминарская считает, что «хотя для многих компаний... такой вид помощи не потребовал бы значительных усилий и средств, они, видимо, не считают подобную деятельность благотворительной, забывая, что благотворительность — не только финансовые и материальные ресурсы, но также и интеллектуальные»[24].

В сообщениях российских СМИ тема денежной благотворительности занимает больше половины всего объема материалов о благотворительной деятельности — 57% в среднем за два исследованных периода. В период экономического кризиса объем соответствующих публикаций увеличился на 6% (см. рис. 9.6). Публикации об оказании помощи в натуральной форме (вещами, товарами, продуктами) составляют всего 17%. Наименее распространены публикации о благотворительной помощи в форме

---

[24] *Каминарская Н.Г.* Корпоративная благотворительность: состояние и перспективы // Практики компаний в области благотворительности и социальных инвестиций. По материалам проекта «Корпоративный донор России». См.: http://donorsforum.ru/projects/corporate_award/results_2008/.

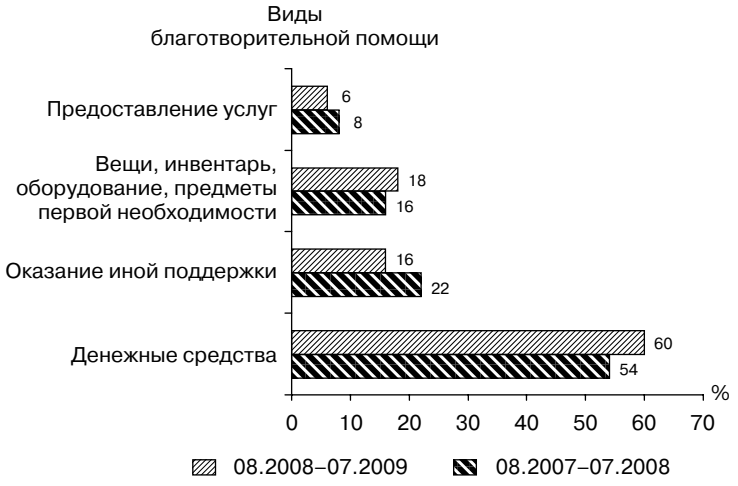


Рис. 9.6. Распределение публикаций о различных видах помощи по периодам (% проанализированных публикаций по периодам)

предоставления услуг — за два исследованных периода встречается всего в 7% публикаций.

Если обратиться к рис. 9.7 о распределении публикаций с указанием формы помощи по различным субъектам благотворительности, то материалы о помощи в денежной форме составляют более половины. Так, в публикациях о благотворительности российских граждан в 63% всех рассмотренных материалов СМИ указывается на оказание денежной помощи, а в публикациях о зарубежных НКО — в 49%. Исключение составляет подгруппа публикаций об иностранных гражданах, в ней доля данного типа материалов составляет всего 18%.

Освещение совершения денежных и неденежных пожертвований в российских СМИ неравномерно. Так, наибольшая доля публикаций о помощи в неденежной, натуральной форме зафиксирована в подгруппе материалов о зарубежных коммерческих структурах (28%). Наименьшие доли таких публикаций — в подгруппах материалов о российских (12%) и зарубежных (14%) НКО. Наибольшие доли пуб-

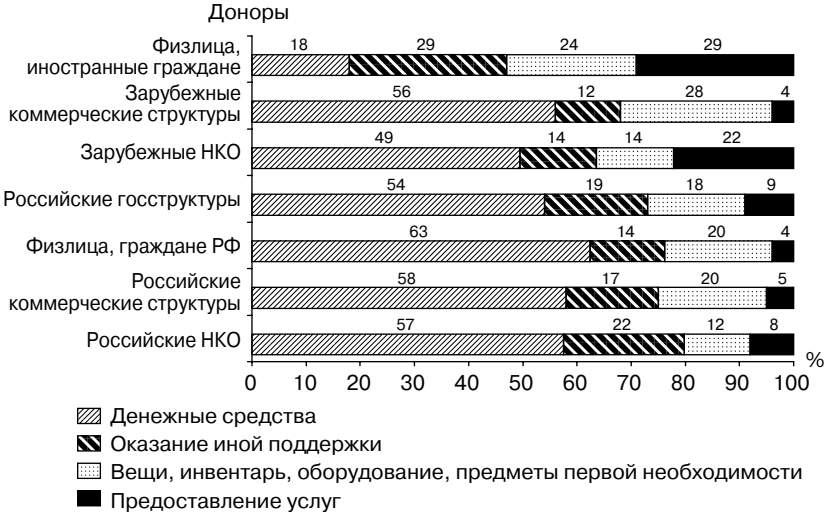


Рис. 9.7. Распределение публикаций с указанием формы помощи в зависимости от субъектов благотворительной деятельности (% проанализированных публикаций по субъектам)

ликаций о помощи в виде предоставления услуг оказались в подгруппах материалов об иностранных гражданах (29%). Наименьшие доли — в подгруппах материалов о зарубежных коммерческих структурах (4%) и гражданах РФ (4%) соответственно.

Несмотря на преобладание информации о денежных пожертвованиях, распределение материалов СМИ по видам помощи сильно варьируется в зависимости от сферы реализации благотворительности (см. рис. 9.8). Это можно оценивать как свидетельство наличия различных форм благотворительности у российских донорских организаций.

Доли публикаций о предоставлении помощи в денежной форме варьируются от 11% (для подгруппы материалов о культуре и искусстве) до 88% (для подгруппы материалов о религии). В подгруппе материалов о поддержке СМИ такого рода публикации отсутствуют — 100% составляют материалы об оказании иной

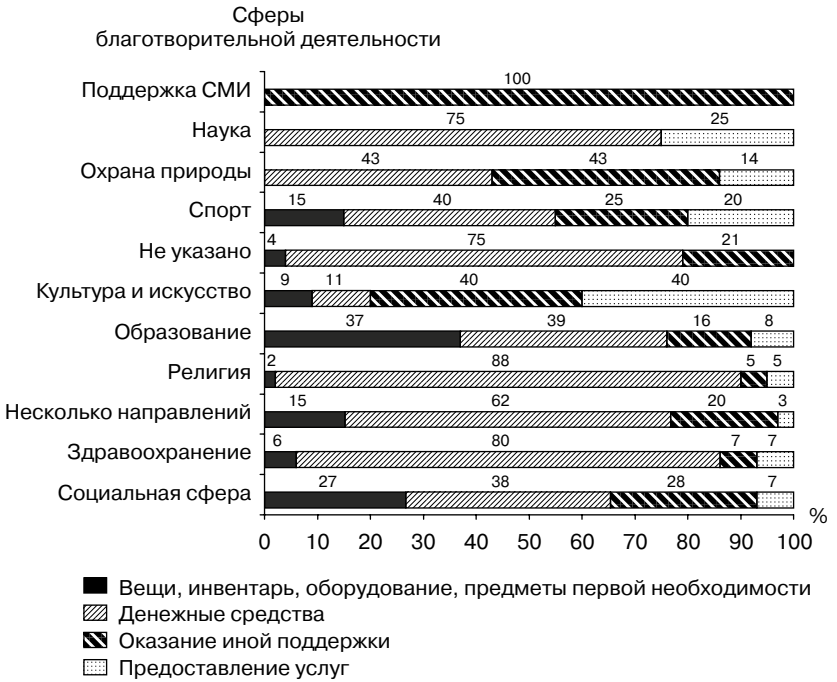


Рис. 9.8. Распределение публикаций по видам помощи и по направлениям благотворительности (% проанализированных публикаций по сферам)

поддержки. Доли публикаций о помощи в вещественной форме различаются от 2% (для подгруппы материалов о религии) до 37% (для подгруппы материалов об образовании). Материалы о безвозмездном предоставлении услуг представлены в пределах от 5% (для подгруппы материалов о религии) до 40% (для подгруппы материалов о культуре и искусстве).

Распространение и использование форм благотворительности обследованных корпоративных доноров соответствует приведенным выше данным, сообщенным в материалах российских печатных федеральных и региональных СМИ.

Денежные пожертвования являются преобладающей, как по частоте использования, так и по объему пожертвований, формой реализации благотворительной деятельности. Помимо привычности и интуитивной простоты передачи денежных средств для представителей корпоративных доноров, эта форма помощи позволяет достаточно полно ответить на запрос благополучателя. Кроме того, при денежной благотворительности минимальны временные издержки донора на передачу средств. Организационные издержки также невелики по сравнению с использованием неденежных форм благотворительности.

Конечно, удобнее отдать деньгами, так как на покупку и доставку подарков много временных затрат (Р.14).

Строился Дом милосердия в Академгородке и за 2 года мы перечислили около 2 млн руб. сначала по просьбе Епархии, потом уже это была наша инициатива (Р.13).

Было принято решение семьям милиционеров помочь, тем, кто в Чечне или других горячих точках погибли. Некоторые семьи 2 года подряд получали 3–6 тыс. ежемесячно от компании (Р.7).

Неденежными формами благотворительности являются безвозмездная помощь в натуральной форме товарами и услугами, продукцией предприятия, оказание волонтерской помощи, в том числе сотрудниками организации, предоставление услуг pro bono и ряд других. Использование неденежной благотворительности распространено значительно меньше, более того, это не всегда воспринимается как благотворительность, особенно в случае безвозмездного предоставления услуг. Неденежная благотворительность более организационно затратна, требует большого количества корпоративных и человеческих ресурсов. Это является одной из основных причин ее меньшей привлекательности для доноров по сравнению с денежными формами пожертвований.

Купили аттракцион в муниципальный парк, на второй год перенесли его в коммерческий парк, там оставили льготные цены, это парк зарабатывает (Р.4).

Среди форм неденежной благотворительности доноры сообщили о двух основных форматах: безвозмездное предоставление

продукции организации и вовлечение сотрудников, их труда и других ресурсов.

> *Основной вид благотворительности — это предоставление товаров, которые есть у нас, бытовой техники. Еще мы оплачиваем людям операции, покупали специальные кровати для реабилитации людей с травмами позвоночника* (Р.6).

Вовлечение сотрудников. В процессе принятия решений, выбора и реализации благотворительных программ участвует небольшое количество сотрудников — чаще всего это руководитель и топ-менеджеры, тогда как рядовые сотрудники просто информируются о проводимой деятельности. Из неденежных форм благотворительности вовлечение сотрудников и корпоративное волонтерство развиты менее, чем безвозмездное предоставление товаров и услуг организации. Причины аналогичны причинам недостаточной развитости неденежных форм благотворительности в целом. Во-первых, вовлечение сотрудников является организационно трудо- и времязатратным, появляется необходимость в новых кадрах, дополнительных обязанностях сотрудников для координирования процесса. Во-вторых, для развития корпоративной благотворительности необходимо финансовое и эмоциональное благополучие работников. Наконец, готовность к коллективным действиям для осуществления благотворительности недостаточно высока у населения. По месту своей работы лишь 7% россиян осуществляют добровольческую деятельность[25], 3% делали денежные пожертвования незнакомым нуждающимся людям[26].

Несмотря на невысокую степень распространения корпоративного волонтерства, опрошенные сообщили о нескольких формах вовлечения сотрудников в этот вид благотворительности.

- Сбор средств (денежных и неденежных) у работников компании. Является организационно наиболее простой формой вовлечения сотрудников. Осуществляется сбор денег, вещей, продуктов и т.д. Объем сборов в натуральной форме обыч-

---

[25] *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России... С. 41.
[26] Там же. С. 113.

но превышает по оценочной стоимости сборы денежных средств на аналогичные цели. Отчисление установленной доли заработной платы является неразвитой формой вовлечения сотрудников, никто из опрошенных доноров не сообщил о подобной практике.

Получатели благотворительной помощи чаще всего находятся вне организации — это детские дома, школы, детские сады, ветеранские организации и т.д. Могут быть и получатели из числа сотрудников, в том числе сотрудники, оказавшиеся в сложной ситуации, и их семьи. Периодичность проведения акций: 2–3 раза в год. Обычно это приурочено к известным праздникам (Новый год, День Победы, День защиты детей, День знаний, День пожилого человека).

В прошлом году на Рождественский марафон мы проводили акцию по сбору вещей и докупали еще от компании. Делали стенд на ресепшн, вывешивали фотографии детей. Сотрудники сдавали деньги, а компания удваивала сумму и покупала что-то в детский дом (Р.9).

Инициаторами и организаторами акций являются генеральный директор, его помощник, отделы по работе с персоналом, отделы маркетинга. Они предоставляют необходимые организационные, информационные и материальные ресурсы для осуществления сбора пожертвований. Информация о проведении акции распространяется среди сотрудников организации посредством электронной почты, радио, личных встреч и совещаний, объявлений на информационных стендах, в корпоративных печатных изданиях, на сайте организации. Другими словами, руководство компаний старается поощрять вовлечение сотрудников в благотворительную деятельность.

Мы письмо с запросом отсканировали, выложили на корпоративный сайт — у нас есть такая возможность интерактивного общения. Написали, что кто может, отдавайте. Кто-то принес денег, кто-то вещи хорошие, какие не стыдно дать на выпускной в детский дом. Мы собрали и отвезли туда (Р.4).

- Участие в волонтерских программах. Корпоративные доноры привлекают своих сотрудников к участию в волонтерских программах и акциях. Чаще всего это совместная деятель-

ность по оказанию помощи детям, участие и организация творческих мероприятий, деятельность по благоустройству и озеленению территории около предприятия или в городе. Опрошенные сообщили об отсутствии опыта оказания сотрудниками услуг pro bono.

Волонтерские акции проводятся, как правило, 1–2 раза в год и приурочены к праздникам или, например, к проведению весенних субботников. Организация акций осуществляется руководством компании или сотрудниками кадровых служб, отделов по работе с персоналом. Транспорт и необходимые инструменты приобретаются на средства компании.

Волонтерство подразумевает безвозмездный характер труда, жертвование своего времени. Тем не менее в ходе исследования были выявлены случаи, когда волонтерство не являлось безвозмездным. Например, в компании «Чистая вода» в г. Новосибирске считают необходимым оплачивать участие сотрудников в волонтерских программах, трату времени сотрудников. Оплата для всех является единой и не зависит от текущего оклада работника.

Каждый труд должен быть оплачен, лучше же как-то замотивировать (Р.13).

В целом, по свидетельствам опрошенных представителей корпоративных благотворителей, системы моральных поощрений развиты неодинаково в разных компаниях. Интересно, что на крупных промышленных предприятиях набор практик нематериального поощрения достаточно велик — грамоты, поздравления, упоминание во внутренних изданиях, по радио, в информационных вестниках и т.д. Средние и малые доноры имеют минимальный набор практик, часто это неформальное устное поощрение.

В ходе Рождественского марафона работниками «Акрона» и дочерних предприятий было собрано и перечислено средств на сумму 476 тыс. руб. В марафоне приняло участие около 3 тыс. химиков... «Акрон» продемонстрировал высочайший уровень сознательности людей и в очередной раз показал сплоченность коллектива предприятия (Информационный вестник. Акрон. Великий Новгород. 2008. № 2. 17 января).

Обращает на себя внимание одна из положительных функций корпоративного волонтерства, а именно развитие культуры благотворительности среди сотрудников организации и их ближайшего окружения. Принципы и логика оказания безвозмездной помощи постепенно становятся понятными для сотрудников и их семей, превращаются в норму повседневности, рутинизируются. Опрошенные представители корпоративных доноров сообщают о росте готовности и намерений сотрудников к самостоятельному оказанию безвозмездной помощи или услуг, что подтвердили опрошенные руководители предприятий.

Одна группа сотрудников уже сама, по собственной инициативе едет в дом престарелых, организовывает представления на Новый год, 8 марта, День пожилого человека. Со стороны руководства, мы никаких мер особо не предпринимаем, поддерживаем, конечно, их по мере необходимости, но инициатива уже исходит от них. В течение многих лет (Р.8).

9.4. Политика корпоративной благотворительной деятельности

Общая политика благотворительной деятельности в более или менее явном виде присутствует у всех опрошенных представителей корпоративных доноров. В одном случае она включает понимание и следование выбранным направлениям оказания благотворительной помощи. В другом — политика формально утверждена и зафиксирована в уставных или текущих документах организации. Приведенные варианты составляют континуум всех реальных практик управления благотворительной деятельностью. Стоит отметить две выделенные в исследовании закономерности. Отсутствие формальной политики благотворительности чаще встречается у малых и средних корпоративных доноров, в то время как представители крупных доноров, особенно в организациях с долей иностранного уставного капитала, чаще сообщали о наличии формальной политики.

Вместе с тем распределение зафиксированных в исследовании практик неравномерно и смещено к границе неформального видения благотворительности. Подобная ситуация, как представляется, во многом обусловлена общим пониманием и позиционированием благотворительной деятельности в организации.

Неформальный характер политики благотворительной деятельности во многом формируется бюджетным планированием. Оно носит приблизительный характер, формируется по остаточному принципу. При этом сами доноры, руководители организаций, иногда не могут спланировать статью расходов на благотворительность в начале финансового года. В большинстве случаев отдельная статья расходов на благотворительную деятельность в бюджете отсутствует, а сумма определяется ситуативно в зависимости от текущего запроса и возможностей компании.

> *Будет у компании работа, будет возможность давать деньги. Подождем очередных праздников, когда будет запрос, и тогда поймем по текущей ситуации* (Р.14).

> *Бюджет же у нас такой маленький, что его прописывать нет смысла* (Р.3).

Средние и ряд крупных корпоративных доноров имеют практики стратегического планирования. Но планирование остается достаточно общим, в нем присутствуют только ключевые аспекты: направления благотворительности, крупные или ежегодные программы, годовой бюджет. Бюджет может быть как отдельной статьей, так и формально необозначенной долей в статье «Прочие расходы».

Стратегическое видение благотворительной деятельности у крупных корпоративных доноров заметно отличается от описанного выше. Речь идет о развитых и относительно молодых компаниях, ориентированных на западные модели управления. Также это крупные компании, которые разрабатывают систему благотворительности в центральном офисе и внедряют ее в региональные подразделения. Степень детализации отличается в зависимости от компании.

Стратегии глобальной нет, но есть «Процедура оказания благотворительной помощи», ежегодно бюджетируем, это отдельная статья в бюджете (Р.9).

Мы рекомендуем нашим подразделениям по всему миру направлять на участие в жизни местного сообщества приблизительно 1% от прибыли до вычета налогов. Наша стратегия по всему миру включает три основных направления: развитие образования и предпринимательства, защита здоровья и социальное обеспечение, охрана окружающей среды (Корпоративная социальная ответственность. Руководство для сотрудников. Cadbury Schweppes Plc.).

Крупные корпоративные доноры наиболее профессионально и системно подходят к планированию благотворительности, рассматривая ее в логической связке с другими направлениями деятельности компании. Воспринимаемый статус благотворительности постепенно приближается к статусу рядовых бизнес-процессов, что выражается в повышении уровня менеджмента. По свидетельствам представителей организаций крупных корпоративных филантропов, в их компаниях разрабатываются и формально утверждаются направления, программы, благополучатели и бюджет благотворительной деятельности. Часто это делается коллегиально, вовлекаются основные руководители, директора направлений.

У нас бюджет определяется раз в полгода. Мы обосновываем, расписываем направления нашей деятельности, обозначаем основные крупные проекты, которые планируем реализовывать или продолжать (Р.11).

Благотворительность воспринимается не столько как удовлетворение личных моральных потребностей руководителя, скорее как конструктивный для всей организации процесс. Вероятные результаты благотворительной деятельности — формирование положительного имиджа компании, лояльности потребителей, органов власти и персонала, а также дополнительной стоимости бренда — достаточно хорошо понимаются руководством. Наиболее ярким примером можно назвать благотворительную деятельность ЛУКОЙЛа в Астрахани. Это добывающее подразделение

ведет обширные благотворительные экологические программы, направленные на формирование лояльности населения и органов власти к деятельности предприятия. Данная функция экологических благотворительных программ осознается в самой компании и декларируется в качестве приоритетной.

Бюджет благотворительной деятельности. Определение бюджета благотворительной деятельности является наиболее важным этапом стратегического планирования. Этот шаг в целом повторяет описанные выше зависимости: малые и средние доноры наименее формально подходят к определению бюджета, часто действуют ситуативно, в ответ на внешние обращения. В ряде случаев владельцы организаций используют собственные средства (но не ресурсы компании) для безвозмездной передачи. В этом случае мы их понимаем как частных благотворителей. Если же владелец компании, частный предприниматель изымает денежные средства из оборота организации, мы продолжаем говорить о нем как о представителе корпоративного донора. Крупные и ряд средних доноров в начале финансового года проводят распределение бюджета по согласованным направлениям. Расходы на благотворительность чаще всего формируются как процент от прибыли.

Стоит добавить ряд общих для всех обследованных доноров характеристик. Во-первых, финансовая и бухгалтерские отчетности выделения благотворительных средств достаточно хорошо развиты и широко применяются. Перечисление денежных средств в обязательном порядке сопровождается получением отчетных документов, что справедливо как для крупных, так и для средних и малых доноров. Во-вторых, отчетность по движению материальных ценностей, продукции или услуг организации распространена в меньшей степени. О практике учета безвозмездно переданных товаров в пересчете на денежные средства сообщило только несколько опрошенных. Чаще всего продукция списывается как убытки или никак не отражается в отчетных документах.

> *Для нас ничего не стоит завести отдельный номер и предоставить его как служебно-тестовый. Наши мощности позволяют. И нигде этого не будет видно* (Р.4).

Экономический кризис 2008–2009 гг. имел негативное влияние на объемы благотворительности среди большинства доноров. Многие доноры пропорционально сокращали свои расходы, однако нельзя говорить о полном прекращении деятельности и отказе от благотворительности. Это связано с ее эмоциональной стороной. Благотворительность для большинства опрошенных является скорее эмоциональной и моральной деятельностью, но не рациональным бизнес-процессом. Поэтому она с неочевидностью понимается как доступная для сокращения статья расходов — моральные обязательства в ряде случаев выступают более значимыми, чем рациональные соображения экономии. На конец 2009 г., в момент проведения исследования настроение корпоративных доноров можно было охарактеризовать как оптимистичное, опрошенные были настроены на продолжение благотворительной деятельности.

Анализ материалов, посвященных благотворительности в российских СМИ, дает представление о характере освещения денежной благотворительности по субъектам. При этом информация в целом носит достаточно скрытый характер, доноры предпочитают не указывать суммы пожертвований — в 61% публикаций о благотворительности суммы не указывались. Интересно, что даже в процессе глубинного интервью некоторые респонденты выражали нежелание говорить о бюджете благотворительности. Поэтому, безусловно, материалы СМИ следует рассматривать как один их источников информации, скорее всего не полностью отражающий специфику распределения денежных пожертвований российских корпоративных доноров. Но все же его использование полезно для формирования более полного понимания явления денежных пожертвований.

Привлекает внимание тот факт, что в информационном поле практически отсутствуют сообщения о малых и средних пожертвованиях, они составляют всего 4% общего объема публикаций. Больше всего материалов посвящено сверхкрупным (более 3 млн руб.) и крупным (более 500 тыс. руб.) пожертвованиям — 16 и 12% соответственно. Это, с одной стороны, говорит об иерархии ин-

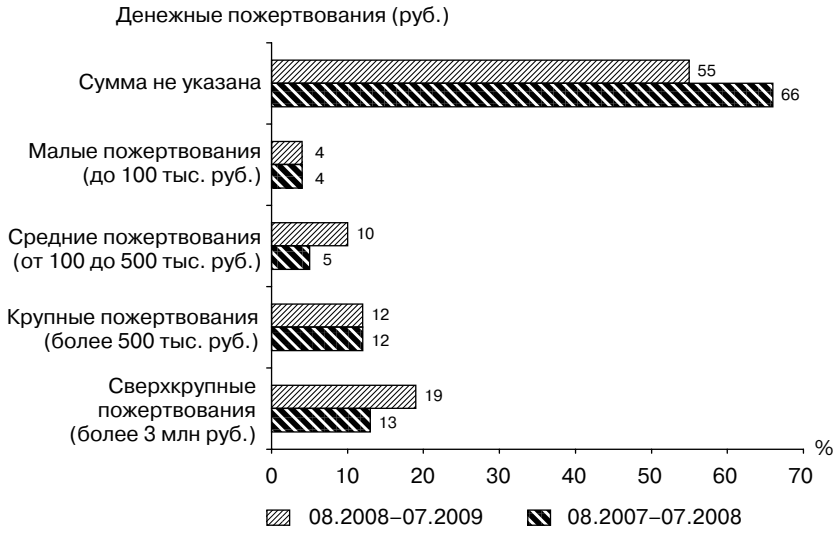


Рис. 9.9. Распределение публикаций в зависимости от размера денежных пожертвований, о которых в них говорится (% проанализированных публикаций по периодам)

формационных поводов для СМИ, где крупные пожертвования, что объяснимо, вызывают больший интерес. С другой — указывает на открытость и активность крупных доноров в освещении собственной благотворительной деятельности. Также можно предположить, что средние корпоративные доноры предпочитают не открывать данные об объемах благотворительной помощи из опасений проверяющих инстанций.

На рис. 9.9 представлена информация о распределении публикаций в зависимости от размера денежных пожертвований, о которых в них говорится. В период 08.2008–07.2009 гг. по сравнению с предыдущим периодом 08.2007–07.2008 гг. на 11% сократилась доля публикаций, в которых не указывались суммы пожертвований, и увеличились доли публикаций о сверхкрупных и средних пожертвованиях на 6 и 5% соответственно.

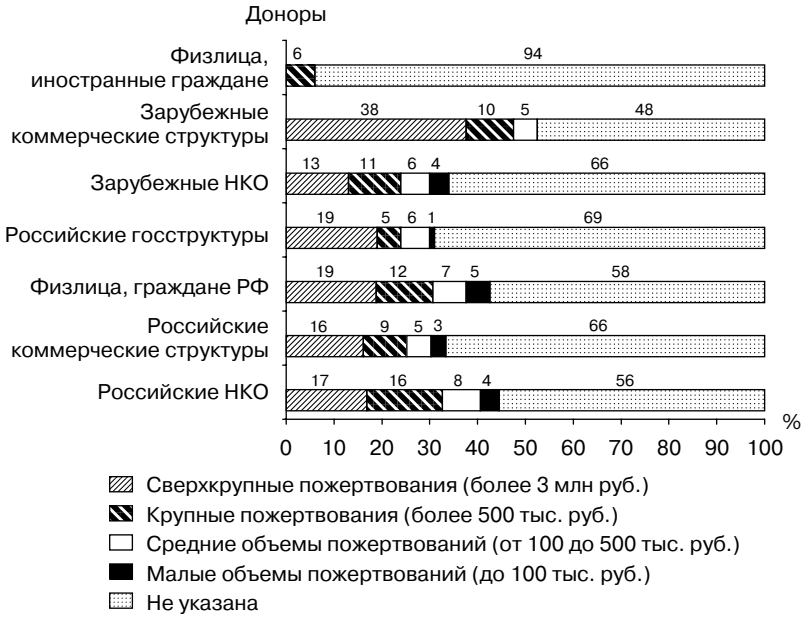


Рис. 9.10. Распределение публикаций по субъектам благотворительности в зависимости от размеров денежных пожертвований (% проанализированных публикаций по субъектам)

Существенная часть публикаций, посвященная различным субъектам благотворительности, не содержит информации о конкретных суммах благотворительной помощи. Вместе с тем результаты контет-анализа дают возможность приблизится к пониманию потоков денежной благотворительности в зависимости от типа донора (рис. 9.10).

Обращают на себя внимание следующие данные. Во-первых, наибольшая доля публикаций о сверхкрупных пожертвованиях отмечена в подгруппах материалов о зарубежных коммерческих структурах (38%) и о российских государственных структурах и частных лицах — по 19% соответственно. Во-вторых, наибольшие доли публикаций о крупных пожертвованиях отмечены в подгруп-

пах материалов о российских НКО (16%) и частных донорах (12%), наименьшая — в подгруппе материалов об иностранных частных донорах — только 6% статей.

Данные о благотворительных бюджетах, полученные в ходе исследования, в целом согласуются с представленными в СМИ. Далеко не все опрошенные смогли и были готовы назвать данные о переданных денежных средствах. Большая часть средних и малых доноров сообщили только примерные суммы, в то время как крупные доноры проявляли большую открытость. Например, крупные корпоративные доноры Новгородского региона — компании «Амкор» и «Дирол», ежегодно перечисляют 1,5 и 3 млн руб. соответственно. Средние корпоративные доноры, например оператор сотовой связи «Астрахань GSM», ежегодно тратят на благотворительные цели около 2 млн руб. Коммерческие компании, которые можно отнести к малым корпоративным донорам, например логистическая группа НЭК или консалтинговая компания «Партнер-Эксперт», ежегодно оказывают благотворительную помощь в размере 15 и 10 тыс. руб. соответственно.

Подводя итог, можно отметить, что общими для большинства доноров являются невысокая степень формализации денежных потоков благотворительности и практика гибкого подхода к определению бюджета благотворительной деятельности, в зависимости от запросов внешней среды. Вместе с тем крупные доноры более системно и профессионально подходят к финансовому менеджменту денежной благотворительности и выходят в информационное пространство, открывая данные об объемах благотворительных бюджетов.

Менеджмент корпоративной благотворительности. В данном исследовании большая часть корпоративных доноров не имеет построенной организационной системы управления благотворительностью. За исключением одной компании (БФК, производство и установка пластиковых окон, Новосибирск) во всех обследованных организациях отсутствуют специалисты по реализации благотворительности, управление функционально не закреплено за конкретными должностными позициями. В БФК был создан

отдельный орган — Попечительский совет — для реализации стратегического и текущего управления благотворительной деятельностью, включая определение бюджета.

Когда появилась возможность поделиться, директора и учредители компании пришли в ближайший детский дом. Им сказали, что нужен видеомагнитофон и телевизор — через неделю они стояли в кабинете у директора. Тогда один из директоров предложил создать фонд внутри компании, и полностью отвечать за благотворительную деятельность компании (Р.15).

В большинстве исследованных коммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность, управление и исполнителей схематично можно представить следующим образом.

Таблица 9.1

Управление корпоративной благотворительностью

Вид управления	Стратегическое управление	Текущий менеджмент
Субъект управления	• Генеральный директор (наибольшая значимость) • Центральный офис • Совет акционеров	• Помощник генерального директора • Коммерческий, финансовый директор • Менеджер по персоналу • Менеджер по маркетингу
Функционал	• Определение направлений • Определение размера бюджета • Принятие решения по конкретному обращению, в том числе проверка обоснованности запроса • Взаимодействие с органами власти и руководителями организаций посредников и благополучателей • Формирование культуры корпоративной благотворительности	• Мониторинг и первичный отбор обращений • Коммуникация с органами социальной защиты, муниципальными образовательными учреждениями и учреждениями здравоохранения • Коммуникация со СМИ, реализация PR-деятельности • Организация грантовых конкурсов

Привлекает внимание роль генерального директора в реализации благотворительной деятельности организации. Его управленческие решения, как было показано выше, часто являются ключевыми при решении той или иной задачи. Справедливо добавить, что большинство опрошенных указывало на наличие постоянной коммуникации директора с менеджерами, привлечение последних в процесс принятия решений о благотворительности.

Оценка эффективности. Большинство опрошенных представителей корпоративных доноров не практикуют мониторинг или оценку эффективности благотворительной деятельности и ограничиваются получением финансовой отчетности. Часть респондентов сообщила, что они не следят за расходованием средств после их передачи. При этом не стоит забывать, что перед передачей средств доноры стараются проверять обоснованность и актуальность обращений. Другими словами, предоставляемая свобода использования пожертвований не является абсолютной.

> *Я сначала понимаю, что им нужно, оцениваю адекватность просьбы, свои возможности. А после этого — зачем еще и отдельно следить за выполнением?* (Р.14).

В ходе исследования был выделен ряд неформальных практик и критериев, используемых в организациях для общей проверки использования пожертвований. Представители корпоративных доноров, часто руководители, лично проверяют результативность благотворительности, особенно, когда это касается легко наблюдаемых действий: покупка медицинского оборудования, товаров, продуктов, выезд группы детей на соревнования, проведение ремонта и т.д. Немаловажным критерием оценки служат благодарности, письма или документальные подтверждения результатов благотворительности со стороны реципиентов.

> *Увидел посаженное дерево или аппарат медицинский — хорошо* (Р.3).

> *Для нас очень важно получать награды от администрации или грамоты как «Лучшее предприятие социальной ответственности», потому что это формальное признание той работы, которую мы ведем* (Р.8).

Однако ни один из опрошенных не сообщил о наличии формальной системы оценки эффективности благотворительности. Даже такие масштабные акции, как юбилей города, системно не оцениваются с точки зрения формирования бренда компании или с позиции накопления социального капитала. Существующие практики оценки и мониторинга довольно просты и заключаются в учете наблюдаемых результатов благотворительности.

9.5. Коммуникативные практики корпоративных доноров в информационном пространстве

Коммуникативная активность доноров во многом определяется пониманием благотворительной деятельности и задачами, которые были перед ней поставлены. Можно отметить общую ориентацию на умеренное освещение своей благотворительности и незначительную активность в информационном поле. В немалой степени это обусловлено культурными традициями благотворительности. При этом необходимо понимать, что декларируемая умеренность относится к действиям самого донора — благотворитель не должен, в восприятии опрошенных, прилагать видимых усилий для освещения своей деятельности. В то же время представители крупных корпоративных доноров сообщали о значительных материальных вложениях в освещение благотворительной деятельности своей организации.

Как показывают результаты анализа отобранных публикаций в российских печатных СМИ, освещение благотворительной деятельности носит преимущественно информационно-рекламный характер (32% отобранных материалов). В публикациях приводится информация о конкретном благотворителе или о проведении благотворительной акции, мероприятия. При этом за период 08.2007–07.2008 гг. доля подобных материалов составляла 29%, а за период 08.2008–07.2009 гг. — уже 35%. Ниже приведен пример подобной заметки:

В июле этого года стартовала программа «Офицеры России». Ее организатор и координатор — фонд «Офицеры России». Реализация этой программы — его основная задача. Фонд «Офицеры России» — это негосударственная благотворительная организация, которая действует через свои региональные представительства. Фонд не зарабатывает на благотворительности и не проводит благотворительные средства через свои счета. Он организует и контролирует поступление финансовых средств напрямую от спонсоров нуждающимся.../Далее в публикации дается подробное писание структуры фонда, направлений его деятельности/ (Цветков А. Фонд «Офицеры России» // Компания. Москва. 2007. № 39. 22 октября).

Результаты обследования подтверждают дифференциацию коммуникативных практик у малых и крупных доноров. В первом случае они практически сведены к минимуму — доноры не предпринимают никаких действий для освещения собственной благотворительной деятельности. Более того, это считается избыточным и ненужным.

Если человек занимается благотворительностью для связей, это одно. Настоящий благотворитель даже никогда не скажет об этом, не будет светиться (Р.14).

Сначала мы стеснялись о нашей благотворительности рассказывать, боялись, что это будет расценено как хвастовство (Р.15).

В организациях крупных корпоративных доноров присутствуют ориентации на более активное информирование населения и групп целевой аудитории. Чаще всего это традиционные практики рекламных отделов и отделов по связям с общественностью. Опрошенные сообщали о размещении информации по следующим каналам: статьи в печатных СМИ, преимущественно в местных газетах, информационные плакаты или стенды на мероприятиях, интервью руководителей организации или ее представителей. В ряде случаев назывались сюжеты на телевидении, пресс-релизы и информация на сайте организации. Однако использование названных практик не является интенсивным по сравнению с «традиционным» освещением деятельности компании.

У нас программа пиара для нашей социальной активности. Мы рассказываем о тех проектах, которые проходят у нас. Делаем публикации, было несколько сюжетов по местному телеканалу, выпускаем пресс-релизы (Р.11).

В исследовании удалось обнаружить интересную особенность. Представители корпоративных доноров заявляют о потребности признания своей благотворительной деятельности жителями поселения, в первую очередь в случае крупных пожертвований. Здесь наблюдается противоречие между внутренним требованием бескорыстности пожертвований и желанием освещения, минимизации обезличенного характера благотворительности для общественности. Часть опрошенных ссылается на дореволюционные традиции филантропии, когда имя благотворителя было известно и считалось должным его указывать, обозначать источник пожертвований.

Вот раньше же говорили: «Эта школа построена на средства купца такого-то». А сейчас? Почему бы не написать, что этот детский сад... (Р.6).

Это было бы хорошо, если благотворительность была бы уважаема в сообществе, чтобы этих людей или компании как-то поощряли, рассказывали о них, чтобы это приносило какое-то удовлетворение (Р.4).

Формирование более высокого уровня осведомленности населения о существующей в их регионе благотворительности, по мнению представителей корпоративных доноров, может стать положительным примером и стимулом к распространению данной практики. Опрошенные эксперты также сообщают о необходимости формирования насыщенного информационного поля. Подобные инициативы конструктивны для достижения следующих задач, что в комплексе может способствовать развитию благотворительности и выстраиванию сетевых коммуникаций между донорами и другими акторами благотворительности:

- сделать практику благотворительности социально привычной и одобряемой деятельностью —

Когда люди знают о твоей благотворительности это приятно и это способ сказать — «Давайте вместе! Присоединяйтесь к нам, давай-

те вместе выходить на субботники или еще что-нибудь делать вместе» (Р.13).

- сформировать ощущение сообщества у действующих и потенциальных доноров, чувство принадлежности к группе;
- убедительно демонстрировать результативность благотворительной деятельности и ее вклад в решение социальных проблем поселения.

В коммуникационном пространстве донор, по заявлениям опрошенных, должен выступать скорее как объект информационного освещения, но не как субъект. В настоящий момент у части опрошенных представителей донорского сообщества есть убежденность, что информирование общественности о благотворительной деятельности необходимо, но инициативу должны проявлять СМИ, жители поселения, органы власти и другие субъекты информационного поля. Опрошенные не согласны с устоявшейся практикой, когда доноры вынуждены самостоятельно заниматься оповещением и вкладывать собственные средства — большая часть статей и телевизионных сюжетов размещается на платной основе. СМИ, по свидетельствам опрошенных, довольно редко воспринимают благотворительность корпоративных доноров как достаточный информационный повод и, следовательно, не готовы к их включению в разряд плановых обязательных информационных сообщений.

Это сильно несправедливо, ведь для нас, людей, которые что-то делают, занимаются благотворительностью, тоже хочется какого-то результата, освещения. Но один сюжет по местному телеканалу стоит 25 тыс. руб., за год это уже много — можно эти деньги лучше на благотворительность направить (Р.4).

Тональность публикаций о благотворительности. Помимо воспроизводства фактологической информации в сообщениях СМИ о благотворительности, значимым является эмоциональный фон публикаций. Опрошенные корпоративные доноры заявляли об отсутствии негативных сообщений о благотворительной деятельности, в частности в печатных региональных изданиях. Однако также отмечали недостаток позитивно окрашенных публикаций, кото-

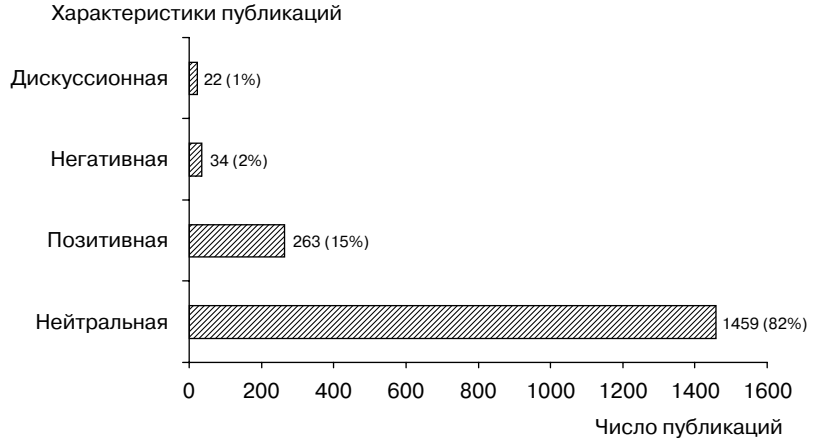


Рис. 9.11. Распределение публикаций по тональности представленных в них материалов (число публикаций)

рые необходимы для формирования положительно воспринимаемого образа филантропии у населения. Данные контент-анализа публикаций федеральных и региональных СМИ за 2007–2009 гг. подтверждают заявления доноров — действительно, преобладают сообщения нейтральной тональности.

На рис. 9.11 приведены данные распределений публикаций о благотворительной деятельности. Большинство материалов имеет нейтральную тональность — 82%, 15% публикаций подготовлены в позитивной тональности. Всего 2% статей о благотворительности имеют негативную тональность и 1% — дискуссионную тональность.

Как правило, публикации нейтральной тональности носят информационный характер, сообщают о проведении благотворительных мероприятий, об организаторе мероприятий и форме проведения. Несмотря на отсутствие выраженного позитивного освещения, данные публикации могут влиять на повышение общего уровня осведомленности населения о благотворительной деятельности. В материалах позитивной тональности, как правило, рас-

сказывается об успешных примерах благотворительности, стиль изложения может быть как эмоциональным, так и нейтральным.

В публикациях негативной тональности, как правило, рассказывается либо о серьезных нерешенных проблемах, с которыми сталкиваются потенциальные объекты благотворительности, либо о различных махинациях, связанных с благотворительной деятельностью. Такие публикации составляют всего 2% общего количества, их вес и значимость в информационном поле невелики.

В сообщениях дискуссионной тональности благотворительность, как правило, рассматривается как социальное явление, обсуждаются различные точки зрения на состояние, проблемы и перспективы явления в целом и его отдельных направлений. Подобного рода сообщения немаловажны для формирования адекватного образа благотворительной деятельности у населения. Наличие достаточной информации о благотворительности, насыщение информационного пространства может способствовать вхождению благотворительности в область повседневности и вовлечению населения в благотворительные практики. Конечно, для этого необходима деятельность всех СМИ — печатных, телевизионных, электронных. На сегодняшний день аналитические материалы о благотворительности в публикациях печатных СМИ практически отсутствуют.

Приведем несколько примеров сообщений в названных выше тональностях.

Нейтральная: *«Победителей и призеров "Мемориала Николая Пучкова", который пройдет в Санкт-Петербурге с 1 по 6 августа, наградят кинжалами. Организаторы разработали благотворительную акцию для детей, находящихся в социально незащищенных условиях. Традицией турнира стало приглашение около 300 подростков со всей страны, в том числе и из Чечни, которые смогут наблюдать за ледовыми баталиями бесплатно»*. (Хоккеисты побьются за кинжалы // Твой день. Москва. 2007. № 170. 1 августа).

Позитивная: *«...Хрупкая, нежная молодая женщина взвалила на свои плечи все заботы о больном ребенке, забыв о себе. ...Палочкой-выручалочкой, цветиком-семицветиком для ее трехлетнего малыша*

стала краевая благотворительная программа "Ради будущего — вместе поможем детям". На дорогостоящую высокотехнологичную операцию... деньги были выделены из средств, собранных в рамках первого этапа благотворительной программы. Это те десятки и рубли, которые сердобольные кубанцы жертвуют для больных детей, опуская в специальные боксы в магазинах и банках. ...После январской операции малыш впервые услышал мамин голос» (Данилка слышит и говорит // Вольная Кубань. Краснодар. 2009. № 77. 2 июня).

Негативная: *«Родители детей, больных раком, отчаявшись ждать помощи от государства, обратились в ООН. Государство финансирует в лучшем случае лишь 20% от стоимости необходимого лечения. У бизнесменов нет стимулов делать пожертвования даже на спасение детей, поскольку никаких налоговых льгот за это государство не дает, — пояснил "НИ" адвокат Алексей Тихомиров. Получается замкнутый круг: для лечения больных нужны средства, а те, кто ими располагают, не поощряются»...»* (Последний шанс // Новые известия. Москва. 2007. № 140. 9 августа).

Дискуссионная: *«В России трудно собрать людей, чтобы выступить за какое-то дело, даже если оно простое и неопасное. Люди не идут, даже если мероприятие не политическое и не спорное... Это одна из множества "незаметных" проблем, до которых ни у кого не доходят руки. И не дойдут, если она не будет осознана как общая (общая — значит волнующая не только тех, кого непосредственно касается)»* (Ведомости. Москва. 2009. № 92. 22 мая. Ценности: архипелаг изгнанников).

Исследование позволило выделить территориальную специфику характера публикаций: материалы региональных изданий, а также журналов не содержат негативной или дискуссионной позиций, преобладают нейтральные материалы (88% всего объема публикаций о благотворительности) и позитивные (11%). Наибольшие доли дискуссионных материалов содержатся в официальных изданиях (6%) и в деловых (4%). С точки зрения формирования положительного информационного и социального климата для развития благотворительности и для вовлечения граждан полученные данные говорят об общем дефиците информации о благотворительной деятельности в России. Население

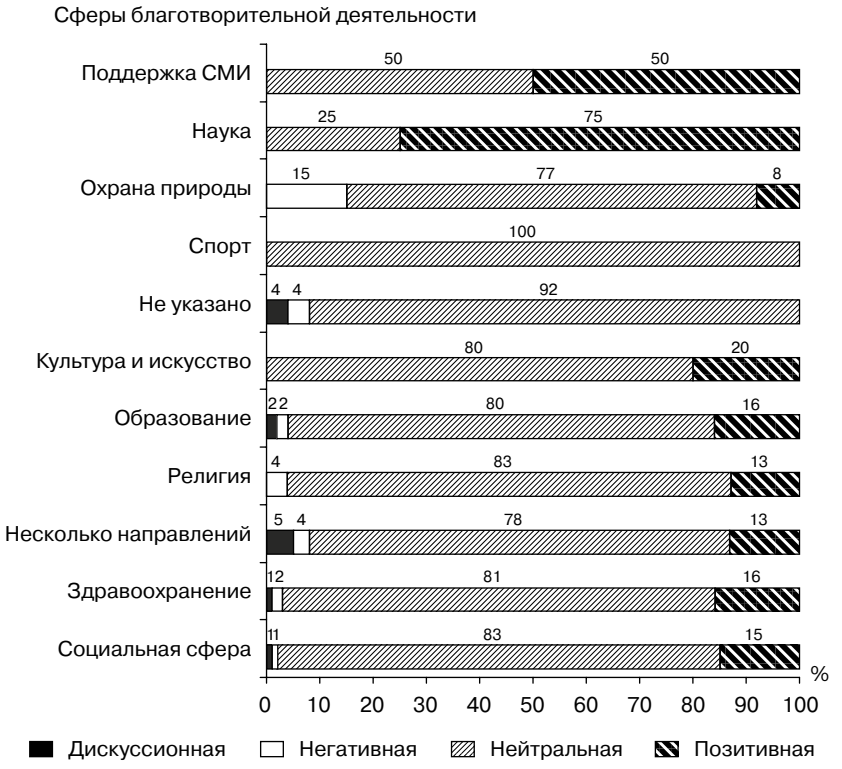


Рис. 9.12. Распределение публикаций по тональности и направлениям благотворительности (% проанализированных публикаций)

ограничено в доступе к разнообразным материалам о благотворительной деятельности. В ситуации недостаточного информирования преждевременно ожидать активного вовлечения граждан в благотворительные практики и развития сетевых взаимодействий, коллективных форм осуществления пожертвований. Пока возможно лишь воспроизводство уже существующих на данный момент практик — индивидуальных денежных пожертвований населения.

Характер освещения благотворительной деятельности достаточно стабилен во времени — в рассматриваемые периоды с 2007 по 2009 г. не зафиксировано существенных изменений в долях публикаций по тональности.

Если говорить о преобладающей тональности материалов по направлениям благотворительности, то наибольшая доля нейтральных публикаций, как видно из рис. 9.12, зафиксирована в подгруппе материалов, освещающих спорт, — здесь они составляют 100% всех публикаций. Также велика доля нейтральных публикаций в материалах о религии (84%) и здравоохранении (82%), а наименьшая доля — в освещающих науку публикациях (25%).

Наибольшая доля публикаций позитивной тональности приходится на подгруппу материалов, освещающих науку (75%), — поддержку СМИ (50%), наименьшая — в материалах, освещающих охрану природы (8%). Заметная доля публикаций негативной тональности отмечена только в подгруппе материалов об охране природы (15%).

Таким образом, преобладающая в печатных СМИ оценка благотворительной деятельности является нейтральной, но позитивная тональность материалов встречается существенно чаще, чем негативная и аналитико-дискуссионная. Можно предположить, что для развития и повышения профессионального уровня реализации благотворительной деятельности немаловажно наличие четко заявленных точек зрения и их анализа как в печатных, так и других видах СМИ.

* * *

На основании триангуляции результатов проведенных исследований — качественного исследования корпоративных доноров и контент-анализа публикаций о благотворительности в российских СМИ — нами был выработан ряд рекомендаций, так называемых стратегических направлений, которые могут быть полезны для интенсификации сетевых взаимодействий корпоративных доноров. Рекомендации могут быть полезными всем заинтересованным в развитии корпоративной благотворительности сторонам — пред-

ставителям корпоративных доноров, некоммерческих организаций и фондов, а также представителям органов власти.

1. Поиск и координация уже существующих и действующих «скрытых сетевых сообществ» в некоммерческом секторе и среди коммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность. Это могут быть сообщества, образованные вокруг фондов местных сообществ или благотворительных фондов. В ряде случаев это могут быть сообщества доноров, образованные вокруг органов власти, социальной защиты населения.
2. Формирование сообщества корпоративных доноров по принципу единства практики, формы или направления благотворительной деятельности. Максимально распространять практики и навыки между членами сообщества.
3. Создание положительного образа сетевых взаимодействий и сообществ среди представителей корпоративных доноров. Распространение информации и конкретных примеров, демонстрирующих, как доноры могут улучшить свои возможности в реализации благотворительной деятельности, повысить эффективность за счет внедрения сетевых принципов деятельности в реальные практики.
4. Использование в коммуникациях с корпоративными благотворителями профессионального языка и практик. Построение коммуникации с представителями корпоративных доноров в понятной им системе координат — маркетинговой и рациональной (не забывая об эмоциональной значимости). Язык профессионального общения и коммуникаций представителей некоммерческого сектора при общении с представителями коммерческих организаций может быть неоптимальным.

Не менее актуальны и важны меры по формированию положительного образа и доверительного отношения к благотворительной деятельности, волонтерству среди населения.

Приложение

Список источников эмпирической информации

п/п	Город	Название организации	Должность	ФИО	Код источника исследования
Представители коммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность					
1	Астрахань	Филиал ЛУКОЙЛ в Астраханской области	Руководитель службы по связям с общественностью	Ходаев Александр Анатольевич	Р.1
2	Астрахань	ОАО «Астрафарм»	Руководитель	Винокуров Виктор Иванович	Р.2
3	Астрахань	ЗАО «НЭК — Астрахань»	Руководитель	Евсеев Владимир Викторович	Р.3
4	Астрахань	Астрахань — GSM (ТМ «Смартс»)	Коммерческий директор	Зайцева Анастасия Сергеевна	Р.4
5	Астрахань	ООО «Агентство «Партнер — эксперт»	Руководитель	Костин Петр Николаевич	Р.5
6	Великий Новгород	ООО «РИТЕК» (розничная сеть «Электроника»)	Генеральный директор	Кирбай Александр Всеволодович	Р.6

Продолжение приложения

п/п	Город	Название организации	Должность	ФИО	Код источника исследования
7	Великий Новгород	ЗАО «Проектстрой»	Генеральный директор	Давтян Арсен Альбертович	Р.7
8	Великий Новгород	ООО «Дирол Кэдбери»	Директор Новгородской фабрики по производству жевательной резинки	Алексеев Виктор Олегович	Р.8
9	Великий Новгород	ООО «Амкор Ренч Новгород»	Менеджер по персоналу	Бабицкая Светлана Олеговна	Р.9
10	Великий Новгород	ОАО «Акрон»	Руководитель информационного центра	Александров Евгений Григорьевич	Р.10
11	Новосибирск	ОАО «Уралсиб»	Руководитель PR-отдела сибирской дальневосточной дирекции ОАО «Уралсиб»	Посохова Марина Сергеевна	Р.11
12	Новосибирск	Элсиб	Помощник генерального директора	Евстафьева Елена Викторовна	Р.12
13	Новосибирск	ООО «Чистая вода»	Менеджер по PR	Исимбаева Галина Анатольевна	Р.13

Окончание приложения

п/п	Город	Название организации	Должность	ФИО	Код источника исследования
14	Новосибирск	ООО «Мой До Дыр»	Директор	Тяглин Денис Валентинович	Р.14
15	Новосибирск	ЗАО «БФК»	Руководитель службы по маркетингу и рекламе	Замосковцева Наталья Васильевна	Р.15
Представители институциональных посредников благотворительной деятельности					
16	Новосибирск	Государственное автономное учреждение Новосибирской Области «Агентство регионального маркетинга»	Директор	Юрченко Лада Валерьяновна	Э.16
17	Астрахань	Благотворительный фонд «Шаг Навстречу»	Исполнительный директор	Темендарова Юлия Александровна	Э.17
18	Великий Новгород	Комитет социальной защиты населения Новгородской области	Заместитель председателя комитета	Ефремова Елена Михайловна	Э.18

Глава 10

Фонды местных сообществ как институциональные посредники благотворительности в России

Формирование системы благотворительных отношений в нашей стране сопровождается появлением новых субъектов, способных внести вклад в повышение качества жизни населения, в решение социальных проблем. К числу таковых относятся фонды местных сообществ (далее — ФМС), выступающие как механизм институционализации благотворительной деятельности, как акторы решения социальных проблем территории за счет аккумуляции и перераспределения средств коммерческого сектора и частных благотворителей. В силу организационных особенностей ФМС выполняют роль институциональных посредников благотворительной деятельности. Фонды объединяют и координируют деятельность основных акторов благотворительности — частных и корпоративных филантропов, органов власти, некоммерческих организаций. Технология фондов местных сообществ делает возможным достижение оптимального соответствия возможностей филантропов и потребностей нуждающихся.

В главе представлены результаты исследования фондов местных сообществ, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета — Высшей школы экономики в 2009 г.[1] В ней де-

---

[1] Были проведены глубинные экспертные интервью (14 респондентов) и экспертный опрос по полуформализованной анкете, включающей масштабный блок открытых вопросов, руководителей ФМС (15 респондентов). Из 28 обследованных фондов 22 являются членами Партнерства ФМС. Сбор информации от представителей органов власти осуществлялся по аналогичной

тально рассматриваются ФМС как особый тип некоммерческих организаций, выполняющих роль институциональных посредников благотворительной деятельности. В частности, раскрывается специфика социально-культурного контекста деятельности ФМС, характеризуется уровень их институционального развития, показываются организационные структуры и механизмы функционирования ФМС, приоритетные задачи и направления деятельности фондов в нынешних условиях, стратегические направления развития фондов и перспективы этого развития.

10.1. Организационные структуры и роли ФМС

Технология фондов местных сообществ впервые была применена в 1914 г. в США. Фонд местного сообщества — community foundation — определяется как некоммерческая организация, которая работает на конкретной территории и имеет целью объединение экономических, человеческих, социальных ресурсов территории для решения проблем местного сообщества и повышения качества жизни населения.

Финансирование фондов состоит из пожертвований как корпоративных, так и частных доноров, т.е. коммерческих и некоммерческих организаций и физических лиц, поступлений от органов власти. Ресурсы фонд распределяет на конкурсной основе среди НКО и инициативных групп граждан. Решение о выделении средств принимает грантовый комитет и экспертные советы, в которые входят представители трех секторов местного сообщества и эксперты по конкретной проблематике.

схеме — 10 глубинных интервью и 8 экспертных анкетных опросов. Как руководители ФМС (код «Р» с указанием порядкового номера респондента), так и чиновники (соответственно код «Ч») опрашивались в различных регионах России в соответствии с максимально возможным соблюдением требований территориальной репрезентации (см. приложение к данной главе). Подробнее см.: *Мерсиянова И.В., Солодова И.И.* Фонды местных сообществ в России. М., 2009.

Управление ФМС осуществляется опосредованно самим сообществом через паритетное представительство органов власти, бизнеса, общественности и некоммерческого сектора. Фонд является прозрачной организацией, распространяет информацию о собственной деятельности и финансовом положении. В российских фондах обозначенные признаки реализуются достаточно полно. Однако есть своя специфика, о чем будет сказано ниже.

В настоящее время ФМС действуют в США, европейских государствах — более чем в 50 странах. Всего по данным на конец 2009 г. насчитывалось 1440 фондов[2]. В США действуют почти половина всех известных ФМС — около 600. При этом большая часть фондов во всем мире была образована в последние десятилетия. Несмотря на относительно небольшое количество ФМС по всему миру, их вес в финансовых показателях достаточно высок. Например, в середине 2009 г., несмотря на экономический кризис, в США насчитывалось 11 ФМС, при этом активы каждого превышали 1 млрд долл.[3] По мере развития и накопления социально-экономических ресурсов фонды приобретают все большее значение в сообществе, начинают играть заметную роль в определении, поиске и решении социальных проблем. Фонды становятся социальным механизмом, помогающим органам власти поддерживать качество жизни населения[4].

В России первый ФМС — Городской благотворительный фонд «Фонд Тольятти» — был создан в 1998 г. В 2003 г. появилось Партнерство ФМС — единое сообщество, ориентированное на *развитие гражданского общества через улучшение качества жизни местных сообществ на основе развития и продвижения технологий социальной*

---

[2] National Standards for U.S. Community Foundations / Council on Foundations. См.: http://www.cof.org/files/Documents/Community_Foundations/National_Standards/NationalStandards.pdf.

[3] 25 Largest Community Foundations by Asset Size / Foundation Center. См.: http://foundationcenter.org/findfunders/topfunders/top25assets.html.

[4] *Graddy E.A., Morgan D.L.* Community Foundations, Organizational Strategy, and Public Policy // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2006. Vol. 35.

стабильности (миссия Партнерства ФМС). В настоящий момент в Партнерстве состоит около 26 фондов.

Однако до сих пор ощущается недостаток систематического анализа деятельности фондов в нашей стране. Несмотря на почти 15-летнюю историю фондов местных сообществ в российских муниципальных образованиях, они до сих пор представляют собой мало изученный объект, не вызывавший стабильного интереса со стороны исследователей. Анализ фондов местных сообществ носил, скорее, фрагментарный характер и направлялся на изучение отдельных случаев жизнедеятельности фондов[5]. Так, по инициативе Российского представительства CAF[6] и Форума доноров был проведен ряд специальных исследований[7], на сайте CAF (Россия) представлен фактологический обзор действующих фондов и Партнерства ФМС, основанный на анализе документальных источников.

Обратимся к организационным особенностям отечественных ФМС. Специфика деятельности фондов, их организация, процедуры аккумуляции ресурсов и распределения грантов во многом способствуют эффективности решения задач местного сообще-

---

[5] См., напр.: Фонды местных сообществ: эффективная благотворительность / сост. В.Ю. Самородов, С.Б. Никифорова, Ю.Ю. Ходорова. М., 2006.

[6] CAF (Charities Aid Foundation) — британский благотворительный фонд. Головной офис расположен в Великобритании, представительства фонда действуют в США, ЮАР, Австралии, Индии, Бразилии, Болгарии, а также в России (с 1993 г. в Москве). CAF работает в разнообразных направлениях: управление благотворительными программами, организация грантовых конкурсов, консультационные проекты и проведение исследований.

[7] См., напр.: *Аврорина Л.В., Самородов В.Ю.* Фонды местных сообществ в России // Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования / под общ. ред. О.Л. Лейкинда; сост. и науч. ред. О.Л. Лейкинд, А.В. Орлова, Г.Н. Ульянова. СПб., 2003. С. 397–417; *Паттен М., Кузьмин А.И., Балакирев В.П.* Российские фонды местных сообществ // Благотворительность в России. 2005/2006: Исторические и социально-экономические исследования / под общ. ред. О. Л. Лейкинда; сост. и науч. ред. О.Л. Лейкинд, А.В. Орлова, Г.Н. Ульянова. СПб., 2007. С. 169–221; Report on the Outcomes of the Research on Russian Community Foundations Practices and Strategies/ Charities Aid Foundation. Branch in Russia. 2009. См.: http://www.cafrussia.ru/programs/fms/fmsdocs/.

ства. За счет того, что большинство процедур являются хорошо отработанными, а фонды прилагают усилия для достижения максимальной объективности решений, эффективность инициации и материальной поддержки социальных проектов на территориях достаточно высока.

В отличие от иных видов некоммерческих организаций федеральный закон не устанавливает для фондов какой-либо определенной структуры органов управления с четкой компетенцией для каждого из этих органов. Он лишь предписывает определить в уставе порядок управления фондом (какие органы управляют деятельностью фонда, каким образом между ними распределена компетенция) и порядок формирования его органов (кем, из числа кого избираются или назначаются эти органы). Наряду с этим в п. 4 ст. 118 Гражданского кодекса РФ, а также в п. 3 ст. 7 и в п. 3 ст. 14 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ имеется несколько обязательных требований к структуре органов фонда. В частности, в уставе должны содержаться сведения о попечительском совете, о порядке его формирования и деятельности. Кроме того, в уставе должен определяться порядок назначения должностных лиц и порядок их освобождения.

Большинство российских ФМС регистрируется в качестве благотворительных фондов, которые являются одним из видов благотворительных организаций и подпадают под правовое регулирование Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ. Статус благотворительного фонда имеет целый ряд особенностей. Благотворительному фонду не разрешается участвовать в хозяйственных обществах совместно с другими лицами. Однозначно установлено, что высший орган управления благотворительного фонда является коллегиальным и члены этого органа исполняют свои обязанности в качестве добровольцев. Законом установлены ограничения на использование благотворительным фондом финансовых средств.

В ходе исследования получены следующие данные о реально существующих организационных структурах управления ФМС.

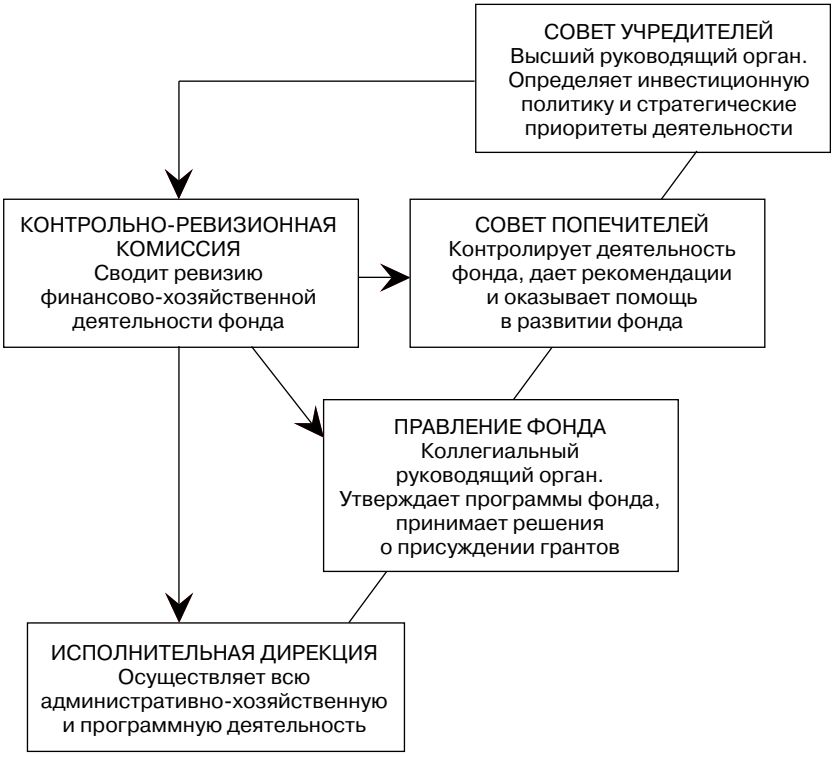


Рис. 10.1. Организационная структура управления
(на примере «Фонда Тольятти»)

Они подразумевают существование учредителей (совета учредителей), попечительского совета, правления фонда и исполнительной дирекции. На рис. 10.1 в качестве примера изображена структура управления городского благотворительного фонда «Фонд Тольятти».

Рекомендация максимально равномерной представленности бизнеса, власти и некоммерческого сектора в органах управления соблюдается, однако, не во всех случаях (см. рис. 10.2). Представи-

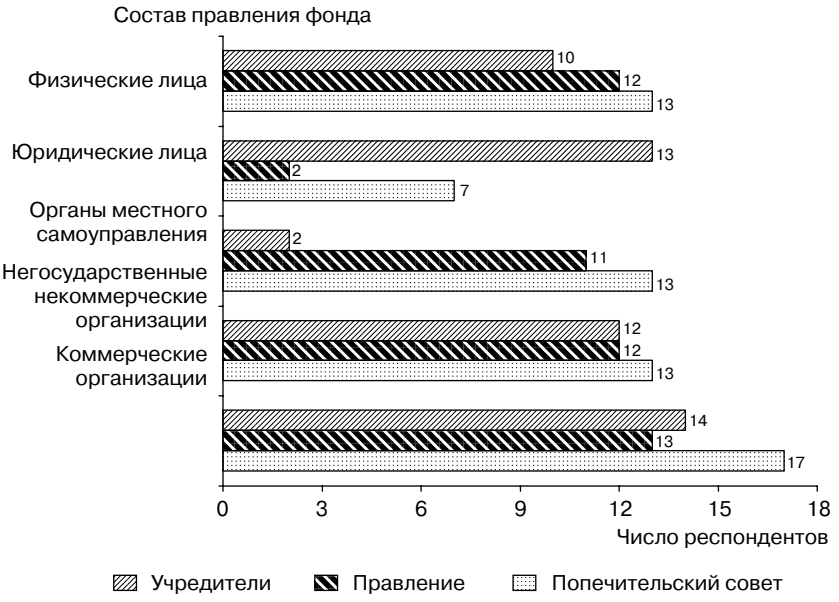


Рис. 10.2. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Кто состоят в учредителях, правлении и попечительском совете Вашего фонда?»* (число респондентов, допускался выбор неограниченного числа вариантов ответа)

тели бизнеса и НКО присутствуют среди учредителей ФМС чаще всего.

Ключевой задачей при организации ФМС является привлечение социально весомых деятелей и привлечение их в учредители или руководство фондом. Основная функция учредителей заключается в обеспечении фонда стартовыми позициями в контексте как экономического, так и социального капиталов. В последующем значимость их вклада в повышение эффективности текущей деятельности фонда может существенно снижаться. Для фонда состав учредителей является своеобразным пусковым механизмом, с его помощью закладываются основы дальнейшего развития и позиционирования в сообществе.

Совет учредителей является высшим руководящим органом, необходимым для создания фонда. Совет попечителей и правление фонда выполняют контролирующую и руководящую функции соответственно. Поскольку в каждом органе представлено несколько секторов — бизнес, власть и некоммерческий сектор, следовательно, заложен потенциал и организационная возможность комплексной разработки управленческих решений командой экспертов.

В составе учредителей присутствуют представители органов власти, чаще всего это муниципальные и реже региональные представители. Также велика доля коммерческих структур, промышленных и финансовых предприятий. В большинстве случаев присутствует местный крупный бизнес, возможно привлечение структур регионального масштаба, что, однако, встречается реже. Представители некоммерческих организаций также достаточно часто принимают участие в организации ФМС (такая ситуация наблюдается в 12 фондах). В ряде случаев учредителями являются представители СМИ, научного или образовательного сообществ данной территории. Среди членов правления и попечительского совета ситуация часто аналогична описанной в случае совета учредителей. Интересно, что в попечительском совете, который в большей степени ответствен за руководство фондом, доля бизнеса заметно больше. В определенной степени это подтверждает общую ориентацию фондов на коммерческие структуры. Исполнительная дирекция ответственна за обеспечение текущей жизнедеятельности фонда, эта функция сохраняется в течение всего периода существования организации.

Стратегическое планирование является одним из условий долгосрочной стабильности функционирования любой организации, в том числе фондов местных сообществ. Планирование определяется как обязательный компонент при реализации стратегического менеджмента и управления организацией. Есть, однако, основания полагать, что распространяющаяся среди фондов практика планирования скорее является социально одобряемым и желаемым действием, чем следствием осознаваемой потребности. Во время

проведения исследования большинство руководителей ФМС не имели четкого понимания стратегии, представления об ее вкладе в долгосрочное развитие организации достаточно неопределенны. Тем не менее в работе фондов наблюдаются элементы стратегического планирования. Большая часть ФМС имеет опыт разработки стратегии, в 23 обследованных фондах руководители декларировали наличие стратегического планирования. При этом необходимые навыки для квалифицированного использования стратегии как инструмента управления в достаточной степени не накоплены руководителями фондов.

Среди сотрудников ФМС распространено скорее обыденное понимание стратегического планирования. Оно представляет собой некое «внутреннее ощущение» исполнительного директора или членов правления фонда, отражает общие соображения относительно направлений дальнейшего развития фонда: «*Например, сейчас из-за кризиса мы больше ориентированы на развитие частных пожертвований — это можно назвать нашей стратегией*», что является достаточно типичным высказыванием опрошенных руководителей ФМС.

Особенностью стратегического планирования среди ФМС является формальная неразвитость стратегии — низкая степень формализации. Другими словами, большая часть фондов не доводит стратегию до вида формального документа, составленного и распространяемого среди заинтересованных лиц в соответствии с требованиями внутреннего документооборота. В ряде фондов распространена практика устного пересказа «стратегических направлений» в произвольной форме.

> *Это сложно назвать стратегическим планированием. Мы работаем по ситуации сейчас, и есть определенная стратегия, по крайней мере, понимание, что мы делаем* (Р.1).

> *До детального прорабатывания, параметров количества, переходящего в качество... мы пока не дошли* (Р.11).

При разработке стратегических направлений развития фонды чаще всего опираются на анализ внешней среды и ситуации на территории, где протекает деятельность фонда. Привлекаются и

данные о работе фонда, его достижениях и неудачах, проводится анализ потребностей ключевых доноров и стейкхолдеров. Стоит отметить, что анализ очень редко является формальной процедурой, социологическим или рыночным исследованием — руководители фондов основываются в большей степени на собственном понимании ситуации. Только в нескольких случаях фонды заказывали внешнюю оценку социально-экономической ситуации в регионе, при этом оценка не была выполнена профессиональными оценщиками.

Мы плотно работаем с социально-экономической лабораторией в университете, проводим совместные исследования. И они подготовили 4 выступления, анализ по развитию бизнеса в нашей области (Р.14).

Разрабатывал руководитель и бухгалтер, а поправки вносили члены правления (Р.26).

В деятельности ФМС в ее настоящем проявлении отсутствуют апробированная процедура и кадры постоянной комиссии для обсуждения и разработки направлений развития в долгосрочной перспективе. Например, не разработано единого для всех фондов механизма составления и принятия стратегических планов. Практически в каждом фонде имеется собственное понимание того, в чем состоит такое планирование и кто именно должен быть его участником (см. рис. 10.3).

Принимают участие учредители, но по большей части — правление и исполнительная дирекция. Активные члены и сотрудники организации тоже есть, т.е. волонтеры, у которых есть свои предложения. У нас вообще планирование на год, если говорить о мероприятиях и финансировании, просматривается и как-то приблизительно составляется план только на год (Р.15).

Периодичность разработки стратегии не является единой или стандартной. Большинство фондов принимали стратегию развития при своем учреждении, на начальных этапах работы. На данных стадиях стратегия отвечала потребностям развития, в ней обозначались ключевые направления деятельности, что, по логике, имеет значительное сходство с миссией и задачами фондов. При

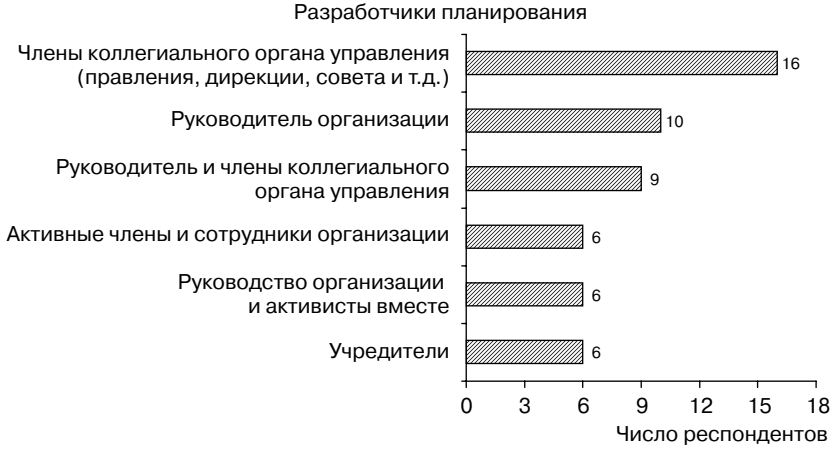


Рис. 10.3. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Кто принимает участие в разработке стратегии в Вашем фонде?»* (число респондентов, допускался выбор неограниченного числа вариантов ответа)

этом часть фондов принимает стратегию с периодичностью раз в 1–2 года. Однако здесь опять необходимо учитывать расхождения в понимании исполнительными директорами фондов, что именно является стратегией. Можно привести пример обобщенного высказывания респондентов: «*Да, мы примерно принимаем новую стратегию — по результатам деятельности за год. В ней указываются в общих чертах дальнейшие направления*». Декларируемое стратегическое планирование в действительности является постановкой краткосрочных целей и задач.

Вероятно, специфика понимания стратегического планирования, а также не всегда достаточный уровень профессионализма сотрудников фонда являются причинами сложившейся ситуации с разработкой стратегий ФМС. Она зачастую не понимается как элемент развития организации и не используется для корректировки деятельности фонда, обеспечения его долгосрочной стабильности.

Повышение культуры стратегического управления ФМС стоит в ряду первоочередных задач этого движения в целом.

Говоря о ролях ФМС как организации, стоит отметить наличие разнообразных тенденций. Прежде всего ФМС — это грантодающая организация, действующая на определенной территории: так ответило 17 руководителей ФМС из 28 опрошенных. Во-вторых, это ресурсный центр для НКО (14 ФМС). Российские ФМС часто выполняют функции агентства развития — на это указали 13 руководителей ФМС. Среди действующих ФМС часто наблюдается ситуация совмещения нескольких функций из приведенных выше (см. рис. 10.4). Однако чаще всего фонды действуют именно как грантодающие организации.

> *Мы все функции выполняем для этого региона. В 2007 г. у нас проводился межтерриториальный конкурс социальных проектов. На уровень межмуниципальный выводятся проекты, которые интересны всем четырем-пяти территориям, либо те проекты, которые на одной территории можно было бы как пилот прогнать. Это грантовые конкурсы. Как ресурсный центр для НКО — в сельских территориях, когда мы туда пришли, кроме совета ветеранов и женсоветов ничего не было. За этот период времени вырастает из проекта инициативная группа по реализации, по внедрению проекта, и потом уже регистрируются как НКО* (Р.6).

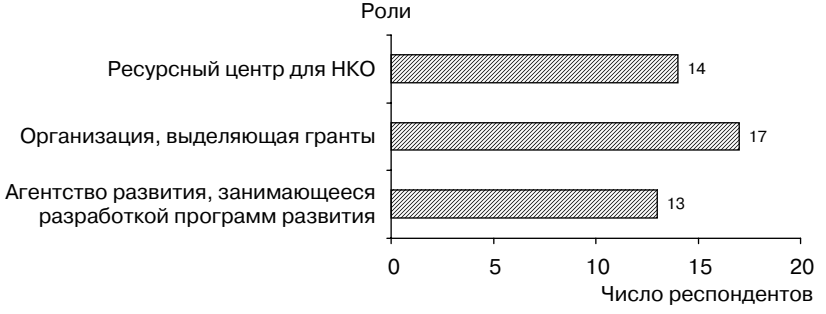


Рис. 10.4. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Какова основная роль Вашего фонда?»* (число респондентов, допускался выбор нескольких вариантов ответа)

Взаимодействие ФМС с грантополучателями является одной из наиболее отрегулированных сфер деятельности российских фондов. Взаимодействие имеет четкие и документально закрепленные стандарты, процедуры и общий порядок. В основном сотрудничество осуществляется с местными (действующими в пределах территории органа местного самоуправления) и региональными НКО, которые без особых затруднений воспринимают требования и процедуры конкурсного отбора, последующую оценку выполнения проектов. Среди основных направлений проведения конкурсов на соискание грантов присутствуют благоустройство территории, помощь детям, молодежи и пожилым гражданам, организация спортивных занятий и досуга. Встречаются также проекты по экологии, культуре, фольклору и другим направлениям.

Среди грантополучателей фонда обычно представлено несколько групп субъектов, самой многочисленной из которых является группа НКО. В ряде случаев заявки на гранты поступают от частных лиц и муниципальных некоммерческих организаций. Последних, однако, наименьшее количество.

> *Мы считаем, что это одна из наших целевых групп. Они являются нашими грантополучателями, местных я имею в виду. Они видят в нас лидера некоммерческого сектора* (Р.5).

ФМС используют несколько механизмов для определения конкурсных направлений. В первом случае НКО и инициативные группы присылают в ФМС заявки, где описаны наиболее актуальные на данный момент проблемы. Так опосредованно фонды получают информацию от местных жителей.

> *Один из проектов «Маленькая Европа». Мы сделали серию минипроектов. Мы нашли на конкурсе эту идею — одна женщина ее подсказала. Потом нашли деньги, нашли людей, которых этими идеями заинтересовали, и провели мини-конкурсы грантов под те идеи, которые у нас были, и раздали деньги* (Р.12).

Следующий способ определения грантовых направлений — следование предложениям доноров. Они не всегда ориентированы на вложения в общие фонды, но практикуют дотации в именные, стипендиальные или тематические.

Иногда фонды самостоятельно проводят исследования для выяснения потребностей сообщества. В случае доступа к административному ресурсу фонды используют письма граждан в общественные приемные органов местного самоуправления, что, однако, не является распространенной практикой.

Механизм отбора заявок обязательно включает участие экспертных советов. Под каждое тематическое направление, как правило, формируется отдельный совет, в котором участвуют специалисты из соответствующих областей, эксперты из доноров и стейкхолдеров. Важно отметить, что заседания экспертных советов принципиально открыты для участия, заинтересованные лица могут присутствовать на заседаниях. Таким образом достигается профессиональность оценивания заявок и обеспечивается непредвзятость и объективность решений.

Важным этапом реализации грантовых программ ФМС является проведение мониторинга и оценки конкурсных проектов. Подобная практика реализуется в 25 из 28 обследованных фондах. Руководители 18 из них говорят о безусловной полезности проведения оценки. С одной стороны, существуют формальные требования к грантам, подразумевающие предоставление отчетных материалов о проекте — НКО обязаны предоставлять отчеты о потраченных средствах. С другой стороны, в ряде случаев сотрудники фонда осуществляют самостоятельный мониторинг, особенно если реализация проекта предполагает наблюдаемые результаты — строительство, озеленение, организация мероприятий и т.п. Кроме того, применяются стандартные методы анкетирования или личных бесед с исполнителями после окончания проекта. В целом, однако, мероприятия по оценке проведенных проектов не реализуются на регулярной основе.

Мы опрашиваем, но не очень регулярно. Даем им анкету, они ее заполняют, мы это все сводим в единую таблицу, смотрим, что там и как. По молодежному банку идей тоже мы делаем оценку. Куратор молодежного банка собирала ребят и тоже всем рассылали анкеты. По грантам — это мониторинг проектов. То есть выезжаем на мероприятие, берем проект, фактически приложение к договору,

и отчет по итогам реализации и смотрим. Потом созваниваемся с грантополучателем и там уже задаем вопросы, если они у нас имеются (Р.13).

Говоря об оценке конкурсных проектов, надо подчеркнуть, что ее проведением практически полностью занимаются сами фонды, своими силами (см. рис. 10.5). Приглашение профессиональных оценщиков используется редко, поскольку это связано с достаточно большими для ФМС затратами. Но в то же время большая часть опрошенных не видит необходимости в проведении оценки внешними силами и не ощущает дефицита профессиональных оценщиков. На основании оценки чаще всего проводятся формальные изменения процедуры, корректируются требования к документам и т.п.

При оценке мы смотрим соответствие и несоответствие информации — это обязательно. Человек оформляет заявку: мои достижения, успехи за такой-то период. И вот здесь идет несоответствие. Человек, оказывается, нигде не принимал участия. Мы делаем проверку таких людей и будем автоматически снимать с конкурса... (Р.15).

Объемы финансирования НКО со стороны фондов существенно варьируются от фонда к фонду и от года к году. При этом су-

Рис. 10.5. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Практикуется ли в Вашем фонде оценка реализации профинансированных проектов? Кто ее проводит?»* (число респондентов)

Рис. 10.6. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«В каких пропорциях (%) распределены средства Вашего фонда на выделение грантов и на реализацию собственных проектов и программ?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

ществуют две модели, описывающие пропорции распределения средств в бюджете фондов (см. рис. 10.6).

В первой модели основной статьей расходов является выделение грантов, которая в некоторых случаях достигает 95% бюджета. Данная схема свойственна преимущественно небольшим фондам, ориентированным на организацию конкурсов. Вторая модель более характерна для крупных развитых фондов, которые стремятся к диверсификации реализуемых программ и проектов. Выделение грантов здесь составляет менее половины всего бюджета. Так, примерно каждый пятый фонд на реализацию собственных программ выделяет более 75% бюджета.

Объем административных расходов во всех фондах обычно не превышает 15% чаще всего равняется 10% бюджета ФМС. В качестве примеров можно привести пропорции распределения бюджетов некоторых фондов по оценкам респондентов (см. табл. 10.1).

Таблица 10.1

Распределение бюджетов ФМС по отдельным статьям
(выборочно)

Город, в котором работает ФМС	Размер бюджета фонда, млн руб.	Средства на программную деятельность и гранты, тыс. руб.	Административные расходы, тыс. руб.
Тольятти	10	9900	100
Самара	4,1	3910	190
Улан-Удэ	2,4	1900	500
Обнинск	3,8	3420	380

Для получения более полного представления о финансовых аспектах деятельности ФМС на рис. 10.7 приведены данные о бюджетах фондов.

Количество грантополучателей во многом зависит от типа реципиента (см. рис. 10.8). При этом фонды предпочитают сотрудничать

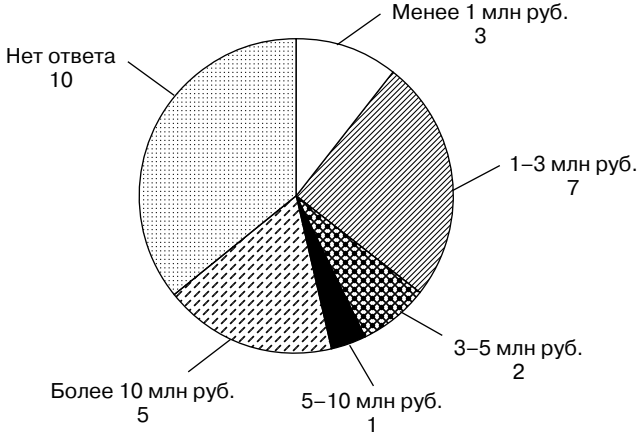


Рис. 10.7. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Каков был размер бюджета Вашего фонда в 2008 г.?»
(число респондентов)

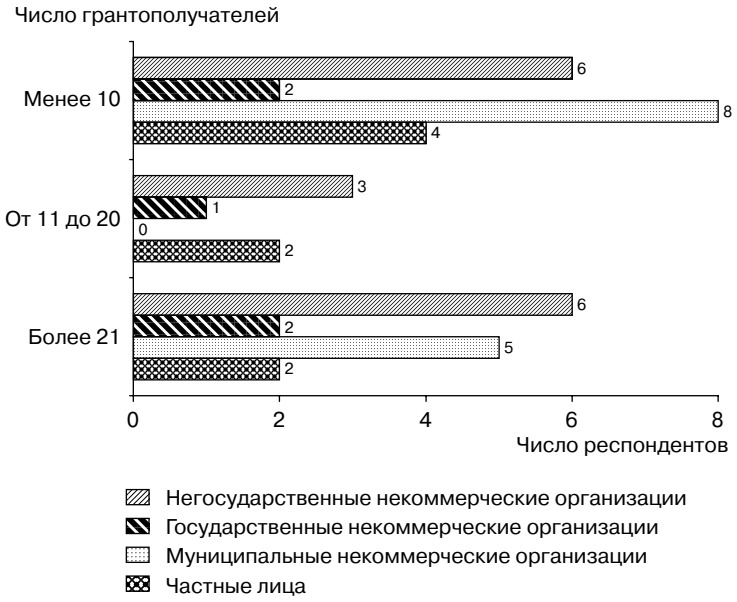


Рис. 10.8. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Кто является Вашими основными грантополучателями? Сколько их?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

с местными некоммерческими организациями как негосударственными, так и государственными и муниципальными. Менее распространена практика выделения грантов муниципальным некоммерческим организациям (встречается в 13 обследованных ФМС), и еще меньше она получила распространение среди государственных некоммерческих организаций (таковых лишь пять). Частные лица менее активно сотрудничают с ФМС по получению грантов.

Количество присылаемых на конкурсы заявок также варьируется и может составлять как 10, так и 200 заявок. ФМС получают достаточное количество заявок по различным направлениям, которые можно объединить в следующие основные группы: бла-

гоустройство территории; здоровье и забота о детях, подростках, пожилых; организация досуга подростков; гранты на поездки и спортивные мероприятия.

Средний размер гранта в ФМС достаточно унифицирован по всем регионам и составляет 30 тыс. руб. Размер мини-гранта приравнивается к 5–10 тыс. руб. В ряде случаев, когда присутствует целевое финансирование от донора именно под данный конкурс, размер гранта может достигать 300 тыс. руб.

Таким образом, ФМС покрывает значительную область социально ориентированной деятельности в сообществе. Благодаря конкурсной технологии фонды способствуют достаточно оперативному решению социальных запросов сообщества, в то время как органы власти могут нуждаться в больших человеческих и временных ресурсах для организации решения задач.

10.2. Взаимодействие ФМС с органами власти

Органы власти являются одной из главных групп целевой аудитории фондов местных сообществ. Предметом взаимодействия часто являются не столько финансовые потоки благотворительности, сколько доступ к социальному капиталу и социальным сетям органов власти. В силу специфики деятельности ФМС одобрение и поддержка со стороны местных органов власти являются необходимыми условиями для функционирования фондов на данной территории. Органы власти выступают донорами, предоставляя возможности участвовать в реализации муниципальных (значительно реже — государственных) программ, грантов и заказов на оказание услуг, а также предоставляя льготные условия для аренды помещений или оплаты коммунальных услуг. Фонды сотрудничают как с муниципальными и региональными, так и с федеральными органами власти. При этом взаимодействие во многом является институционально обусловленным и характеризуется меньшей значимостью личностного компонента, чем при сотрудничестве с бизнес-структурами. Масштабы данного сотрудничества невели-

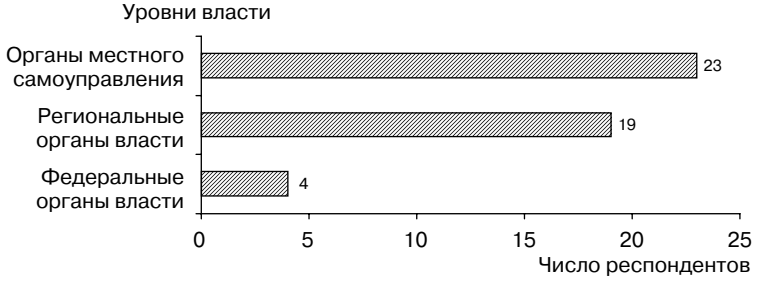


Рис. 10.9. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«С какими именно органами власти сотрудничает Ваш фонд?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

ки, однако достаточны, чтобы говорить о возможности подобной формы взаимодействий.

Фонды сотрудничают как с муниципальными и региональными, так и с федеральными органами власти. Чаще всего они взаимодействуют с органами местного самоуправления, в том числе в силу совпадения интересов — решение социальных проблем территории (см. рис. 10.9).

Чаще всего ФМС взаимодействуют со структурными подразделениями органов власти, занимающихся социальной политикой (комитеты по молодежной политике, департаменты социального развития и здравоохранения, департаменты социальной защиты населения, департаменты экономического развития, городские центры занятости и т.д.). Кроме того, фонды сотрудничают с высшими должностными лицами органов местного самоуправления, например, с мэром города и его заместителями, с депутатами местных и региональных парламентов.

Мы с фондом с момента его создания. У нас одним из учредителей был, по-моему, заместитель мэра по социальной политике Михаил Алексеевич (Ч.10).

Мы — фонд развития местного сообщества, т.е. это городской фонд. И без участия власти как одного из секторов жизнеобеспечивающей

структуры города, конечно, невозможно. Мы должны с ними работать (Р.1).

Большинство руководителей фондов (21 из 28) сообщают о том, что они встречают понимание со стороны органов власти возможностей ФМС для привлечения дополнительных инвестиций в социальную сферу, в решение вопросов местного значения. Немаловажными являются оценки заинтересованности органов власти в сотрудничестве с ФМС. Оценки обеих сторон совпадают. Общий уровень руководители ФМС оценивают чуть выше среднего. Более или менее высокие оценки дают 11 респондентов, средние — 10 респондентов. Невысокий уровень заинтересованности отмечают 6 руководителей из 28 опрошенных. Больше половины опрошенных чиновников (а именно 9 из 19) уверены в необходимости привлечения ФМС к решению проблем муниципального образования.

Мы как администрация, заинтересованы в деятельности фонда. Это вообще-то наш фонд, мы заинтересованы в том, чтобы такой

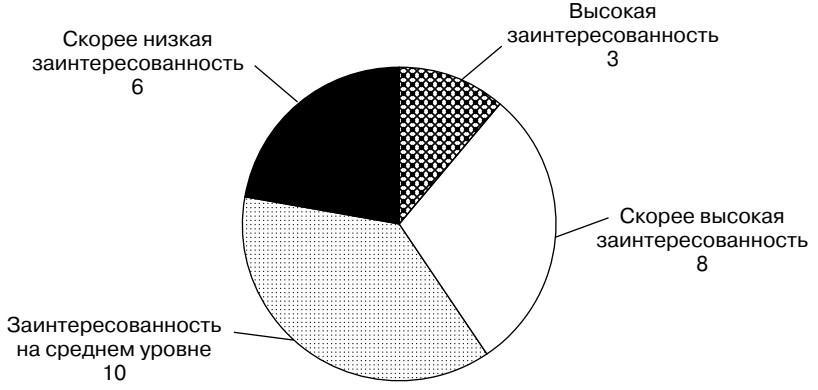


Рис. 10.10. Распределение ответов респондентов — руководителей ФМС — на вопрос: *«Как Вы оцениваете общую привлекательность и заинтересованность органов власти во взаимодействии с ФМС?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

фонд был, действовал, аккумулировал какие-то проекты и реализовывал эти проекты на благо города. А они заинтересованы в нашей материальной, организационной и иной поддержке (Ч.10).

При этом как среди руководителей ФМС, так и среди представителей органов власти прогнозы относительно результативности и эффективности сотрудничества в большинстве случаев пессимистичны (6 и 8 респондентов соответственно). Это свидетельствует о понимании существующих барьеров взаимодействия, а также указывает на отсутствие в ряде фондов отработанной схемы коммуникаций с органами власти.

Декларируемая заинтересованность есть. Здесь другой вопрос — вопрос приоритетов. Потому что, если список дел выстраивают органы власти, то мы, наверное, не в первой двадцатке. Даже не в двадцатке, [а где-то в пределах первых] 50 пунктов (Р.13).

Органы власти взаимодействуют с фондами местных сообществ по ряду причин, подавляющая часть которых имеет организационный или институциональный характер. Ключевой причиной интереса местной власти к фондам является ограниченность муниципальных бюджетов и ограниченность штатных сотрудников для оказания помощи нуждающимся жителям территории. В этих условиях ФМС, реализуя свои программы, частично берут на себя выполнение функций местного самоуправления.

Некоторые проблемы фонд решает. В основном, это социальная сфера, т.е. то, что связано с жизнедеятельностью людей: образование, культура, соцподдержка (Ч.13).

Наиболее интенсивно, как уже отмечалось, фонды сотрудничают с муниципальными властными структурами. Сотрудничество заключается преимущественно в оказании консультационных и информационных услуг (см. рис. 10.11). Специфика взаимодействий с органами власти носит скорее нематериальный характер: большинство предоставляемых и получаемых услуг отличается неденежной основой. Например, фонды предоставляют аналитику органам местного самоуправления (19 фондов). Руководители ФМС приглашаются как эксперты в социально значимых вопро-

сах жизни муниципального образования (14 фондов). Достаточно часто фонды предоставляют методическую помощь органам власти при организации и проведении конкурсов, выдаче грантов и мониторинге их исполнения (12 фондов).

> *Руководители отраслевых подразделений, преимущественно это социальная сфера — они непосредственно работают по выполнению социально значимых задач, поэтому волей-неволей должны знать и применять различные механизмы решения этих задач. А один из механизмов — это сотрудничество с фондом местного сообщества* (Ч.13).

Органы власти, в свою очередь, имеют ресурсы для предоставления ФМС разнообразных поощрений и возможностей, которые носят преимущественно нематериальный характер, в основном это консультирование и предоставление информации.

С одной стороны, широкое распространение получила практика участия представителей органов власти в работе попечительского совета фондов. Так, чиновники различных ступеней служебной иерархии могут быть учредителями фонда. Например, среди учредителей ФМС может быть мэр города. Это способствует формированию имиджа ФМС среди групп целевой аудитории, а именно среди коммерческих структур и различных структурных подразделений органов власти. ФМС накапливают социальный капитал и встраиваются в социальные сети, что облегчает дальнейший поиск финансирования.

> *В какой-то степени, естественно, есть воздействие административное, чтобы с фондом сотрудничали. Стимулов нет. Я думаю, это личностные договоренности каких-то руководителей из органов власти с руководителями каких-то конкретных компаний. Только такой способ, на личных связях* (Ч.9).

С другой стороны, финансовые взаимодействия между фондами и органами власти отличаются меньшей интенсивностью и объемами. Наличие средств муниципального бюджета как источника финансирования ФМС декларирует лишь половина опрошенных представителей органов власти. Вклад же средств регионального бюджета в финансирование ФМС отмечается только в одной трети

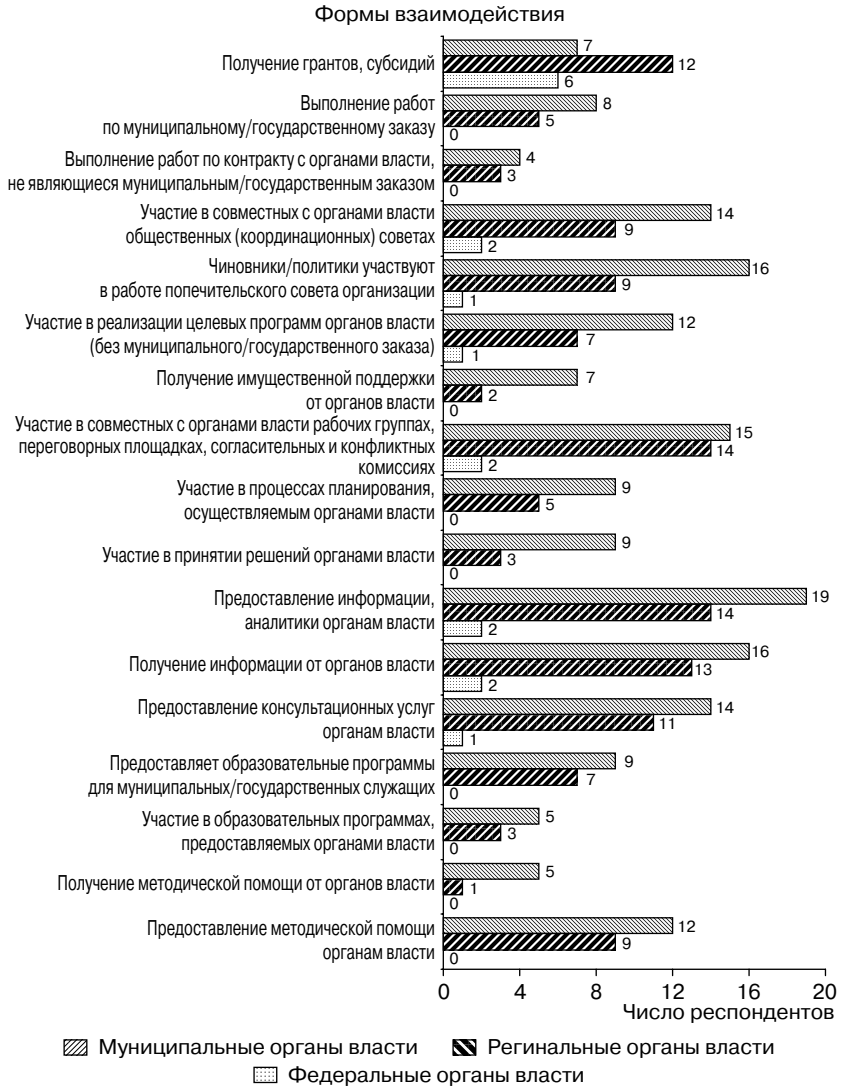


Рис. 10.11. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«В какой форме проходит взаимодействие Вашего фонда и муниципальных, региональных и федеральных органов власти?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

случаев, при этом большинство чиновников уверены в отсутствии подобного вклада.

Финансирование ФМС в большинстве случаев принимает форму участия в реализации целевых программ муниципальных органов власти. Количество фондов, вовлеченных в данную практику, составляет менее половины обследованных (12 из 28). Практика выполнения работ по муниципальному или государственному заказам имеет меньшее распространение — в ней заняты семь и один ФМС соответственно.

Есть различные механизмы поддержки некоммерческих организаций: субсидии на социальную деятельность, субсидии на уставную деятельность, муниципальный заказ. Но они не могут заменить собой те технологии, которые применяются фондом. Есть, конечно, механизм муниципального заказа, но нельзя сказать, что он направлен именно на поддержку некоммерческого сектора, потому что объявляется конкурс на любые виды деятельности, и кто выиграл, тот выиграл — коммерческая структура или некоммерческая (Ч.13).

Взаимодействие органов власти и ФМС в значительной мере институционально обусловлено и определяет наличие барьеров на пути активного сотрудничества.

Деятельность фонда во многом зависит от политической ситуации (Р.13).

Во-первых, важнейшим фактором, определяющим специфику взаимоотношений органов власти и ФМС, является политика государства в области взаимодействия с организациями гражданского общества. Активность представителей органов власти в незначительной степени обусловлена личными мотивами и интересами. При отсутствии директив вероятность самостоятельного принятия решения о поддержке фондов недостаточно велика.

Самая главная сложность, наверное, заключается в том, что органы местного самоуправления не всегда настолько вольны в реализации своих инициатив, как того хотелось бы. Существуют достаточно жесткие рамки: как принимать решение, как расходовать бюджет, на какие цели, как потом отчитываться и т.д. Здесь фонды, конечно, дают больше свободы в этом отношении (Ч. 40).

Во-вторых, в ряде случаев ФМС воспринимаются довольно предвзято. Встречается настороженное и порой даже негативное отношение органов власти к любым проявлениям низовой самоорганизации в целом, в том числе к ФМС.

Это сложившийся стереотип у первых лиц города и области о деятельности общественных организаций. Чиновники в городе говорят, что любая несанкционированная общественная деятельность это «оранжевая революция» (Р.5).

В-третьих, препятствием для более продуктивного сотрудничества органов власти и ФМС в определенной степени является законодательство. Это отмечается как чиновниками, так и руководителями ФМС. Респонденты указывают на изменения в законодательстве, касающегося определения грантовой деятельности и возможностей участия органов власти в этой деятельности. Как следствие, существенно снизились свобода и возможности органов власти выделять гранты фондам.

В последний раз вышла поправка с нового года к Бюджетному кодексу, где нет слова «грант», т.е. администрация не может выдавать гранты, ей приходится искать лазейки. Взаимодействуя с фондом, заказывая программы и субсидируя фонд, можно решить эту проблему легко, но пока еще не получается (Р.1).

Наконец, в-четвертых, состав органов власти по истечении срока полномочий меняется в большей или меньшей степени, что определено институционально. Разрушается существующая сеть социальных контактов, возникает необходимость в повторном построении и налаживании системы взаимодействий уже с новыми чиновниками на прежних позициях.

Наименее прочные отношения с администрацией, с властью. Они сменяются раз в 5 лет. Года два уходит только на выстраивание отношений, а там полтора года идет на предвыборку, т.е. им некогда (Р.1).

Для преодоления описанной ситуации со сменой чиновников, фонды в ряде случаев выстаивают рабочие отношения не только с чиновниками, занимающими высшие позиции, но и с заместителями, линейным персоналом. С исследовательской точки зре-

ния это можно интерпретировать как шаг к институционализации взаимодействий фондов с органами власти, к выстраиванию организационной структуры сотрудничества.

У наших органов власти нет институциональной памяти. Она проявляется в том, что сегодня мэром Петров, у него замом — Иванов по социальным вопросам, мы только наладили отношения с заместителем мэра Ивановым, договорились, в течение трех лет делали какую-то программу вместе. Приходит другой и заявляет: кто говорил — Иванов — ну и дуйте за своим Ивановым, мы делать ничего не будем. Мы заново рассказываем, кто мы, для чего мы, что хотим делать. Это не дает возможности развиваться. Получается у организации некий стопор, она в течение еще полугода доказывает свое право на сотрудничество (Р.10).

В ряде случаев барьером выступает конкуренция ФМС с другими некоммерческими организациями, имеющих возможности и готовых предоставлять власти аналогичные услуги. Более того, органы власти не всегда готовы и доверяют организациям некоммерческого сектора в принципе, не всегда готовы отдавать выполнение определенных задач внешним подрядчикам. На практике решение большинства проблем муниципального образования с привлечением ФМС осуществляется в менее чем половине случаев.

Необходимость социальных инвестиций и то, что некоммерческие организации могут через закрытые конкурсы решать социальные проблемы, что они могут быть существенной подмогой государственных органов местного самоуправления, это в голову чиновников просто так не приходит (Ч.2).

Подводя итог, можно выделить несколько особенностей взаимодействия ФМС с органами власти. С одной стороны, органы власти достаточно хорошо осведомлены о существовании и работе ФМС, особенно муниципальные структуры и подразделения, занятые вопросами социальной политики. При этом осведомленность не всегда автоматически включает понимание деятельности ФМС, что можно назвать «упущением» в информационной деятельности фондов. Также присутствуют институциональные барьеры для сотрудничества ФМС с органами власти. Другими сло-

вами, модель взаимодействия фондов с органами власти является еще недостаточно устойчивой и институционально укорененной, имеющей отработанную организационную форму. Несмотря на наличие кризисных явлений в экономике, взаимодействие, скорее всего, продолжится в текущем формате, будет проходить постепенное развитие.

10.3. Источники финансирования ФМС

Большинство ФМС придерживаются стратегии диверсификации источников финансирования за счет привлечения различных доноров, получения грантов, предоставления услуг за плату, что формирует определенный резерв стабильности. Это позволяет фондам продолжать деятельность. Свидетельства успешности данной стратегии можно найти и в зарубежной практике[8]. В контексте уменьшения размеров бюджетов на социальную сферу муниципальных органов власти, аккумулирование фондами ресурсов территории приобретает особую значимость как альтернативной технологии поддержания качества жизни населения.

Большая часть опрошенных сообщила о достаточно благополучном текущем финансовом положении своих фондов. Чаще всего руководители фондов отмечали, что *средств хватает для полноценного выполнения задач организации, но многие новые идеи остаются нереализованными из-за недостатка ресурсов*.

Среди наиболее значимых источников финансирования респонденты чаще всего называли благотворительные поступления от российского бизнеса (см. рис. 10.12).

Наиболее традиционной организационной формой получения средств от доноров являются общие фонды. Распространены также именные фонды и в ряде случаев — стипендиальные программы. В 20 из 28 обследованных ФМС используется организационная

---

[8] См., напр.: *Greene S. G.* Community Foundations: Consider New Approaches for Financial Stability // Chronicle of Philanthropy. 2003. Vol. 6.

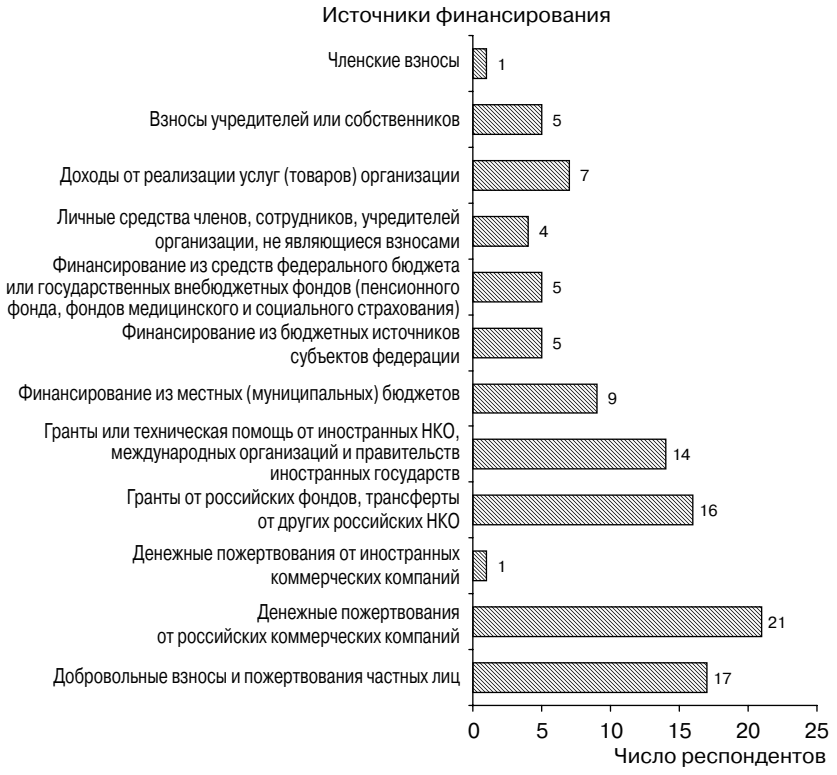


Рис. 10.12. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Перечислите основные источники финансирования Вашего фонда?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

форма общих фондов, в 16 — форма именных фондов. Стипендиальные программы практикуются в 11 обследованных ФМС.

Помимо принципа диверсификации доноров, фонды стремятся к получению дополнительной устойчивости и независимости за счет формирования неприкосновенного капитала. В настоящий момент данный капитал есть у 11 ФМС (см. рис. 10.13). Они ста-

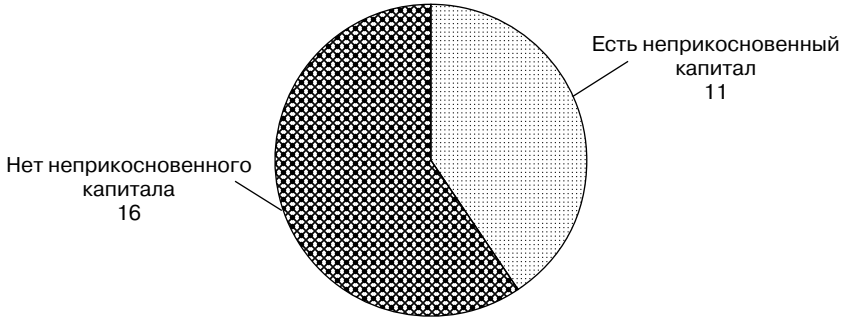


Рис. 10.13. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Имеется ли в Вашем фонде неприкосновенный капитал?»* (число респондентов)

раются его инвестировать, размещать на депозитах для получения дополнительных средств. Размеры неприкосновенного капитала в среднем составляют около 1 млн руб. Безусловно, есть отдельные случаи как больших, так и существенно более скромных объемов капитала. Например, в фонде Тольятти размер неприкосновенного капитала достигает 54–55 млн руб. В текущей ситуации кризиса фонды достаточно сдержано оценивают свои перспективы по созданию неприкосновенного капитала в силу финансовых затруднений. В 10 фондах из 16, не имеющих неприкосновенного капитала, не планируют его формирование в краткосрочной перспективе.

Руководители обследованных фондов в большей степени строят свое ближайшее будущее в расчете на коммерческие организации и частные пожертвования, органы власти рассматривают при этом как наименее стабильный источник поддержки (см. рис. 10.14). Так, 18 респондентов из ФМС оценили коммерческие структуры наиболее стабильными и прочными источниками финансирования. Почти для половины руководителей ФМС взаимодействия с органами власти оказались наименее прочными в нынешних условиях.

Как отмечалось выше, бизнес является для ФМС ключевым донором, при этом достаточно стабильным. Логично предпо-

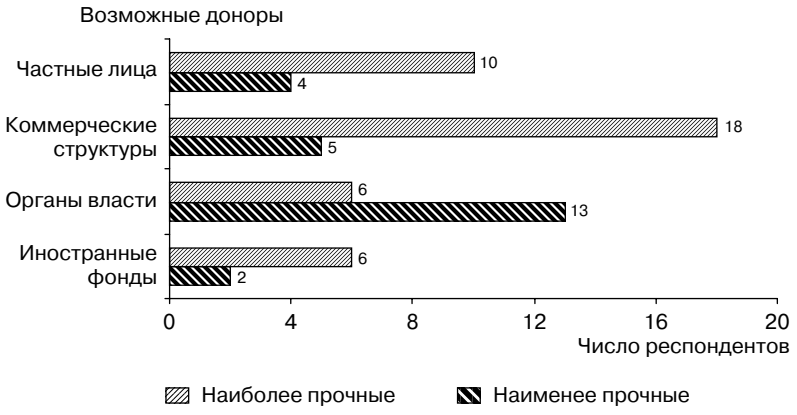


Рис. 10.14. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Взаимодействия с какими донорами Вы рассматриваете как наиболее прочные и как наименее прочные?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

ложить, что фонды заинтересованы в коммерческих структурах и стараются максимально активно привлекать новых доноров. При этом важна лояльность уже сотрудничающих — их приверженность и своеобразная преданность фонду. ФМС используют различные методы мотивации доноров, большинство из которых строится на удовлетворении их личных и социальных потребностей в признании, карьерном росте и успешности собственной организации.

На рис. 10.15 показано распределение мнений руководителей ФМС о том, какие преимущества получают доноры от партнерства с их фондами.

Наибольший вес для доноров имеют, во-первых, моральное удовлетворение и реализация личностных мотиваций. Во-вторых, для филантропов важно со временем получить положительные эффекты в виде откликов СМИ, одобрения местного населения и целевой аудитории в целом. Другими словами, за счет благотворительности донорская организация конструирует свой положитель-

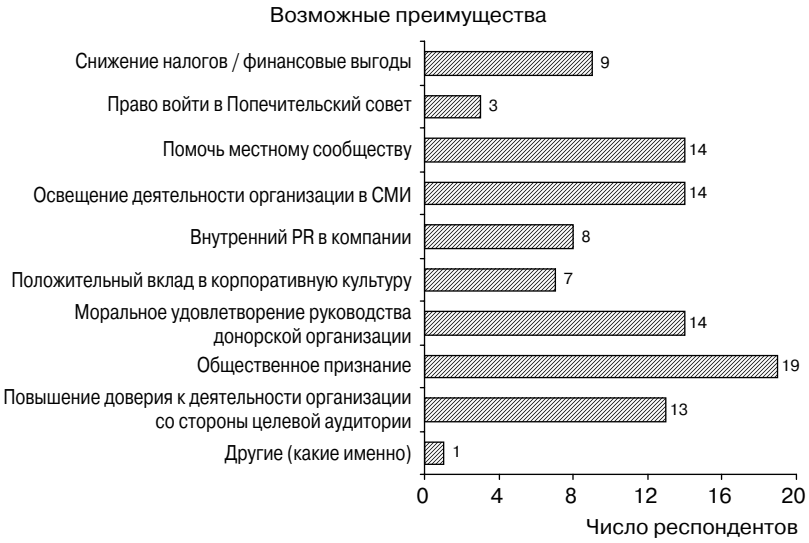


Рис. 10.15. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Какие преимущества получают доноры от партнерства с Вашим фондом?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

ный имидж у целевой аудитории, происходит PR организации, что в дальнейшем может выражаться в повышении лояльности со стороны потребителей. Аналогичную значимость имеет освещение деятельности донора в СМИ, донесение информации до целевых групп. Кроме того, благотворительная деятельность и позитивный общественный резонанс способствуют укреплению корпоративной культуры в донорской организации.

Помимо сказанного сотрудничество с ФМС является для доноров дополнительным каналом вхождения в бизнес-сообщества и властные структуры, в профессиональные клубы, что значимо для карьерного продвижения донора.

Я вхожу в различные бизнес-сообщества — «Опора России», «Пензенский бизнес-клуб», в правление «Деловой России». Мы приглашаем до-

норов и на каждом выступлении говорим про них. Участие для доноров, прежде всего личные встречи, личные контакты, плюс участие в бизнес-сообществах, — это тоже очень важно (Р.5).

Довольно интересной инновационной практикой является «выход» фондов в пространство коммерческой деятельности, коммуникация с донорами на «их языке» и с применением понятной им аргументации. Другими словами, фонды предлагают формат сотрудничества, в ходе которого доноры будут получать экономическую выгоду от благотворительности. Фонды предлагают бизнесу программы, понятные и измеримые в терминах издержек и прибыли.

Мы делаем совместные нормальные проекты, которые выгодны бизнесу и нам, и сообществу выгодны. Допустим, сейчас мы делаем программу о создании игровой комнаты в магазинах. Это и бизнесу надо, нам интересно, а главное, для населения вообще классно. Тем более увеличиваем приток населения в магазин, увеличиваем их доход — соответственно увеличиваем нашу благотворительную наценку. Или у нас есть договор, в котором указана номенклатура товаров, которые мы считаем дорогими. С каждой такой проданной вещи мы берем 100 рублей (Р.12).

В текущей практике сотрудничества фонды оказывают донорам помимо обозначенных достаточно широкий спектр услуг (см. рис. 10.16) причем как за плату, так и безвозмездно. Последнее является наиболее распространенным.

Наиболее востребованный пакет услуг включает PR и рекламные услуги. Повышение узнаваемости компании или отдельного благотворителя в сообществе является значимым мотивом к совершению финансирования ФМС.

Управление корпоративными благотворительными программами — за плату. От 10 до 20% общего объема выделяемых на эти цели средств. PR-услуги как таковые мы не позиционируем как услугу. Но они реально знают, что все, что исходит из благотворительного фонда, все будет без оплаты, соответственно пойдет в статью экономии. Проведение мероприятий мы делаем безвозмездно. Образовательные услуги, повышение квалификации — деньги берем только с органов власти (Р.11).

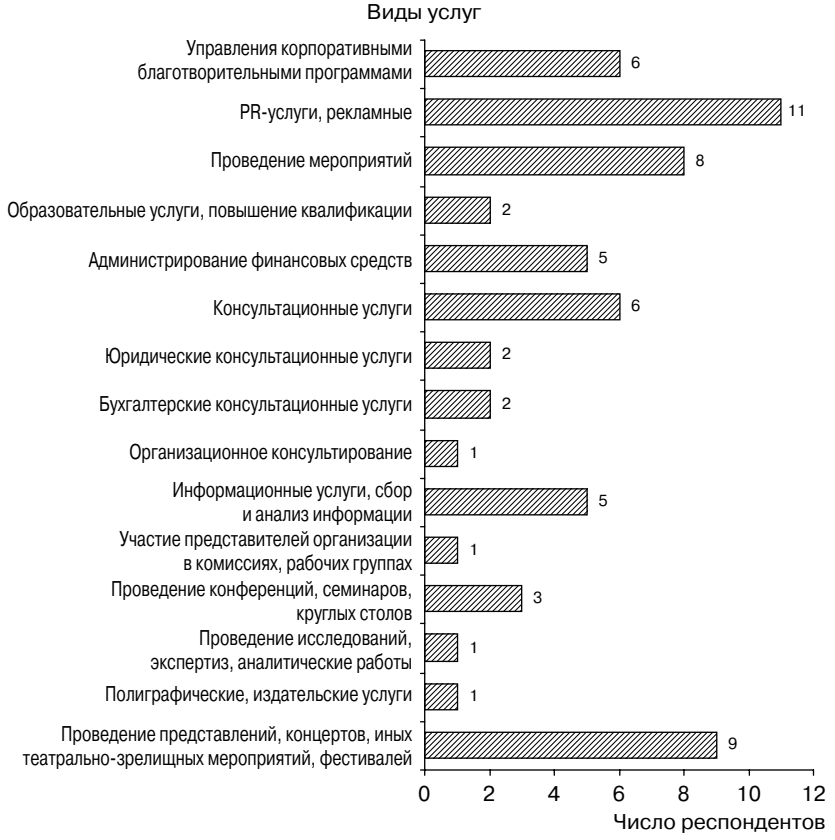


Рис. 10.16. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Какие услуги Вашего ФМС являются наиболее востребованными со стороны доноров?»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

Проведение мероприятий, в том числе концертов, представлений, общественных гуляний, конкурсов и выставок также широко практикуется ФМС и является востребованным со стороны доноров.

Администрирование финансовых средств, управление корпоративными благотворительными программами, а также различные консультационные услуги достаточно интересны и востребованы донорами. При этом чаще всего подобные услуги оказываются на платной основе. Так, 60% всех предоставляемых платных услуг касаются именно администрирования финансовых средств доноров.

Частные пожертвования в экономике ФМС. В период экономического кризиса отмечался незначительный рост частных пожертвований, происходящий скорее стихийно, по инициативе жителей территории. По словам опрошенных руководителей ФМС, данная тенденция имеет слабую связь с конкретными действиями ФМС по стимулированию частной филантропии, особенно принимая во внимание то, что систематические усилия в данном направлении предпринимает только часть фондов.

Результаты интервьюирования исполнительных директоров ФМС указывали на двойственность ситуации с доверием жителей территории к механизму ФМС как посреднику между индивидуальным донором и получателем благотворительности (см. рис. 10.17). Так, 13 руководителей ФМС отметили склонность жителей, частных жертвователей, к пониманию посреднической роли фонда как промежуточного звена между своими средствами и получателем помощи, а 14 респондентов — неготовность к использованию ФМС в качестве посредника. Тем самым искомый уровень доверия недостаточен, но ситуация полного недоверия населения, видимо, преодолена.

Вклад частных пожертвований в бюджет фондов составляет в среднем около 5–7% общего объема поступлений. Это сопоставимо с долей финансирования от иностранных фондов, там, где таковое имеется. В большинстве фондов руководители несмотря на скромные размеры поступлений средств от частных жертвователей, декларируют прямое воздействие частных пожертвований на диверсификацию каналов финансирования и опосредованно — на стабильность ФМС.

Говоря о частных пожертвованиях в условиях кризиса, необходимо отметить техническую сторону реализации благотворительности — осуществления прямых денежных пожертвований, по-

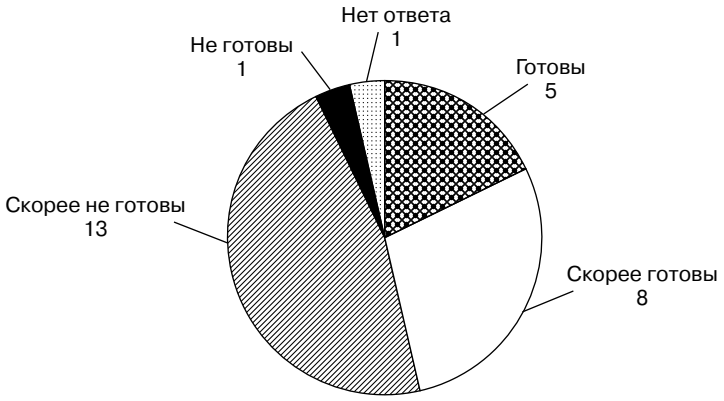


Рис. 10.17. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Насколько частные жертвователи готовы использовать Ваш фонд как промежуточное звено между своими средствами и получателем помощи?»* (число респондентов)

жертвований в натуральной форме и добровольчества. Массовые опросы населения показывают достаточно высокий потенциал населения к осуществлению благотворительной деятельности и достаточно большую вовлеченность рядовых жителей в практики частной филантропии в обход любых организационных форм, непосредственно нуждающимся[9]. С одной стороны, это подтверждает заявления фондов о невысоком уровне осведомленности и доверия к инструменту ФМС со стороны граждан. С другой стороны, это является дополнительным аргументом в пользу развития любых форм и инструментов, облегчающих осуществление благотворительной деятельности граждан.

Процедурные и организационные аспекты осуществления массовой благотворительности через ФМС находятся в практически неразвитом состоянии. Большинство фондов после ряда недо-

[9] Подробнее см.: *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М., 2009. С. 38–44.

статочно успешных попыток (благотворительные ящики, продажа открыток на почте и т.д.) прекратили систематические усилия по формированию конкретных возможностей для граждан, частных благотворителей участвовать в акциях фондов.

Можно выделить следующие наиболее значимые ограничения частной благотворительности посредством ФМС.

- Недостаточность информации о ФМС как об инструменте осуществления благотворительности. Частные пожертвования россиян слабо канализированы в целом. Результаты всероссийского репрезентативного опроса населения свидетельствуют о том, что россияне предпочитают оказывать материальную поддержку нуждающимся в одиночку. На наличие в качестве посредников в своей благотворительной деятельности каких-либо организаций указали единицы (1% населения)[10]. Достаточно типичным обобщенным высказыванием руководителей ФМС является следующее: «*Люди элементарно не знают, что можно прийти в фонд и там пожертвовать деньги на какую-то определенную цель. Сразу могут возникнуть вопросы — так просто отдать в фонд, в кассу? Или как?*»
- Высокие издержки организации этой конкретной формы благотворительности. Организация благотворительных ящиков, продажи товаров или получения процентов от совершения гражданами покупок связана со значительными материальными издержками. С одной стороны, необходимо выстроить цепочку посредников и исполнителей для реализации. С другой — необходимо наладить финансовые механизмы переводов полученных средств на счет фонда или другой организации. Учитывая, что объемы индивидуальных жертвований и весь поток в целом относительно невелики, ФМС рассматривают частную благотворительность как важный, но второстепенный источник.

---

[10] Подробнее см.: *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России... С. 48–51.

Надо еще и вложить значительные средства, чтобы получить какую-то сопоставимую отдачу. Грубо говоря, чтобы получить 1 рубль от частных пожертвований, надо вложить 70 копеек. Они пойдут на организацию сбора частных пожертвований. Есть разные способы собирать пожертвования. Или платеж в Интернете, или ящики в магазинах, или ходить по улицам — это получается дорого (Р.6).

Аналогичная ситуация наблюдается и с материальной благотворительностью и добровольчеством. Организация информационной программы, пунктов приема вещей или первичного обучения добровольцев требует денежных и человеческих ресурсов, которые фонды не всегда готовы высвобождать из текущей деятельности.

Таким образом, на данном этапе значимость ФМС в контексте развития филантропического движения частных лиц невелика. Это направление не является для ФМС приоритетным, его реализация требует определенных ресурсов и осуществляется по остаточному принципу. В ситуации кризиса, однако, фонды начинают декларировать стратегическую ориентацию на развитие инфраструктуры частных пожертвований.

10.4. Коммуникационные стратегии ФМС

Сетевое взаимодействие. Фонды местных сообществ входят в разряд некоммерческих организаций, но обладают своей спецификой, выражающейся в принципах организационного устройства и работы. Модель ФМС достаточно сложна для ее простого воспроизводства, «копирования», в силу этого она распространяется преимущественно посредством консультаций со стороны уже действующих ФМС. Последние чаще всего являются членами Партнерства ФМС, которое имеет достаточно организационных и социальных ресурсов, а также опыта для распространения модели ФМС и создания новых фондов. Взаимодействие ФМС и некоммерческих организаций или инициативных групп происходит преимущественно через посредство Партнерства, за исключением такого вида услуг, как предоставление грантов.

Без посредничества Партнерства с другими некоммерческими организациями и фондами взаимодействует лишь 10 из 28 обследованных ФМС.

> *Сегодня каждый из нас получает достаточно запросов на консультирование, на предоставление необходимых документов для регистрации. Не все организации, которые получают у нас консультацию, доводят дело до ума. Но тем приятнее пример тех, кто сумел это сделать. Например, мы считаем себя шефами фонда, который создался в Приморском крае в поселке Пластун, на берегу Японского моря* (Р.11).

По всей видимости, привычная в настоящий момент модель деятельности ФМС не подразумевает тесного сотрудничества с другими НКО, преследующими аналогичные цели. Так, ряд фондов отмечают существование на их территории НКО с аналогичными задачами. Однако среди субъектов некоммерческого сектора наблюдается неполнота информированности друг о друге, о чем заявила половина опрошенных представителей органов власти. Особенность взаимодействий двух типов некоммерческих организаций состоит в нейтральном отношении друг к другу, только в отдельных случаях зафиксированы партнерские или конкурентные отношения.

Партнерство ФМС как институциональная форма взаимодействия. Уже отмечалось, что большинство действующих фондов состоят в Партнерстве ФМС, являются его более или менее активными членами. Среди обследованных 28 ФМС 22 фонда являются членами Партнерства. Специфика движения ФМС на данном этапе такова, что наблюдаются процессы централизации человеческих, информационных и административных ресурсов в рамках Партнерства ФМС. В настоящий момент численность Партнерства составляет 26 фондов, среди которых есть как российские ФМС, так и фонды бывших союзных республик, в частности Украины, Казахстана, Литвы. Большая часть членов вошли в состав объединения единовременно в самом начале функционирования Партнерства в 2003 г. — 10 обследованных фондов. Несколько последующих лет наблюдалось интенсивное расширение

участников Партнерства. В 2009 г., на момент проведения обследования, только два фонда стали новыми членами организации.

Можно выделить следующие ожидания фондов от участия в Партнерстве, расположив их по мере убывания значимости для участников. Но все они отражают потребность фондов в конструировании институционально оформленного профессионального сообщества с развитыми горизонтальными и вертикальными связями и информационным обменом.

- Ожидание доступа к информационным ресурсам, обмену материалами, контактами. Фонды признают наличие у Партнерства значительного объема теоретических, практических и организационных разработок и материалов, освещающих как отечественный, так и зарубежный опыт. Для многих фондов Партнерство аккумулирует методологический «передовой опыт работы», необходимый для организации и развития фонда. Партнерство воспринимается как образовательный ресурс.

Мы плотно сотрудничали с НКО, но Чернов из фонда города Чайковский сказал, что есть Партнерство, что есть формат такой переговорной площадки, которая поможет восстановлению организации. С фондом, с моделью и вообще с общественной организацией я не была знакома. Поэтому мне нужно было посмотреть какие-то вещи (Р.6).

- Проведение стажировок и регулярных встреч для повышения квалификации, обмена опытом и развития сотрудничества действующих членов Партнерства. Межличностное общение во время встреч способствует построению действенного сообщества с реципроктными обменами между участниками, с привлечением социальных ресурсов каждого.

Мы понимаем, что надо. У нас даже вопроса не возникало, вступать ли нам в Партнерство. Как минимум для того, чтобы не быть закрытыми, чтобы не вариться в собственном соку, чтобы постоянно был стимул к развитию, чтобы даже тебя «тащили» (Р.8).

- Поддержка движения ФМС в законодательной и предпринимательской среде. Так, одной из задач Партнерства является

«разработка единого правового поля», на что рассчитывают его члены. Объединение должно способствовать распространению положительного имиджа фондов на общероссийском уровне, продвижению самой идеи «community foundation».

Для меня есть возможность выхода через Партнерство на уровни власти и федерального бизнеса. То есть мы дошли до того, что нашему фонду нужно работать с федеральным бизнесом. Мы пытаемся это наладить, но через Партнерство это все легче будет сделать (Р.12).

- В единичных случаях высказывались ожидания фандрайзинговых услуг Партнерства — услуг по привлечению доноров для членов Партнерства.

Говоря о степени реализации ожиданий от участия в Партнерстве ФМС, необходимо отметить наличие двух противоположных групп (см. рис. 10.18).

В первой группе ФМС, руководители которых в той или иной мере удовлетворены участием в Партнерстве, насчитывается 16 фондов. Их руководители отметили существенные объемы организационной помощи, поступавшей от Партнерства. Положительно оценивались наличие общего информационного поля,

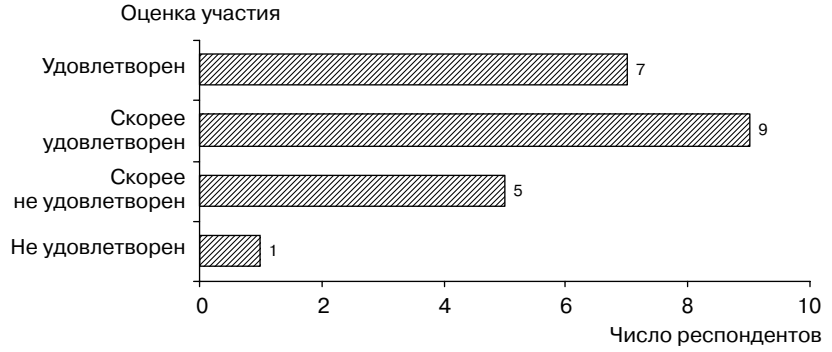


Рис. 10.18. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Насколько Вы удовлетворены участием Вашего фонда в Партнерстве?»* (число респондентов)

возможность контактов, проведение ежегодных конференций Партнерства и, в ряде случаев, обучающие стажировки. По их мнению, Партнерство имеет положительный, стабильный имидж в информационном пространстве на федеральном уровне. Косвенным образом это облегчает получение финансирования от доноров, поскольку свидетельствует о надежности, качестве и профессионализме работы отдельного фонда.

То, что мы является членом Партнерства, для многих наших партнеров является значимым при выборе нас в качестве института, в котором можно разместить свои финансовые средства (Р.8).

Представители фондов из второй группы в большей или меньшей степени выразили неудовлетворенность своим участием в Партнерстве — так заявили 6 ФМС. Среди основных факторов, вызывающих неудовлетворенность членством в Партнерстве, можно выделить следующие (по мере снижения значимости для опрошенных).

1. Недостаточная частота стажировок и образовательных поездок, встреч для членов Партнерства, рабочих взаимодействий. Данный аспект тесно перекликается с организацией обучения персонала в фондах, уровень которого также оценивается недостаточно высоко. За время членства в Партнерстве часть фондов имела возможность пройти стажировку всего несколько раз. Проведение ежегодных конференций за счет Партнерства не рассматривалось как достаточное.

Постоянный информационный обмен — он есть через пресс-службу, конечно, но... стажировками в принципе мы еще ни разу не пользовались, Иван вот только у нас ездил на конференцию Форума доноров (Р.13).

2. Недостаточная прозрачность деятельности. Члены Партнерства выражают озабоченность прозрачностью процедур внутренних конкурсов, отборов на стажировки и т.д.
3. Несвоевременность информационного оповещения. Отмечается, что распространение отчетов о проведенных семинарах или стажировках не всегда производится в оперативном режиме и (или) в полном объеме.

4. Отсутствие налаженного механизма перевыборов председателя Партнерства. По Уставу Партнерства должность является избираемой и предполагает смену руководителя. Однако достаточно длительное время смены председателя не было.

Я считаю, что просто устройство организации неправильно, в ней заложен конфликт. У нас в уставе прописано, что должность выборная, но не указано, сколько раз подряд можно избираться на председателя. Должны быть понятны правила игры, сколько человек может находиться в этой позиции, могут ли другие лидеры? (Р.13).

Другим словами, фонды отмечают несоответствие практики общей идее Партнерства — распространению культуры взаимодействий и созданию функционирующего сообщества равноправных партнеров. В целом фонды ориентированы на продолжение сотрудничества и членства в Партнерстве, однако ожидают ответных шагов со стороны организации и выполнения поставленных ранее задач по развитию полноценного сетевого взаимодействия.

Мне хотелось получать именно какую-то помощь, поддержку, обсуждение, обмен с коллегами. Мне кажется, что то, как Партнерство будет помогать новому директору, очень скажется на работе фонда (Р.13).

Мы ожидаем информацию. Если будут какие-то проекты, в которых мы сможем участвовать, мы будем «за». И конечно, для всех ФМС это объединяющая структура (Р.1).

Взаимодействие с целевой аудиторией. По результатам проведенного исследования можно говорить о различном характере коммуникаций ФМС в зависимости от целевой группы. При этом общий уровень информированности жителей сообщества о фонде, как уже обсуждалось, невысок. Органы власти и бизнес являются приоритетными целевыми группами для фондов, их информированию уделяется больше внимания со стороны фондов. Коммуникации с жителями поселения обычно осуществляются по остаточному принципу и не всегда достигают искомого результата. При этом в информационном пространстве ФМС придерживаются скорее традиционных каналов, только часть фондов действительно активно представлена в нтернет-пространстве.

В текущий момент органы власти, коммерческие структуры и жители муниципального образования составляют основные группы целевой аудитории для ФМС. Первые две группы являются приоритетными донорами для фондов, поэтому последние стараются поддерживать коммуникацию с ними на должном уровне. Последняя группа — жители поселения — стала рассматриваться фондами как реальная альтернатива действующим донорам только во время кризиса. Данное распределение во многом обусловлено традиционностью и устойчивостью сложившихся механизмов поиска финансирования. Более того, органы власти и коммерческие структуры обычно хорошо известны в небольших городах, со многими руководители фондов знакомы лично. Это в определенной степени увеличивает возможности привлечения доноров к совместной деятельности с ФМС. Более того, сотрудничество с известными в городе людьми, с лидерами положительно сказывается на формировании бренда фонда среди групп целевой аудитории.

Пока мы стараемся формировать бренд. Его знают в городе, но пока узкая часть людей, которые взаимодействуют с фондом (Р.1).

Как следствие, отмечается достаточно высокий уровень осведомленности о существовании ФМС среди представителей различных структурных подразделений органов власти, например департамента социального развития, молодежного развития и т.п., а также среди предпринимателей разного профиля. Однако пока преждевременно говорить о прямой зависимости между знанием о и пониманием деятельности фонда. Большая часть целевой аудитории, по оценкам опрошенных, обладает скорее поверхностными знаниями об организации.

Нет, новых доноров как, в общем, и старых еще образовывать надо. Еще недостаточно четкое у них понимание, что есть ФМС (Р.3).

Жители муниципального образования также рассматриваются как целевая группа, однако в большинстве случаев это не находит отражения в деятельности фондов. Коммуникации и информирование жителей происходит по остаточному принципу.

У нас идет рассылка по всем организациям, по предприятиям, размещаем информацию также на сайте администрации. Естественно, те же депутаты включены и смотрят эту рассылку. В принципе, жители города, которые заходят на сайт администрации, могут увидеть все новости, что происходит в фонде (Р.15).

Как отметили опрошенные руководители фондов и представители органов власти, жители слабо осведомлены о деятельности ФМС, что особенно справедливо для крупных городов. Так, более половины опрошенных чиновников уверены, что жители лишь частично осведомлены о деятельности фондов (12 респондентов). Уверенность в высоком уровне информированности выразили только 2 респондента, столько же посчитали уровень осведомленности населения очень низким.

Сегодня недостаточная и слабая осведомленность в целом жителей, граждан и руководителей разного уровня. То есть непонимание, незнание о специфике фондов местных сообществ еще есть (Ч.4).

Фонды декларируют использование широкого спектра каналов для информирования каждой группы целевой аудитории (см. рис. 10.19). Практически все доступные способы в той или иной мере используются для распространения информации среди целевых групп. Наиболее популярными являются личные презентации, выступления на конференциях, телевидении, информационные материалы и брошюры, радиопередачи и публикации в местных СМИ, а также рассылка по электронной почте. Несмотря на использование различных каналов распространения информации, наиболее эффективным считаются личные презентации, о чем заявили 15 опрошенных руководителей фондов. Далее частота использования каналов распределилась так: местные газеты (8 опрошенных), выступления на конференциях, теле- и радиопередачах (7 опрошенных), собственный интернет-сайт ФМС (7 опрошенных).

Рис. 10.19. Распределение ответов респондентов на вопрос: *«Какие информационные каналы используются для распространения информации среди НКО, органов власти и доноров Вашим фондом»* (выборочно, число респондентов, допускался выбор всех подходящих вариантов ответа)

Информационные каналы
Сотрудники, члены, добровольцы организации
20
17
17
Потребители услуг организации
17
10
7
Информационные материалы (брошюры, листовки)
20
17
13
Выступление на конференциях, радио и телепередачах
18
20
16
Личные презентации
17
21
20
Реклама на транспорте, на улице
6
4
5
Передачи на центральном ТВ
3
2
2
Передачи на региональном и местном ТВ
12
13
11
Реклама в интернете
10
5
6
Собственный интернет-сайт организации
12
9
10
Публикации в электронных изданиях, на тематических сайтах
15
9
10
Страница фонда в ЖЖ
2
0
0
Собственный блог фонда
2
1
1
Регулярное размещение аудио / видео материалов в Интернете
3
2
3
Передачи на федеральных радиостанциях
4
1
2
Передачи на местных и региональных радиостанциях
13
10
11
Центральные газеты и журналы
3
3
1
Местные и региональные газеты и журналы
18
16
18
Информационные стенды в помещении организации
9
7
8
Собственные печатные и электронные СМИ
10
7
7
Информационные стенды в помещениях органов власти и организаций
4
4
0
Доска объявлений в фонде
8
1
1
Личное информирование сотрудников
13
4
4
Встречи-совещания в фонде
13
4
8
Рассылка по электронной почте, в т.ч. корпоративной почте фонда
18
10
14
Размещение информации на внутреннем сайте фонда
4
1
2
0
5
10
15
20
25
Число респондентов
НКО
Органы власти
Доноры

10.5. Направления развития ФМС в России

Детальный анализ работы фондов местных сообществ за весь с исторической точки зрения недолгий (напомним, первый ФМС создан в 1998 г.) период существования в России, проведенный по данным эмпирического обследования их большинства, позволяет подвести некоторые итоги о состоянии этой формы активности становящегося российского гражданского общества. Во-первых, в условиях экономического кризиса, совпавшего по времени с проведением обследования, ФМС показали свою жизнестойкость — они не сворачивают свою деятельность. Во-вторых, количество ФМС постепенно растет, инициативные граждане, включенные в проблемы своего поселения, находят в них применение своим силам и стремлениям наладить жизнь у себя дома (хотя в абсолютном выражении их еще слишком мало). И в-третьих, что представляется совсем не маловажным при центростремительном устройстве экономики, политики и культуры нашей страны, подавляющее большинство ФМС расположены в самых разных и удаленных от столиц регионах.

Ближайшие перспективы ФМС связаны в понимании их руководителей, конечно, с минимизацией последствий кризиса. В качестве мер преодоления предполагаются поиск и развитие новых источников финансирования, укрепление взаимодействий с властью, изменение механизмов деятельности фонда, интенсификация взаимодействий с другими фондами, построение общего пространства для коммуникаций, обмен опытом и повышение профессионального уровня.

> *Для фонда очень важно соотнести интересы всех сторон, и органов власти, и доноров, у которых есть свои интересы. Тем более в условиях кризиса интересы населения. Это, конечно, очень сложно, чтобы не отдать кому-то из всех предпочтение. Нельзя отдать предпочтение интересам какого-то одного из доноров. ФМС — это возможность усреднить интересы всех, защитить интересы населения от государства... и бизнес у нас тоже надо защищать. То есть фонд в условиях кризиса как раз выступает таким катализатором состояния общества* (Р.6).

Более долгосрочные задачи развития ФМС связаны с преодолением слабых сторон движения в целом. И здесь можно выделить следующие генеральные направления.

Формирование положительного имиджа ФМС среди групп целевой аудитории: органов власти, бизнес-структур и населения территории, что позволит привлечь доноров и волонтеров в долгосрочной перспективе, укрепит стабильность фондов и увеличит возможности благотворительной деятельности.

Развитие финансирования связано с дальнейшей диверсификацией доноров, что также является одним из факторов долгосрочной материальной стабильности. Это в первую очередь предполагает увеличение поступлений от частных пожертвований (прежде всего в денежной форме). Кроме того, для ФМС доступнее и продуктивнее работать с малым и средним бизнесом, действующим на территории муниципального образования. Территориально укорененные доноры больше вовлечены в конкретные местные проблемы и, следовательно, потенциально в большей степени готовы к благотворительным пожертвованиям, чем крупные региональные или федеральные благотворители. Устоявшаяся форма получения финансовых средств в виде государственных и муниципальных программ и заказов не теряет для ФМС своей привлекательности, поскольку позволяет планировать свои действия, поддерживать связь сразу и с населением, и с органами местной власти.

Формирование и инвестирование неприкосновенного капитала, в том числе в виде недвижимости — это вклад в долгосрочную стабильность фонда и обеспечение его финансовой независимости. Полезно обучение финансовому менеджменту сотрудников фондов для возможности самостоятельного безопасного и выгодного размещения неприкосновенного капитала.

Неприкосновенный капитал — это принципиальная позиция, это то, что есть собственный источник, ресурс для развития, для деятельности, и он должен быть сформирован. Иначе нам так всегда придется не развиваться, а искать деньги на то, чтобы прожить. Более того, люди должны понимать, что фонд создан не на один день и не на два. И вот эти длинные деньги, неприкосновенные, это гарант

того, что фонд будет работать и после того, как мы уйдем, и после того, как сменится жизнь, неважно, что сменится. Это гарантия, и то доверие, которое должно быть (Р.8).

Социальный маркетинг — возможность получения дополнительного финансирования от реализации товаров и услуг. Среди услуг могут быть как традиционные (консультирование, управление корпоративными благотворительными программами), так и инновационные практики при тесном сотрудничестве с бизнесом, когда бизнес извлекает экономическую выгоду от благотворительности, а также новые услуги для органов власти.

Интенсификация взаимодействия с другими фондами, построение общего пространства для коммуникаций, обмена опытом и повышения профессионального уровня. Совершенствование деятельности Партнерства ФМС связано с дальнейшим развитием функций сетевой организации, поддержкой и обучением фондов — членов Партнерства. Кроме того, Партнерству необходимо развивать культуру благотворительности среди населения и лоббирование интересов фондов на государственном уровне.

Для развития российского движения ФМС создана важная предпосылка на институциональном уровне. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.07.2009 г. № 1054-р была одобрена Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества, в которой отмечается целесообразность создания фондов местных сообществ для содействия развитию благотворительной деятельности на местном и региональном уровнях.

Приложение

Список источников эмпирической информации

п/п	Город, регион	Название организации	ФИО респондента	Код в исследовании
Руководители ФМС, члены Партнерства ФМС				
1	Ангарск, Иркутская область	Благотворительный фонд «Фонд развития города “Новый Ангарск”»	Шадрин Игорь Анатольевич	Р.1
2	Астрахань	Астраханский некоммерческий благотворительный фонд местного сообщества	Шатеева Татьяна Викторовна	Р.2
3	Новокузнецк, Кемеровская область	Благотворительный фонд местного сообщества «Новокузнецк»	Лызлова Галина Анатольевна	Р.3
4	Обнинск, Калужская обл.	Некоммерческий фонд «Общественный фонд Обнинска»	Синицын Михаил Данилович	Р.4
5	Пенза	Пензенский региональный общественный благотворительный фонд «Гражданский союз»	Шарипков Олег Викторович	Р.5
6	Пермь	Фонд поддержки социальных инициатив «Содействие»	Самарина Нина Николаевна	Р.6
7	Рубцовск, Алтайский край	Городской благотворительный фонд «Развитие»	Буканович Татьяна Владимировна	Р.7
8	Самара	Региональный благотворительный фонд «Самарская губерния»	Сапожников Андрей Владимирович	Р.8

Продолжение приложения

п/п	Город, регион	Название организации	ФИО респондента	Код в исследовании
9	Санкт-Петербург	Санкт-Петербургский общественный благотворительный фонд «МИЛОСТЬ»	Астапенко Ирина Викторовна	Р.9
10	Тольятти, Самарская область	Общественный «Фонд Тольятти»	Цирульников Борис Альбертович	Р.10
11	Тюмень	Благотворительный Фонд развития города Тюмени	Барова Вера Владимировна	Р.11
12	Улан-Удэ, Республика Бурятия	Байкальский фонд местного сообщества	Грудинин Анатолий Викторович	Р.12
13	Ульяновск	Некоммерческая организация «Региональный информационно-ресурсный фонд»	Максимова Екатерина Викторовна	Р.13
14	Чайковский, Пермская область	Городской благотворительный фонд «Фонд местного сообщества города Чайковского»	Чернов Михаил Юрьевич	Р.14
15	Шелехов, Иркутская область	Благотворительный фонд местного сообщества Григория Шелехова	Прокопьева Надежда Ивановна	Р.15
16	Калининград, Калининградская область	Региональный Некоммерческий Благотворительный Фонд Местного Сообщества «Калининград»	Трифонова Юлия Владимировна	Р.16
17	Ковров, Владимирская область	Фонд местного сообщества «Фонд развития Коврова»	Прихожев Александр Павлович	Р.17

Продолжение приложения

п/п	Город, регион	Название организации	ФИО респондента	Код в исследовании
18	Первоуральск, Свердловская область	Благотворительный фонд местного сообщества «Первоуральск-21 век»	Ананьина Вера Демьяновна	Р.18
19	Ревда, Свердловская область	Благотворительный фонд местного сообщества «Содружество Ревды»	Панова Елена Гермоновна	Р.19
20	Саратов	Фонд «Саратовская губерния»	Чукалин Илья Владимирович	Р.20
21	Кирово-Чепецк, Кировская область	Некоммерческая организация «Благотворительный фонд местного сообщества «Двуречье»	Плотников Андрей Леонидович	Р.21
22	Краснокамск, Пермский край	Фонд поддержки местного сообщества г. Краснокамска «Территория успеха»	Волкова Елена Михайловна	Р.22
		Руководители ФМС, не состоящие в Партнерстве ФМС		
23	Дзержинск, Нижегородская область		Гришина Татьяна Александровна	Р.23
24	Жигулевск, Самарская область		Момот Ольга Ивановна	Р.24
25	Кинель-Черкассы, Самарская область		Кривошеев Александр Дмитриевич	Р.25
26	Пластун, Приморский край		Тримасова Ольга Владиславовна	Р.26

Продолжение приложения

п/п	Город, регион	Название организации	ФИО респондента	Код в исследовании
27	Санкт-Петербург		Соловьева Наталья Сергеевна	Р.27
28	Иркутск		Творогова Елена Александровна	Р.28
	Муниципальные служащие и должностные лица органов муниципальной власти			
20	Ангарск		Цыпенко Ирина Евгеньевна	Ч.1
30	Астрахань		Батрашев Данияр Кубышевич	Ч.2
31	Астрахань		Чуреев Николай Николаевич	Ч.3
32	Барнаул		Еремеев Юрий Николаевич	Ч.4
33	Кирово-Чепецк		Голованов Николай Вадимович	Ч.5
34	Обнинск		Попова Татьяна Сергеевна	Ч.6
35	Обнинск		Жарский Владимир Алексеевич	Ч.7
36	Оханск, Пермский край		Трушникова Людмила Борисовна	Ч.8
37	Пенза		Сейнов Александр Сергеевич	Ч.9

Окончание приложения

п/п	Город, регион	Название организации	ФИО респондента	Код в исследовании
38	Первоуральск		Попов Владимир Петрович	Ч.10
39	Рубцовск		Папушев Игорь Андреевич	Ч.11
40	Самара		Кленова Елена Борисовна	Ч.12
41	Тольятти		Макарова Татьяна Викторовна	Ч.13
42	Тюмень		Новоселов Андрей Алексеевич	Ч.14
43	Улан-Удэ		Гылыкова Эржена Владимировна	Ч.15
44	Чайковский		Шитова Валентина Леонидовна	Ч.16
45	Чайковский		Калабина Наталья Васильевна	Ч.17
46	Ульяновск		Миронов Сергей Владимирович	Ч.18
47	Шелехов		Казакова Лариса Владимировна	Ч.19

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные авторами исследования благотворительной деятельности и филантропического поведения россиян в сегодняшней обновляющейся России свидетельствуют о том, что их развитие определяется двумя группами факторов. Первая группа влияет на вовлеченность людей в практики благотворительной деятельности, на восприятие филантропического поведения в качестве нормы повседневной деятельности россиян. Вторая группа представляет собой совокупность условий институционального характера и включает такие факторы, как степень развитости и особенности инфраструктуры филантропической деятельности, в том числе механизмов, технологий мобилизации филантропических ресурсов и их доведения до нуждающихся в филантропической поддержке. К этой же группе относятся рамочные условия, которые задаются политикой государства, действиями властей и от которых зависит правовое обеспечение работы всех субъектов филантропической деятельности.

Социологические опросы показали, что в России «болевыми» точками, осложняющими общественную атмосферу ведения филантропической деятельности, являются недоверие к посредникам благотворительной деятельности, неразвитость донорских сообществ, неразвитость формального добровольчества по сравнению с неформальным и т.д.

Свою роль в этом сыграла история страны — приостановка частной и в значительной мере общественной благотворительной деятельности на протяжении советского периода. Образовался разрыв традиции, утрата «исторической памяти». В обществе забылось бытовавшее до 1917 г. уважение к деятельности филантропов, ослабли навыки инициативной работы на благо нуждающихся, не способных самостоятельно справиться с трудными жизненными обстоятельствами. Сформировалась привычка перекладывать всю ответственность за социальную поддержку и ресурсное обеспечение «непроизводственной» сферы на государство.

Между тем в досоветской России был сформирован солидный опыт оказания помощи неимущим, сочетавший усилия частных лиц и общественных образований (добровольных организаций, церкви, общин, органов местного самоуправления), государственных структур на ниве благотворительности. В дореволюционный период активно заявляла о себе купеческая и предпринимательская благотворительность, сформирова-

лась целая плеяда филантропов (К.Т. Солдатенков, С.И. Мамонтов, П.М. и С.М. Третьяковы и др.). Благотворительная деятельность получила нормативные основания для своего развития и стала значимым общественным явлением, поощряемым и развиваемым Российским государством.

Представляется, что основную роль в деле улучшения общественной атмосферы филантропической деятельности в сложившихся сегодня в России условиях придется нести субъектам негосударственных секторов. Со стороны авторов настоящей работы было бы неуместным пытаться дать детальные «наставления» корпоративным благотворителям и людям, вовлеченным в повседневный труд на благо нуждающихся в благотворительной поддержке. Позволим себе лишь выделить некоторые общие направления усилий для повышения общественного доверия к филантропической деятельности, представляющиеся нам перспективными в свете выполненного социологического анализа общественных настроений в России и с учетом изученного зарубежного опыта. Некоторые из сформулированных ниже рекомендаций касаются и иных субъектов российского гражданского общества, которые способны внести свой вклад в улучшение общественного климата филантропической деятельности в России.

Целенаправленные усилия по информационному освещению своей деятельности помогут благотворительным организациям укрепить контакт с обществом, повысить общественный статус, облегчат поиск благотворительных ресурсов, будут способствовать росту эффективности филантропической деятельности. Информированность о деятельности благотворительных организаций у российских граждан низка. По данным всероссийского опроса населения (ГУ ВШЭ и ФОМ, 2009. N = 41 500), знают или что-то слышали в своем городе (селе, поселке) о деятельности благотворительных фондов лишь 16% россиян, о благотворительных инициативах, акциях по сбору денег, вещий и проч. — 23% россиян. Недостаточная информированность является одной из наиболее весомых причин недоверия граждан к филантропическим организациям, в том числе и к донорским.

Самое пристальное внимание следует уделить вопросам прозрачности благотворительных организаций, их подотчетности обществу. Принятые недавно изменения в федеральном законодательстве содержат некоторые ориентиры для усовершенствования уставов, принципов работы руководящих органов благотворительных и иных некоммерческих организаций, ведущих благотворительную и иную общественно полезную деятель-

ность. Воплощение ориентиров, предложенных в упомянутых правовых документах, способно повысить транспарентность благотворительных организаций для общества. Вместе с тем думается, что каждая филантропическая организация способна пойти немного дальше требований закона, найти самостоятельно такие решения по устройству своих внутренних правил и процедур, которые сделают ее работу понятней, ближе людям, заинтересованным в том, чтобы пожертвовать свои ресурсы на благотворительные цели или стать добровольцами.

Филантропические организации могли бы активнее использовать социальную рекламу как инструмент информирования и просвещения общества о целях и характере своей деятельности. Социальная реклама является также мощным инструментом мобилизации пожертвований на конкретные программы помощи.

Изменению общественной атмосферы, в которой осуществляется филантропическая деятельность, должны содействовать и другие субъекты гражданского общества. Невозможно не обратить внимание на то, что российские СМИ не уделяют филантропической деятельности должного внимания. Исполнение гражданских функций СМИ предполагает поиск информации и освещение столь значимой социальной практики, как филантропия. Прежде всего изменению общественной атмосферы послужило бы расширенное предоставление информации о деятельности благотворительных организаций в местной и региональной прессе, т.е. там, где читатель, зритель, слушатель мог бы сам направиться по следам корреспондента, увидеть, как ведется повседневная благотворительная работа, оценить ее значение для своего местного сообщества, принять в ней участие.

Существенную роль по улучшению общественного климата филантропической деятельности в России могут и должны сыграть образовательные учреждения и организации. Гражданское образование как система воспитания и обучения личности, предусматривающая формирование нравственной гражданской позиции, гражданской компетентности, — это важнейший инструмент содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества. Благотворительная и добровольческая компетентности являются ключевыми в гражданской компетентности в целом. Процесс становления компетентности как «доказанной готовности к деятельности» может осуществляться только в совместной деятельности тех, кто учит, и тех, кто учится, и реализуется гражданская

компетентность только в конкретной деятельности. Обретение опыта участия в практиках благотворительности и добровольчества в контексте непрерывного образования обеспечит информированность граждан о содержании филантропической деятельности и будет содействовать формированию позитивной жизненной позиции по отношению к этой деятельности. В российской сфере образования требуется разработка современных учебных программ по широкому спектру обществоведческих дисциплин с акцентированием внимания на вопросах добровольчества и благотворительности.

Россия по ряду показателей развития филантропической деятельности, например по уровню участия населения в денежной благотворительности, уровню участия в неформальном добровольчестве, уже сегодня относится к странам, имеющим средний или выше среднего уровень развития филантропии. Вместе с тем положение России в международных сопоставлениях по показателю доли филантропических ресурсов в ВВП свидетельствует о том, что филантропический потенциал нашей страны задействован пока далеко не в полной мере.

Правовые рамки функционирования современного российского некоммерческого сектора были заложены законодательной ветвью власти в период реформ 1990-х годов в ходе общей реконструкции государственного устройства страны после распада советской системы. С учетом целевой установки реформ в целом на создание правового демократического государства эти рамки создали условия для развития структур гражданского общества, достаточно схожие с условиями в развитых странах Запада.

Результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод, что реализация общественного потенциала филантропии в России сдерживается, среди прочего, слабостью институциональной инфраструктуры благотворительной деятельности.

Прежде всего в России наблюдается относительно низкий уровень институционализации благотворительной деятельности. В то же время международные сопоставления убедительно демонстрируют, что институционализация необходима для более полного раскрытия потенциала благотворительной деятельности общества, для развития благотворительности как массовой социальной практики. За рубежом крупные филантропические фонды, профессионально ведущие работу по сбору частных пожертвований, способствуют развитию массовой благотворительности, хотя исторически в основе деятельности таких организаций традиционно

лежат эндаументы — целевые капиталы, пожертвованные одним или несколькими крупными филантропами.

На решение задач по развитию массовой благотворительности нацелено использование в филантропической деятельности современных информационно-коммуникационных технологий, развитие филантропических интернет-ресурсов. Сегодня в Интернете существуют различные социальные сети или сообщества («отдам даром», фонды сбора денег и т.п.), целью которых является взаимопомощь. Но, судя по результатам всероссийского опроса населения (ГУ ВШЭ и ФОМ, 2009. N = 2000), сегодня о них знает около шестой части опрошенных (16%). Однако только 1% россиян участвовали в этих сообществах, отдавали через Интернет ненужные вещи, устраивали акции по сбору денег или вещей нуждающимся, пересылали деньги нуждающимся.

Развитию массовой благотворительности способствуют институциональные инновации, ориентирующие потенциальных доноров на нужды местных сообществ, в том числе фонды местных сообществ, «кружки дающих».

Еще одной важной чертой современной институциональной инфраструктуры филантропической деятельности, которую необходимо учитывать в России, является нарастающая функциональная специализация благотворительных организаций, рост числа организаций, выполняющих посреднические, «сервисные» функции в пространстве между донорскими благотворительными организациями и конечными реципиентами филантропических ресурсов. Информационная работа, анализ потребностей в благотворительной поддержке, содействие поиску подходящего донора, проведение профессиональной оценки соискателей благотворительной поддержки и др. повышают эффективность использования филантропических ресурсов.

Распространение сетевых отношений, развитие множества горизонтальных связей в сфере филантропической деятельности также следует отнести к тем ключевым характеристикам современной институциональной инфраструктуры филантропии, которые предстоит поддерживать и развивать в российских условиях.

Применительно к российским условиям сегодняшнего дня следует особо выделить один частный случай функциональной специализации и строительства сетевых отношений благотворительных организаций, а именно формирование системы выявления и распространения лучшей

практики по вопросам благотворительности и добровольчества. Как компонент инфраструктуры филантропической деятельности эта система обеспечивает при сравнительно небольших затратах серьезный мультипликативный эффект в использовании наличных филантропических ресурсов и многократно усиливает потенциал филантропической деятельности. В России данные задачи ставит перед собой Форум доноров.

К инфраструктурным условиям осуществления филантропической деятельности, заслуживающим первоочередного внимания в России, относится и развитие коммерческих финансовых организаций, специализирующихся на оказании услуг по управлению целевыми капиталами благотворительных некоммерческих организаций. Благотворительный характер деятельности организаций — владельцев целевых капиталов обусловливает особые требования по ограничению финансовых рисков при управлении филантропическими капитальными ресурсами, вместе с тем объединение небольших целевых капиталов в крупные инвестиционные фонды и профессиональный финансовый менеджмент таких средств специализированными управляющими компаниями рассматриваются за рубежом как важный инструмент укрепления ресурсной базы филантропической деятельности.

В России назрела необходимость подготовки кадров для благотворительных организаций, модернизации образовательных стандартов и учебных программ учреждений профессионального образования, развития системы специализированного непрерывного образования. Эти новаторские задачи требуют в свою очередь предварительных исследований для создания образовательных стандартов, учебников и учебных пособий по различным предметам и дисциплинам, адекватных современному пониманию благотворительной деятельности и добровольчества. Повышение профессиональной подготовки сотрудников филантропических организаций будет не только способствовать росту эффективности этих организаций, но и позволит успешнее реализовывать внутриорганизационные меры, нацеленные на повышение общественного доверия к филантропической деятельности.

Очень важна также и задача развития саморегулирования в сфере благотворительности и добровольчества в России. Необходим переход от существующей системы контроля за деятельностью благотворительных организаций, осуществляемого почти исключительно государственными органами, к системе государственно-общественного контроля, в которой

наряду с государственными органами принимают участие ассоциации и объединения благотворительных организаций. Формирование и развитие системы саморегулирования, смешанного государственно-общественного контроля позволит обеспечить надежную многоаспектную информацию о деятельности благотворительных организаций, необходимую как донорам и потенциальным бенефициарам, так и государству, желающему удостовериться в обоснованности предоставления возможных льгот на осуществление благотворительной деятельности.

Действия властей не являются определяющим фактором развития филантропической деятельности. Проведенные исследования показали, например, что филантропическая активность населения — главный первоисточник филантропических ресурсов — нигде в мире не зависит решающим образом от наличия или отсутствия налоговых льгот на индивидуальные пожертвования. Международные сопоставления также подтверждают, что в целом правовое регулирование филантропической деятельности в России не слишком отличается от правовых режимов, действующих в зарубежных странах с высоким уровнем развития филантропии. Вместе с тем государственная политика вполне способна улучшить рамочные условия филантропической деятельности и содействовать раскрытию потенциала филантропии в России. Имеется возможность сформулировать некоторые предложения, основываясь на результатах эмпирических исследований.

Прежде всего отметим, что целый ряд актуальных мер государственной поддержки филантропии представлен в утвержденной в 2009 г. Правительством Российской Федерации «Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации». На этапе подготовки Концепции было обеспечено довольно широкое участие представителей некоммерческого сектора, экспертного сообщества и общественности в обсуждении и корректировке ее основных положений. В результате был достигнут разумный консенсус властных органов и ключевых заинтересованных структур гражданского общества по большинству содержательных вопросов.

В связи с этим представляется, что сегодня в ряду наиболее важных задач стоит обеспечение реализации Концепции в полном объеме. Осуществление мер по налоговому стимулированию и иных форм материальной поддержки филантропии со стороны государства, заложенных в Концепции, зависит, конечно, прежде всего от ответственного их исполнения го-

сударственными органами. Отметим лишь, что гражданское общество России, российские филантропические организации, а также политическое руководство страны заинтересованы сегодня в том, чтобы предупредить возможность «усечения» объемов предусмотренной Концепцией поддержки со стороны государственных органов, как на федеральном уровне, так и на местах, под предлогом нехватки средств в условиях кризиса.

Здесь мы остановимся подробнее на тех рамочных условиях, которые формируются взаимодействием государства и частных субъектов филантропической деятельности. Некоторые меры, обеспечивающие движение обеих сторон к партнерству, в том или ином виде нашли отражение в упомянутой Концепции, однако заслуживают того, чтобы обратить на них еще раз внимание не только государственных исполнителей, но и сообщества российских благотворительных организаций.

Отношения партнерства предполагают, чтобы неотъемлемой составной частью государственной политики стало формирование стратегических ориентиров для негосударственных субъектов благотворительной деятельности.

Меры по формированию стратегических ориентиров включают четкую, доступную формулировку целей государственной политики в данной сфере; информирование целевых групп о текущих государственных приоритетах; публикацию государственными органами информации о тех социальных проблемах, в решении которых желательно участие НКО и добровольцев, в том числе через социальную рекламу, размещаемую государственными органами, СМИ, официальные интернет-сайты профильных министерств и ведомств.

Подобное информационное обеспечение государственных интересов в сфере благотворительности и добровольчества необходимо для укрепления доверия между государством и негосударственными субъектами благотворительной деятельности, для изменения в лучшую сторону текущей правоприменительной практики по отношению к благотворительным организациям и добровольцам (для преодоления стремления со стороны государственных органов ограничивать или запрещать их деятельность), без которого трудно рассчитывать на серьезное увеличение масштабов благотворительной и добровольческой деятельности.

Формирование стратегических ориентиров также является условием эффективного использования инструментов прямой государственной поддержки благотворительной деятельности (финансирование и софи-

нансирование на конкурсной основе) на тех направлениях, которые в государственных интересах следовало бы развивать.

Составной частью государственной политики в сфере филантропии должно стать вовлечение благотворительных и добровольческих организаций, а также иных организаций, участвующих в финансировании благотворительной деятельности, в разработку и реализацию социальных программ, программ в сфере образования, здравоохранения, науки, культуры, социальной поддержки населения на федеральном, и в особенности на региональном и местном уровнях. На практике это реализуется через такие формы участия общественности в деятельности органов власти, как создание при профильных органах государственного и муниципального управления экспертных советов, рабочих групп, проведение общественных и парламентских слушаний и др.

Желательно, чтобы взаимодействие государства и филантропических организаций распространилось и на предоставление информационной и консультационной поддержки благотворительным организациям, организациям содействия добровольчеству, а также бизнесу, вовлеченному в благотворительность и (или) реализующему программы корпоративной социальной ответственности, со стороны специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Функциональное назначение данного механизма содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества — снижение административных барьеров и трансакционных издержек негосударственных субъектов благотворительной деятельности. Доступ к информации о местных социальных проблемах, о категориях нуждающихся в благотворительной поддержке (вплоть до списков учреждений социальной сферы и лиц, заслуживающих, по мнению профильных органов государственного и муниципального управления, поддержки в приоритетном порядке), об уже ведущейся в регионе (муниципалитете) благотворительной деятельности, о возможных партнерах, о возможностях государственной поддержки и другой подобной информации должен быть максимально облегчен для новых и действующих субъектов благотворительной деятельности. Информационной поддержке филантропических организаций будет способствовать развитие интернет-ресурсов профильных органов государственного и муниципального управления, подготовка и выпуск под эгидой глав субъектов федерации и муниципалитетов материалов по аналогии с маркетингом территорий, определение

конкретных сотрудников администраций, ответственных за взаимодействие с негосударственными субъектами благотворительной деятельности и принятие соответствующих должностных инструкций или регламентов их работы и др.

Государственную поддержку филантропии следует распространить и на обеспечение широкого информационного освещения благотворительной деятельности и добровольчества. Государство может способствовать публикации в государственных и негосударственных СМИ материалов о благотворительной деятельности, благотворительных организациях и добровольцах.

Государство могло бы поддержать и процессы развития филантропической деятельности, разворачивающиеся внутри самого сообщества российских благотворительных организаций. В числе таких действий следует упомянуть содействие развитию саморегулирования в сфере благотворительности и добровольчества, включая законодательное обеспечение саморегулирования; поддержку, с учетом слабости ресурсной базы благотворительных организаций в России, формирования системы выявления и распространения лучшей практики и развития инфраструктуры массовой благотворительности и добровольчества. На региональном и муниципальном уровне могли бы получить поддержку центры добровольчества: предоставление в аренду помещений по государственным (муниципальным) расценкам, бюджетное софинансирование; поддержка деятельности организаций, обеспечивающих массовый сбор пожертвований и распространение их опыта. Государственную поддержку через софинансирование целесообразно оказать и фондам местных сообществ, поскольку эти фонды осуществляют профессиональный комплексный и системный подход к развитию благотворительности на местном уровне, способствуют привлечению социальных инвестиций бизнеса, а также частных пожертвований граждан для решения социальных проблем местных сообществ. ТОС обладает рядом возможностей и преимуществ в деле широкого вовлечения граждан в практики благотворительности и добровольчества.

Улучшению рамочных условий филантропической деятельности, установлению партнерских отношений между государством и негосударственными субъектами этой деятельности могло бы способствовать и устранение фактической дискриминации НКО в рамках действующих в России механизмов государственного финансирования социальных услуг,

адаптация условий грантовых и контрактных механизмов в этой сфере к специфике деятельности НКО.

При предоставлении государственных грантов НКО эти организации должны получить право учитывать в составе финансируемых по гранту расходов административные и прочие накладные расходы, обеспечивающие нормальное институциональное развитие НКО.

При заключении государственных контрактов установленный порядок расчета стоимости услуг также должен предусматривать для НКО полный спектр расходов, который допустим и для коммерческой организации (расходы на организацию дела, на расширение производства, проведение исследований, накладные расходы и проч.).

Процедуры организации и проведения конкурсов на заключение государственных контрактов следует усовершенствовать в интересах расширенного участия в них средних и небольших НКО. В частности, для таких НКО, работающих на низовом уровне с населением, условия, касающиеся уплаты обеспечения их участия в конкурсах, авансирования собственных средств на ведение деятельности, предусмотренной контрактом, являются обременительными или даже невыполнимыми.

Следует принять меры по дальнейшему усовершенствованию информирования заинтересованных организаций об имеющихся возможностях получения государственных контрактов и грантов, включая разработку единого специализированного сайта, в удобной для пользователя форме представляющего все объявленные конкурсы как на контракты, так и на гранты. Такой ресурс можно было бы на первом этапе разработать на федеральном уровне.

В целом реализовать потенциал филантропической деятельности позволят комплексные усилия по формированию общественной атмосферы филантропической деятельности в нашей стране, необходимого и достаточного уровня доверия к донорам и благотворительным организациям, по развитию инфраструктуры, механизмов и технологий мобилизации филантропических ресурсов и их доведения до нуждающихся в филантропической поддержке, по созданию благоприятных для благотворительности внешних условий, которые задаются политикой государства в сфере благотворительной деятельности и реализации общественных инициатив.

Сведения об авторах

Беневоленский Владимир Борисович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ, Президент Московского общественного научного фонда. Автор ряда публикаций по вопросам экономики США. Сфера научных интересов включает проблемы развития некоммерческого сектора в зарубежных странах.

Мерсиянова Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ, доцент кафедры теории и практики государственного управления факультета государственного и муниципального управления ГУ ВШЭ. Автор более 100 научных работ по вопросам развития гражданского общества, некоммерческого сектора, местного самоуправления и участия в нем населения.

Сидорина Татьяна Юрьевна — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой истории философии факультета философии ГУ ВШЭ, профессор кафедры социально-экономических систем и социальной политики факультета экономики ГУ ВШЭ. В 2009 г. — ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ. Автор более 300 публикаций по вопросам философии культуры, социальной философии, истории и теории социальной политики.

Солодова Ирина Игоревна — магистр социологии, младший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ. Автор ряда публикаций по вопросам институциональной благотворительности. Сфера научных интересов — теория и методология социологии, социология институтов, практики гражданского общества, самоорганизация граждан.

Туманова Анастасия Сергеевна — доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения факультета права ГУ ВШЭ. Автор более 100 публикаций по вопросам истории и теории гражданского общества, прав и свобод личности, истории российского конституционализма.

Якобсон Лев Ильич — доктор экономических наук, профессор, первый проректор ГУ ВШЭ, научный руководитель Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ, заведующий кафедрой государственного управления и экономики общественного сектора факультета экономики ГУ ВШЭ, главный редактор журнала «Вопросы государственного и муниципального управления». Автор более 300 публикаций по проблемам экономики государственного сектора и негосударственных некоммерческих организаций, а также экономической и социальной политики.

Указатель имен

Августин Аврелий 39
Адриан 39
Адрианова А.А. 99
Азарова Е. 225
Алекперов В. 193, 309
Александр I 66, 87, 88
Александр II 68, 72, 76, 92
Александр III 68
Александра Федоровна 74, 76
Александра Федоровна 68
Александрова А.Л. 286
Алексеева О. 190
Амвросий св. 40
Андреевский И.Е. 56, 64
Андреони Дж. 204
Анхайер Г. 119, 120, 230
Аристотель 36, 37
Аронов А.А. 31

Баделт К. 230
Бади Л.В. 28
Банкс Дж. 206
Батаева Б.С. 286
Бахрушин А.А. 78
Бахрушин В.А. 78
Беляева И.Ю. 286
Бензин В.М. 29
Бердова О.В. 29
Берресфорд С. 147, 149
Бецкий И.И. 62
Благой Е.Ю. 286
Боргман А. 16, 46
Боултон Г.Э. 204
Боханов А.Н. 31
Боцяновский В. 89
Бош Р. 141, 142
Брадли Р. 219
Брамсон Л.М. 108
Браудо А.И. 108
Бредли Дж. 26
Брокгауз Ф. 25
Бурышкин П.А. 31
Бут Ч. 50, 52
Бычков Д.Г. 286

Ван ден Брук А. 234
Вандышев М.Н. 32
Василий Великий 40
Векслер А.Ф. 32
Вестерланд Л. 204
Виллерме Л. 50
Винавер М.М. 108
Вирхов Р. 50
Владимир I 54
Владимир II Мономах 54
Вощенкова Н.С. 29

Гавлин М.Л. 31
Гаскин К. 234
Гейтс Б. 137
Гейтс М. 137
Георгиевский П.И. 24
Герри А. 50
Герье В.И. 25
Гетти Дж.П. 137
Гинцбург А.Г. 108
Гоголь Н.В. 64
Гордиенко А.А. 264

Горяинова Е.Р. 208, 246
Госсман П. 203
Грантем Дж. 181
Григорий Великий св. 40
Грот К.К. 25
Гэллагер Б. 148

Д' Оссонвиль Г. 24
Деккер П. 234
Дерипаска О. 193
Дерюжинский В.Ф. 64, 81
Джонс А. 213
Джонс Р.В. 137
Джунковский В.Ф. 100
Доминик св. 42
Дорошева Н. 32
Дьячков С.Л. 29

Евгения
Ольденбургская 97
Екатерина II 62, 63, 65, 67
Елена
Саксен-Альтенбургская 97
Ефрон Е. 25

Зегимель И.В. 24
Зимин Д. 193

Иванов А.Е. 106
Иден Ф. 50
Иероним св. 40
Инкер Б. 181
Иоанн Златоуст 40
Иосиф иг. 56

Йен С. 206
Йордан Б. 193

Каминарская Н.Г. 319
Кандидов Б. 30
Карнеги А. 51
Кафтанов Н.Н. 24
Кейпек М. 203
Кейток Е. 204
Кей-Шаттлуортом Дж. 49
Келлог В.К. 51
Кендалл Дж. 204
Климент Александрийский 40
Ключевский В.О. 56, 57
Кононыхина О.Н. 122
Константин 40
Корзина И.М. 286
Костин А.Е. 190, 286
Кристи Г.И. 100
Куртис Дж. 30
Кусмарцева И.А. 32
Кутузов Р. 193

Ле Пле Ф. 50
Лейкинд О.Ю. 34
Лернер Л.А. 32
Лилли 137
Линденмайер А. 26
Лука ап. 39
Людовик IX 42
Людовик XIV 46
Людовик XV 46

Максимилиан
Лейхтенбергский 89
Максимов Е.Д. 25, 59, 88
Мамонтов С.И. 405
Мария Александровна 67, 68
Мария Федоровна 67, 68
Мария Федоровна 68

Масслелланд Р. 219
Матфей ап. 39
Меллон А.В. 51
Мерсиянова И.В. 122
Милютин А.Д. 94
Молла М. 41
Мотт Ч.С. 51
Мушинский К. 24
Мэдофф Б. 184

Нагайцева Н.Д. 33
Нейдгардт А.Б. 106
Нейхесл С. 317
Нерва Марк Кокцей 38
Николай I 67, 68, 88, 89, 91
Николай II 68, 74, 106

Одоевский В.Ф. 89
Освальт Ю. 30
Оспищева Л.Е. 29
Отен Г. 213
Оуэн Т. 30

Павел I 67
Павловский И.Я. 100
Папков А. 29
Паран-Дюшатле А. 50
Пашенцева В. 29
Перегудов С.П., 286
Петр I 59, 60, 61, 62
Петров Ю.А. 31
Петрова Л.Е. 32
Писаренко И.С. 29
Полищук Л.И. 286
Поснет Дж. 213
Потанин В. 193, 285, 309
Пратт Дж. 284
Прохоров М. 193

Радни Г. 213
Рейнбот З.Г. 99
Рис У. 219
Рокфеллер Дж. 51
Романов Алексей Михайлович 57
Романов П.В. 32
Ротоло Т. 242
Рункевич С. 29
Рэнсел Д.Л. 26

Саламон Л. 120
Свенсон Д. 181
Семенова Е.Ю. 33
Сенека Л.А. 37, 38
Синецкий С. 238
Слиозберг Г.Б. 108
Смит Д. 240
Смит Дж. 234
Смит Дж.А. 16, 46
Смит Т.Б. 47, 48, 51, 52
Солдатенков К.Т. 405
Сологуб В.А. 89
Спиваков В. 309
Стайнберг Р. 210
Стог А.Д. 24
Стречански Б. 17

Таннер С. 206
Татьяна Николаевна 106
Телицина И. 193
Темникова Л.А. 32
Третьяков К.В. 78
Третьяков П.М. 405

Третьяков С.М. 405
Тульчинский Г.Л. 32, 286
Туманова А.С. 28

Уваров А.С. 102
Уваров П.С. 102
Уилсон Дж. 236, 239, 242, 244
Уилхелм М. 210
Ульянова Г.Н. 27, 28, 91
Усманов А. 193

Федор Алексеевич 57, 58, 59
Феодосий Печерский 55
Филипп II Август 42
Философова А. 97
Форд Г. 51
Франциск Ассизский св. 42
Фриза Г. 30

Хасбулатова О.А. 29
Ходорковский М. 193
Холлервергер Е. 230
Хопкинс Дж. 115, 118, 119, 120, 122
Хопп Д. 141, 142
Хорькова Е.П. 31
Хоулден С. 219

Цветков Н. 193
Цицерон 38

Шабанова А. 97
Шанин Т. 272
Шереметев Н.П. 87

Щапов Я.Н. 27

Экель К. 203
Эльвин И. 30
Энгель Э. 50

Юлиан Померий еп. 40
Юстиниан 41

Яницкий М. 225
Яровой А.И. 286
Ярослав Мудрый 54

Рис. В.1. Доля респондентов, которым приходилось за последние 2–3 года делать благотворительные пожертвования, давать незнакомым нуждающимся людям деньги (включая просящих милостыню)
(% опрошенных по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

Рис. В.2. Доля частных доноров с суммой пожертвований до 100 руб. включительно (% опрошенных по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

Рис. В.3. Средний размер массовых денежных пожертвований россиян за последний год (в руб. по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

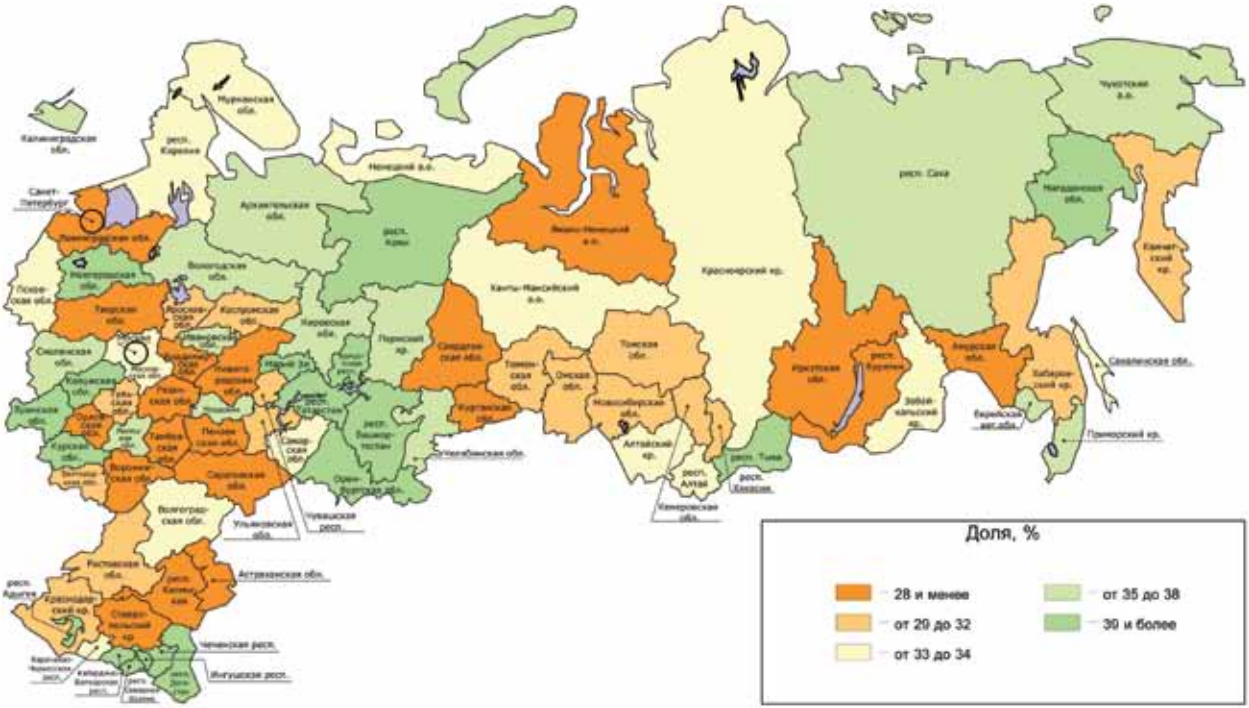


Рис. В.4. Доля респондентов, которым приходилось помимо своей основной деятельности заниматься добровольной и безвозмездной работой на благо других людей, не членов семьи и не близких родственников за последние 2–3 года
(% опрошенных по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

Рис. В.5. Доля респондентов, которым приходилось за последний год участвовать в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города (села, поселка)
(% опрошенных по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

Рис. В.6. Доля респондентов, которым приходилось за последний год участвовать в собраниях жителей дома или подъезда
(% опрошенных по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

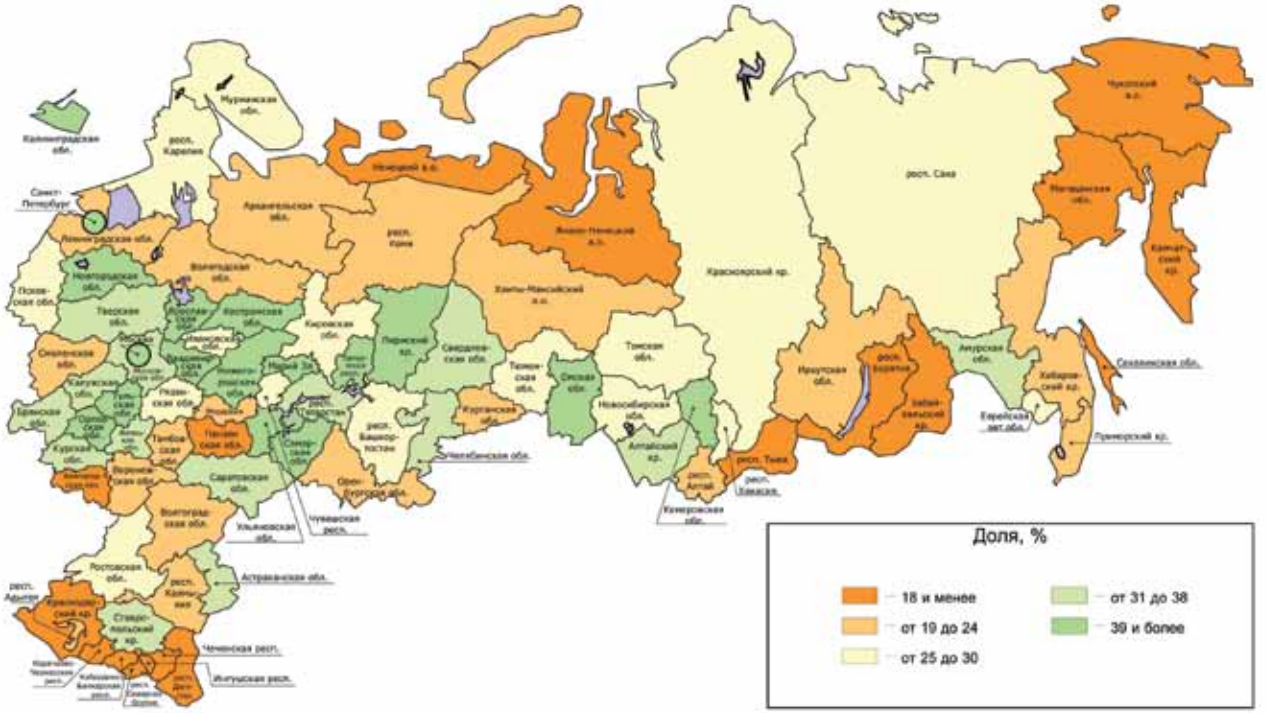


Рис. В.7. Доля респондентов, которые знают или что-то слышали о домкомах, старших по подъездам и по домам
(% опрошенных по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

Рис. В.8. Доля респондентов, которые знают или что-то слышали о ТОС, местных инициативах по благоустройству жилых территорий (% опрошенных по субъектам РФ, объем выборки в каждом субъекте РФ — 500 человек)

Научное издание

Беневоленский В.Б., Мерсиянова И.В.,
Сидорина Т.Ю., Солодова И.И.,
Туманова А.С., Якобсон Л.И.

Потенциал и пути развития филантропии в России

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *М.С. Ковалёва*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *О.А. Быстрова*
Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 27.07.2010 г. Формат 60×88 1/16
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 21,2
Тираж 1000 экз. Изд. № 1220

Государственный университет — Высшая школа экономики
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0801-5